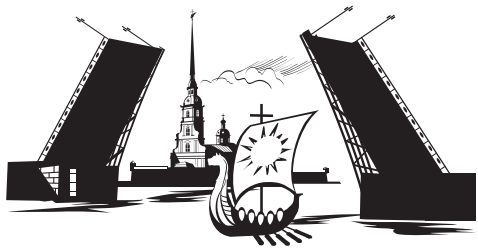
Родная Ладога

№ 1(31)' 2015

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Заместитель главного редактора,
заведующая литературным отделом
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

Руководитель
редакционно-издательского отдела
Татьяна МАКАРОВА

Референт редакции
Юлия СОКОЛОВСКАЯ

Издается ежеквартально
при участии:

Союза писателей России

Ассоциации российских дипломатов

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга

ЗАО «Утро»

Объявляется подписка на журнал «Родная Ладога»
на второе полугодие 2015 года

Подписной индекс в каталоге «РОСПЕЧАТЬ» журналы России — 70924

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-55701 от 21 октября 2013 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов); ***Агафонов Николай, протоиерей*** (Самара); ***Громов А. В.*** (Самара); ***Денисов Н. В.*** (Тюмень); ***Казин А. Л.*** (Санкт-Петербург); ***Коняев Н. М.*** (Санкт-Петербург); ***Корольков А. А.*** (Санкт-Петербург); ***Корытин С. Н.*** (Санкт-Петербург); ***Орлов Б. А.*** (Санкт-Петербург); ***Попов Г. А.*** (Орел); ***Сдобняков В. В.*** (Нижний Новгород); ***Семёнов В. Е.*** (Санкт-Петербург); ***Смолькин И. А.*** (Псков); ***Швечиков А. Н.*** (Санкт-Петербург); ***Ясенев В. А.*** (Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БОНДАРЕНКО Владимир Григорьевич (Москва) — главный редактор газеты «День литературы», секретарь СП России.

БУЛАТОВИЧ-МЕДИЧ Лиляна (Сербия) — лауреат премий «Имперская культура» и «Золотой Витязь», член СП России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГАНИЧЕВ Валерий Николаевич (Москва) — председатель СП России, доктор исторических наук, заместитель Главы ВРНС.

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — гл. редактор газеты «Российский писатель», секретарь СП России.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ЗОРИГТ Дашдорж (Монголия) — публицист, экс-министр энергетики и минеральных ресурсов Монголии.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — первый секретарь СП России.

ИВАШОВ Леонид Григорьевич (Москва) — председатель клуба министров обороны СНГ, генерал-полковник, доктор исторических наук.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика».

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — секретарь СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат премии Александра Солженицына.

ЛЕОНТЬЕВ Михаил Владимирович (Москва) — руководитель и ведущий программы «Однако», гл. редактор журнала «Однако».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — секретарь СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

НОЖКИН Михаил Иванович (Москва) — народный артист России, лауреат Государственной премии России.

РАСПУТИН Валентин Григорьевич (Иркутск) — сопредседатель СП России, лауреат премии Президента РФ в области литературы и искусства.

РЕШЕТНИКОВ Леонид Петрович (Москва) — директор Российского института стратегический исследований, генерал-лейтенант Службы внешней разведки Российской Федерации.

Княгиня ЧАВЧАВАДЗЕ Елена Николаевна (Москва) — вице-президент Российского Фонда культуры, режиссер, сценарист.

ШЕВЦОВ Никита Всеволодович (Москва) — заведующий кафедрой Международной журналистики МГИМО — Университета МИД РФ, профессор.

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАТЕГИЯ

Владимир Путин. «Россия свой выбор сделала…» 5

МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Александр Проханов. «Думая о моей Родине…» 17

Точка зрения

Михаил Леонтьев. Живительные санкции и переломные технологии 24
Алексей Швечиков. Тоталитарная секта по имени США 199

ПОЭЗИЯ

Константин Скворцов 28
Юрий Беляев 96
Владимир Сорочкин 100
Татьяна Маругова 222
Евгений Прасолов 274
Сергей Ананьин 278

ПРОЗА

Сергей Котькало. Васькины грехи. *Святочный рассказ* 34
Святослав Аленин. Благодать коснулась сердца. *Новелла* 92
Михаил Зарубин. Долгая дорога к маме. *Повесть* 258
Елена Тулушева. Другая война. *Рассказы* 303

Родная речь

Алла Новикова-Строганова. Гимн во славу Рождества. *«Рождественская песнь в прозе» Ч. Диккенса и святочный рассказ Н. С. Лескова «Зверь»* 38
Митрополит Калужский и Боровский Климент. «Вопрос духовного выбора». *Доклад на круглом столе «Русская культура и вера: от Пушкина до интернета»* 226

История и современность

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов). Облеченный величайшим полномочием. *Путь и место служения православного священника. К 75-летию со дня рождения протоиерея Алексия Коровина* 51
Михаил Смолин. Украина — это Россия 112
Лариса Беленчук. Школа и просвещение в дореволюционной Малороссии 163

Царский путь

Анатолий Степанов. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых 72

НАСЛЕДИЕ

Протоиерей Борис Николаевский. Духовные беседы 87

ВЕХИ

Евгений Сорокин. Служить москвичам 105
Владимир Орлов. «Вернуть словесность в ее нравственное и духовное лоно». *О Международном Славянском литературном форуме «Золотой Витязь»* 280

На рубеже ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Александр Вавилов. Невзгоды Ирака 128
Борис Ключников. Возрождение голлизма 177

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

Валерий Павлов. Уроки холодной войны 192

Славянское БРАТСТВО

Иржи Опршал. Вехи чешского антифашиста 216

Пути ПОЗНАНИЯ

Наталья Михайлова. А. С. Пушкин и Филарет, митрополит Московский и Коломенский 229

Великая ПРОВИНЦИЯ

Виктор Лихоносов. Хранительница баба Зина 238
Никита Шевцов. Елена Наумова. Лермонт из Чухломы 244

Критика, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Иван Лыкошин. Жажда естества. *Краткий очерк литературного творчества* 251
Геннадий Петров. «В предчувствии Апокалипсиса» 296

БЕСЕДА

Анатолий Заболоцкий. «Мои мировоззренческие наставники: Шукшин, Солоухин, Белов, Астафьев». *Беседу задумал и вел Анатолий Николаевич Грешневиков* 287

Моя СМОЛЕНКА

Валерий Егошкин. Дипломатическая служба и народные сказки. *Международный конкурс детских иллюстраций* 316

Владимир ПУТИН

«РОССИЯ СВОЙ ВЫБОР СДЕЛАЛА…»

Владимир Путин принял участие в итоговой пленарной сессии XI заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». Тема заседания — «Мировой порядок: новые правила или игра без правил?». В этом году в работе клуба участвовали 108 экспертов, историков и политологов из 25 стран мира, включая 62 иностранных участника. На пленарной сессии подведены итоги трех дней работы клуба, в ходе которых был проведен анализ факторов эрозии существующей системы институтов и норм международного права.

В. Путин: *Уважаемые коллеги! Дамы и господа! Дорогие друзья! Рад приветствовать вас на XI конференции дискуссионного клуба «Валдай».*

Здесь уже было сказано, что в этом году у клуба появились новые соорганизаторы. Среди них и российские неправительственные, экспертные структуры, ведущие университеты. Кроме того, была высказана идея добавить к обсуждению собственно российской проблематики и вопросы глобальной политики и экономики.

Рассчитываю, что эти организационные и содержательные изменения будут укреплять позиции клуба как одной из авторитетных дискуссионных и экспертных площадок. При этом рассчитываю, что так называемый дух Валдая удастся сохранить, а это свобода, открытость, возможность высказывать самые разные и при этом всегда откровенные мнения.

В этой связи хочу сказать, что я вас тоже не разочарую, будут говорить прямо, откровенно. Некоторые вещи, может быть, покажутся избыточно жесткими. Но если не говорить прямо и не говорить честно о том, что мы реально и по-настоящему думаем, то тогда в таком формате нет смысла собираться. Тогда нужно собираться на какие-то дипломатические рауты, где никто ничего толком не говорит, — и, вспоминая слова известного дипломата, можно только указать на то, что язык дан дипломатам для того, чтобы не говорить правду.

Здесь мы собираемся для других целей. Мы собираемся, чтобы поговорить откровенно. Прямота и жесткость оценок нужны сегодня вовсе не для того, чтобы заниматься взаимной пикировкой, а чтобы попытаться разобраться, что же на самом деле происходит в мире, по-

чему он становится все менее безопасным и менее предсказуемым, почему повсеместно возрастают риски.

«В мире накопилось множество противоречий. К сожалению, уверенности, что существующая система глобальной и региональной безопасности способна уберечь нас от потрясений, нет. Непростое время переживают международные и региональные институты политического, экономического, культурного взаимодействия».

Тема сегодняшней встречи, дискуссий, которые здесь проходили, уже названа: «Новые правила игры или игра без правил?». На мой взгляд, эта тема, эта формулировка очень точно описывает ту историческую развилку, на которой мы находимся, выбор, который придется делать всем нам.

Тезис о том, что современный мир стремительно меняется, конечно, не нов. И я знаю, что вы об этом в ходе дискуссии говорили. Действительно, трудно не заметить коренных трансформаций в глобальной политике, экономике, общественной жизни, в сфере промышленных, информационных, социальных технологий.

Сразу прошу меня простить, если я буду повторяться вслед за некоторыми участниками дискуссии. Этого невозможно избежать, вы все-таки говорили подробно, но я буду излагать свою точку зрения, в чем-то она будет совпадать с участниками дискуссии, в чем-то будет расходиться.

Не будем забывать, анализируя сегодняшнее состояние, уроки истории. Во-первых, смена мирового порядка (а явления именно такого масштаба мы наблюдаем сегодня), как правило, сопровождалась если не глобальной войной, не глобальными столкновениями, то цепочкой интенсивных конфликтов локального характера. И, во-вторых, мировая политика — это, прежде всего, экономическое лидерство, вопросы войны и мира, гуманитарной сферы, включая права человека.

В мире накопилось множество противоречий. И нужно откровенно друг друга спросить, есть ли у нас надежная страховочная сетка. К сожалению, гарантий, уверенности, что существующая система глобальной и региональной безопасности способна уберечь нас от потрясений, нет. Эта система серьезно ослаблена, раздроблена и деформирована. Непростое время переживают международные и региональные институты политического, экономического, культурного взаимодействия.

Да, многие механизмы обеспечения миропорядка сложились достаточно давно, в том числе по итогам Второй мировой войны — и прежде всего по итогам Второй мировой войны. Прочность этой системы основывалась не только на балансе сил, между прочим, хочу это тоже подчеркнуть, и не только на праве победителей, но и на том, что «отцы-основатели» этой системы безопасности относились с уважением друг к другу, не пытались «отжать все», а пытались договариваться.

Главное, что эта система развивалась и при всех изъянах помогала если не решать, то хотя бы удерживать в рамках существующие мировые проблемы, регулировать остроту естественной конкуренции государств.

Убежден, этот механизм сдержек и противовесов, который в предыдущие десятилетия трудно складывался, порой мучительно выстраивался, нельзя было ломать, во всяком случае, нельзя было ничего ломать, не соз-

давая ничего взамен, иначе действительно не осталось бы других инструментов, кроме грубой силы. Нужно было провести разумную реконструкцию, адаптировать к новым реалиям систему международных отношений.

Однако Соединенные Штаты, объявившие себя победителями в «холодной войне», самоуверенно, считаю, подумали, что в этом просто нет нужды. И вместо установления нового баланса сил, который является необходимым условием порядка и стабильности, напротив, были предприняты шаги, которые привели к резкому усугублению дисбаланса.

«Холодная война» закончилась. Но она не завершилась заключением «мира», понятными и прозрачными договоренностями о соблюдении имеющихся или о создании новых правил и стандартов. Создалось впечатление, что так называемые победители в «холодной войне» решили дожать ситуацию, перекроить весь мир исключительно под себя, под свои интересы. И если сложившаяся система международных отношений, международного права, система сдержек и противовесов мешала достижению этой цели, то ее тут же объявляли никчемной, устаревшей и подлежащей немедленному сносу.

Так ведут себя, извините, нувориши, на которых вдруг свалилось огромное богатство, в данном случае в виде мирового господства, мирового лидерства. И вместо того, чтобы им, этим богатством, грамотно, аккуратно распорядиться, в том числе и в свою, разумеется, пользу, считаю, что наломали много дров.

«Холодная война» закончилась. Но она не завершилась заключением «мира», понятными и прозрачными договоренностями о соблюдении имеющихся или о создании новых правил и стандартов. Создалось впечатление, что так называемые победители решили дожать ситуацию, перекроить весь мир исключительно под себя, под свои интересы».

Начался период разночтений и умолчаний в мировой политике. Под давлением правового нигилизма шаг за шагом сдавало свои позиции международное право. Объективность и справедливость приносились в жертву политической целесообразности. Юридические нормы подменялись произвольным толкованием и пристрастными оценками. При этом тотальный контроль над глобальными средствами массовой информации позволял при желании белое выдавать за черное, а черное за белое.

В условиях доминирования одной страны и ее союзников, или, по-другому сказать, сателлитов, поиск глобальных решений зачастую превращался в стремление навязать в качестве универсальных собственные рецепты. Амбиции этой группы возросли настолько, что вырабатываемые в ее кулуарах подходы стали преподноситься как мнение всего мирового сообщества. Но это не так.

Само понятие «национальный суверенитет» для большинства государств стало относительной величиной. По сути, была предложена формула: чем сильнее лояльность единственному центру влияния в мире, тем выше легитимность того или иного правящего режима.

У нас потом с вами пройдет свободная дискуссия, я с удовольствием на вопросы поотвечаю и позволю себе воспользоваться правом и вам поза-

давать вопросы. Но в ходе этой дискуссии попробуйте кто-нибудь опровергнуть тезис, который только что был мною сформулирован.

Меры воздействия на непокорных хорошо известны и многократно опробованы: силовые акции, экономическое и пропагандистское давление, вмешательство во внутренние дела, апелляции к некой «надправовой» легитимности, когда надо оправдать неправовое урегулирование тех или иных конфликтов, устранение неугодных режимов. В последнее время появились свидетельства, что в отношении ряда лидеров используется и откровенный шантаж. Недаром так называемый «большой брат» тратит миллиарды долларов на слежку по всему миру, в том числе и за своими ближайшими союзниками.

Давайте зададимся вопросом, насколько всем нам комфортно, безопасно, приятно жить в таком мире, насколько он справедлив и рационален? Может быть, у нас нет веских оснований волноваться, спорить, задавать неудобные вопросы? Может быть, исключительность Соединенных Штатов, то, как они реализуют свое лидерство, это действительно благо для всех, а их повсеместное вмешательство во все дела в мире несет покой, благополучие, прогресс, процветание, демократию — и нужно просто расслабиться и получить удовольствие?

Позволю себе сказать, что это не так. Это абсолютно не так.

Односторонний диктат и навязывание своих собственных шаблонов приносят прямо противоположный результат: вместо урегулирования конфликтов — эскалация; вместо суверенных, устойчивых государств — растущее пространство хаоса; вместо демократии — поддержка весьма сомнительной публики: от откровенных неонацистов до исламистских радикалов.

А почему их поддерживают? Потому что используют на каком-то этапе как инструмент для достижения своих целей, потом обжигаются — и назад. Я не устаю удивляться тому, как наши партнеры раз за разом, как у нас в России говорят, наступают на одни и те же грабли, то есть совершают одни и те же ошибки.

В свое время они спонсировали исламские экстремистские движения для борьбы с Советским Союзом, которые прошли закалку в Афганистане. Из них выросли и «Талибан», и «Аль-Каида». Запад если не поддерживал, то закрывал глаза, а я бы сказал — и поддерживал на самом деле информационно, политически, финансово вторжение международных террористов в Россию, мы этого не забыли, и в страны Центрально-Азиатского региона. Лишь после того, как страшные теракты были совершены на территории самих Соединенных Штатов, пришло понимание общей угрозы терроризма. Напомню, мы тогда первыми поддержали народ Соединенных Штатов Америки, отреагировали, как друзья и партнеры, на эту страшную трагедию 11 сентября.

В ходе бесед с лидерами США, Европы постоянно говорю о необходимости совместной борьбы с терроризмом, как вызовом мирового масштаба. И с этим вызовом невозможно мириться, и невозможно его купировать, используя двойные стандарты. С нами соглашались, но прошло немного времени, и все опять вернулось на круги своя. Последовало вмешательство и в Ираке, и в Ливии; эта страна, кстати, была поставлена на грань развала. Собственно, почему была поставлена? Она сейчас поставлена на грань развала, стала полигоном для террористов. Лишь воля и мудрость нынешнего руководства Египта позволили избежать хаоса и разгула экстремистов в этой ключевой арабской стране. В Сирии, как в былые времена, Соеди-

ненные Штаты и их союзники впрямую начали финансировать и снабжать оружием боевиков, потворствовать пополнению их рядов наемниками из разных стран. Позвольте спросить, откуда у боевиков деньги, оружие, военные специалисты? Откуда это все берется? Как получилось, что этот ИГИЛ так называемый, пресловутый, превратился в мощную, фактически армейскую группировку?

Что касается финансовой подпитки, то сегодня это не только доходы от наркотиков, производство которых, кстати говоря, за период пребывания международных сил в Афганистане увеличилось не на какие-то проценты, а в разы, и вы все об этом знаете, но подпитка финансовая идет и от продажи нефти, ее добыча развернута на территориях, подконтрольных террористам. Они ее продают по бросовым ценам, добывают, транспортируют. Ведь кто-то ее покупает, эту нефть, перепродает, зарабатывает на этом, не задумываясь, что тем самым финансирует террористов, которые рано или поздно могут прийти и на их территорию, придут сеять смерть в их страны.

Откуда поступают новые рекруты? В том же Ираке в результате свержения Саддама Хусейна были разрушены государственные институты, включая армию. Мы тогда еще говорили: будьте аккуратными, осторожными, куда вы выгнали этих людей? На улицу. Что они будут делать? Не забывайте, справедливо было или несправедливо, но они были в руководстве достаточно большой региональной страны — во что их превращаете?

Что получилось? Десятки тысяч солдат и офицеров, бывших активистов партии «Баас», выброшенных на улицу, сегодня пополнили отряды боевиков. Может быть, здесь кроется, кстати говоря, и дееспособность ИГИЛ? Они действуют очень эффективно с военной точки зрения, реально профессиональные люди.

Россия неоднократно предостерегала об опасности односторонних силовых акций, вмешательства в дела суверенных государств, заигрывания с экстремистами и радикалами, настаивала на внесении группировок, воюющих против центрального сирийского правительства, прежде всего ИГИЛ, в списки террористических организаций. Ну и что, результат какой? Бесполезно.

Порой складывается впечатление, что наши коллеги и друзья постоянно борются с результатами своей собственной политики, бросают свою мощь на устранение рисков, которые сами создают, платят за это все возрастающую и возрастающую цену.

«В условиях доминирования одной страны и ее союзников поиск глобальных решений зачастую превращался в стремление навязать в качестве универсальных собственные рецепты. Амбиции этой группы возросли настолько, что вырабатываемые в ее кулуарах подходы стали преподноситься как мнение всего мирового сообщества. Но это не так».

Уважаемые коллеги! Момент однополярности убедительно продемонстрировал, что наращивание доминирования одного центра силы не приводит к росту управляемости глобальными процессами. Напротив, подобная неустойчивая конструкция доказала свою неспособность эффективно бороться с такими подлинными угрозами, как региональные конфликты,

терроризм, наркотрафик, религиозный фанатизм, шовинизм и неонацизм. В то же время она открыла широкую дорогу для проявления национального тщеславия, манипулирования общественным мнением, грубого подавления воли слабого волей сильного. По своей сути однополярный мир — это апология, апологетика диктатуры и над людьми, и над странами. Кстати, однополярный мир оказался некомфортным, неподъемным и сложно управляемым для самого так называемого самоназначенного лидера, и вот сейчас только об этом тоже было сказано вслух, с этим я полностью согласен. Отсюда сегодняшние попытки уже на новом историческом этапе воссоздать некоторое подобие квазидвуполярного мира, квазидвуполярной системы, как удобную модель воспроизводства в данном случае американского лидерства. И неважно, кто в американской пропаганде займет место «центра зла», место СССР как главного оппонента: это Иран, как страна, стремящаяся к ядерным технологиям, Китай, как первая экономика мира, или Россия, как ядерная сверхдержава.

Сейчас мы вновь видим попытки раздробить мир, провести разделительные линии, сколотить коалиции по принципу не за, а против кого бы то ни было, вновь сформировать образ врага, как это было в годы «холодной войны», и получить право на такое лидерство, а если хотите, право на диктат. Ведь как трактовалась ситуация в эпоху «холодной войны», мы же все понимаем и знаем. Союзникам Штатов всегда говорили: «У нас есть общий враг, он страшен, это центр зла; мы вас, своих союзников, защищаем от него, и, значит, у нас есть право вами командовать, заставлять жертвовать своими политическими и экономическими интересами, нести расходы на коллективную оборону, но руководить этой обороной будем, конечно, мы». Словом, сегодня очевидно стремление уже в новом, изменившемся мире реализовать привычные схемы глобального управления, и все в расчете на то, чтобы обеспечить свою исключительность и получить политические и экономические дивиденды.

Вместе с тем такие попытки не только все более расходятся с реальностью, вступают в противоречие с многообразием мира. Подобные шаги неизбежно будут порождать противодействие, ответную реакцию и также принесут ровно обратный эффект. Мы же видим, что происходит, когда политика опрометчиво смешивается с экономикой, логика целесообразности уступает место логике противостояния, даже если она вредит собственным экономическим позициям и интересам, в том числе интересам национальных бизнесов.

Совместные экономические проекты, взаимные инвестиции объективно сближают страны, помогают амортизировать текущие проблемы в межгосударственных отношениях. Однако сегодня глобальное деловое сообщество подвергается беспрецедентному нажиму западных правительств. Какой бизнес, какая экономическая целесообразность, прагматизм могут быть, когда брошен лозунг: «Отечество в опасности, свободный мир в опасности, демократия в опасности!»? Нужно мобилизоваться. Вот это и есть мобилизационная политика.

Санкции уже подрывают основы мировой торговли и правила ВТО, принципы незыблемости частной собственности, расшатывают либеральную модель глобализации, основанную на рынке, свободе и конкуренции, — модель, главными бенефициарами которой, замечу, как раз и являются страны Запада. Теперь они рискуют потерять доверие, как лидеры глобализа-

ции. Спрашивается, зачем это нужно делать? Ведь благополучие тех же Соединенных Штатов в огромной степени зависит от доверия инвесторов, зарубежных держателей доллара и американских ценных бумаг. Доверие явно подрывается, признаки разочарования в плодах глобализации присутствуют сейчас во многих странах.

Пресловутый кипрский прецедент и политически мотивированные санкции лишь усилили тенденции к экономической и финансовой суверенизации, стремлению государств или их региональных объединений тем или иным способом застраховаться от рисков внешнего давления. Так, уже сейчас все большее число государств предпринимает попытки уйти от долларовой зависимости, создать альтернативные финансовые, расчетные системы, резервные валюты. На мой взгляд, наши американские друзья просто подрывают, режут сук, на котором сами сидят. Нельзя смешивать политику и экономику, но именно это и происходит. Я считал и считаю, что политически мотивированные санкции были ошибкой, которая наносит ущерб всем, но, уверен, мы еще об этом поговорим.

Мы понимаем, как и под чьим давлением принимались эти решения. При этом Россия не будет, хочу обратить ваше внимание на это, не будет вставать в позу, обижаться на кого-либо, кого-либо о чем-либо просить. Россия — самодостаточная страна. Мы будем работать в тех внешнеэкономических условиях, которые сложились, развивать свое производство и технологии, действовать более решительно в проведении преобразований, а внешнее давление, как это было не раз, только консолидирует наше общество, не дает расслабиться, я бы сказал, — заставляет концентрироваться на основных направлениях развития.

Санкции, конечно, нам мешают, этими санкциями нам пытаются навредить, блокировать наше развитие, подтолкнуть к самоизоляции в политике, экономике, в культуре, то есть к отсталости подтолкнуть. Но мир, хочу это подчеркнуть, я уже об этом сказал и повторю, мир кардинально изменился. Мы не намерены от него закрываться и выбирать какой-то путь закрытого развития, путь автаркии, всегда готовы к диалогу, в том числе и по нормализации экономических отношений, и политических тоже. Рассчитываем здесь на прагматичный подход и позиции бизнес-кругов ведущих стран мира.

Сегодня звучат утверждения, что Россия якобы отворачивается от Европы, — наверное, и в ходе дискуссий это звучало, — ищет других деловых партнеров, прежде всего в Азии. Хочу сказать, что это абсолютно не так. Наша активная политика в Азиатско-Тихоокеанском регионе началась отнюдь не сегодня и не в связи с санкциями, а уже более чем несколько лет назад. Исходили, так же как и многие другие страны, в том числе западные страны, исходили из того, что Восток занимает все более значимое место в мире и в экономике, и в политике, этого не учитывать просто нельзя.

Еще раз хочу подчеркнуть, все это делают, и мы будем делать, тем более у нас значительная часть территории находится в Азии. Чего же нам не пользоваться своими преимуществами подобного рода? Это было бы просто недальновидно.

Наращивание экономических связей с этими государствами, совместные интеграционные проекты — это серьезный стимул для нашего внутреннего развития. Сегодняшние демографические, экономические, культурные тенденции говорят о том, что зависимость от одной супердержавы, конечно,

будет объективно снижаться, да это, собственно, говорят и европейские, американские эксперты, говорят и пишут об этом.

Возможно, в мировой политике нас ждут те же явления, что и в глобальной экономике, а это сильная интенсивная конкуренция в тех или иных конкретных нишах, частая смена лидеров по конкретным направлениям. Это все возможно.

«Односторонний диктат и навязывание своих собственных шаблонов приносят прямо противоположный результат: вместо урегулирования конфликтов — эскалация; вместо суверенных, устойчивых государств — растущее пространство хаоса; вместо демократии — поддержка весьма сомнительной публики».

Несомненно, что в глобальном соревновании вырастет роль гуманитарных факторов: образования, науки, здравоохранения, культуры. Это, в свою очередь, существенно повлияет на международные отношения, в том числе потому, что ресурс так называемой мягкой силы будет в бóльшей степени зависеть от реальных достижений в формировании человеческого капитала, нежели чем от изощренности пропагандистских приемов.

Вместе с тем формирование так называемого полицентричного мира, тоже хотел бы обратить на это внимание, уважаемые коллеги, само по себе не укрепляет стабильность, скорее даже напротив. Задача достижения глобального равновесия превращается в достаточно сложную головоломку, в уравнение со многими неизвестными.

Что же нас ждет, если мы предпочтем жить не по правилам, пусть строгим и неудобным, а вовсе без правил? А именно такой сценарий вполне реален, исключить его нельзя, учитывая накал обстановки в мире. Ряд прогнозов, наблюдая сегодняшние тенденции, уже можно сделать, и, к сожалению, они неоптимистичны. Если мы не создадим внятную систему взаимных обязательств и договоренностей, не выстроим механизмы разрешения кризисных ситуаций, признаки мировой анархии неизбежно будут нарастать.

Уже сегодня резко возросла вероятность целой череды острых конфликтов если не с прямым, то с косвенным участием крупных держав. При этом фактором риска становятся не только традиционные межгосударственные противоречия, но и внутренняя нестабильность отдельных государств, особенно когда речь идет о странах, расположенных на стыке геополитических интересов крупных государств или на границе культурно-исторических, экономических, цивилизационных «материков».

Украина, о которой наверняка тоже много говорили и поговорим еще, — один из примеров такого рода конфликтов, имеющих воздействие на общемировую расстановку сил, — и думаю, он далеко не последний. Отсюда — следующая реальная перспектива разрушения действующей системы договоров об ограничениях и контроле над вооружениями. И начало этому опасному, безусловно, процессу положили именно Соединенные Штаты Америки, когда в 2002 году в одностороннем порядке вышли из Договора по ПРО, а затем приступили и сегодня активно осуществляют создание своей глобальной системы противоракетной обороны.

Уважаемые коллеги, друзья! Обращаю ваше внимание, не мы это начали. Мы вновь скатываемся к тем временам, когда не баланс интересов и

взаимных гарантий, а страх, баланс взаимоуничтожения удерживает страны от прямого столкновения. За неимением правовых и политических инструментов оружие возвращается в центр глобальной повестки, оно применяется где угодно и как угодно, без всяких санкций Совбеза ООН. А если Совбез отказывается штамповать подобные решения, то он сразу объявляется устаревшим и неэффективным инструментом.

Многие государства не видят других гарантий обеспечения суверенитета, кроме как обзавестись своей собственной бомбой. Это крайне опасно. Мы настаиваем на продолжении переговоров, мы не просто за переговоры — мы настаиваем на продолжении переговоров по сокращению ядерных арсеналов. Чем меньше ядерного оружия в мире, тем лучше. И готовы к самому серьезному предметному разговору по вопросам ядерного разоружения, но именно к серьезному — как говорится, без двойных стандартов.

Что имею в виду? Сегодня многие виды высокоточного оружия по своим возможностям уже приблизились к оружию массового поражения, и в случае отказа, полного отказа от ядерного потенциала или критического снижения его объемов страны, обладающие лидерством в создании и производстве высокоточных систем, получат явное военное преимущество. Будет сломан стратегический паритет, а это чревато дестабилизацией. Возникает соблазн использования так называемого первого глобального обезоруживающего удара. Словом, риски не снижаются, а возрастают.

Следующая очевидная угроза — это дальнейшее разрастание конфликтов на этнической, религиозной, социальной почве. Такие конфликты опасны не только сами по себе, они формируют вокруг себя зоны безвластия, беззакония и хаоса, где уютно чувствуют себя и террористы, и просто рядовые преступники, процветает пиратство, торговля людьми, наркобизнес.

Кстати, наши коллеги в свое время пытались как-то управлять этими процессами, использовать региональные конфликты, конструировать «цветные революции» в своих интересах, но джинн вырвался из бутылки. Что с ним делать, похоже, не понимают и сами авторы теории управляемого хаоса. В их рядах разброд и шатание.

Мы внимательно смотрим за дискуссиями и в правящих элитах, и в экспертном сообществе. Достаточно посмотреть заголовки западной прессы за последний год: одних и тех же людей называют то борцами за демократию, а затем исламистами, сначала пишут о революциях, потом о погромах и переворотах. Результат очевиден: дальнейшее разрастание глобального хаоса.

Уважаемые коллеги! В такой ситуации в мире пора бы начать договариваться по принципиальным вещам. Это чрезвычайно важно и необходимо, это гораздо лучше, чем расходиться по разным углам, тем более что мы все сталкиваемся с общими проблемами, находимся, что называется, в одной лодке. И логичный путь — это кооперация стран, обществ и поиск коллективных ответов на множащиеся вызовы, совместное управление рисками. Правда, некоторые наши партнеры почему-то вспоминают об этом исключительно только тогда, когда это отвечает их интересам.

Практический опыт доказывает, что совместные ответы на вызовы, во-первых, далеко не всегда панацея, конечно, нужно это признать, а во-вторых, в большинстве случаев они труднодостижимы, слишком непросто преодолеть различия национальных интересов, субъективность подходов, особенно когда речь идет о странах с разной культурно-исторической традицией. И все же у

нас есть примеры, когда, руководствуясь общими целями, действуя на базе единых критериев, мы совместно добиваемся реальных успехов.

Напомню и о решении проблемы сирийского химического оружия, и о содержательном диалоге по иранской ядерной программе, да и наша работа на северокорейском треке тоже имеет некоторые позитивные результаты. Почему бы не использовать весь этот опыт и в дальнейшем как при решении локальных, так и глобальных проблем?

Какой может быть правовая, политическая, экономическая основа нового миропорядка, которая обеспечила бы стабильность и безопасность, при этом поощряла бы здоровую конкуренцию, не допускала формирование новых монополий, блокирующих развитие? Вряд ли кто-то может дать сейчас абсолютно исчерпывающие, готовые рецепты. Здесь потребуется длительная работа при участии широкого круга государств, мирового бизнеса, гражданского общества, вот таких экспертных площадок, как наша.

Однако очевидно, что успех, реальный результат возможен лишь в том случае, если ключевые участники международной жизни смогут договориться о согласовании базовых интересов, о разумном самоограничении, покажут пример позитивного ответственного лидерства. Надо четко определить, где пределы односторонних действий и где возникает потребность в многосторонних механизмах, в рамках совершенствования международного права разрешить дилемму между действиями международного сообщества по обеспечению безопасности и прав человека и принципом национального суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств.

Как раз такие коллизии все чаще ведут к произвольному иностранному вмешательству в сложные внутренние процессы, раз за разом провоцируют опасные противоречия ведущих мировых игроков. Вопрос о содержании суверенитета становится едва ли не главным для сохранения и упрочения мировой стабильности.

Понятно, что дискуссия о критериях использования силы извне крайне сложна, ее практически невозможно отделить от интересов тех или иных стран. Однако гораздо опаснее отсутствие понятных всем договоренностей, четких условий, при которых вмешательство является необходимым и законным.

Добавлю, что международные отношения должны строиться на международном праве, в основе которого должны быть и моральные принципы, такие как справедливость, равноправие, правда. Пожалуй, главное — это уважение к партнеру и его интересам. Очевидная формула, но простое следование ей способно в корне изменить ситуацию в мире.

«Сейчас мы вновь видим попытки раздробить мир, провести разделительные линии, сколотить коалиции по принципу не за, а против кого бы то ни было, вновь сформировать образ врага, как это было в годы «холодной войны», и получить право на такое лидерство, а если хотите, право на диктат».

Убежден, при наличии воли мы можем восстановить эффективность системы международных и региональных институтов. Тут даже не надо что-либо строить полностью, с нуля, это не «гринфилд», тем более что созданные после Второй мировой войны институты достаточно универсальны и могут быть наполнены более современным содержанием, адекватным текущей ситуации.

Это касается и совершенствования работы ООН, центральная роль которой незаменима, и ОБСЕ, которая за 40 лет зарекомендовала себя востребованным механизмом в обеспечении безопасности и сотрудничества в Евроатлантике. Надо сказать, что и сейчас при урегулировании кризиса на юго-востоке Украины ОБСЕ играет весьма позитивную роль.

На фоне фундаментальных перемен в международной среде, нарастания неуправляемости и самых разнообразных угроз нам необходим новый глобальный консенсус ответственных сил. Речь не может идти ни о каких-то локальных сделках, ни о разделе сфер влияния в духе классической дипломатии, ни о чьем-то полном доминировании. Думаю, что требуется новое «издание» взаимозависимости. Ее не нужно бояться. Наоборот, это хороший инструмент согласования позиций. Это тем более актуально — учитывая укрепление и рост отдельных регионов планеты, — что формирует объективный запрос на институциональное оформление таких полюсов, на создание мощных региональных организаций и выработку правил их взаимодействия. Кооперация этих центров серьезно добавила бы устойчивости мировой безопасности, политике и экономике. Но, чтобы наладить такой диалог, надо исходить из того, что все региональные центры, формирующиеся вокруг них интеграционные проекты имели бы одинаковые права на развитие, чтобы они дополняли друг друга и чтобы никто их искусственно между собой не сталкивал, не противопоставлял. В результате такой деструктивной линии разрушались бы связи между государствами, да и сами государства подвергались бы тяжелым испытаниям, вплоть до полного их разрушения.

Хотел бы напомнить о событиях прошлого года. Тогда мы говорили нашим партнерам, и американским, и европейским партнерам, что поспешные закулисные решения, допустим, по ассоциации Украины и ЕС чреваты серьезными рисками — мы даже о политике ничего не говорили, мы говорили только об экономике, — серьезными рисками в экономике, что подобные явочные шаги затрагивают интересы многих третьих стран, в том числе Россию как основного торгового партнера Украины, что необходимо широкое обсуждение вопросов. Кстати, напомню в этой связи, что переговоры о вступлении России, например, в ВТО велись 19 лет. Это была очень тяжелая работа, и был достигнут определенный консенсус.

Почему об этом говорю? Потому что при реализации проекта ассоциации с Украиной к нам как бы через задние ворота заходят наши партнеры со своими товарами и услугами, а мы об этом не договаривались, нас никто об этом не спрашивал. Мы вели дискуссии по всем темам, связанным с ассоциацией Украины с ЕС, настойчиво, но хочу это подчеркнуть, абсолютно цивилизованно, предъявляя очевидные доводы и аргументы, указывали на возможные проблемы. Нас никто не хотел слушать и разговаривать никто не хотел, нам просто сказали: это не ваше дело, вот и все, вот и вся дискуссия. Вместо сложного, но, подчеркну, цивилизованного диалога дело довели до государственного переворота, ввергли страну в хаос, в развал экономики, социальной сферы, в гражданскую войну с огромными жертвами.

Зачем? Когда я спрашиваю коллег своих, зачем, — ответа нет вообще, никто ничего не отвечает, вот так. Все разводят руками: так получилось. Не надо было поощрять таких действий — не получилось бы; ведь, я уже говорил об этом, прежний президент Украины Янукович все подписал, со всем согласился. Зачем это надо было делать, смысл какой? Это что, циви-

лизованный способ решения вопросов? Видимо, те, кто без конца ляпают все новые и новые «цветные революции», считают себя гениальными художниками и никак остановиться не могут.

Убежден, что работа интеграционных объединений, взаимодействие региональных структур должны строиться на прозрачной, понятной основе, хорошим примером такой открытости служит процесс формирования Евразийского экономического союза. Государства — участники этого проекта заранее информировали своих партнеров о планах, о параметрах нашего объединения, о принципах его работы, которые согласуются полностью с нормами Всемирной торговой организации. Добавлю, что мы также приветствовали бы начало предметного диалога по линии Евразийского и Европейского союзов. Кстати говоря, в этом нам тоже до сих пор практически постоянно отказывали, тоже непонятно почему, что здесь такого страшного? И, разумеется, при вот такой совместной работе мы считали бы, что нужно вести диалог, а я об этом много раз говорил и слышал согласие многих наших западных партнеров, европейских во всяком случае, о необходимости формирования единого пространства экономического, гуманитарного сотрудничества, простирающегося от Атлантики до Тихого океана.

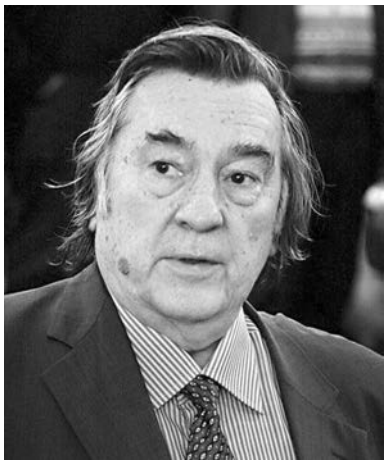
Уважаемые коллеги! Россия свой выбор сделала, наши приоритеты — дальнейшее совершенствование институтов демократии и открытой экономики, ускоренное внутреннее развитие с учетом всех позитивных современных тенденций в мире и консолидация общества на основе традиционных ценностей и патриотизма. У нас интеграционная, позитивная, мирная повестка дня, мы активно работаем с нашими коллегами по Евразийскому экономическому союзу, Шанхайской организации сотрудничества, БРИКС, с другими партнерами. Эта повестка направлена на развитие связей между государствами, а не на разъединение. Мы не собираемся сколачивать какие-либо блоки, втягиваться в обмен ударами. Не имеют под собой основания и утверждения, что Россия пытается восстановить какую-то свою империю, покушается на суверенитет своих соседей. Россия не требует себе какого-либо особого, исключительного места в мире, я хочу это подчеркнуть. Уважая интересы других, мы просто хотим, чтобы и наши интересы учитывали, и нашу позицию уважали.

Хорошо понимаем, что мир вступил в эпоху перемен и глубоких трансформаций, когда всем нам нужна особенная степень осторожности, способность избегать необдуманных шагов. За годы после «холодной войны» участники мировой политики несколько утратили эти качества. Теперь нужно вспомнить о них. В противном случае надежды на мирное, стабильное развитие окажутся опасной иллюзией, а сегодняшние потрясения — преддверием краха мирового порядка.

Да, конечно, я уже сказал об этом, строительство более устойчивой системы миропорядка — сложная задача, речь идет о долгой и по характеру трудной работе. Мы смогли выработать правила взаимодействия после Второй мировой войны, смогли договориться в 1970-е годы в Хельсинки. Наша общая обязанность — решить эту фундаментальную задачу и на новом этапе развития.

Большое спасибо вам за внимание.

Фото Пресс-службы Президента РФ.
Материал с сайта Президента РФ

Александр ПРОХАНОВ

«ДУМАЯ О МОЕЙ РОДИНЕ…»

Александр Андреевич Проханов — родился в 1938 г. в Тбилиси. Окончил Московский авиационный институт. Главный редактор газеты «Завтра». Член секретариата Союза писателей России. Работал инженером, затем лесником в Карелии и Подмосковье, сотрудником газет «Правда», «Литературная газета». Активно выступал с публицистическими очерками в патриотической печати. Лидер патриотической оппозиции, прозаик — десятилетия своей жизни посвятил описанию локальных войн, в том числе и тех, что велись и ведутся на руинах СССР. Кавалер орденов Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и Красной Звезды. **Живет в Москве.**

Всадник в золотом доспехе

Холодная война вползает на русский порог. Не открещивайтесь от нее, не прячьтесь от нее под кровать, не отводите зрачков от ее змеиных глаз. Холодная война воздействует на государство-соперника с целью его разрушить, не используя для этого авианосцы, сверхточное оружие и орбитальные группировки. Холодная война создает такие колебания и вибрации в стане противника, что столп государства начинает крошиться и рушиться.

Россия, несмотря на множество партий и парламентские процедуры, на калейдоскоп выборов, по-прежнему централистское государство. Оно персонифицировано Путиным. Путин является замковым камнем государства российского. Раскрошить этот камень, вырвать его из свода, удалить из купольной кладки — и Россия рухнет, потеряет свое государство, обрекая народ на ужасы, сравнимые с февралем семнадцатого или с августом девяносто первого года.

На Путина направлены мощные, видимые и невидимые, лучи. Его стараются запугать, увеличивая группировки НАТО по всему периметру русского государства. Хотят сломать его волю, подрывая русскую экономику и финансы. Его обольщают, как обольщали Горбачева, искусившегося на высокие европейские статусы. Желают сбить с толку, направить на ложные цели. Западные газеты полны клеветы и мерзости, обрушивают на Путина водопады липкой грязи.

Принц Чарльз, представитель старых европейских династий, сравнил Путина с Гитлером. И это не выходка дурацкого борзописца, а приговор, исходящий из глубин европейской аристократии.

Президента России демонизируют, рисуют на него карикатуры. Европейские чиновники высокого ранга позволяют себе в его адрес непристойности. Отставные работники ЦРУ, «рыцари плаща и кинжала», угрожают ему убийством, намекают на ракету «земля—воздух», нацеленную на его самолет.

В журнале «Шпигель» опубликована «утечка» из секретного доклада немецкой разведки о том, что в России сложился против Путина олигархический заговор. Этот заговор весьма вероятен. После присоединения Крыма к России и войны в Новороссии Запад наносит удар за ударом по российским богачам, замораживая их деньги в западных банках, отсекая их от громадной мировой кормушки.

Заговор просвечивает сквозь статьи и передачи либеральных СМИ, которые пенятся и клокочут от ненависти. Поводом для этой ненависти являются не только Крым и восставший Донбасс. Усиление государства российского, любое его взрастание вызывают эту клокочущую ненависть. Будь то оборонная политика и создание новых образцов оружия, или защита русской Арктики от возможных посягательств, или строительство заводов и рудников на востоке страны — все ненавистно, все возмущает.

Путину не могут простить его виртуозной политики, когда он в разные периоды своей деятельности в смертельно опасной игре обошел олигархов, приструнил обезумевшее телевидение, подавил террор на Кавказе, разгромил болотную фронду. Ненависть, которую питают к нему либералы, не политическая, не социальная. Эта ненависть — религиозная, метафизическая.

В своей Валдайской речи Путин бросил Западу страшное обвинение, уличил Запад в попрании традиционных христианских ценностей. Говоря о сложившейся на Западе фабрике, продуцирующей зло, Путин бросил Западу метафизический вызов, неявно назвал его Содомом, этим гнусным библейским городом, куда Господь направил ангелов, и развращенные содомиты, одержимые гомосексуальным безумием, хотели их изнасиловать.

Такое не прощают. Путин обнаружил тайник, укрытый в недрах разноцветной западной цивилизации, указал на адскую тьму, наполняющую этот тайник. Призвал народы противиться этой тьме. После Валдайской речи Путин стал духовным лидером той части человечества, которая отрицает либеральный распад, противится родившемуся в западной цивилизации черному античеловечеству.

Навязанная нам холодная война — это не только война информационных технологий. Не только война культур и художественных образов. Это война религий, война метафизических смыслов, схватка добра и зла.

Нельзя победить в холодной войне, уповая на гуманитарные технологии, экономические воздействия, информационные удары. В холодной войне победит тот, кто одолеет в схватке метафизических ценностей. Чей образ мира станет образом будущего, чья мечта станет мечтой всего человечества.

После угроз со стороны ЦРУ Федеральная служба охраны усилит свою бдительность. После атак, в которых участвуют черные маги, в русских монастырях умножат свои молитвы монахи, окружая Путина непроницаемым Покровом Богородицы. Путин не может сдаться, не может уйти с поля брани, не может оставить Россию, которая для него — судьба.

Государство Российское, пережив крушение в девяностые годы, встает из праха. Таинственная сила, взращивающая Государство Российское,

управляет Президентом Путиным, его волей, сознанием. Наделяет прозорливостью, подсказывает выход в самых мучительных международных коллизиях. Замыслы Путина совпадают с замыслом русской истории. Этот великий исторический замысел неодолим и не подвержен распаду. Холодная война с шипением вползает на русский порог. Навстречу ей мчится всадник в золотистом доспехе, вонзает копье в ее зловонную пасть.

Стратегический бомбардировщик «Изборский клуб»

Под Саратовом, в городе Энгельсе, на аэродроме дивизии дальней авиации состоялось торжество: одному из стратегических ракетоносцев, самолету Ту-95 МС, было присвоено имя города Изборск. И на его сияющем фюзеляже появилось наименование этого маленького героического города и эмблема Изборского клуба. Присвоение грозной машине имени Изборского клуба говорит о признании, которым пользуется в кругах нашей общественности это патриотическое образование.

На взлетном поле среди десятков машин, совершающих свои стратегические рейсы в Атлантику и к Тихому океану, торжественным маршем прошли летчики дивизии. Состоялся вынос знамени. Выступали губернатор Саратовской области Валерий Радаев, командующий дальней авиацией Анатолий Жихарев, епископ Покровский и Николаевский Пахомий, руководитель Поволжского отделения Изборского клуба Дмитрий Аяцков.

Под звуки торжественного марша с фюзеляжа машины был снят шелковый полог, под солнцем засияло слово «Изборск», открылся крест с летящим белым аистом — эмблема Изборского клуба.

Свершилось освящение самолета. Владыке поднесли чашу с волжской святой водой, которой он кропил могучую машину и всех собравшихся на торжество. Бомбардировщик «Изборск» включил свои моторы, раскрутил винты и сделал круг по аэродромному бетону, наполняя воздух грозным сверканием и ревом.

Теперь эмблема Изборского клуба будет появляться над огромными просторами Атлантического океана, куда летают самолеты на свое боевое дежурство. И ее сквозь свою оптику будут рассматривать летчики Ф-15, взлетающие с английских и американских военных баз.

Соединение интеллектуального оружия государства российского, которое символизирует Изборский клуб, с могучим оружием стратегического отпора, которым является грозный ракетоносец, это соединение — залог нашей суверенности, незыблемости, наших русских ценностей.

Когда мне предоставили слово, я сказал: «Изборск — крохотный городок, который стоит на дороге, ведущей из Прибалтики в Псков и дальше, в сердце России. Если бы вы сейчас оказались в этом городе, вы увидели бы старые стены, изгрызенные снарядами, ядрами и стрелами. Вы увидели бы башни — прямоугольные, круглые. Бойницы этих башен смотрят вовне: из них можно было стрелять по врагу на дальних подступах, можно было бить недругов, которые карабкаются по лестницам на стены этого города.

А одна из башен обращена своими бойницами внутрь крепости. Эта башня заселяется воинами, бойцами на тот случай, когда враг вломился в город, истребил часть гарнизона и старается взять его под контроль. Тогда израненные витязи, отступая по окровавленной траве, уходят в эту баш-

ню и принимают свой последний смертный бой, стреляя внутрь крепости, наполненной врагами. Изборск — это город-герой, город-мученик, это город-крепость, о чьи стены разбивались все нашествия, включая последнее — фашистское.

У стен этого города два года назад собрались патриотично настроенные русские интеллектуалы: историки, философы, экономисты, журналисты, священники. Люди очень разных направлений, очень разных стремлений. Но их объединяет вера в святыню Государства Российского. Ибо Государство Российское — это такое же вероисповедание, как наше великое Православие. Когда наш народ теряет государство, начинаются страшные беды. Мы помним это по девяносто первому году.

И мы под стенами этого священного города создали свое братство — свой Изборский клуб, который тоже является крепостью. Наш клуб — это не собрание вельмож, не собрание витий. Это собрание интеллектуалов, готовых дать интеллектуальный отпор тем наветам, которые сейчас обрушились на нашу родину, готовых защищать нашу историю, наши ценности, защищать наши святыни.

И вот теперь имя Изборска — старой древней крепости, которая посылает сюда, в наше время, свои святые непобедимые энергии, и эмблема Изборского клуба, наполненного живыми яркими страстными патриотическими интеллектуалами, красуются на самолете — на этой небесной крепости. И она несет наше имя, наши символы, нашу грозную волю, нашу правду по всему земному шару. Потому что сегодня мы вступили в посткрымский период нашей истории, очень грозный, очень суровый период, когда всем нам потребуется сильная воля, терпение, абсолютная бдительность и серьезность ко всему тому, что происходит в мире — вокруг нас и в нас самих.

Соединение этих сил — Изборской крепости, этой грозной машины, которая носит теперь название “Изборск”, а также патриотического Изборского клуба — это гарант того, что сегодняшняя Россия оснащена всеми средствами, чтобы продолжать свой путь в историческом русском времени к неизбежной и грядущей Русской Победе».

Стреляющая икона

Я только что побывал на Куликовом поле. Эти волшебные туманы. Эти дали, которые похожи на золотые иконостасы. Река Непрядва с ее темной осенней водой, которая вдруг сверкнет серебряным отблеском, будто доспех князя Дмитрия. А там, за дубравами, что-то промерцает, промчится, словно наконечник копья Пересвета.

Мы с моими сотоварищами из Изборского клуба вошли в церковь, которая построена на высокой горе, где когда-то находился шатер Мамая. Этот храм расписан дивными фресками. Прямо под куполом храма, около иконостаса монахи поставили стол, и нас окружали волшебные росписи. Мы вели беседу о святости русского оружия. Здесь, на Куликовом поле, сложилось российское государство — Московское Царство. Оно сложилось по воле отважного воителя — князя Дмитрия. Эта воля была озарена таинственным волшебным светом русского Православия, светом, который излил в сердце князя и сердца русских воинов преподобный Сергий. Преподобный вкладывал в душу князя райскую молитву, божественную песнь о любви и правде,

о неизбежном одолении смерти. Святой озарил своим подвигом, своим духовным стоянием огромные пространства русской земли. Государство добывалось силой оружия, копьем Пересвета, что сжимала длань священного инока, которого отрядил на этот бой преподобный Сергий.

И здесь среди волшебных росписей, среди горящих лампад и свечей у нас родилась метафора, родился поэтический образ. Русское оружие, создавая и защищая русское государство, одновременно защищало русскую мечту о вселенской справедливости, о красоте, о мире, где нет зла и насилия, где цветут райские сады и царит бессмертие. И поэтому русское оружие, будучи святым, является оружием райской мечты, оружием райских садов.

Мы говорили о Великой Отечественной войне, о войне, которую называют священной. Эта священная война увенчалась священной победой. И эта священная победа добывалась священным оружием. Шла битва, которой еще не ведал мир. Сражались не просто армии, не просто государства, не просто народы, а сражались великие вселенские смыслы. Сражался вселенский свет — такой, каким он исходил из замысла Господа, сотворившего мир, сотворившего русский народ. И сражалась тьма, которая хотела одолеть этот свет. И победил свет, и тьма не объяла его.

Красная армия, советский, русский народ понесли неслыханные жертвы — 30 миллионов убитых. И эта жертва, говорили монахи, соизмерима с Христовой жертвой. Эта жертва делает Красную армию, советский, русский народ Христовым, священным народом. И возникла метафора, возник поэтический образ. Во время священной войны сам Господь пребывал среди сражающихся Красных частей. Сам Господь сидел в танках Т-34 и сгорал вместе с экипажами. Он ходил в атаки и контратаки под Сталинградом. Он стрелял из «сорокапяток» по немецким крестам на броне. Господь испытывал страшные муки в застенках. Его кидали в шахты Краснодона вместе с молодогвардейцами. Его вешали вместе с Зоей Космодемьянской и обливали на морозе ледяной водой, как генерала Карбышева.

И родилась метафора. Сам Господь Бог присутствовал среди сражающихся. Эта метафора не противоречит русской поэзии, ибо Блок в поэме «Двенадцать» сказал, что Христос «в белом венчике из роз» шел впереди отряда матросов среди черных подворотен, откуда гремели выстрелы и выли бездомные голодные собаки.

Отягченный трехлинейкой,
всю тебя, Земля родная,
Бог в солдатской телогрейке
исходил, благословляя...

Мы говорили о русской истории, которая есть история Государства Российского. В недрах ее живет, не меркнет, драгоценная для русского сознания мечта о справедливости, мечта о благом существовании, мечта о вселенском братстве. Эта мечта делает русский народ неповторимым, мессианским народом. А русская история, история Государства Российского и его потаенных христианских смыслов — это священная история. И перелистывая ее драгоценные страницы, мы испытываем благоговение. В современное оружие — самолеты, танки, истребители — чудесным образом перешло хоть по крохотной частичке таинство того древнего русского оружия.

Там есть частичка меча Александра Невского. Есть крохотная молекула доспеха, которым защищался от вражеских мечей князь Дмитрий. Есть там и крупица металла из копья Пересвета. И эта святость — через материю, двигаясь из поколения в поколение, перешла в нынешнее оружие. Мы знаем, что гигантские подводные лодки типа «Борей» носят имена святых русских князей Владимира Мономаха, Дмитрия Донского, Александра Невского. Знаем, что на фюзеляже бомбардировщиков и тяжеловесных самолетов рисуют образы Пресвятой Богородицы и Спасителя. Знаем, что на оружие, которое получает в руки солдат, он молится. Он прижимает к нему свои уста, идет с ним в бой. Поэтому родилась еще одна поэтическая метафора. Русское оружие — это стреляющая икона. На нее молятся, к ней прикладываются, и она отражает от наших рубежей напасти, черные силы врага.

Сегодня мы строим наше новое оружие в великом напряжении сил. Мы должны успеть, должны построить его до того, как черные силы опять нависнут над нашей любимой родиной. И мы построим его, чего бы нам это ни стоило. Через все труды, через все ограничения, отказывая себе в достатке, отказывая в утехах и развлечениях, мы создадим наше священное оружие.

Приезжайте на Куликово поле. Посмотрите в таинственные золотистые дали. И пусть вам будет откровение о нашей священной земле, о нашей драгоценной истории, о нашем оружии — святом и бесценном.

«Благословен плод чрева твоего»

В минуты редкой душевной тишины я спрашиваю себя, что для меня Россия и что я для нее? Я родился на этой земле, я состою из песчинок этой земли, из капель росы, из ее лучей, из цветочной пыльцы. Россия сотворила меня, как Господь сотворил Адама, и вдохнула в меня свою жизнь и свой дух.

Россия для меня — это сверкающие ночные январские звезды и дивные дневные ослепительные снега от горизонта до горизонта. Россия для меня — это ветреные дубравы, наполненные дождем рощи, овраги, бушующие во время весеннего половодья. Это лесные цветы, то голубые, то алые, то белые. Россия для меня — это бесконечные разливы рек и летящие по небу летние облака.

Россия для меня — язык, которым я в раннем детстве научился произносить имена родивших меня отца и матери. На этом языке я читал моим маленьким детям русские сказки, на этом языке я молился и молюсь. Этот язык позволил мне пережить высочайшие наслаждения, когда я читал стихи Мандельштама и Гумилева, Пушкина и Лермонтова. Я по-прежнему обожаю открывать страницы Толстого, Достоевского, Бунина и замирать от восторга, восторга от того, что есть на свете такой божественный русский язык. На этом языке на могильном камне будет начертано мое имя.

Россия для меня — это русская история, это история моего рода и моего народа, который, чем дальше удаляется от моего сегодняшнего дня, тем больше и больше сливается во что-то огромное, бесконечное, дорогое мне, готовое меня принять в свои объятия, когда я исчезну с этой земли и «приложусь к народу моему». Россия для меня — это моя вера. Я молюсь на языке России. Она, Россия, открывает мне небесную лазурь, из которой я узнаю, что смерти нет, что все мы бессмертны, и в мире торжествует любовь.

Россия для меня — это Волга, река русского времени. На ее берегах сошлось множество народов — русские, чуваши, татары, казахи, люди степи, финны, угры. Народы, которые пришли на этот восхитительный водопой к священной русской реке и сложились в удивительную державу между трех океанов. Державу гармонии и красоты.

Я пережил вместе с моей Родиной страшные, чудовищные дни, когда она погибала, когда я кричал от боли, кричал вместе с ней. Я видел, как она умирает, и чувствовал, что умираю я. И мы умерли: она и я. И мы легли во гроб. И казалось, что эта смерть бесконечна. Но постепенно, повинуясь таинственным законам русской истории, мы стали открывать глаза: сначала она, потом я. И мы встали из гроба. И теперь я с восхищением посещаю университеты, где много превосходных, дивных, красивых юношей и барышень. Я посещаю заводы, где строят замечательные машины, современные самолеты и космические аппараты. Я выхожу в поля, которые десять лет лежали, как пустошь, были не паханы и зарастали диким лесом. Теперь они возделаны, и на них зеленеют злаки.

Когда истекут мои земные дни, я вернусь в ту землю, которая меня создавала, и опять превращусь в эти песчинки, в эти капельки росы, в эти переливчатые лучи света. Вернусь к тем бесконечно любимым близким и далеким людям, которые поджидают меня там, в другой жизни, сидят в застолье, где уготовано для меня место.

Думая о моей Родине, плача вместе с ней, ликуя вместе с ней, наделенный от нее удивительными дарами, иногда недостойный ее, я повторяю вслед за нашим великим полководцем Александром Васильевичем Суворовым: «Господи, какое счастье быть русским!»

Публикация подготовлена
по материалам газеты «Завтра»

Точка зрения

Михаил ЛЕОНТЬЕВ

ЖИВИТЕЛЬНЫЕ САНКЦИИ И ПЕРЕЛОМНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Михаил Владимирович Леонтьев — известный российский журналист, родился в 1958 г. в Москве. Окончил общеэкономический факультет Московского института народного хозяйства. Был главным редактором журнала «Профиль». Работал в газете «Коммерсантъ» и других изданиях. С 1999 г. — ведущий программы «Однако». С 2009 г. главный редактор журнала «Однако». Директор департамента информации и рекламы корпорации «Роснефть». Лауреат журналистской премии «Золотое перо России». **Живет в Москве.**

Эта статья посвящена теме внешнего воздействия на Россию и формам противодействия ему. Заранее извиняюсь за повторы, поскольку это наша, по сути, вечная тема. То, что мы повторяли рефреном, и то, что доказала практика: все адекватные усилия по восстановлению и укреплению политического суверенитета России — лишены надежной экономической основы. Действующая структура экономики, как и вся действующая экономическая политика, последовательно проводимая квазилиберально-экономическим блоком правительства, не обеспечивает Россию минимально достаточными гарантиями экономического суверенитета. То есть сегодня эти гарантии придется выстраивать в неблагоприятных финансово-экономических условиях — с одной стороны. Но с другой стороны — в ситуации физического принуждения России к выстраиванию таких гарантий. По сути, западные партнеры принуждают российскую власть не только к смене экономической парадигмы, но и к смене экономической команды (если, конечно, исключить вариант стремительного трудового перевоспитания).

Несколько предваряющих тезисов, более подробно раскрываемых авторами альманаха «Однако».

Не санкции являются причиной спада российской экономики. Нашу экономику буквально ногами загнала в кризис наша экономическая политика, проводимая «кудринцами» и «неокудринцами». Начиная с 1991 года результатом макроэкономической политики, людей, которые считают макроэкономику основным, если не единственным, инструментом экономического управления, является непрерывное раздувание реального обменного курса рубля. Единственным обрывом в этой поли-

тике стал дефолт 1998 года, произошедший помимо их воли и сознания и ставший, по сути, единственным позитивным макроэкономическим действием для российской экономики за всю ее новейшую историю. Четырехкратная ревальвация рубля за период после 2000 года лишила российскую производящую экономику любых шансов на конкурентоспособность. По сути, это модель, когда природная рента направляется на максимизацию потребительского импорта и удушение национального производства. Надо заметить, что эта модель не имеет аналогов в мире. Это «ноу-хау» лучшего министра финансов среди всех недоразвитых экономик в номинации их куратора.

Все эти годы эти же люди, монополизировавшие экономическую политику и экономическую мысль в России, сознательно и открыто строили экономику, максимально аффилированную к глобальным рынкам и их главному регулятору. Естественно, что самой уязвимой частью российской экономики оказалась финансовая система, включая банковскую. Российские банки не способны и не настроены на рефинансирование российской экономики. Во всяком случае, рыночными механизмами. В России не существует рынка минимально доступного кредита, вне элементов целевого фондирования на основании политической воли политического руководства. То есть для реального рынка и реального частного инвестора финансовый кислород недоступен, что гарантирует вполне надежное удушение. Все это функционировало без всяких санкций. Санкции же перекрыли последний источник рыночного рефинансирования, когда наши банки задорого продавали своим клиентам относительно дешевые деньги, занимаемые на Западе. Параллельно дегенеративная борьба монетарными методами с немонетарной инфляцией принуждала страну все свои свободные средства практически бесплатно размещать на том же Западе, откуда потом они не бесплатно заимствовались. Финансовые санкции, реально и потенциально самые болезненные для российской экономики, объективно принуждают нас к отказу от этой модели и созданию собственных источников рефинансирования собственной экономики. Единственно, трудно себе представить, чтоб эту задачу решили те же люди, которые эту нынешнюю систему отстраивали и защищали как единственно возможную.

Колоссальная экспорто- и импортозависимость выстраивалась сознательно как единственная современная, открытая миру экономически рациональная модель. При этом зависимость от экспорта (как, собственно, неоднократно и предупреждали) не менее болезненна, чем зависимость от импорта. Политика восстановления экономического суверенитета должна исходить не только из дестимулирования импорта, но и из дестимулирования экспорта (не обязательно одновременно). И максимального стимулирования внутреннего потребления.

Вот, собственно, те обстоятельства, которые очевидным образом доказывают политическую полезность, живительность санкций для России. Вопрос в том, способна ли Россия извлечь из санкций эту полезность. И здесь ключевой момент — восстановление в полном объеме способности генерировать конечные компетенции. То есть делать то, что не умел делать в серьезных масштабах никто из известных объектов санкций (если, конечно, исключить Советский Союз). Для России эта способность принципиально регенерируема. Но это и есть самая сложная задача. Материально она воплощается в необходимости восстановления российского станкостроения.

Причем на принципиально ином современном уровне. Собственно, это и есть самая сложная и самая главная проблема, от которой зависят наш экономический суверенитет и наша историческая перспектива.

Приходится повторять, что наше недалекое будущее, где информация, энергия и технологии будут доступны в любой точке любому потребителю, способному за это заплатить, определяется исключительно способностью производить уникальные знания и умения. То есть создавать технологии, следующие за нынешним экономическим укладом. Еще раз: тот, кто обладает капиталом и способностью создавать уникальные знания и технологии (что на самом деле одно и то же), получит все. А остальные будут курить бамбук. Санкции, особенно направленные на попытку лишить Россию доступа к прорывным технологиям, это уникальный шанс вернуться к самостоятельному производству знаний и умений. То, что мы умели еще совсем недавно.

Наша страна должна и будет развиваться. Можно сказать, она истосковалась по развитию. Идея Общероссийского народного фронта — широкая коалиция вокруг целей и задач развития. Как должна выглядеть эта коалиция, как она будет работать, принципы, идеи, базовые ценности — все это проговаривается и будет проговариваться. Здесь бы хотелось сосредоточиться на том, что означает «развитие» в современном мире, какие реальные возможности, перспективы и угрозы оно с собой несет. На секунду вынесем за скобки нынешний глобальный кризис, шаг за шагом неумолимо разрушающий весь действующий миропорядок. Очевидно одно: материальной формой выхода (или не выхода) из этого кризиса точно будет технологическая революция, не имеющая прецедентов в истории человечества ни по скорости, ни по масштабам влияния на экономику, трудовую деятельность и вообще всю человеческую жизнь.

Крупнейшая консалтинговая компания «МакКинзи» опубликовала фундаментальное исследование о перспективах и последствиях развития прорывных технологий до 2025 года. 11 лет — это исторический миг на самом деле. При этом подчеркивается, что это не футурология, а простая экстраполяция уже действующих процессов, т. е., по сути, это самый минималистский прогноз. Авторы утверждают, что масштаб перемен в человеческой жизни и деятельности, вызванный этими процессами, во много раз превосходит результат промышленной революции. Авторы употребляют термин disruptive technologys (не вкладывая в это априорно чисто негативного смысла). Disruptive — по словарю — «разрушительный», «подрывной» — в смысле переламывающий существующий порядок вещей.

В чем, собственно, суть? Не отягощая читателя подробностями, попытаюсь обобщить итоги исследования по отдельным группам самых «подрывных» технологий.

Это мобильный Интернет, облачные технологии, Интернет, встроенный в приборы, предметы и т. д. Суть в том, что любые объемы компьютерной памяти и мощности становятся доступными в любом удалении от самого «железа».

Это роботизация, беспилотный транспорт, 3D-принтеры, означающие, по сути, отказ от современного массового крупносерийного производства и от современного традиционного промышленного труда. Традиционный рабочий исчезает, «китаец» больше не нужен. И это, кстати, предпосылка для реиндустриализации в «развитом» мире на совершенно новой технологической основе.

Это революция в области новых материалов и технологий, в том числе, что в нашем случае особенно важно, добычи энергоресурсов и производства энергии. Та самая «сланцевая революция», альтернативные источники… Суть в том, что энергоресурсов, как традиционных углеводородов, так и альтернативных, становится на порядок больше, они становятся принципиально доступнее и дешевле. Это не только конец «геополитики нефти». Это, по сути, снятие энергетических ограничений для экономики.

И наконец, один важнейший момент — это распространение дистанционного образования — вещь, принципиально меняющая возможности и рынок качественного образования. Зачем вам оканчивать Урюпинский университет, если вы можете заочно учиться в Оксфорде, Принстоне или MIT (или МГУ и МФТИ, если они находятся в соответствующем состоянии). Это означает принципиальную доступность любого качественного образования при резком обесценении образования во всех смыслах «средненького». Покупать диплом бессмысленно, как и подделывать ЕГЭ.

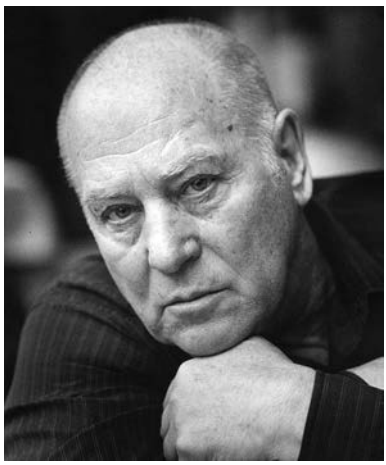
Такой экономике нужны только суперспециалисты и суперинтеллектуалы. Это на самом деле страшненькая картина будущего для всех аутсайдеров. Для всех, кто хотел бы отсидеться в тени, за спиной, воспользовавшись преимуществами наличия каких-либо естественных ресурсов. Суть в том, что все принципиально доступно: энергия, информация, технологии. Нет ограничений по качеству и численности «рабсилы», потому что нет, по сути, и самой «рабсилы». По сути, нужно только одно — владение капиталом и владение уникальными навыками и умениями, обладание конечными знаниями и способность генерировать новые. Кто этим владеет, тот получает все. Что получат остальные, даже не хочется воображать.

То есть, по сути, это идеальные условия для Русского Реванша. Несметных ресурсов дешевой рабочей силы у нас нет, а тут выясняется, что они и не нужны. А умение генерировать уникальные умения всегда (во всяком случае, до сих пор) считалось нашим национальным преимуществом. А нашу традиционную способность концентрировать капитал мы тоже вроде как сохранили, хотя бы в виде кудринской кубышки.

При этом вспомним про кризис. То есть вся эта «Вторая промышленная революция» будет происходить на фоне вызревающей социальной катастрофы как в самых развитых и богатых, так и, соответственно, в бедных странах, обрушения действующего миропорядка, перерастания социальных конфликтов в политические и военно-политические — всего того, что Президент В. В. Путин назвал «глобальной турбулентностью». При этом никакие ныне действующие «образцовые» экономические, политические и социальные институты уже не работают и работать не будут. Они с текущими задачами не справляются, не то, что с такой перспективой. То, что, естественно, осталось за рамками исследования «МакКинзи», это как раз институты — новые модели управления государством, обществом, экономикой. Это третий, может быть, главный фактор успеха. Эта площадка совершенно пуста.

Как видите, есть над чем поработать. Вот это, собственно, и есть развитие в том виде, в котором оно практически безальтернативно предлагается в современном мире. Это будущее Великой России. А отказ от него, как и неспособность к нему, означает падение в небытие. И скорее всего, не только историческое.

ПОЭЗИЯ

Константин СКВОРЦОВ

«ПОМОЛЧИМ. И ПОСЛУШАЕМ ЖИЗНЬ…»

Константин Васильевич Скворцов — родился в 1939 г. в городе Туле. Русский поэт-драматург, признанный мастер изящной словесности и сценического искусства — продолжатель традиций русской классической литературы и византийского театра в самом широком смысле этого слова. Его произведения отличаются глубиной исторической памяти, смелой трактовкой исторических событий, афористичностью языка, то есть тем, чем издавна славилась русская драматическая поэзия. Действительный член Петровской академии наук и искусств (2005). **Живет в Москве.**

МАТУШКА ПЕЛА

Снова глаза закрываю несмело,
Вспомнить пытаясь детство свое…
Помнится только: матушка пела…
Песней наполнено сердце мое.

Зимами злыми над прорубью белой,
В стылой воде полоская белье,
Вся коченея, матушка пела.
Песней наполнено детство мое.

Больше она ничего не имела.
Только свой голос. Свой — ножевой.
Не было хлеба. Матушка пела,
И оттого я остался живой.

Рядом война полыхала и тлела.
Сытым ходило одно воронье.
Вдовы рыдали. Матушка пела.
Песней наполнено детство мое.

Минуло время, память немела.
Но без войны я не прожил и дня.
Все эти годы матушка пела.
Это, должно, сохранило меня.

Мы отнесли ее легкое тело
На вековечное поле-жилье.
Все мне казалось: матушка пела.
Песней наполнено сердце мое.

* * *

В глубинке русской посреди разрухи
У нищих окон, как у царских врат,
Сидели на завалинке старухи
И тихо пели, глядя на закат.

Ни радио хрипящего, ни света,
Ни вечных кур, ныряющих в пыли…
Остались только песни им… И это
Взамен молочных речек и земли.

В чужие дали уходило солнце.
В чужие клети сыпалось зерно…
На мой вопрос:
и как же вам живется? —
Они глаза подняли озорно.

Святая Русь, не знавшая покоя,
Омытая слезами, как дождем,

Где б я еще услышать мог такое? —
Чего не доедим, то допоем!

То допоем!.. Так как же жил я, если
Мне знать доселе было не дано,
Что голова всему не хлеб, а песни,
Которые забыли мы давно?!

В глубинке русской
над деревней робко
Вставало солнце алой пеленой…
Старушки пели песню неторопко,
И медленно вращался шар земной.

* * *

А. С. Евтихиевой

Где же вы, золотые поля,
Где вы, волны бескрайние хлеба?..
Рожь не сеют. Одна конопля
Затуманила синее небо.

На меже одинокий репей
Распушился, как огненный кочет.
Знойной речи горячих степей,
Как и я, он и слышать не хочет.

Он готов уже ринуться в бой,
Но и здешние гуси на речке
Объясняются между собой
На чужом, незнакомом наречье.

Он бросает растерянный взгляд
И кричит, что есть силы и мочи,
Собирая бездомных цыплят,
Что отбились от выцветшей квочки.

Ах, репей — беспокойный петух,
Собираются грозные тучи.
Коль в тебе наш запал не потух,
Значит, выстоим, брат мой колючий!

Поднимай задремавший народ
В той деревне, где все эти годы
Пахнет медом и липа цветет,
Несмотря на прогнозы погоды!

* * *

Золотой зверобой,
и горячее поле душицы,
И обвивший смородину
сказочный алый цветок,
И родник под скалой,
тот, который доныне мне снится,
И сиреневый полог тумана
вдали от дорог.

Я мальчишкою знал:
ты должна здесь вот-вот появиться,
Вся из солнца и трав,
из ручьев от рассвета хмельных.
Побелели виски.
Замолчали в отчаянье птицы.
Я оставил тебя,
как венок из цветов полевых.

Я готов был припасть
к первой встречной зеленой травинке,
Потому что в тумане
все время мерещилось мне:
Может быть, это ты
в серебристой, как сон, паутинке,

Той, что ветер принес,
словно птица на сизом крыле.

И уехал я в город,
оставив и горы, и поле…
И в ущелье домов,
где не встретишь живого огня,
Ты по улице шла
в золотых светляках зверобоя.
Я узнал тебя сразу.
Но как ты узнала меня?

* * *

Помолчим. И послушаем Жизнь.
Блики солнца в воде отмерцали.
Тихий сумрак стирает межи
Меж стучащими робко сердцами.

Звезды с ивы упали на дно
Водоема: ни всплеска, ни мути…
И два сердца вдруг слились в одно,
Как две капли дрожащие ртути.

В не прикрытое кем-то окно
Залетела случайная птица.
Больно бьется она о стекло,
А ты шепчешь, что сердце стучится.

Ей объятья рассвет распростер,
Манит пленницу небом напиться…
Но не вырваться ей на простор.
Бог не дай мне вот также разбиться.

Помолчим. И послушаем жизнь.

* * *

Осенний лес и неба синева.
Огонь осин и вспышки дикой вишни.
С деревьев тихо падает листва,
В глухом лесу она казалась лишней.

И солнца золотые кружева
Разлиты по земле, как Божья милость…
И где-то хохотнула вдруг сова
Средь бела дня… Что это с ней случилось?

Зачем она, природе вопреки,
Вперяет глаз прозорливый и меткий
Туда, где расписные лоскутки
С девичьим страхом покидают ветки?

И между нами, как меж двух страниц,
Лишь этот удивительный гербарий.
И пахло от дерев, лежащих ниц,
Сухой травой и свежими грибами.

Любимая! Вот жизни краткий миг…
И, к нам не проявляя интереса,
Прошел с корзиной полною грибник.
Ему мы показались частью леса!

С корзиной полною — вот счастья знак.
Какого мы еще искали знака?
И никогда я не смеялся так…
И никогда, друг мой, я так не плакал!

АВАЛЛОН

Аваллон — город магов, друидов и жриц…
Из письма

Сегодня снился странный сон,
Хоть я не увлекаюсь снами…
Приснился остров Аваллон
На бирюзовом океане.

Вдоль синей каменной гряды,
Как память об усердных предках,
Качались райские сады
И яблоки на тонких ветках.

И в каплях утренней росы
Туманы прятались в низинах.
И нимфы яблоки несли
Навстречу в ивовых корзинах.

Когда б не сон мой, как на грех,
Я убежал бы опрометью,
Поскольку знал: в корзинах тех
Лежали яблоки бессмертья!

И некто, о любви трубя,
Был довершеньем карнавала…
И вдруг я узнаю тебя,
Но ты меня не узнавала…

И я стоял, как в кандалах,
Не в силах сдвинуться… Не скрою,
Ты яблоко мне подала,
Сказав: «Расплатишься Любовью!»

— Не надо весел кораблю! —
Ответил я... — Будь трижды смертен,
Я все равно тебя люблю,
И забери свое бессмертье!

Да, смертен, и судьбы иной
Я не желаю! Верьте, люди!..
……
И я проснулся…
Предо мной
Лежало яблоко на блюде!

МИРОНЕЖЬЕ

Сегодня очень рано рассвело,
И всплыло в море памяти безбрежной
Затерянное русское село,
Овеянное сказкой — Миронежье.

Глядится в лес с кривою крышей дом,
Застыли совы, словно изваянья,
Но сердце наполняется теплом
От одного старинного названья.

Что нас с тобою так туда влечет,
Где пахнет только елью и Онегой?

Да здесь река молочная течет,
И белые грибы растут под снегом!
Здесь мы смолили старенький баркас.
Морошки съели не одно лукошко.
С тобою мы бездомны, но у нас
Есть в Миронежье добрая сторожка.

И если я скажу тебе не то,
Иль ты меня окатишь
фразой снежной,
Мы убегаем в наше Миронежье
И ставим самовар на круглый стол.

* * *

Расскажи мне, земляк, мой товарищ бывалый,
Ты прошел сто дорог, не жалея коня,

Это кто же назвал нашу Родину малой,
Словно выстрелил черною пулей в меня?!
Мы сидим у огня, путь проделав немалый,
Здесь родимое небо и Вечный покой.
Воскресает душа, словно путник усталый,
Что с ковшом наклонился над Лунной рекой.

Я выйду по тропе подталой
На полустанок небольшой.
Не может Родина быть малой
С такой великою душой.

Мне другая земля никогда не приснится
Потому, что в объятьях чужих городов
Я летаю во сне беспокойною птицей
Над вершинами сопок и сизых хребтов.
Потому, что осталась в распадках Урала
Та тропа, что из дома меня увела.
Потому, что певуньей была моя мама,
И черемуха в детстве безумно цвела.

Я выйду по тропе подталой
На полустанок небольшой.
Не может Родина быть малой
С такой великою душой.

Вновь вершины твои солнце красит зарею.
Ты последних лучей от меня не таи.
Я иду по земле, сам я стану землею,
Но останутся вечными камни твои.
С дымом горьким долин мы повязаны кровью.
Так прости, если я, о минувшем скорбя,
Нерадивый твой сын, запоздалой любовью,
Тихой песней своей потревожил тебя.

Я выйду по тропе подталой
На полустанок небольшой.
Не может Родина быть малой
С такой великою душой.

ЧИБИС

Над уснувшим заливом,
над чистой водою Нугу́ша.
Разрезая беззвучно
высоких небес синеву,
Родового закона
жестоких отцов не нарушив,
Черный ястреб снарядом
в зеленую падал траву.

На песчаной косе
слюдяные рассыпались рыбы.

И, спасаясь от острых когтей
у меня на виду,
Из росистой травы
робко вынырнул раненый чибис
И у ног моих замер,
смертельную чуя беду.

Успокойся, пернатый,
и сбрось с себя мокрую тину.
С этой смертью крылатой
ты встретишься в жизни не раз.
И в ответ мне так нежно
и так маслянисто светились
Под веселыми рожками
черные бусинки глаз.

Сколько было любви
в хрупком тельце его невеликом…
По холодным утрам,
лишь займется рассвет над рекой,
Он будил меня резким,
тревожным, пронзительным криком,
И душа наливалась
вдруг болью,
дарящей покой.

Он спешил мне навстречу,
хромая по мокрой поляне…
Но в последнем из дней,
в настороженном утреннем сне,
У палатки моей,
утопающей в белом тумане,
Я его не услышал…
И умерло что-то во мне.

Боже! Как же случилось,
что в мире, где кровь и разбои,
Где заря увядает,
еще не успев расцвести,
Не хватает не радости нам,
а пронзительной боли,
Чтобы слиться с природой
и краткий покой обрести.

И когда я уеду,
покинув лесное раздолье,
И последние искры
погаснут в остывшей золе,
Прокричи мне, мой чибис,
пусть сердце сожмется от боли.
И я снова поверю,
что я еще здесь, на земле.

ПРОЗА

Сергей КОТЬКАЛО

ВАСЬКИНЫ ГРЕХИ

Святочный рассказ

Сергей Иванович Котькало — секретарь правления Союза писателей России, автор многочисленных рассказов, опубликованных в журналах «Молодая гвардия», «Россияне», «Роман-журнал. XXI век», книг «Лепет обманутого восторга», «Дурман», «Монастыри России», «Крик журавля», редактор журнала «Новая книга России». **Живет в Москве.**

В канун Сочельника посыпался ледяной дождь. Улица превратилась в ледовый дворец. Народ спрятался в укрытиях. Редкие бесхозные собаки скользили на дорогах, падали и жалобно скулили.

В природе творилось что-то невиданное. Казалось, что уже никакого праздника не будет…

Но дождь сменился натуральной белою снежною пургой. В мгновенье смешался с мокрой наледью, а вскоре и вовсе улица представляла собою огромный, едва не сравнявшийся с окнами первых этажей, сугроб.

На все про все ушло чуть более получаса. Жизнь приобрела новое звучание. В домах хозяева колдовали с приготовлением кутьи, узвара, пирогов, жареных гусей, печеных уток, голубцов… Детвора поправляла наряды домашних елок, хозяйки раскладывали по корзинам рождественские подарки и вечерю кумовьям, крестникам, сватам и сродникам… Делалось это не ради того, а чтобы все было загодя заготовлено, на случай, если, вернувшись с заутрени, гости завернут к ним, и не нужно будет скрести закрома на виду. Напротив, как только гости перешагнут через порог, а вы — тут как тут: получите, дорогие, наше почтение. Они, конечно, тоже вам в ответ свое предпочтение и прочее…

Однако все это впереди. Нынче же мамаша требует у Василия читать вслух Последование и Покаянный канон ко причастию. Он нудно и невнятно, лениво перекрестившись на красный угол, гундосит: «Молитвами святых отец наших…»

— Безыскусно начинаешь, — замечает ему матушка от печки, больно обжигая руку о горячий чугунок с колбасами, — язви твою душу…

— Это как? — спрашивает, жалея мать, Василий.

— Масло подай, горе луковое, — кусая в кровь губы, вскрикивает на Василия. — С греха с тобой пропадешь. Читай уже, Христа ради, грамотей.

И Василий оживленно читает: «Царю Небесный, Утешителю, Душе…», — и замолкает, прислушивается к душе, утешена ли она, утопает в фантазиях, пока матери не до него, несется на волшебных санях по белому морю навстречу ураганному ветру, разрывает грудью одну за другою ледяные скалы, высвобождая из плена Ангелов…

— Иже везде сый и вся исполняяй, — подсказывает продолжение от печки мать, растирая макогоном мак в макитре для вертуты и кутьи.

— Что? — спрашивает ее Василий.

— Сокровище благих, — смеется и плачет мать.

— Это почему же — удивляется он ей.

— И жизни Подателю, — уже совсем развеселившись, читает она, — прииди и вселися в ны…

— Куда, — напрочь сбивается Василий и того и гляди зарыдает от скорби, — я без тебя, без вас, в мороз, в пургу…

Мать прижимает сына к грязному фартуку, гладит замасленными руками голову и всхлипывает с ним заодно, жалкует, а в печке духмянятся пироги с творогом. Запах в нос шибает. Слюнки текут. Кишки голодную песнь поют. Руки сами к столу тянутся отщипнуть хоть чего-нибудь съестного, да и первая звезда уж видна в окно…

— Рыбник и то кошке дали, — незлобливо заметил Василий.

— Вот и напрасно, — поперек говорит ему мать, — еще в колоколы не били, что б противиться. Ты уж, миленький, почитай, пока терпится.

— Чего терпится-то, — изумляется ей, — кишки похоронный марш играют, а вам все терпится да читай… А чего читать-то? Вы разве это не читали, не знаете? Сколько раз читано-перечитано, и опять читай…

— Читай, Васенька, читай, — мирволит матушка, — тебе Господь все и даст…

— А зачем на Него валить, когда сами можете? — заметно заводится Василий.

— Сами мы ничего не можем, — знай свое гнет мать, посыпая сахарной пудрой яблочный пирог…

Жизнь неизбывно утекает в хлопотах. Стрелка показывает ближе к полуночи. Мать мало-помалу завершает хлопоты. Василий часов не прочел, как от Ивана Воина ударили в колокол. Спешно нарядились они с матерью в праздничные одежды и подались в церковь.

Хотя торжества еще не начинались, но в природе уже чувствовалась радость и благодать. Огни торжества в домах горят. Всюду белым-бело, кроме неба, где медленно шуршит убывающая без курса луна. Людские ручейки стекаются под покров Ивана Воина, сдержанно поздравляя друг друга с Сочельником.

В храме тепло, священноначалие в алтаре переоблачается, народ возжигает праздничные свечи перед образами, лишь паникадила пока не возжигают, но напряжение растет. Взрослые молитвенно собираются да на детишек пошикивают, мол-де: «Неможется вам, дрыгаетесь, затихните!» — И детвора затихает в тон пожеланиям, на время присмиревает, на росписи глазеет и что-то воображает себе.

«Вон, — замечтался Василий, — Ангели на небеси снегами Христу дорожку сеют, а наши ребятишки по домам шастают и перловку сыплют. Мать после неделю по углам выметает, бранится: наколядовали-де. Крылышки-то у них сивенькие, а в книгах написано — белые. Вот те и художества. И ягнята синие, а там — розовые агнцы. Кому верить? — спрашивается в задаче…

Эх, — страшное вспомнилось Василию, — опять надоть батюшке каяться: задача по математике нерешенной за четверть осталась. Хорошо еще мать не знает, а то прощай Рождество — все каникулы просидишь. А батюшке сказать придется, иначе еще и до Пасхи не причастит. И то правда, есть в чем сознаваться. Кур насильно в подклети днем держал, когда мать на службе была, чтобы гулять дотемна безответственно. Или, опять же, у Ленки-соседки рашпиль без спроса брал, пусть и вернул, также втихомолку, после… Дневник с двойками в проруби утопил… Таньку-первоклашку не защитил от свирепого индюка… Перед ребятами стыдно…

Эх, — загляделся на ясли Господни Василий, — неужели Он и впрямь все видит… Конечно, — по-взрослому вздыхал, — сверху все видно, хоть и Маленький еще совсем: только народился…»

В минуту тяжелых раздумий Василия диакон сказал: «Благослови, Владыко», — а иерей ответил: «Благословенно Царство…» — Мгновенно зажглось огнями паникадило, служба полилась единым духом. В закутках церкви священники исповедовали грешников. Вася был в их числе. Он вспомнил все и вся, чем согрешил за прошедшие дни, сердечно переживал свою непутевость и очень переживал и молил Бога простить его и поверить в его желание исправиться. Он не видел теперь ничего и никого вокруг себя, боялся поднять голову на только что видимые фрески Рождества Христова, шмыгал мокроту носом, но уже никак не мог сдержать слезы угрызений совести, а когда рука священника коснулась его волос, то слезы непрерывным потоком полились из глаз долу, тело забилось в судорогах, до того горько и больно было его душе.

— Плачь, рыбонька, плачь, — говорил ему старый священник-фронтовик, — есть над чем тебе плакать, а лучше было прежде поплакать и не вытворять чего зря, — наставлял, как казалось со стороны людям, без сострадания ребенка. — Много ты не плакал и много творил, а теперь плачь, и ты, — обращаясь к матери, — крепко виновата, плачь…

И она плакала за всю свою жизнь и за жизнь Василия, тряслась и рыдала, как это случалось со многими при исповеди, но батюшка, отпуская мальчика с миром, сказал ей:

— Возрадуемся Господеви! — погладил нежно по белой головке, перекрестил и тоже отпустил с миром…

Потом все слилось с музыкой общей молитвы. Василий растворялся в радостном пении правого и левого клиросов. Душа его парила вместе с Ангелами под куполом, и раз за разом он проваливался в сон, отчего едва не падал, вздрагивал и возвращался на каменный пол церкви, но скоро его душа снова тянулась за ангельскими голосами, и он опять проваливался, вздрагивал и возвращался в мир. Взгляд его поднимался на вертеп. С котомками на палках за спиной благостные волхвы вели на веревках за собою верблюдов. Их путь с высоты Востока освещал белый свет Вифлеемской

звезды из ясель Божественного Младенца, что играл крохотными пальчиками и со звездою говорил…

Василию очень хотелось послушать их разговор. Он даже уже потянулся ухом к куполу, как матушка подхватила почти падающего на пол:

— Держись, сынок, — сказала, — нехорошо, Херувимскую поют…

— Держусь, — сказал ей Василий и вздрогнул: опять соврал.

В испуге теперь он уж наверняка проснулся, ожил и за дьяконом твердо и верно повторял «Верую…», а скоро и совсем бодро читал «Отче наш…». Напряжение в нем прибывало. Он вспомнил, что солгал нынче матери, истово просил Младенца простить ему и не лишать радости причаститься в чудную Рождественскую ночь. Очередь медленно препровождала его к руке священника, подававшего лжицу с Кровью и Телом Христовыми алчущим принять внутрь себя Солнце правды… Служка-старушка протягивала запивку. За ней иподьякон раздавал всем без разбора по пирогу и чашке чая…

Василий был уже на воздусях, с избытком получив не по чину, как ко всему этому, настоятель собственноручно стал раздавать каждому прихожанину шоколадки и благословлять.

Сердце Василия совсем закарамелилось.

При выходе из церкви он зазевался, споткнулся о порог и плашмя шмякнулся на каменные ступени лбом. Кто-то из мужиков подхватил его на руки. Мать, приговаривая: «Да что ж это, Господи…» — рукой растирала кровь по белому лицу сына. Василий огляделся испуганным взглядом и виновато сказал:

— Ничего, я так лучше буду.

Вышла книга

Павел Кренев

Мужской поступок, рассказы. — СПб., Издательство «РУСЬ». 2014. — 192 с.

Павел Кренев — писатель зрелый и самобытный. Он приводит читателя в край северной тайги, на берег Белого моря — в ту заповедную страну, к которой тянется душа каждого русского человека.

От рассказов Кренева веет лесным разнотравьем, терпкими запахами морских водорослей, просмоленными карбасами, крестьянскими избами, северной деревней…

В рассказах Павла Кренева — целая галерея народных характеров. Его герои — и взрослые, и подростки — являются носителями векового поморского уклада, гражданами самобытного и свободного русского Севера.

Читая написанные добротным русским языком рассказы Павла Кренева, снова и снова поражаешься, насколько прекрасна наша Россия, как замечательны люди, населяющие ее!

Книга предназначена для читателей среднего и старшего школьного возраста, но, безусловно, она будет интересна и для взрослых.

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

ГИМН ВО СЛАВУ РОЖДЕСТВА

«Рождественская песнь в прозе» Ч. Диккенса и святочный рассказ Н. С. Лескова «Зверь»

Алла Анатольевна Новикова-Строганова, доктор филологических наук, профессор Орловского государственного университета, Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХ и ГС), юрист, консультант Орловского областного Совета народных депутатов, советник государственной гражданской службы 1-го класса. Автор трех монографий и более 300 опубликованных в России и за рубежом научных работ о творчестве Лескова, Достоевского, Тургенева, Бунина и других классиков мировой литературы. **Живет в Орле.**

Святочная словесность — интереснейший пласт культуры, некогда незаслуженно забытый, а сейчас обретающий «второе дыхание». Всемирно признанный мастер этого жанра — английский романист Чарльз Диккенс (1812–1870) — один из самых «родственных» русской литературе зарубежных авторов. «Никто меня так не успокаивает и не радует, как этот мировой писатель», — отзывался Ф. М. Достоевский о Диккенсе. Л. Н. Толстой ценил его как писателя безошибочного нравственного чутья.

В России второе рождение жанр святочного рассказа получил благодаря Николаю Семеновичу Лескову (1831–1895), который также видел своего союзника в «великом христианине» Диккенсе. Ратуя за обновление жанра, Лесков писал: «Форма рождественского рассказа сильно поизносилась. Она была возведена в перл в Англии Диккенсом. У нас не было хороших рождественских рассказов с Гоголя до “Запечатленного Ангела”. С “Запечатленного Ангела” они опять пошли в моду»[1].

В своих сочинениях и Диккенс, который одним из первых в литературе начал «великий поход в защиту Рождества» и расценивал свои повести как «рождественскую миссию»[2], и Лесков воплощают основные идеи, темы, мотивы, образы, уходящие корнями в сюжеты Священного Писания. Рождество Христово является символико-содержательным началом святочной литературы. Ведущая идея праздничного мироощущения — спа-

[1] *Лесков Н. С.* Собр. соч.: В 11 т. М.: ГИХЛ, 1956–1958. Т. 11. С. 406. Далее цитаты приводятся по этому изданию с обозначением тома римской цифрой, страницы — арабской.

[2] *Честертон Г.* Чарльз Диккенс. М.: Радуга, 1982. С. 106.

сение человечества: «*Христос рождается прежде падший восставити образ*».

Оба писателя реализуют религиозно-нравственное содержание «рождественского рода литературы» и его основные сюжеты: о духовном проникновении, искуплении человека, уронившего в себе «образ и подобие Божие». Наиболее очевидно нравственное возрождение закосневших в грехах людей происходит в первой повести рождественского цикла Диккенса **«Рождественская песнь в прозе»** (в ином варианте перевод заглавия **«Рождественский гимн в прозе»**) (1843) и в рассказе святочного цикла Лескова **«Зверь»** (1883).

Создание одного произведения от другого отделяет ровно сорок лет. Но, несмотря на прошедшие десятилетия, неизменными остаются убеждения, с большим пафосом высказанные обоими авторами. «Бог есть начало добра» [XI, 333], — утверждал Лесков. Диккенс писал о том, что «каждая христианская душа, творя добро, пусть на самом скромном поприще, найдет свою земную жизнь слишком быстротечной для безграничных возможностей добра!»[1]. Именно на этом пути открывается дорога к «преображению», восстановлению «падшего образа», воскрешению «мертвых душ».

Жанровый канон святочного рассказа в русской беллетристике во многом складывался под воздействием западноевропейской традиции и, в частности, под влиянием цикла Диккенса **«Рождественские повести»**. Однако Лесков, готовя к изданию свой цикл **«Святочные рассказы»** (1886), не просто признал, что форма рождественского рассказа «была возведена в перл создания в Англии Диккенсом» [XI, 406], но и вступил в творческое состязание с одним из ведущих мастеров жанра.

Лесков выступил не только как создатель цикла святочных рассказов и повестей, но и как один из первых теоретиком жанра, дал его четкую дефиницию в своем святочном же рассказе **«Жемчужное ожерелье»** (1885): «От святочного рассказа непременно требуется, чтобы он был приурочен к событиям святочного вечера — от Рождества до Крещенья, чтобы он был сколько-нибудь фантастичен, имел какую-нибудь мораль, хоть вроде опровержения вредного предрассудка, и наконец — чтобы он оканчивался непременно весело»[2]. О жанровой структуре и правилах рождественского рассказа писатель также размышлял в неопубликованном «святочном рассказе» **«Маланьина свадьба»**: «Я расскажу вам, достопочтенные читатели, небольшую историйку, сложившуюся по всем правилам рождественского рассказа: в ней есть очень грустное начало, довольно запутанная интрига и совершенно неожиданный веселый конец»[3].

Лесков указал на некоторые «технические» жанровые проблемы: «В жизни таких событий бывает немного, и потому автор неволит себя выдумывать и сочинять фабулу, подходящую к программе. А через это

---

[1] *Диккенс Ч.* Рождественский гимн в прозе // Диккенс Ч. Собр. соч.: В 30 т. М.: ГИХЛ, 1959. Т. 12. С. 24. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием тома и страницы арабскими цифрами.

[2] *Лесков Н. С.* Собр. соч.: В 12 т. М.: Правда, 1989. Т.7. С. 4. Далее цитаты приводятся по этому изданию с обозначением тома римской цифрой, страницы — арабской.

[3] *Лесков Н. С.* Маланьина свадьба. Святочный рассказ //Литературное наследство. Т. 101. Неизданный Лесков. Кн. 1. М.: Наследие, 1997. С. 466.

в святочных рассказах и замечается большая деланность и однообразие» [VII, 4]. Не свободны от этого и образцовые в своем роде повести Диккенса.

Наш русский автор обратил внимание на то, что английский романист иногда искусственно, хотя и искусно, подгоняет свои сюжеты под святочное задание. Эта жанровая привязка порой «шита белыми нитками»: «есть “смазь”; но ведь (забыл сказать) без подобной связи рождественский рассказ редко обходится. Она очень часто сверкает белыми нитками даже у Диккенса. Это ничего: лишь бы осталось что-нибудь образное» [X, 468], — примиряюще замечал Лесков.

Собственной художественной практикой он блистательно доказал, что «и святочный рассказ, находясь во всех его рамках, все-таки может видоизменяться и представлять любопытное разнообразие, отражая в себе и свое время и нравы» [VII, 4].

Национальное своеобразие по-своему воплощается в произведениях английского и русского писателей. Повесть Диккенса действительно поет гимн во славу Рождества. По тонкому замечанию Гилберта К. Честертона, «поистине это — рождественская песнь и ничто другое»[1]. Сама атмосфера здесь намного важнее сюжета. К тому же, по английской традиции, в действие вступают призраки и привидения. А в лесковском рассказе нет ничего сверхъестественного. Представлены именно русские святки с их традиционными обрядами и забавами, потехой с медведем; здесь воплощается народная зимняя «сказочность» с ее неизменной верой в торжество добра над злом, в победу правды над кривдой.

Жадный мизантроп мистер Скрудж («scrooge» в переводе с английского означает «скряга», «скупец») в повести Диккенса — родной дядя своего жизнерадостного племянника. Этот молодой человек очень беден, но всегда весел, приветлив и открыт для общения с людьми. Что касается богача Скруджа — он скрытен, замкнут и одинок, прячется от людей, «как устрица в свою раковину» [12, 8]; все живые существа, даже собаки, сторонятся его.

Вот наиболее красноречивые характеристики персонажа: «Ну и сквалыга же он был, этот Скрудж! Вот уж кто умел выжимать соки, вытягивать жилы, вколачивать в гроб, загребать, захватывать, заграбастывать, вымогать…» [12, 8]. Эмоциональное нагнетание экспрессивно окрашенных глаголов-синонимов создает выразительный образ немилосердного дельца-человеконенавистника: «Это был не человек, а кремень. Да, он был холоден и тверд, как кремень, и еще никому ни разу в жизни не удалось высечь из его каменного сердца хоть искру сострадания» [12, 8].

Диккенс создал настолько впечатляющий типизированный образ скряги, что его имя стало нарицательным еще в XIX столетии. Персонаж, похожий на Скруджа, был распространен и в русской святочной литературе.

В лесковском рассказе **«Зверь»** герой-мизантроп выступает без имени — он известен просто как дядя своего пятилетнего племянника, который, став взрослым, вспоминает удивительное преображение, происшедшее в те далекие, но незабываемые святки.

Воплощение в персонажах душевной черствости, внутреннего оледенения подкрепляется темой зимы, мороза, лютой стужи. Наиболее последовательно этот мотив выступает в повести Диккенса. Пейзаж и портрет

[1] *Честертон Г. К.* Чарльз Диккенс. М.: Радуга, 1982. С. 111–112.

взаимодействуют, дополняя друг друга в образе Скруджа. Тема холода получает полное воплощение, парадоксальным образом отражаясь на внешнем облике старого скупца: «Душевный холод заморозил изнутри старческие черты его лица, заострил крючковатый нос, сморщил кожу на щеках, сковал походку, заставил посинеть губы и покраснеть глаза, сделал ледяным его скрипучий голос. И даже его щетинистый подбородок, редкие волосы и брови, казалось, заиндевели от мороза. Он всюду вносил с собой эту леденящую атмосферу» [12, 8–9]. Диккенс подкрепляет этот образный ряд еще одним удивительным художественным приемом: «Присутствие Скруджа замораживало его контору в летний зной, и он не позволял ей оттаять ни на полградуса даже на веселых святках» [12, 9]. Поистине писательская изобретательность автора неисчерпаема! Обращает на себя внимание следующее необычное сравнение: Скрудж сродни «водопроводному крану на улице», из которого еще «сочилась вода, и он, позабытый всеми, понемногу обрастал льдом в тоскливом одиночестве, пока не превратился в унылую скользкую глыбу» [12, 15]. Из Скруджа, как из мерзлого крана, по капле утекают живая жизнь и человеческое тепло, превращая «старого греховодника» в бездушную ледышку. Он вовсе не замечает людей и не огорчается из-за отсутствия их симпатии. Скрудж сам отгораживается от мира, живой жизни даже в непроизвольных жестах: например, застегивает «пальто на все пуговицы», подобно небезызвестному «человеку в футляре».

Тема этого персонажа не только холод, но и идущий с ним об руку мрак: «За темноту денег не платят, и потому Скрудж ничего не имел против темноты» [12, 18]. Холод и тьма — устойчивые атрибуты зла, которое по природе своей стремится в небытие, в пустоту. Так и Скрудж, внешне и внутренне заиндевевший, напоминает «живой труп», привидение. Не столь удивительно поэтому, что именно такому герою явился выходец из загробного мира, бывший его компаньон Джейкоб Марли. В таком контексте Скрудж предстает словно «сам злой дух непогоды» [12, 17].

Для Диккенса «ледяное сердце» страшнее, чем самый лютый мороз. Писатель утверждает, что его герой во сто крат хуже любой непогоды: «Самый яростный ветер не мог быть злее Скруджа, самая лютая метель не могла быть столь жестока, как он, самый проливной дождь не был так беспощаден. Непогода ничем не могла его пронять. Ливень, град, снег могли похвалиться только одним преимуществом перед Скруджем — они нередко сходили на землю в щедром изобилии, а Скруджу щедрость была неведома» [12, 9].

Тема зимней стужи по-своему развивается и в рассказе Лескова **«Зверь»**. О непогоде сказано вкратце, что «по случаю ужасных холодов» матушка маленького героя, собравшаяся навестить мужа на Рождество Христово, «чтобы не оставить его одиноким в этот прекрасный и радостный праздник» [VII, 26], не может взять с собой сына. Мать поручает мальчика заботам своей сестры, бывшей «замужем за одним орловским помещиком, про которого ходила невеселая слава. Он был очень богат, стар и жесток. В характере у него преобладала злобность и неумолимость» [VII, 26]. В унисон характеру дядюшки рисуется выразительный образ «всегубящей зимы»: «Была зима, и очень жестокая. Стояли такие холода, что в хлевах замерзали ночами овцы, а воробьи и галки падали на мерзлую землю окоченелые» [VII, 26].

Если вспомнить новозаветные рождественские события: Иисус Христос родился в обстановке самой непритязательной — в хлеву, где домашние жи-

вотные согревали Божественного Младенца своим дыханием в холодную зимнюю ночь, — то губительная морозная стихия в рассказе **«Зверь»** предстанет еще более устрашающей. Под стать ей характер сурового и жестокосердного владельца поместья, где должен был провести святки маленький герой.

Мальчик поначалу очень боится помещика-самодура. Так что безымянного дядюшку в рассказе можно было бы назвать «дядя Страх», учитывая к тому же, что в реальности дядя писателя, ставший прототипом героя, носил фамилию Страхов.

Такое неслучайное совпадение — фамилия, соответствующая характеру, — позволяет представить Страхова как живое воплощение страшного, персонификацию страха. К слову — американский исследователь Хью Маклейн по аналогии с диккенсовским «мистером Скруджем» остроумно назвал дядю Лескова «мистер Страх»[1]. Лесков и Диккенс — каждый своими художественными средствами — создают атмосферу «страшного» святочного повествования, традиционный предсвяточный антураж накануне Рождества, когда особенно активизируются темные силы, предчувствуя свой близкий конец.

Страх, как бы разлитый во всей атмосфере лесковского рассказа, внедряется в сознание и сердца всех, кто сталкивался с «немилосердным» дядей: «Дядю боялись все», «я в доме такого хозяина гостил неохотно и с немалым страхом» [VII, 26].

В жилищах героев Лескова и Диккенса интерьер помогает раскрывать морально-нравственный облик хозяев. Обстановка и все сопутствующие ей атрибуты схожи в некоторых «говорящих» деталях. Дом мистера Скруджа — «это мрачная анфилада комнат, занимавшая часть невысокого угрюмого здания в глубине двора <…> Во дворе была такая темень <…>, а в черной подворотне дома клубился такой густой туман и лежал такой толстый слой инея, словно сам злой дух непогоды сидел там, погруженный в тяжелое раздумье» [12, 16–17]. Диккенс придумывает еще более мрачный образ: по лестницам описываемого дома «могло бы пройти целое погребальное шествие» [12, 18]; «разноголосое эхо» устрашающе раздается в пустом и одиноком жилище Скруджа, которое автор называет «берлогой».

Стоит также отметить весьма знаменательный момент. Резвящаяся на святках молодежь загадывает загадки о Скрудже, придавая ему облик «некоего животного», а именно медведя — как известно, одного из главных персонажей лесковского рассказа **«Зверь»**. Племянник Скруджа «задумал некое животное, — ныне здравствующее животное, довольно противное животное, которое порой ворчит, порой рычит, а порой вроде бы разговаривает, и которое живет в Лондоне, и ходит по улицам, и которое не водят на цепи и не показывают за деньги» [12, 72].

Отличие Скруджа от настоящего лесного медведя в лесковском рассказе только в пользу последнего. Дикий зверь парадоксальным образом оказался «человечнее» и благороднее «зверя»-дядюшки. Поместье «дяди Страха», где разыгрывается настоящее святочное действо, мрачностью и угрюмостью не уступит жилищу Скруджа: «В имении дяди был огромный каменный дом, похожий на замок. Это было претенциозное, но некрасивое и даже уродливое

[1] *McLean H.* Nikolai Leskov. The Man and His Art. — Harvard Universiti Press. Cambridge. Massachusets. London. England, 1977. P. 3.

двухэтажное здание с круглым куполом и с башнею, о которой рассказывали страшные ужасы» [VII, 26]. Жуткие звуки разноголосого эха в лондонском жилище Скруджа раздаются в унисон «Эоловой арфе», устроенной орловским помещиком наверху башни: «Когда ветер пробегал по струнам этого своевольного инструмента, струны эти издавали сколько неожиданные, столько же часто странные звуки, переходившие от тихого густого рокота в беспокойные нестройные стоны и неистовый гул, как будто сквозь них пролетал целый сонм, пораженный страхом, гонимых духов» [VII, 27].

Лесков, создавая свой рассказ, вообще не обращается к сказочному аппарату святочной фантастики. Искусно воссоздавая атмосферу страшного, рассказчик только ссылается на неопределенный круг лиц: «рассказывали страшные ужасы» [VII, 26], — но эти фольклорные «страшилки» не воспроизводит.

«Ужасы» рождественской повести Диккенса — иного рода. У английского романиста подробно обрисован тот самый «сонм, пораженный страхом, гонимых духов», которые в повествовании Лескова скрыты в сравнительной конструкции «как будто» и предполагаются, таким образом, только в воображении. Фантастическое в лесковском рассказе в основном носит характер не потусторонний, а социально-психологический. Хотя и здесь не обходится без вмешательства Высшего Промысла. «На то святки!»[1] — восклицал Лесков в другом своем святочном рассказе — **«Уха без рыбы»** (1886).

А вот у Диккенса показаны ставшие устойчивыми в рождественской литературе сверхъестественные образы привидений, выходцев с того света, грешников, обреченных на вечные муки: «до Скруджа донеслись какие-то неясные звуки: смутные и бессвязные, но невыразимо жалобные причитания и стоны, тяжкие вздохи раскаяния и горьких сожалений. <…> Он увидел сонмы привидений. С жалобными воплями и стенаниями они беспокойно носились по воздуху туда и сюда, и все, подобно духу Марли, были в цепях» [12, 28].

Вводит Диккенс в свою повесть и образы трех святочных Духов. Инфернальный мир, потревоживший Скруджа в сочельник, призван не столько напугать, сколько предупредить его о последствиях жизни без доброты, без Божьей искры в душе. Таким образом, вся эта сверхъестественная атрибутика служит заданию вполне реалистическому и нравственно-дидактическому: преобразовать человеконенавистника в человеколюбца, мизантропа — в филантропа и благотворителя.

Однако возможно ли нравственное перерождение мистера Скруджа? Познакомившись с ним в начале повести, читатель может считать это «рождественское задание» абсолютно невыполнимым. И все же необходимо проследить духовно-нравственное развитие, эволюцию героя, которая представлена в повести со всей очевидностью, чтобы убедиться, что Диккенс нисколько не погрешил против художественной логики.

Вначале Скрудж на все, кроме денег, «плевать хотел» [12, 18]: и на нужды людей, и в целом на жизнь с ее высшим смыслом, загадками и тайнами. Но фантастическое превращение дверного молотка в лицо Джейкоба Марли — его компаньона, умершего в сочельник ровно семь лет назад, — не могло не встревожить старого скрягу.

---

[1] *Лесков Н. С.* Уха без рыбы // Новь. 1886. Т. VII. С. 352.

В повести есть момент, намекающий на то, что Скрудж, возможно, сумел бы избежать встречи с жутким незваным гостем. Скрючившись у очага, огонь в котором еле теплился, герой должен был бы поразмышлять в рождественскую ночь о своей безрадостной жизни, сосредоточив внимание на диковинных голландских изразцах камина, изображающих сцены из Священного Писания, — «сотни фигур, которые могли бы занять воображение Скруджа» [12, 19]. Однако он не придал им никакого внимания, упустил свой шанс, и все заслонило зловещее лицо призрака Марли.

С этого момента начинается путь к воскрешению «мертвой души» Божьего творения, оскорбившего в себе Божий образ и подобие. Диккенс настаивает на христианском основании рождественского преображения Скруджа по завету Евангелия о том, что Бог не хочет смерти грешника, и для последнего грешника открыты врата к спасению. Не случайно ожившее лицо Джейкоба Марли писатель сравнивает с «жезлом пророка» [12, 19]. Как известно из Библии, этот жезл чудесным образом расцвел и даже принес плоды миндаля. Благие плоды даются также и Скруджу уже с первой его встречи с призраком.

Описывая привидение, Диккенс мастерски сумел отойти от готической традиции нагнетания ужасов. Автор повести говорит о «страшном» чуть-чуть ненасмешливо. Так, неотъемлемая принадлежность привидения английских замков — бряцающая тяжелая цепь. Звенья ее на призраке Марли выглядят нетрадиционно, зато вполне современно, в духе той работы, которую он выполнял при жизни: «Длинная цепь опоясывала его и волочилась за ним по полу на манер хвоста. Она была составлена (Скрудж отлично ее рассмотрел) из ключей, висячих замков, копилок, документов, гроссбухов и тяжелых кошельков с железными застежками» [12, 20–21]. Другой призрак, увиденный Скруджем, отягощен еще более тяжкой ношей: «к щиколотке <…> был прикован несгораемый шкаф чудовищных размеров» [12, 28]. Авторская ирония и урок очевидны. Привидение признается: «Я ношу цепь, которую сам сковал себе при жизни» [12, 23].

В результате встречи Скруджа с призраками происходит эволюция его позиции. Вначале он с атеистическим высокомерием отвергает существование запредельного мира, заявляя: «Чепуха!», «Все равно вздор! <…> Не верю я в привидения» [12, 20]. Но затем прежде неумолимый Скрудж начинает испытывать душевную муку и сам умоляет о пощаде: «Пощади! — взмолился он. — Ужасное видение, зачем ты мучаешь меня!»; «Поговорим о чем-нибудь другом! Утешь, успокой меня, Джейкоб!» [12, 23]. Так груз отягченной совести становится для Скруджа невыносимым.

Однако утешение должно явиться из другого источника: «Оно исходит из иных сфер. Другие вестники приносят его и людям другого сорта» [12, 23]. Это намек на те «высшие сферы», которые преисполнены света, добра, любви, блаженства. Что же касается потустороннего гостя Скруджа, то Диккенс подчеркивает, что «было что-то невыразимо жуткое в загробной атмосфере, окружавшей призрака. <…> словно <…> дышало жаром из какой-то адской огненной печи» [12, 22]. «Старому греховоднику Скруджу также не удалось бы избежать вечных адовых мук. Это страшная расплата за душевную черствость и узость: “При жизни мой дух никогда не улетал за тесные пределы нашей конторы <…>”, — признается его компаньон, — “никогда не блуждал за стенами этой норы — нашей меняльной лавки, —

и годы долгих, изнурительных странствий ждут меня теперь…"; "Ни минуты отдыха, ни минуты покоя. Непрестанные угрызения совести"» [12; 24].

На помощь приходит рождественское Провидение. Миссия измученного духа Марли — возвестить Скруджу, что для него еще не все потеряно: «Ты еще можешь избежать моей участи» [12, 25].

Устами призрака Диккенс излагает целую программу действия для тех, кому не закрыта дорога к духовному спасению на пути деятельного добра и сострадательной любви к ближнему. Основные пункты этой программы таковы: «Душа, заключенная в каждом человеке, <…> должна общаться с людьми и, повсюду следуя за ними, соучаствовать в их судьбе» [12, 23]; «даже веками раскаянья нельзя возместить упущенную на земле возможность сотворить доброе дело» [12, 24]; «Забота о ближнем — вот что должно было стать моим делом. Общественное благо — вот к чему я должен был стремиться. Милосердие, сострадание, щедрость — вот на что должен был я направить свою деятельность. А занятия коммерцией — это лишь капля воды в безбрежном океане предначертанных мне дел» [12, 25]. Согласимся, последние слова звучат удивительно современно и вряд ли скоро утратят свою актуальность.

Лесков также призывал «всеми зависящими от нас средствами увеличивать сумму добра в себе и кругом себя». Как и английский романист, русский писатель уверен, что необходим каждодневный, «будничный» подвиг во имя добра и правды: «Прожить изо дня в день праведно долгую жизнь, не солгав, не обманув, не слукавив, не огорчив ближнего и не осудив пристрастно врага»[1] — это даже труднее, чем совершить героический подвиг.

В священные предрождественские дни, когда год на исходе и сияние путеводной звезды волхвов могло бы указать дорогу к деятельному добру и милосердию, мучения грешников особенно сильны. Но возрождение уже началось. Есть место рождественской «сверх надежды надежде», и она воплощается в приходе трех святочных Духов, явившихся Скруджу с заботой о его благе и спасении.

Изображая Духов Прошлых, Нынешних и Будущих Святок, Диккенс предстает как мастер причудливой, изысканной и остроумной фантастики. Пожалуй, главный из рождественских символов, присущих Духам, — это «яркая струя света» [12, 31]. Источник света здесь символико-смысловой.

Первый пришелец — Святочный Дух Прошлых Лет. Диккенс-рассказчик настаивает на том, что это не сон, это реальность: «Скрудж, привскочив на постели, очутился лицом к лицу с таинственным пришельцем, рука которого отдернула полог» [12, 31]. Далее следует принципиально важное замечание, во многом определяющее художественное своеобразие творчества Диккенса: «Да, они оказались совсем рядом, вот как мы с вами, ведь я мысленно стою у вас за плечом, мой читатель» [12, 31]. Та же особенность свойственна и писательской манере Лескова, который всегда где-то около читателя, рядом с ним.

Дух Прошлых Святок очень расплывчат, неуловим, постоянно меняет очертания и формы, тем не менее, он в какой-то степени «alter ego» («второе я») Скруджа. Дух читает его мысли, видит его насквозь, будит тысячи детских воспоминаний, воздействуя на сердце героя: «Дай мне коснуться твоей груди, — сказал Дух, кладя ему руку на сердце» [12, 33].

---

[1] *Лесков Н. С.* О героях и праведниках // Церковно-общественный вестник. 1881. № 129. С. 5.

Согласно богословскому учению сердце — важнейший центр, куда должны быть сведены («осердечены») — разум и чувства человека. И вот, наконец, первый благой результат: «Твои губы дрожат, — сказал Дух. — А что это катится у тебя по щеке?» [12, 33]. Лед замерзшего сердца растоплен первой слезинкой, в которую не верит даже сам исторгший ее. Душевный холод понемногу отступает — это можно проследить даже по красноречивым ремаркам: «с жаром воскликнул Скрудж» [12, 33]; «сердце так запрыгало у него в груди» [12, 34] и т. д.

Злое холодное начало не сразу сдает свои позиции. Два голоса, два ангела — светлый и темный — соперничают в растревоженной душе. В форме несобственно прямой речи Диккенс-психолог выводит наружу эти скрытые борющиеся голоса, а поле битвы — сердце человека: «Почему душа его исполнилась умиления, когда он услышал, как <…> они (ребятишки. — *А. Н.-С.*) желают друг другу веселых святок? Да пропади они пропадом! Был ли ему от них какой-нибудь прок?» [12, 34]. Но далее после первой слезы Скрудж «всхлипнул» [12, 34], потом «заплакал» [12, 35] и, наконец, свершилось: «все находило отклик в смягчившемся сердце Скруджа и давало выход слезам» [12, 35].

Подобное превращение есть и в святочном шедевре Лескова. Духовное преображение дядюшки становится кульминацией рассказа **«Зверь»**. Благодатные покаянные слезы, ниспосланные «человеку-зверю», — это главное святочное чудо: «Происходило удивительное: *он плакал!*» [VII, 42]. Слезы открывают перед «злобным» и «неумолимым» помещиком-«зверем» дверь к восстановлению утраченной человечности.

На том же пути укрепляют дядюшку Скруджа явления двух других Святочных Духов. Если с первым Духом Скрудж даже боролся, пытаясь «колпаком-гасилкой» [12, 47] затушить всепроникающий свет, от которого испытывал душевные терзания, то второй Дух Нынешних Святок — величавый «сияющий Великан» [12, 49] — окончательно покорил героя повести. За Духом Прошлых Святок Скрудж шел «по принуждению и получил урок, который не пропал даром» [12, 50]. Теперь герой сам умоляет Духа Нынешних Святок, чтобы тот научил его чему-нибудь доброму: «Дух, — сказал Скрудж смиренно. — Веди меня куда хочешь. <…> Если этой ночью ты тоже должен чему-нибудь научить меня, пусть и это послужит мне на пользу» [12, 50]. Скрудж с Духом то заглядывают в празднующие Рождество семьи, то спускаются под землю к рудокопам, то летят над морем, опускаясь на палубу корабля… Повсюду Святочный Дух ликует, видя, как люди празднуют Рождество.

Этот особенный праздник отличает тесное сплочение близких людей, духовное единение, общечеловеческое родство. Вот как пишет об этом английский автор: «каждый <…> — спящий или бодрствующий, добрый или злой, — нашел в этот день самые теплые слова для тех, кто был возле, и вспомнил тех, кто и вдали был ему дорог, и порадовался, зная, что им тоже отрадно вспоминать о нем. Словом, так или иначе, но каждый отметил в душе этот великий день» [12, 67].

Окончательное потрясение Скрудж испытал, когда безмолвный, закутанный в черное, с простертой в неведомое рукой Дух Будущих Святок привел напуганного героя на кладбище, к заброшенной могиле, на которой было высечено имя «Эбинизер Скрудж». Этому безрадостному финалу предшествуют ужасающие сцены, когда «свора непотребных демонов торгуется из-за трупа» [12, 83], а сам мистер Скрудж, делец из лондонского

Сити, наводивший когда-то ужас — не то что на людей, даже на собак! — теперь всего лишь «ограбленный, обездоленный, необмытый, неоплаканный мертвец» [12, 83]. От таких картин «дрожь пробрала Скруджа с головы до пят» [12, 92]. Он падает на колени и горячо умоляет Господа изменить уготованную ему в будущем участь. Герой дает клятвы и обеты: «Я буду чтить Рождество в сердце своем и хранить память о нем весь год. Я искуплю свое Прошлое Настоящим и Будущим, и воспоминание о трех Духах всегда будет живо во мне. Я не забуду их памятных уроков, не затворю своего сердца для них» [12, 92].

Диккенс убежден, что свободное устремление человека к добру всегда будет поддержано и Богом, и людьми. Поэтому трагические ноты, на короткое время зазвучавшие в **«Рождественской песни в прозе»**, в ту же секунду прерывает заразительный «святочный смех». Это веселятся племянник Скруджа Фред и его гости.

Смена контрастных эмоционально-семантических состояний — в самой логике рождественского сюжета: «плач» Рождества сменяется «смехом»; страх уступает место «великой радости». Об этом сказано в «рождественских эпизодах» Евангелия: «*и убоялись страхом великим. И сказал им Ангел: не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям: Ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь*» (Лк. 2: 9–11).

В заключительных «строфах» своей **«Рождественской песни в прозе»** Диккенс настолько непринужденно радуется вместе со всеми своими героями, заражает читателя таким бодрящим весельем и славит Рождество Христово так, что представляется, будто он и есть самый настоящий добрый Дух святок, распевающий под каждым окошком святочный гимн:

> «*Да пошлет вам радость Бог.*
> *Пусть ничто вас не печалит…*» [12, 15].

Диккенсовской повести так же мог бы быть предпослан эпиграф святочного рассказа Лескова **«Зверь»**: «*И звери внимаху святое слово*» [VII, 25]: Скрудж, признанный в святочной игре *зверем, медведем*, обретает человеческое лицо под воздействием святого слова «рождественской философии».

Лесков взял эпиграф из авторитетного для православных христиан духовного источника — жития преподобного Серафима Саровского. «Поразительно богатство духовных даров, излучаемых св. Серафимом»[1], который жил рядом с диким лесным медведем и укротил его. Так, само имя преподобного, вынесенное в начало лесковского рассказа, является залогом свершения всех чудес рождественской истории о человеке и медведе. Уже эпиграф указывает на реальную возможность воплощения главной темы повествования: обретения истинно человеческого лица «человеком-зверем». «Злобный и неумолимый» характер героя, который «не хотел знать милосердия и не любил его, ибо почитал за слабость» [VII, 27], в финале неузнаваем: он «словно чудом умел узнать, где есть истинное горе, и умел поспевать туда вовремя» [VII, 44].

---

[1] *Федотов Г. П.* Святые Древней Руси. — Paris: YMCA-PRESS, 1989. С. 235, 236.

Некоторые критики упрекали Лескова в подражании Диккенсу. Психологическое преображение дядюшки-«зверя» считали надуманным, невероятным, притянутым к «святочному заданию». Канадец К. Лантц увидел в лесковском «Звере» «сильные и слабые стороны святочного рассказа: с одной стороны, захватывающего и занимательного, с другой — имеющего сентиментальную, чрезвычайно неубедительную концовку»[1].

Однако событийный ряд рассказа подчиняется своей собственной внутренней — именно святочной — логике. У Лескова налицо национально-самобытная художественная специфика. Русский писатель ориентируется на фольклор, и это помогает ему благополучно избежать сентиментальности и дидактизма. «Пир на весь мир», праздник человеческого единения, органически связанный с народной традицией, венчает лесковское повествование. «Очень большие трогательности» [VII, 31] рассказа нисколько не портят его, а придают достоверность внезапному преображению «раздраженного и гневливого сердца» [VII, 42]. Развиваясь по своим собственным законам, включающим и рождественский мотив «чудесного», **«Зверь»** не содержит ни одной фальшивой ноты.

Так, Лесков живописует необыкновенную дружбу крепостного парня и ручного медведя, которого разъяренный барин осудил на казнь, а потом помиловал под впечатлением рождественской проповеди. Рассказ об этом несет в себе еще одну очень важную идею — единения не только людей, но и человека с природой, всего живого, сотворенного Господом, сущего. Недаром Храпошка и его друг медведь Сганарель рисуются как-то удивительно похожими друг на друга: «Очень ловкий, сильный и смелый», «Храпон считался красавцем» [VII, 28]. Почти те же характеристики присутствуют в описании зверя: «необыкновенной силы, красоты и ловкости» [VII, 30].

Лесков показывает, как «ученый» медведь проделывает фокусы, ходит на задних лапах, помогает мужикам таскать мешки, носит шляпу с пером. Но мало того — медведь — излюбленная фигура народных потех и особенно святочного маскарада. Его по праву можно считать одним из главных героев рассказа — **«Зверь»**. Писатель обнаруживает тонкое понимание характера и нрава ручного медведя, не боится сравнить его даже с трагическим шекспировским образом «короля Лира», передает почти человеческие переживания зверя: «Пострадавший и изнуренный, по-видимому не столько от телесного страдания, сколько от тяжкого морального потрясения, он сильно напоминал короля Лира»; «Медведь сберег этот дружеский дар и <…> теперь, когда сердце его нашло мгновенное успокоение в объятиях друга, он, как только стал на землю, сейчас же вынул из-под мышки жестоко измятую шляпу и положил ее себе на макушку…» [VII, 37]. Этот забавный головной убор — «нечто вроде венца» — как у «несчастного венценосца» короля Лира.

В таком соотношении природного и человеческого, как оно представлено в лесковском рассказе, все живое выступает частью целого, единого и неделимого гармоничного Божьего мира. Поэтому неудивителен и закономерен вопрос к няне маленького героя-рассказчика: «Нельзя ли мне помолиться за Сганареля? Но такой вопрос был выше религиозных соображений старушки <…> однако медведь — тоже Божье создание, и он плавал

[1] *Lantz K. A.* Nikolai Leskov. Boston Twayne Rublishers. A Division of I.K. Hall & Co. 1979. P. 123–124.

с Ноем в ковчеге. Мне показалось, что напоминание о плаванье в ковчеге вело как будто к тому, что беспредельное милосердие Божие может быть распространено не на одних людей, а также и на прочие Божьи создания, и я с детской верою стал в моей кроватке на колени и, припав лицом к подушке, просил величие Божие не оскорбиться моею жаркою просьбою и пощадить Сганареля» [VII, 33].

Эта простодушная детская молитва, излитая из самого сердца, может быть соотнесена с библейскими упованиями Книги пророка Исаии: *«тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их»* (Ис. 11: 6).

«*Будьте как дети*» — эта заповедь Христа одинаково много значила для Лескова и Диккенса. Не случайно в святочном повествовании обязательно присутствует образ ребенка. Так, события рассказа **«Зверь»** преломляются через призму детского сознания. У Диккенса под воздействием Духа Прошлых Святок старый Скрудж заплакал, когда узнал самого себя в «бедном, всеми забытом ребенке» [12, 35].

Ребенок — герой традиционного святочного рассказа — чаще всего обездоленный, одинокий, несчастный (**«Девочка со спичками»** Андерсена, **«Мальчик у Христа на елке»** Достоевского и многие другие).

В маленьких героях своих повестей и романов Диккенс, сам много страдавший в детстве, удивительно точно умеет передать самую суть детской ранимости обделенного лаской и семейным теплом ребенка. Особенно жутким диссонансом детские страдания представляются в дни Рождества Христова, когда рождение Божественного Младенца вызывает восторженный ангельский хор: «*Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение!*» (Лк. 2: 14). Так, в радостную атмосферу рождественского веселья вторгается мотив страдания, плача, уходящий корнями опять-таки в Евангелие: Рождество как преддверие «страстей Господних», которые в будущем были уготованы Младенцу Иисусу. Также в рождественскую неделю Церковь вспоминает о четырнадцати тысячах младенцев, убиенных по приказу царя Ирода в Вифлееме, когда родился Христос.

В повести Диккенса болезненный Малютка Тим — сынишка Боба Крэтчита, клерка конторы Скруджа («Мистер Скрудж был злым гением этой семьи» [12, 63]) — был бы обречен на гибель, не вмешайся Провидение. В рождественском контексте образ этого мальчика — живое напоминание о милосердии Христа: «хорошо <…> что его видели в церкви. Ведь он калека, и, верно, людям приятно, глядя на него, вспомнить в первый день Рождества, Кто заставил хромых ходить и слепых сделал зрячими» [12, 58].

«*И взяв дитя, поставил его посреди них*» [12, 86] — эта евангельская строка становится доминантой веселого Рождества в повести Диккенса. На «веселых святках» резвятся, как дети, все члены многодетного семейства Крэтчитов, молодежь в гостях у юного Фреда, и — подумать только! — сам «оттаявший» дядюшка Скрудж принял участие в общем веселье. Бывший несгибаемый делец лондонского Сити, «как ребенок» [12, 71], умоляет продолжить забавы и игры.

Сам Диккенс, очень любивший детей, имевший десять сыновей и дочерей, радостно отмечал каждое Рождество в собственной большой семье. Читателей он тоже считал своей семьей и хотел подарить всем незабываемый праздник. «Ведь так отрадно порой снова стать хоть на время детьми!

А особенно хорошо это на святках, когда мы празднуем рождение Божественного Младенца» [12, 70], — восклицал английский автор.

Лесковский **«Зверь»** — один из немногих «идиллических» святочных рассказов русского писателя. Счастливая рождественская развязка здесь традиционна и убедительно трогательна. Автор апеллирует к рождественским главам Евангелия, и на сцену вступает Высший Промысел в виде константных в святочном рассказе «жанровых аксиом»: *чуда, спасения, дара.* Причем эта устойчивая «триада» реализуется в повествовании буквально: «*рок* удивительно покровительствовал Сганарелю и, раз вмешавшись в дело зверя, как будто хотел *спасти* его во что бы то ни стало (выделено мной. — *А. Н.-С.*)» [VII, 39]; священник «заговорил о *даре*, который и нынче, как и "во время уно", всякий бедняк может поднесть к яслям "Рожденного Отроча", смелее и достойнее, чем поднесли злато, смирну, ливан волхвы древности. Дар наш — наше сердце, исправленное по *Его* учению» [VII, 42].

В финале рассказа свершается рождественская смена святочных антиномий: плач сменяется смехом, страх — радостным ликованием: «здесь свершилась слава Вышнему Богу и заблагоухал мир во имя Христово, на месте сурового страха. <…> Зажглись веселые костры, и было веселье во всех, и шутя говорили друг другу:

— У нас ноне так сталось, что и зверь пошел во святой тишине Христа славить» [VII, 43].

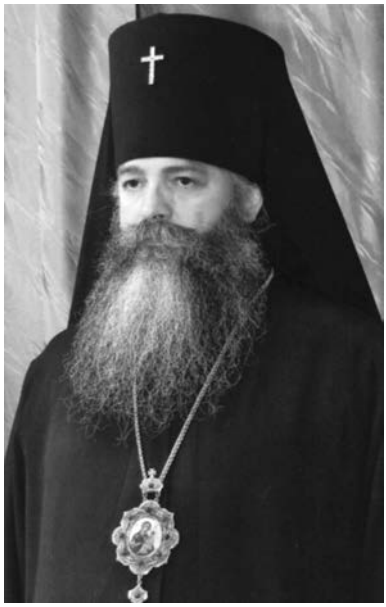
Такое необычное явление святочной литературы, которое мы назвали «плач и смех Рождества», призвано смягчить каменные сердца, растопить ледяные души, воззвать к покаянию, милосердию, теплоте и благодатным слезам. Раскаянием и слезами очищается душа человеческая. «Душа, не движимая покаянием, чужда благодати: это — остановка на пути к восхождению, "нечувствие окаменелого сердца", признак духовной смерти, — писал В. Н. Лосский. — <…> "дар слез" — верный признак того, что сердце растопилось божественной любовью. <…> Эти благодатные слезы — завершение покаяния — одновременно являются началом бесконечной радости (антиномия блаженств, возвещенных в Евангелии, — «*Блаженны плачущие, яко тии утешатся*»)»[1].

Эти важнейшие христианские идеи нашли эстетическое воплощение (у каждого писателя — по-своему) в произведениях Диккенса и Лескова. В отличие от английского романиста, Лесков отказывается от традиционного использования святочной фантастики: «причудливое или загадочное, — пояснял русский классик в предисловии к первому изданию цикла **«Святочные рассказы»**, — имеет свои основания не в сверхъестественном или сверхчувственном, а истекает из свойств русского духа и тех общественных веяний, в которых для многих, — и в том числе для самого автора, написавшего эти рассказы, заключается значительная доля странного и удивительного» [VII, 440].

Итак, духовно-нравственное преображение героев повести Диккенса **«Рождественская песнь в прозе»** и святочного рассказа Лескова **«Зверь»**, которое кажется, на первый взгляд, невероятным, на самом деле закономерно и не противоречит логике рождественского сюжета — логике доброй сказки, поскольку в Рождестве Христовом людям была дарована «*сверх надежды надежда*», «*ибо мы спасены в надежде*» (Рим. 8: 24).

---

[1] *Лосский В. Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви. М.: Центр «СЭИ», 1991. С. 154–155.

**Архиепископ Курганский
и Шадринский
КОНСТАНТИН (Горянов)**

ОБЛЕЧЕННЫЙ ВЕЛИЧАЙШИМ ПОЛНОМОЧИЕМ

Путь и место служения православного священника

К 75-летию со дня рождения протоиерея Алексия Коровина

Я — Бог твой, располагающий обстоятельствами. Ты не случайно оказался на твоем месте, это ***то самое место****, которое Я тебе назначил.*

Духовное завещание
преподобного Серафима Вырицкого

Положись на Мою заботливую руку о тебе! Ты видишь, что разными путями веду Я каждую душу Христианскую ко спасению. И тебя тоже, даже в одиннадцатый час жизни твоей веду Я **особым путем**.

Митрополит Мануил (Лемешевский)
из дневника «Разговор Бога с душой».

1

Для осуществления своего призвания человеку дан богоподобный дар творчества, целью которого является соединение с Творцом. Смысл творческого акта заключается в свободном труде человека по отношению к своей собственной тварной природе. В этой работе по реализации образа Божия в подобие должны участвовать все силы и способности человека, сотворенного, согласно святоотеческой антропологии, по образу Святой Троицы. По мысли преп. Григория Синаита, «в

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов) — родился в 1951 г. Окончил Винницкий мед. институт. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1983 г. поступил в МДА. В 1986 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. В 1990 г. возведен в сан игумена, назначен ректором МинДС. В 1991 г. хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член редколлегии «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН и др.). Член СП России. Лауреат ряда премий. Правящий архиерей Курганской епархии с 2008 г.

человеке есть ум, слово и дух, существующие друг в друге и сами по себе, причем ум не разобщен со словом и слово — с духом так, что ум говорит словесно, и слово выражается с помощью души, то есть в силу этого признака человек носит неясный образ невыразимой первообразной Троицы, коротко обнаруживая этим свое творение по образу Божию»[1].

Служитель Церкви более чем мирянин должен сознавать свое особое призвание, потому что к священнику в особой степени относятся слова Сына Божия «Не вы Меня избрали, а Я вас избрал и поставил вас, чтобы вы шли и приносили плод, и чтобы плод ваш пребывал, дабы чего ни попросите от Отца во имя Мое, Он дал вам» (Ин. 15:16).

Первая высшая степень священства в Новозаветной Церкви есть степень епископа. Епископы (в пер. с греч. «наблюдатель, блюститель, страж») являются преемниками апостолов и носителями высшей благодати священства; от них и через них все степени священства получают и преемство, и значение. Епископ есть главный учитель своей Церкви, или простых верующих, или самих пастырей. Апостол Павел в послании своему ученику Тимофею особенно обращает внимание на учительство епископа: «Доколе не приду, занимайся чтением, наставлением, учением… Вникай в себя и в учение; занимайся сим постоянно: ибо, так поступая, и себя спасешь, и слушающих тебя (1 Тим. 4:13, 16). В послании к Титу, своему ученику и епископу Крита, апостол Павел пишет: «Титу, истинному сыну по общей вере: благодать, милость и мир от Бога Отца и Господа Иисуса Христа, Спасителя нашего. Для того я оставил тебя в Крите, чтобы ты довершил недоконченное и поставил по всем городам пресвитеров, как я тебе приказывал… Ибо епископ должен быть непорочен, как Божий домостроитель, не дерзок, не гневлив, не пьяница, не бийца, не корыстолюбец… держащийся истинного слова, согласного с учением, чтобы он был силен и наставлять в здравом учении и противящихся обличать. Ибо есть много и непокорных, пустословов и обманщиков, особенно из обрезанных» (Тит. 1:4, 5, 7, 9, 10).

Вторую степень священства составляют пресвитеры (в пер. с греч. «старцы»), или священники. Пресвитеры свои благодатные полномочия получают через рукоположение от епископа. Они имеют власть учительства, власть совершать все Таинства, кроме Таинства священства. Пресвитерство, как и епископат, также имеет апостольское происхождение. Первые пресвитеры были поставлены в Иерусалиме, во главе которых стоял апостол Иаков в качестве местного епископа (Деян. 11:30). Они участвовали и на Апостольском соборе в Иерусалиме ок. 50 г. (Деян. 15:2–6, 22–23; 16:4). Апостол Павел подчеркивает, что «Достойно начальствующим пресвитерам должно оказывать сугубую честь, особенно тем, которые трудятся в слове и учении (1 Тим. 5:17).

Третью степень церковной иерархии составляют диаконы, что в переводе с греческого означает «слуга». О возникновении этого служения повествуется в шестой главе Книги Деяний святых Апостолов: «Тогда двенадцать [Апостолов], созвав множество учеников, сказали: нехорошо нам, оставив слово Божие, пещись о столах. Итак, братия, выберите из среды себя семь человек изведанных, исполненных Святаго Духа и мудрости; их

[1] *Григорий Синаит, преп.* Весьма полезные труды. Гл. 31 // Григорий Синаит, преп. Творения М. 1999. С. 17.

поставим на эту службу, а мы постоянно пребудем в молитве и служении слова» (Деян. 6:2–4). Богоучрежденность диаконского чина предполагается в посланиях апостола Павла, что видно из его приветствия «всем святым во Христе Иисусе, находящимся в Филиппах, с епископами и диаконами» (Фил. 1:1). В послании к своему ученику Тимофею апостол Павел учит: «Диаконы также [должны быть] честны, не двоязычны, не пристрастны к вину, не корыстолюбивы, хранящие таинство веры в чистой совести. И таких надобно прежде испытывать, потом, если беспорочны, [допускать] до служения» (1 Тим. 3:8–10).

После апостолов сообщение благодатных даров Святого Духа в Церкви сделалось полномочием иерархии, т. е. епископата с пресвитерами и диаконами. Уже с конца I и нач. II в. в творениях мужа апостольского святого Игнатия Богоносца, священномученика Иринея Лионского, Тертуллиана, а позже к III в. — епископа Киприана Карфагенского, высказывается та же общая мысль, что Церковь собирается возле епископа, епископ же существует преемством апостольского рукоположения, которое есть Божественное установление. Благодать Святого Духа, сообщаемая Церкви, не есть субъективное вдохновение или личная праведность того или иного лица, которое может быть или не быть, но есть объективный факт жизни Церкви, есть всегда и непрерывно и неотъемлемо действующая сила Всемирной Пятидесятницы. Огненные языки ее, сошедшие на апостолов, пребывают в мире и всегда преподаются преемством от апостолов. Апостольский лик явился иерархическим приятелищем и посредством для передачи благодати Пятидесятницы.

Новозаветное священство не является простым продолжением ветхозаветного священства, но **вновь** возникает от Великого Архиерея Иисуса Христа, — не по чину Аарона, но по чину Мелхиседека, о чем подробно и многократно пишется в послании апостола Павла к евреям: «Так и Христос не Сам Себе присвоил славу быть первосвященником, но Тот, Кто сказал Ему: Ты Сын Мой, Я ныне родил Тебя; как и в другом [месте] говорит: Ты священник вовек по чину Мелхиседека» (Евр. 5:5–6). «Ибо известно, что Господь наш воссиял из колена Иудина, о котором Моисей ничего не сказал относительно священства. И это еще яснее видно [из того], что по подобию Мелхиседека восстает Священник иной, который таков не по закону заповеди плотской, но по силе жизни непрестающей. Ибо засвидетельствовано:

Ты священник вовек
по чину Мелхиседека.

Отменение же прежде бывшей заповеди бывает по причине ее немощи и бесполезности … ибо те были священниками без клятвы, а Сей с клятвою, потому что о Нем сказано:

клялся Господь,
и не раскается:
Ты священник вовек по чину Мелхиседека»
(Евр. 7:14–18, 21; ср. Пс. 109:4).

Как повествуется в 13 гл. книги Бытия, Аврам, перекочевавший из Египта, поселился в древнем Ханаане (Быт. 13: 12). Эта территория приблизительно соответствует современным Палестине, Сирии, Иордании, а само событие библейской хронологией датируется, примерно, 1850 г. до н. э. Из 14 гл. Бытия известно, что «Аврам, услышав, что (Лот) срод-

ник его взят в плен, вооружил рабов своих, рожденных в доме его, триста восемнадцать, и преследовал неприятелей до Дана; и, разделившись, напал на них ночью, сам и рабы его, и поразил их, и преследовал их до Ховы, что по левую сторону Дамаска» (Быт. 14:14, 15). После победного сражения навстречу Авраму, родоначальнику древних евреев, вышел «Мелхиседек, царь Салимский, вынес хлеб и вино. Он был священник Бога Всевышнего. И благословил его, и сказал: Благословен Аврам от Бога Всевышнего, Владыки неба и земли; и благословен Бог Всевышний, Который предал врагов твоих в руки твои. (Аврам) дал ему десятую часть из всего» (Быт. 14:18–20). Город Салим отождествляется с современным Иерусалимом, в котором тогда, за 2 тысячи лет до н. э., существовала теократия, поскольку Мелхиседек в одном лице был и царем, и священником Бога Всевышнего. Он принадлежал к другому, а не к еврейскому этносу. Аврам — это еще только родоначальник еврейского народа и в то время не имел еще сына Исаака. О евреях, как о народе, можно говорить только с появлением 12 колен Израилевых. Аврам признает высший авторитет Мелхиседека и поэтому «дал ему десятую часть из всего» (Быт. 14:20). Понятно, что если священник и царь Салима исповедовал веру в Бога Всевышнего (а не в богов), то и его подданные следовали его примеру.

Исход 12 колен Израилевых из Египта, Синайское законодательство и учреждение древнееврейского священства из колена Левитова во главе с Аароном датируется примерно 1250 г. до н. э. Таким образом, священство по чину Мелхиседека древнее священства по чину Аарона на шесть столетий.

Иисус Христос является Первосвященником, приносящим в жертву не кровь овчую, но Самого Себя, «Кровь Нового Завета», Сам жертва и жрец, «приносяй и приносимый». И Он есть глава и начало новозаветного священства. Он рукоположил Своих апостолов еще до Вознесения, вдунув в них Духа Святого, со словами: «Мир вам! как послал Меня Отец, [так] и Я посылаю вас. Сказав это, дунул, и говорит им: примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся» (Ин. 20:21–23). Причем это Таинство получило свою полную силу лишь по Вознесении, при сошествии Святого Духа на апостолов. День Пятидесятницы и считается днем рождения Церкви.

Досточтим сан священника, спасительна благодать священства, через которое Господь осуществляет Свои великие и спасительные дела. «Священник велик во время совершения служб дневных и, особенно, при совершении Таинства, он **облечен величайшим от Бога полномочием**, он всесилен и может умолить Бога о своем мире», — говорил Иоанн Кронштадтский[1]. Святой подвижник размышлял над образом Троицы, проявляющимся в человеке в единстве слова и дела. «Мысль, слово и дело должны быть неразлучны, как три силы единой души, как составляющие целость единой души, как Отец, Сын и Дух Святой — суть едино. Мысль, слово, дух, с коим говорим, или сердце, с коим говорим, доброе или злое: ибо или от доброго, или от злого сердца говорим (Ср.: Лк. 6:45). Разум, сердце, воля — должны быть неразлучны… Всеми тремя силами надо служить Богу»[2].

---

[1] Иерею Божию: из трудов святого праведного Иоанна Кронштадтского. Выдержки из дневниковых тетрадей за 1863–1871 гг. М. Отчий дом. 20011. С. 173.

[2] Там же. С. 65.

«Служение священства в качестве харизматического (благодатного) посредства не может быть лишь механическим или магическим, но оно предполагает и духовное участие того, кто является этим живым посредником. Священник, посредствуя между Богом и человеком в Таинстве, низводя в нем Духа Святого, делает самого себя орудием этого низведения, он совлекается сам себя, жертвенно умирает, есть жертва и жрец, «приносящий и приносимый», по образу Первосвященника Христа. Но это жертвенное умирание есть самоотвергающаяся любовь, и служение иерархическое, и служение любви. Сила иерархизма есть любовь. Связь иерархии с мирянами есть не властвование, но взаимная любовь: со стороны иерархии попечительно-отеческая, со стороны паствы — признательно-сыновняя»[1]. «Священники, хотя и сохраняют свои человеческие немощи и грехи, получают особую равноангельскую природу; священники становятся святы Богу, ибо чрез них совершается освящение. Эта святость не есть их личная святость, — напротив, священники могут быть — и не редко бывают — греховнее мирян. Это есть святость Церкви, которая чрез них святит Духом Святым чад своих, это есть святость Христа, в Которого они облекаются, не только наравне со всеми христианами в крещении, но и сугубо в посвящении. Только это посвящение позволяет преодолевать тот страх и трепет, которые охватывают человека при приближении к святыне»[2].

О том, как велик сан служителя Божия, как ответственно само это служение беспокоился великий русский праведник Иоанн Кронштадтский. Его первое Слово по иерейском рукоположении было Слово о священстве. О том, откуда и каким путем шел батюшка Иоанн к пониманию того, что «*священник, призванный совершать Пренебесные Таинства, должен быть и сам небесен еще на земле*», мы подробно говорили в статье «Становление личности в Духовных школах: св. прав. Иоанн Кронштадтский и Георгий Гапон»[3]. Там же рассматривались на примере истории жизни Георгия Гапона причины и последствия его отступления от этого священического пути. Священник стал орудием в руках врагов, что также явилось одной из причин, приведших Россию к национальной катастрофе. Вышедшие из одинаковой социальной среды, выросшие в небогатых патриархальных семьях, окончившие одно и то же учебное заведение — Санкт-Петербургскую Духовную академию, эти два священника по ряду причин оказались на диаметрально противоположных позициях: один получил венец святости, а другой лишен Церковью сана и казнен своими содельниками — революционерами (Гапон слишком много знал, кроме того — *мавр сделал свое дело, мавр может и уйти*). И это происходило в те времена, когда Россия была единой благополучной Православной Державой.

2

Что же можно сказать о священниках, которым выпало родиться в тяжелые годы Великой Отечественной войны, учиться в голодные богоборческие времена, а во время своего священнического служения восстанавли-

[1] *Булгаков Сергий, прот.* Православие. Очерки учения о Православной Церкви. Ymca-press. Paris. С. 120.

[2] Там же. С. 121–122.

[3] Христианское чтение, 2007. № 28. С. 4–37.

вать разрушенные церкви и примером своей жизни утверждать неизбывные смыслы Православия?

Немало в послевоенные годы в советской России было добрых пастырей, критерием оценки служебного подвига которых может считаться прижизненная любовь к ним паствы и долгая посмертная о них память. Неугасимы поминальные свечи на могиле протоиерея Ленинградской, а впоследствии Санкт-Петербургской епархии Алексия Коровина. Почти десять лет прошло со дня его кончины, но имя этого священника по сей день известно и почитаемо всеми, кто его знал лично; и теми, кто помнит, что в бытность о. Алексия настоятелем Вырицкого храма иконы Божией Матери Казанской во многом его усилиями, освященными Промыслом Божиим, был прославлен в лике святых Серафим Вырицкий (Василий Муравьев).

Воспоминания о жизни и служении о. Алексия Коровина — это не только дань памяти прекрасному человеку и выдающемуся священнику, которого я знал лично, но в некотором приближении исследование развития личности служителя алтаря в советской действительности, размышления о его плодотворной деятельности и духовной отдаче в *процессе взыскания*, о котором так говорится в Библии: «Ему же дано много, много взыщется от него» (Лк. 12:48). Жизненный путь о. Алексия интересует меня во многом, как педагога, как воспитателя молодых священников, 18 лет своей жизни отдавшего становлению и руководству Духовными школами — сначала в Белоруссии, а потом Санкт-Петербургской Духовной академии.

Святым праведным Иоанном Кронштадтским на основе его собственного опыта разработана строгая концепция оценки священнического служения по трем основным направлениям: «Священник — Ангел Господень» (нравственный облик иерея Церкви), «Священник — служитель Христов и строитель Тайн Божиих» (молитвенное предстояние перед Господом), «Священник и паства» (духовное окормление). Трудно, да, наверное, и не надо так схематично, в отрыве от повседневной бытовой жизни батюшки и его бытия среди людей, рассматривать образ священника, тем более такого общительного, доброго и милосердного, как о. Алексий, который стеснительно говорил о себе: «*Я простой сельский поп, который ничего не умеет, кроме как служить Богу*»! Ценнее, как мне кажется, найти истоки, выявить, каким путем пришел он к этому единственному своему умению «служить Богу», и в чем состоят его тяготы и величие?

Образ символического пути, как духовно-философской категории, достаточно полно разработан и отражен в русской литературе и в русской живописи. Излюбленный художниками мотив пути-дороги связан, вероятно, с особым свойством русской жизни, вмещенной в огромной протяженности пространство России. Если рассматривать человеческую жизнь как результат нравственно-духовного творчества жизненного пути, то и здесь возникает аналогия с образом пространственно-временно́го перемещения. Обе категории применимы к судьбе о. Алексия Коровина. Он родился в селе Гольяны на берегу Камы, а закончил свою земную жизнь в поселке Вырица на берегу Оредежа; в молодости участвовал в нефтепоисковых экспедициях, служил в армии, учился на разведчика, а стал известным в Санкт-Петербургской епархии священником. Биография о. Алексия достаточно хорошо известна, о нем много писали при его жизни, вспоминали

Семья о. Алексия Коровина. Будущий священник — во втором ряду крайне правый. 23 августа 1959 г.

в посмертных публикациях. Но каждый раз хочется снова расспросить о славном священнике его вдову матушку Людмилу. Кажется, что-то осталось недосказанным, незамеченным, ведь со временем образ человека все более высветляется в неиссякаемом свете его добрых свершений. Благодарю матушку Людмилу за рассказ об истории жизни и служения о. Алексия Коровина, за предоставленные ею для настоящей публикации редкие фотографии из семейного архива.

Как было сказано выше, выбор служения о. Алексия, кажется, был предопределен ему от рождения. Он родился в марте тревожного 1940 г. уже сиротой. Отец Алексея Коровина несколько месяцев не дожил до появления на свет младшего сына, скоропостижно умер от неизлечимой болезни. Жизнь семьи была тяжелой, бедной, но радостной в убежденной вере Божиего попечения о верных чадах Церкви. Да и как можно было не веровать в Господа, если в нескольких поколениях предки будущего священника были не только людьми верующими, православными, но священнослужителями, некоторые приняли монашеский постриг. Монахинями стали старшие сестры матери о. Алексия Анастасии Харитоновны (урожд. Юминова). Одна тетушка будущего священника, матушка Домника, была регентом церковного хора. Надо сказать, что вся семья была музыкальной, играл на разных инструментах и хорошо пел о. Алексий, у него был мягкий проникновенный баритон. Другая сестра матери — тетушка Елена стала схимонахиней Евфросинией. Ее мы можем видеть на фотографии 70-х гг. XX в. рядом с Анастасией Харитоновной, матерью о. Алексия.

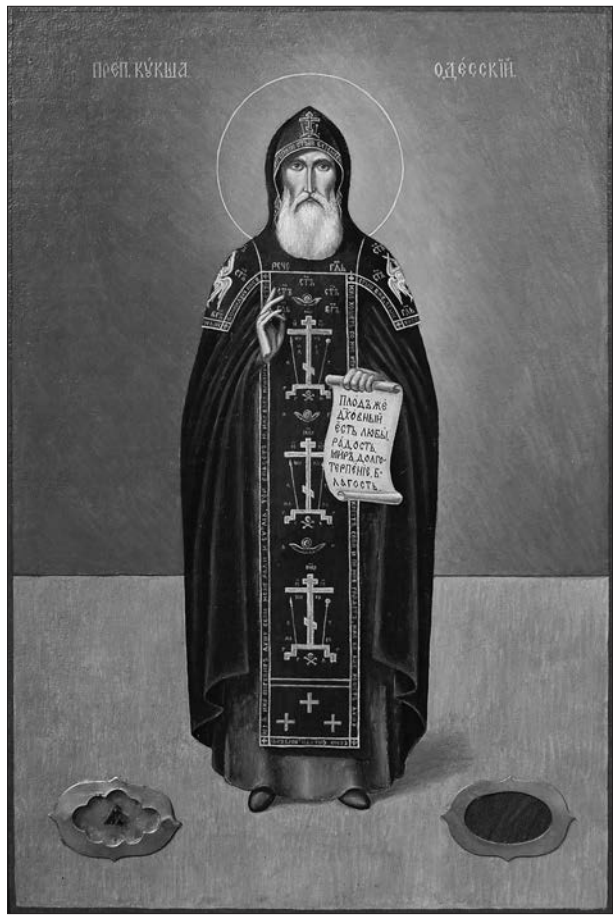

Отец Алексий Коровин с семьей. Справа: мама о. Алексия Анастасия Харитоновна и родная его тетя, схимонахиня Евфросиния (Юминова). Вторая слева матушка Людмила Коровина с сыном Марком. Вырица. Начало 70-х годов

Сестры Юминовы в советские богоборческие времена не отказались от веры. Этот смертельно опасный по тем временам выбор можно объяснить и семейной традицией, как подчеркнула матушка Людмила Коровина: в царской России все были искренне верующими; и тем, что в старинном русском городе Кунгуре Пермской области, где жили сестры Юминовы, находился известный Иоанно-Предтеченский женский монастырь. В нем они все воспитывались, здесь они неискоренимо впитали в свои души веру. Основанный как община в 1825 г. и получивший статус монастыря в 1868 г., к началу XX в. он стал крупным монастырем с большой территорией и сложным хозяйством, застроенный каменными корпусами. В нем действовали приют и училище. Закрыт был монастырь по распоряжению большевистской власти в 1921 г., в 1926 г. преобразован в тюрьму и обнесен колючей проволокой. Вот от этой, когда-то известной на всю царскую Россию обители, произрастают духовные корни семьи о. Алексия Коровина.

Сызмальства, смолоду он промыслительно был окружен людьми высоко духовными, стойкими в вере Христовой. Надо уточнить, что в той или иной степени понятие Божией воли присуще всем религиям, чаще всего в категории «предопределения», предустановленности всех жизненных событий. Но в Православии, понимающем по разъяснению преп. Максима Исповедника троякую деятельность Логоса — творческую, промыслительную и судящую, понятие Промысла Божия в жизни человеческой имеет более сложное, синергийное содержание, заключается в совместном, встречном свободном волеизъявлении человека и Божественного промысла, сводимых к одной, высшей цели — обожению. «Бог, предопределив все вещи от вечности, выводит каждую из них из потенциального состояния в действительное Свое время и в Своих недоведомых целях руководит всем

бытием мира, изменяя проявления Своего промысла соответственно настроению промышляемых и в нужных случаях по планам Божественного домостроительства чудесно обновляя законы естества. Высшая цель промысла — возвращение к Богу всего, исходящего от Него, обожение твари через соединение с Богом. Ко всему этому ведет всеустрояющая воля Божия, которая и есть промысл»[1].

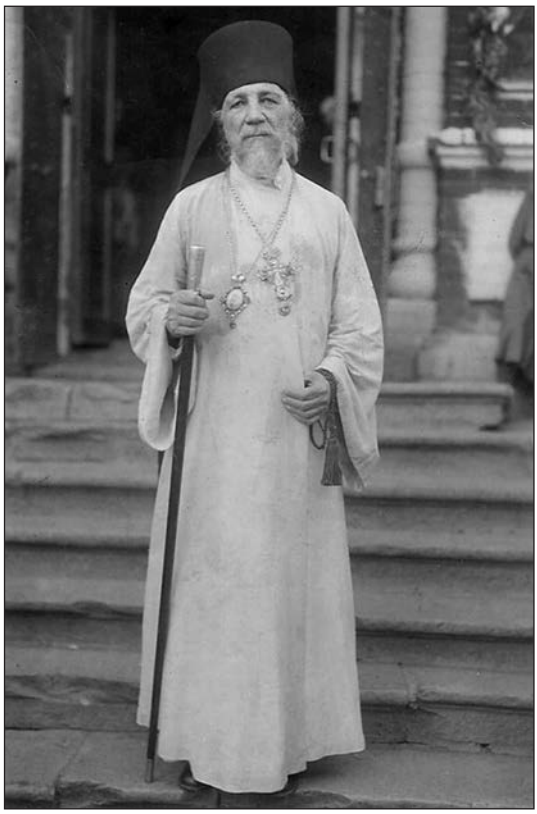

Преподобный Кукша

Всеустрояющей волей Божией, вероятно, на жизненном пути о. Алексия Коровина встретился ему священноинок Киево-Печерской Лавры Кукша Одесский (в миру Косьма Кириллович Величко) — схиигумен Русской Православной Церкви, святой Украинской Православной Церкви. В настоящей статье, посвященной смыслу священнического служения и примерам его исполнения, уместно вспомнить о судьбе преподобного Кукши.

Преподобный Кукша родился 25 января (н. ст.) 1875 г в селе Арбузинка Херсонской обл. Николаевского уезда. Был наречен именем Косьма. В 20-летнем возрасте отправился паломником во Сятую Землю, на обратном пути посетил Афон, где укрепился в решении принятия монашеского подвига. После благословения родителей он вернулся на Афон и поступил послушником в Свято-Пантелеймоновский монастырь. Также нес послушание у Гроба Господня во Святой Земле. Позже был пострижен в рясофор с именем Константин, а в 1904 г. — в монашество с именем Ксенофонт. Во время Первой мировой войны, будучи уже монахом Киево-Печерской Лавры, он служил братом милосердия в санитарном поезде Киев — Львов. В 1931 г., во время тяжелейшей болезни был пострижен в великую схиму с именем Кукша, а через два года рукоположен в сан иеромонаха. В 1938 г. он был арестован и приговорен к 5 годам заключения, которое отбывал также и в Пермском крае. После ссылки вернулся в Киев. Был восприемником при

[1] *Епифанович С. Л.* Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие. Мартис. М. 2003. С. 61–62.

Архиепископ Ювеналий (Килин)
50-е годы XX в.

монашеском постриге будущего митрополита Киевского и всея Украины Владимира (в миру Виктор Михайлович Сабодан). Почил 24 декабря 1964 года.

В конце 1930-х гг. тетя о. Алексия Елена — схимонахиня Евфросиния — будучи тоже в ссылке, познакомилась с преп. Кукшей. Во время войны преп. Кукша был направлен в ссылку в г. Кунгур, где ему помогла обосноваться семья о. Алексия, особенно тетушка Домника. Монах предсказал мальчику Алексею: «когда вырастешь, будешь носить одежду до полу». Вернувшись после долгих мытарств в Киев, преп. Кукша был переведен в Почаевскую Лавру. Несмотря на то, что богоборческая власть пыталась изолировать старца от общения с верующими, о. Алексий навещал его несколько раз в Лавре, просил благословение и на учебу в Духовной семинарии, и на женитьбу.

Алеша Коровин хорошо учился в школе, характер у него был легкий, радостный, мальчик был очень послушный. Хотя, как потом шутил батюшка Алексий, — в детстве он ничего слаще морковки не ел, но Церковный Устав знал назубок. Иногда над доброжелательным, общительным подростком пытались поглумиться безбожные одноклассники — не раз хотели сорвать с него крестик. Но в вопросах веры будущий священник был неумолим и не допускал унижения. Как вспоминал о. Алексий, он в возрасте пяти лет научился читать по церковно-славянски, а только потом на литературном русском языке. После окончания школы они с матерью переехали в город Сарапул, находившийся на стыке трех областей: Башкирской, Пермской и Удмуртской. Этот старинный красивый город, основанный в 1174 г., расположен на правом высоком берегу незабвенно любимой о. Алексием Камы, находится в 60-ти километрах от Ижевска и более чем в 1200 километрах от Москвы. Здесь о. Алексий начал свою трудовую жизнь, устроился в геологическую экспедицию. Но без церковной жизни не мыслил он своего существования. В любое свободное время будущий священник ездил молиться в Ижевск, в Троицкий кафедральный собор. Там он стал алтарником, а потом иподиаконом. Там его заметил и дал направление на учебу в Ленинградскую семинарию Владыка Ювеналий (Килин) (схиархиепископ Иоанн).

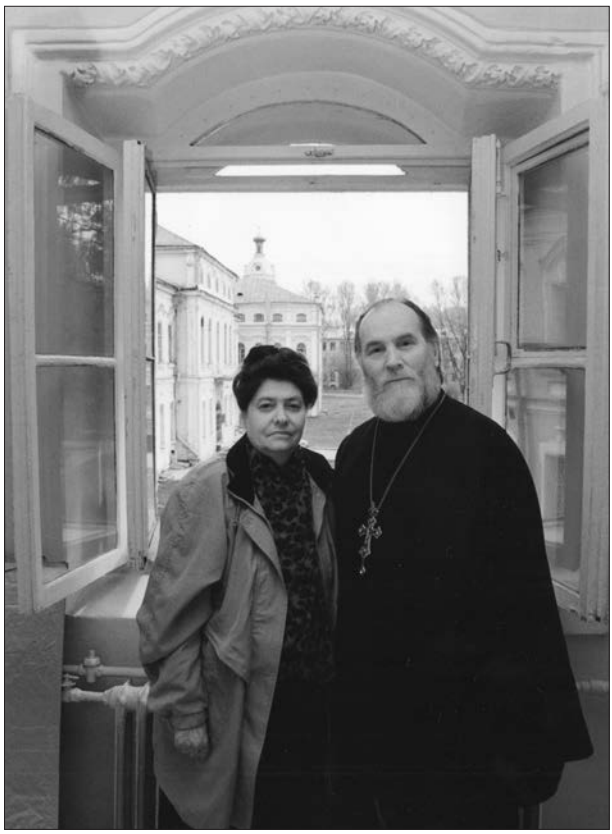
Встреча с этим святым человеком, вернувшимся из Харбина на Родину, во многом определила дальнейшую судьбу о. Алексия. Думаю, представляет

интерес личность Владыки Ювеналия, этого ныне не достаточно известного пастыря, который в Российской империи был широко известен и особо почитаем. Накануне революции он был назначен на должность благочинного всех монастырей Пермской епархии, а позже возведен в достоинство архимандрита. С началом гонений на Церковь в Пермском крае, когда только в одной Белогородской обители было расстреляно свыше 400 монашествующих, отец Ювеналий эвакуировался в Читу, затем на время был назначен настоятелем Верхнеудинского мужского монастыря. А в марте 1920 г. он был вынужден переехать в Харбин. Много мытарств выпало на долю архимандрита Ювеналия. Он основывал монастыри и церкви в Харбине, был настоятелем мужского монастыря Витовница в Сербии, строил больницы, открывал типографии, редактировал и издавал журнал и книги в Харбинской епархии. Был настоятелем Никольского храма в Шанхае. В 1934 г. он стал вторым ви́карием Русской Духовной миссии в Китае с местопребыванием в Урумчи в Восточном Туркестане, где эмигрантами хранилась Табынская икона Божией Матери. Хиротонисан во епископа Синьдзянского известными, ставшими историческими лицами церковной и русской истории архиереями: архиепископом Харбинским и Маньчжурским Мелентием, архиепископом Камчатским и Петропавловским Нестором и др.

Всегда Владыка жил строгой монашеской жизнью, принимал многих верующих. В 1945 г. Владыка вместе с большинством духовенства Харбинской епархии был принят в состав Московского Патриархата. В январе 1947 г. он прибыл в СССР, находился в Псково-Печерском монастыре. Позже руководил несколькими епархиями. В 1952 г. был назначен архиепископом Ижевским и Удмуртским. По воспоминаниям его келейника, Владыка был дружен с преп. Кукшей, даже был у них договор, что если из них кто-нибудь умрет, то оставшийся в живых будет молиться об усопшем. Перед смертью в декабре 1958 г. Владыка Ювеналий принял схиму с именем Иоанн. Причастившись Святых Таин, он обратился к своим близким и попросил их спеть прокимен: «Пойте, Богу нашему пойте, пойте Цареви нашему, пойте». На 3-й раз он сказал: «Вот наша новая земля, вот наш новый мир» и умер.

Прозорливый монах, зная глубокую веру Алексея Коровина, увидел в нем способности продолжать дело Церкви, возродить веру Православную в прямом смысле в «новом мире» советской действительности. Наверное, неспроста святой старец указал путь религиозному молодому человеку в края, далекие от его возлюбленной Камы, на берега державной Невы.

Говорить об о. Алексии Коровине невозможно вне связи со многими, ставшими уже историческими личностями, русскими священниками второй половины XX века. Так все они косвенно и непосредственно были связаны, что приходят на память слова Льва Толстого, сокрушающегося, «*что ежели люди порочные связаны между собой и составляют силу, то людям честным надо сделать только то же самое*». Удивляешься, как уважаемый классик не видел этой огромной, единой победоносной силы Русской Церкви, где сквозь века люди честные связаны незримыми узами общей веры и совместного служения так крепко, что дивным образом встречаются, пересекаются и сливаются их пути. В размышлениях о священнической судьбе о. Алексия, мне приходится и еще не раз придется делать такие пространные авторские отступления о его современниках не только для того, чтобы показать узловые моменты новой истории Церкви, но для проявления

Отец Алексий Коровин и матушка Людмила в Александро-Невской Лавре. Конец 90-х годов XX века

сверхпроводимости духовного единения с Богом, и для подтверждения Его тайноводства.

Алексей Коровин успешно окончил 1-й класс семинарии в 19 лет, и его забрали на три года в Советскую армию. Он был направлен в разведку, хотя учился и рукопашному бою, и вождению танка. В церковь ходить часто не получалось, но иногда самовольно удавалось, за что однажды Алексей Коровин получил дисциплинарное взыскание. Осенью 1962 г. он вернулся в семинарию, а на Рождественские каникулы поехал к тете Домнике в Кунгур. Тогда-то он и познакомился с будущей своей женой Людмилой, жившей тоже в этом городе. Дружили их семьи. Людмила выбрала профессию фармацевта, окончила институт, позже, даже в Вырице, работала по специальности. В 1965 г. о. Алексий оканчивал семинарию и собирался ехать на приход в родной Пермский край, поэтому еще в семинарии принял сан. Вряд ли тогда как пророчество он принял слова преп. Кукши, к которому ездил за благословением на женитьбу: «*Пойдешь в монахи — станешь епископом, а станешь священником — служить будешь всю жизнь на одном приходе*». Трудно было в это поверить молодому священнику, у которого так много любви было за душой, что он даже мечтал о миссионерской деятельности в Сибири и уговаривал отважиться на этот подвиг супругу Людмилу. С ней они обвенчались в академической церкви во имя Иоанна Богослова 5 февраля 1965 года. В это же время о. Алексий становится слушателем Ленинградской Духовной академии.

С большой благодарностью и искренней любовью батюшка Алексий Коровин вспоминал своих преподавателей. В контексте для сопоставления впору вспомнить резко критические высказывания по отношению к своим академическим педагогам о. Георгия Гапона, что можно считать свидетельством ядовитых ростков воспитания и проявлением черт дерзкого характера попа Гапона. С особой теплотой о. Алексий Коровин вспоминал Михаила Филаретовича Русакова, преподавателя греческого языка. Он, родом из Тульской области, состоял в родстве с Толстыми, принадлежал к «старой гвардии»

учителей, заботящейся не только об образовании, но и о воспитании студентов, которым он добывал билеты на концерты в Филармонию и на оперные спектакли. Много добрых слов было сказано об историке Евгении Амбарцумове. Вспоминал о. Алексий Игоря Цезаревича Мирановича, преподававшего Священную Библейскую историю Ветхого и Нового Завета. Добрые слова звучали в адрес протодиакона о. Федора Юдина, который позже переселился в Сергиев Посад, и у которого о. Алексий бывал там в гостях. Отец Алексий любил учиться, но с учебой молодому священнику приходилось совмещать реальную практику на приходах.

Иподиакон Алексей Коровин (справа) в сослужении митрополиту Пимену (Извекову). Иподиакон слева – будущий архимандрит Иринарх (Соловьев). Декабрь 1962 г.

Однажды митрополит Ленинградский Никодим (Ротов) благословил молодого батюшку заменить заболевшего настоятеля церкви в Красном Селе священника Михаила Гундяева (отца Патриарха Кирилла). Отец Алексий ответственно справился с возложенной миссией, так что когда в Вырицком храме во имя иконы Божией Матери Казанской занемог настоятель о. Александр Мощанский, о. Алексий, не раздумывая, будучи студентом Духовной академии, поехал на приход в это незнакомое ему место.

Была весна 1967 года. Как вспоминал сам батюшка Алексий, когда он подходил к храму, задохнулся от восторга пред красотой его, пред ясным звучанием образа древней Святой Руси. Важную сторону его мироощущения — видение истинной красоты в ее зримых природных и вторичных художественных проявлениях следует особо подчеркнуть в характере о. Алексия, так как этим во многом питается радость и красота его служения Господу. Следует сказать, что многие современники отмечали у молодого батюшки высокий профессиональный уровень служб, он служил четко, без ошибок, так, как будто занимался этим уже не один десяток лет. Наверное, сказался опыт служения в Ижевском Троицком соборе и благословение Владыки Ювеналия. Трудно представить, как там служил молодой Алексий Коровин, но есть фотография, которая даст возможность видеть, как вы-

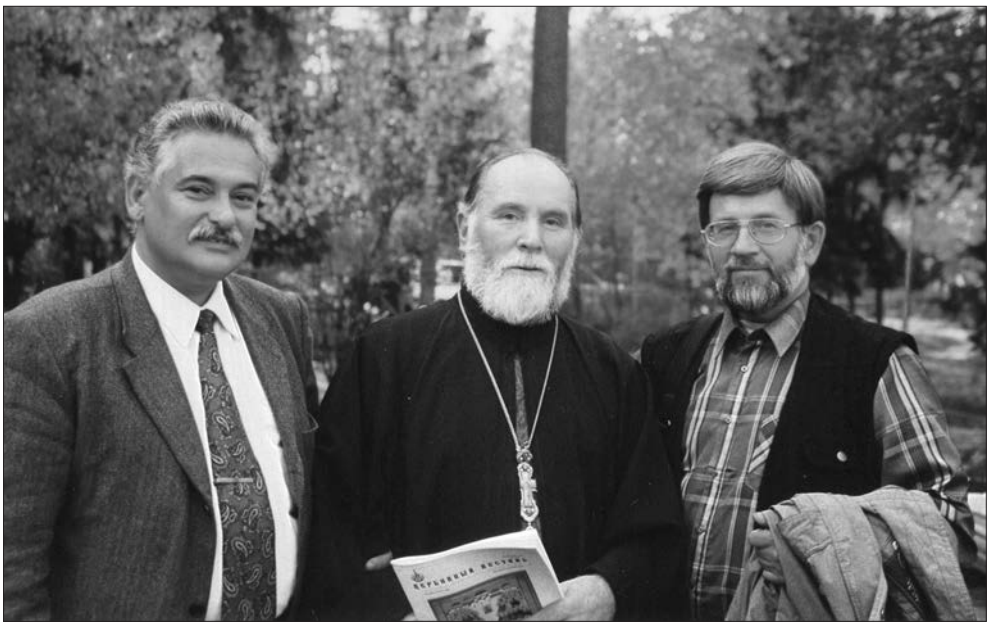
Встреча о. Алексия с петербургскими писателями на престольный праздник Казанской церкви пос. Вырица. Слева направо: поэтесса Л. Кудряшова, историк Церкви В. Филимонов, о. Иоанн Пашкевич, о. Алексий Коровин, поэт Ю. Шестаков, филолог Е. Шестакова, прозаик, историк Церкви Н. Коняев, поэтесса В. Ефимовская. 2-й ряд слева направо: поэт А. Ребров, поэт В. Марухин, поэт В. Иванов. 21 июля 1999 г.

глядел иподиакон Алексий в сослужении митрополиту Пимену (Извекову), рядом, тоже иподиакон, будущий архимандрит Иринарх (Соловьев).

Любовью к книге, любовью к правильному литературному слову и достоверному историческому факту отличался о. Алексий Коровин.

Он очень много читал, умел сам переплетать книги, разбирался в живописи, мог отличить художественный оригинал от подделки. Основу его библиотеки составляли богословские книги и исторические издания. Много они ему помогали в подготовке проповедей, которые он обязательно готовил заранее, записывал. Гуманитарная, можно даже сказать, писательская одаренность, была присуща батюшке Алексию, поэтому вокруг него собирались писатели. Как-то само собой сложилось, что члены Православного общества петербургских писателей часто приезжали в Вырицу специально пообщаться с мудрым любимым священником. Исторической можно назвать фотографию, на которой мы видим рядом с батюшкой известных санкт-петербургских писателей конца XX — начала XXI века. Замечательно, что в Вырицком Казанском храме, в одном из первых, стали продаваться и распространяться поэтические сборники. Отец Алексий безошибочно определял настоящую поэзию.

Но все это будет потом. А пока что, в конце 1960-х, молодой священник метался от одного, Вырицкого, прихода до другого, находящегося в Карелии, в Олонце, куда он был направлен по распоряжению Управляющего епархией. И при этом продолжал обучение в Духовной академии. И так тринадцать месяцев! А еще появился на свет первенец — сын Марк. Ка-

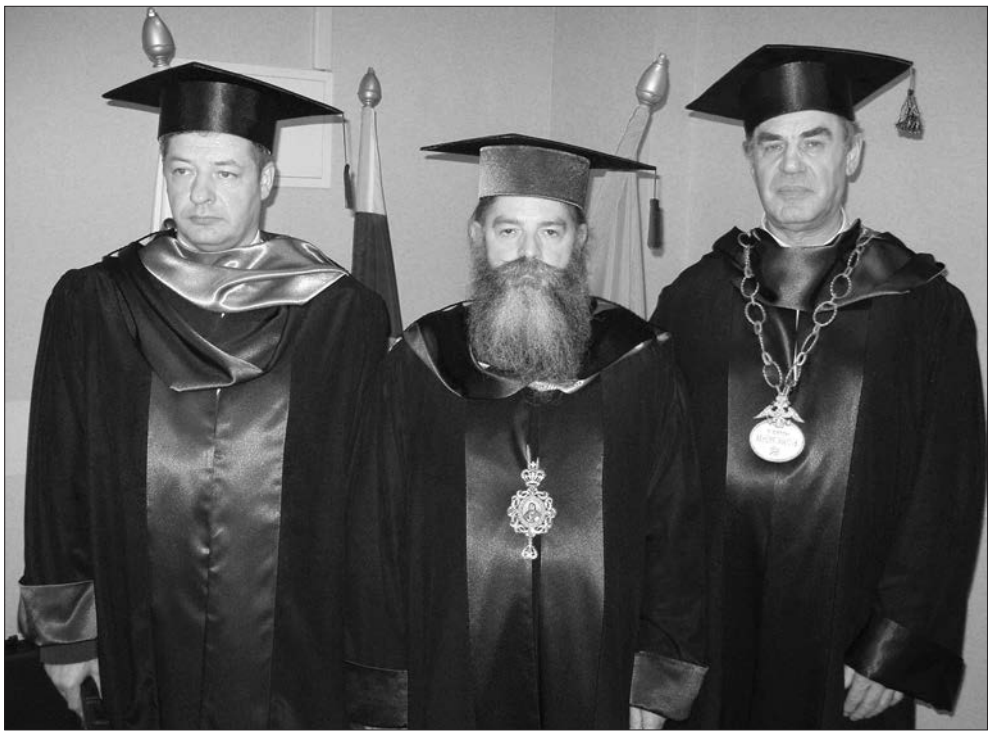

Отец Алексий Коровин с правнуком преп. Серафима Вырицкого Геннадием Александровичем Муравьевым (слева), епархиальный фотограф Ю. Костыгов (справа). Первая служба по прославлении Серафима Вырицкого. Вырица. 1 октября 2000 г.

кие же на все это нужны были силы, но о. Алексий справлялся. Вероятно, источником его сил была любовь к людям. Он очень любил людей, вникал в их проблемы, жалел страждущих, откликался на все их просьбы и требы. Наверное, в результате собственных лишений в детстве и молодости, вследствие опыта собственных тягот и потерь он был исполнен неиссякаемого милосердия.

Огромная любовь к Богу, искренняя вера, усердие и профессионализм батюшки Алексия были известны за пределами Ленинградской епархии. Ему поступали заманчивые предложения по службе: звали в Казанскую епархию секретарем епископа Пантелеимона (Митрюковского); митрополит Леонид (Поляков) приглашал о. Алексия в Рижскую епархию. Но он, мечтая о родном Пермском крае, о ненаглядной своей реке Каме, остался в скромном поселке Вырица Ленинградской области, став настоятелем в небольшом деревянном храме. Остался Божиим соизволением ли, собственным ли умом, или по мудрому совету митрополита Алексея (Ридигера), будущего Патриарха всея Руси, который, будучи руководителем Учебного комитета, убедительно посоветовал о. Алексию Коровину остаться в благословенной Вырице? А может, позвал святой Серафим Вырицкий?

На всю свою жизнь священник по пророчеству преп. Кукши остался в том храме, которому посвятил всю свою любовь и отдал сердце. Именно этот священник был нужен именно этой церкви, вблизи которой он совершал свой молитвенный подвиг и где похоронен святой Серафим Вырицкий. Когда в 1968 г. о. Алексий стал настоятелем, схимонах Серафим (Василий

Избранный почетным доктором Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета архиепископ Константин (в центре) после произнесения докторской речи о преп. Серафиме Вырицком, который в свое время окончил это учебное заведение. Ректор ИНЖЭКОНа А. И. Михайлушкин (справа). 31 мая 2005 г.

Муравьев) прославлен не был. Но много было тому доказательств, что он святой, что его молитву слышит Господь. Были в то время еще во здравии внуки схимонаха Серафима, духовные чада, вспоминавшие о прозорливом и милосердном монахе как о святом.

Нет, наверное, надобности рассказывать здесь о трудной и святой подвижнической жизни самого старца Серафима Вырицкого и о длительном, растянувшемся на несколько десятилетий процессе прославления его святости. Много написано книг и статей на эту тему. Отмечу лишь еще одно пересечение духовных путей: 31 мая 2005 г. меня избрали почетным доктором Санкт-Петербургского Государственного инженерно-экономического университета (ИНЖЭКОН). В этот торжественный день мною была произнесена речь о преп. Серафиме Вырицком, который в свое время окончил это учебное заведение.

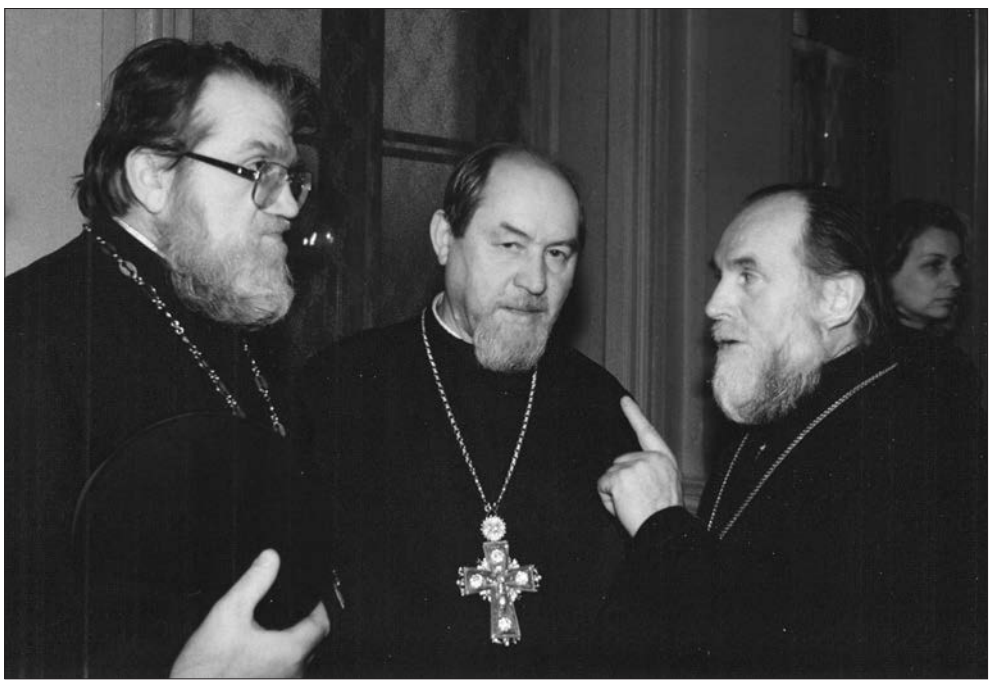
Вспоминая о. Алексия, надо задуматься, почему именно на его долю выпал счастливый труд прославления святого Серафима Вырицкого?

Не просто, наверное, Кукша Одесский пророчил боголюбивому Алексию Коровину служение на одном месте. Место, вероятно, имелось в виду не только как вмещающее пространство, но как конечная цель или смысл пути. «Небо ясно, под небом места много всем», — радовался М. Ю. Лермонтов. Действительно, огромен, лучезарен Божий мир. Какова же должна быть сила

молитвы во его спасение? Святой своей молитвой Серафим Вырицкий смог отмолить и место своего последнего приюта — Вырица не была разрушена фашистскими оккупантами, и родной Ленинград, выстоявший в блокаду. Действительно, еще раз повторяя слова Иоанна Кронштадтского: «священник … облечен величайшим от Бога полномочием, **он всесилен и может умолить Бога о своем мире**», на примере жизни св. Серафима Вырицкого убеждаешься в возможности такого подвига. Старца Серафима и о. Алексия связывало именно это общее стремление — умолить Бога о своем мире!

Отец Алексий тоже смог умолить Бога о мире, в котором ему в атеистические времена удавалось сберегать и восстанавливать уникальный храм, возведенный в честь 300-летия Царствующего Дома Романовых. В этом мире усилиями батюшки Алексия был прославлен один из великих молитвенников земли русской схимонах Серафим Вырицкий. В этом мире постепенно, за почти сорокалетнее служение о. Алексия, многие, очень многие, и партработники, и важные руководители, и сбившиеся с праведного пути люди пришли к вере в Бога. Огромное множество у батюшки Алексия духовных детей. Могу подтвердить, великое их число собралось в тяжелый час прощания с любимым священником, где я возглавил его отпевание.

Глядя на совместную фотографию трех благообразных священников, о. Василия Ермакова, о. Алексия Коровина, о. Константина Смирнова, я, много раз воскликая «Многая лета о. Константину», предаюсь воспоминаниям еще об одном славном священнике, отпевание которого мне тоже пришлось осуществить, об отце Василии Ермакове. Это мое авторское отступление допускаю потому, что пример жизни и служения о. Василия, доб-

Слева направо: о. Константин Смирнов, о. Василий Ермаков, о. Алексий Коровин

рого старшего друга и соратника о. Алексия, также важен для воспитания и становления молодой священнической «рати».

Отец Василий Ермаков тоже был силен своей молитвой за свой мир, за свою Россию, которая при всех страшных испытаниях, выпавших на ее долю в XX в., осталась жива своим героическим духовным смирением, она жива вековыми традициями и исторической памятью русского народа. В силе памяти и традиции не сомневаешься, когда вспоминаешь, как несколько километров пешком, в любую погоду, шел русский народ к маленькой деревянной церкви преподобного Серафима Саровского, что на Серафимовском кладбище, туда, где служил о. Василий.

Люди шли сюда не только потому, что здесь отеческие могилы, не только потому, что в ландшафтных и архитектурных зрительных образах здесь жива исконная Русь, но и для того, чтобы утвердиться в сознании великого значения русской соборности, чтобы просветлить свои сердца и помыслы, чтобы услышать слово Истины от батюшки Василия. Многие православные петербуржцы, конечно же, знают, что батюшка Василий — это протоиерей Василий Ермаков. Они, может быть, не знают, что за период пастырского служения Священноначалие отметило его многими наградами, что он участник Великой Отечественной войны. Но миряне точно знали, что найдут у о. Василия слово утешения, сострадания, любви, потому что чувствовали искренность и глубокую убежденность пастыря, видели единство слова и дела. И тянулись люди к нему — побеседовать о наболевшем, излить истомленную душу, выслушать краткое утешение и наставление.

Слово о. Василия — убедительное, негромкое, но боевое. Боевое потому, что это правильное простое русское слово, не загрязненное риторическими красивостями и иностранными заимствованиями, соответствует определению сущности русского языка, данному славянофилами в XIX в., считавшими, что «язык есть воплощение целого, всеобще-тождественного миросозерцания». Очевидно, что слово, тем более слово священника, есть выражение сознания и его духовного опыта. А духовного опыта о. Василию было не занимать, хотя, как истинно православный христианин, он очень сдержанно оценивал свои личные заслуги, считал определяющими — свою духовную школу и своих учителей.

Василий Ермаков, как и о. Алексий, учился в Ленинграде: три года в семинарии и с 1949-го — четыре года в Духовной академии. Вот как сам батюшка Василий вспоминал о своих учителях. «В нашем первом классе было около двадцати человек. Состав преподавателей был великолепный, и они зажгли в нас яркий свет глубокой веры. Это Сергей Александрович Купресов, Константин Михайлович Федоров, братья Вознесенские — Дмитрий и Александр и др. Собрали лучших из тех, кто уцелел от тюрьмы и репрессий. Учились мы в полуразрушенном здании, во время войны здесь располагался госпиталь. Холод, карточная система, но, повторяю, годы эти освящены надеждой и верой». Своими духовными учителями о. Василий считал многих известных русских священников, но первыми в ряду наставников ставил свою семью и главным — родного отца, который с раннего детства прививал Василию любовь к Богу, учил азам Православия, сначала просто заставляя маленького сына молиться Богу. И на детский вопрос «Зачем молиться?» — отец отвечал: « Вот, сынок, вырастешь и потом сам узнаешь, как необходима в жизни молитва». В войну духовником будущего

священника Василия Ермакова был о. Василий Веревкин, который с 1941 г. служил во вновь открытом храме в городе Болохове. В семинарии у Василия Ермакова духовником был о. Иоанн Богоявленский, впоследствии епископ Эстонский и Таллиннский Исидор. Во время пастырского служения о. Василия в Никольском соборе, куда он был направлен после окончания Духовной академии, его духовником был его любимейший соученик о. Михаил Липатов, блокадник, прекрасно знающий жизнь и способный человек, и о. Константин Быстрицкий, отсидевший шесть лет в лагерях.

Особенно тепло о. Василий вспоминал своего сокурсника и друга Алексея Ридигера, будущего Патриарха Алексия II, который и пригласил Василия Ермакова в 1946 г. в Ленинград в семинарию. «Бог ссудил мне пройти с Его Святейшеством 55 лет. Я знал прекрасно его семью. Мы с ним были иподиаконами в страшное время войны. После войны Господь нас с ним соединил в учебе. Мы в семинарии сидели за одним столом, а позже и в академии. Я знаю весь его монашеский подвиг, как епископа, архиепископа, митрополита и Патриарха… Святейший Патриарх отдал все свои силы и здоровье на благо Русской Православной Церкви. …Сегодня общество России болеет, а к болящему, как говорил об этом святейший Патриарх, требуется очень бережное отношение. Так давайте его нежно исцелять, нежно с ним обращаться, его жалеть».

Именно такое отношение священников к людям должно быть и было, в частности, в дореволюционной русской церкви. Священники шли к народу — на фабрики, на заводы, в цеха и лачуги они несли свет Истины Христовой. Так поступал св. прав. Иоанн Кронштадтский. Об этом же неистребимом своем стремлении — идти к людям — говорил и о. Василий. «По окончании академии, 4 ноября 1953 года митрополитом Григорием (Чуковым) я был рукоположен во Владимирском соборе во иерея и сразу начал службу священником в Никольском соборе. Я отошел от привычного стереотипа священника, спустился с амвона к прихожанам, к людям, и стал спрашивать: какая нужда, какое горе у человека…»

Отец Василий видел свое служение в неколебимой вере в Бога, вере в Его всесильную помощь и в глубокой молитве за народ, который батюшка любил великой любовью своей души. Но откуда в его душе было столько любви, что хватало на каждого о ней просящего? Истоки этой любви следует искать в праведной жизни благочестивых православных предков о. Василия, в духовном родстве его с любимыми учителями, в личных его переживаниях, связанных в Отечественной войной, с которой Василий Ермаков встретился в детстве. В жизни о. Василия Ермакова война значила очень многое. Он был участником этой войны, 15–16-летним подростком работал после освобождения Таллина в штабе Балтийского флота. Он был свидетелем огромных жертв и страданий русского народа. Но ведь жертва и страдание неотделимы от любви, и эта любовь наполняла душу юного Василия, и ее ему хватило на всю жизнь. Но это была не просто сострадательная, бездеятельная любовь, но любовь особая, любовь, «которая имеет виновником Бога, есть то же, что бьющий из земли источник: потоки ее никогда не прерываются, ибо Он Сам есть источник сей любви и неоскудевающая пища ее» (преп. Исаак Сирин). И, конечно же, ежедневное обращение батюшки к Богу — «Отче наш» — заключает в себе и одновременно раскрывает любовь, как единственную, непрерывающуюся и радостную связь, основанную

не на домыслах разума, не на философских доказательствах, а на опыте любви личной.

Эта любовь о. Василия Ермакова проявлялась не только во внимательном отношении к каждому прихожанину, но в стремлении каждому помочь сделаться истинным христианином. Вот как он сам говорил об этом стремлении: «Служа в соборе, я учился понимать душу народа, чувствовать их горе, людские страдания и как мог, по молитве Божьей я помогал людям в решении житейских вопросов и особенно вопросов духовных. Как верить? Как идти за Христом? Как исполнять свои духовные обязанности?» А ведь исполнение духовных обязанностей дело нелегкое, требующее дисциплины и обязательного понимания — зачем человек пришел в храм, что хочет получить в этом месте». И о. Василий учил прихожан думать, что очень важно сегодня, когда укореняется чувство вседозволенности, когда наблюдается оскудение страха Божьего по отношению к Таинствам. Отец Василий воспитывал своих духовных чад терпеливо, по многу лет в частных беседах. Он не давал общих советов, но, словно мудрый дедушка, отдельно каждому разъяснял духовные «болячки». Его так все и звали — дедушка Василий — и дедушке Василию это нравилось, потому что в этом простом, но очень высоком звании сосредоточена народная любовь, а это единственное, к чему всегда стремился о. Василий Ермаков. Как сам говорил, он никогда не помышлял о высоком духовном сане, о наградах. Любовь прихожан — вот высшая награда в жизни священника.

Есть в этом стремлении что-то от традиций славного русского воинства. Великие победы одерживались на Руси, когда солдаты были полностью

Отец Алексий приветствует в Вырицкой церкви во имя иконы Божией Матери Казанской митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира (Котлярова). 2002 г.

преданы и доверяли своему генералу, который умел не столько командовать, сколько объединить. «Народ, спаянный единством мироощущения, живущий “единым сердцем” — неодолим». Протоиерей Василий Ермаков очень переживал за свою любимую Родину, которая имеет богатейший опыт противостояния врагу и достижения победы в любой войне. Этот опыт исследовал о. Василий много лет назад в своей кандидатской диссертации за IV курс Духовной академии, которая называлась «Национально-государственные заслуги и защита Православия русским духовенством в эпоху польско-шведской интервенции». Молодому священнику хотелось узнать и разъяснить, что же делали православные священники в тяжелые для России времена. Как был убежден сам о. Василий Ермаков, эта тема была им выбрана не случайно, а «…по воле Божьей», и потому, наверное, сочинение, написанное в 1953 г., читается с особым интересом сегодня, и очень своевременно звучат слова Василия Ермакова: «С потерею своей государственной независимости Руси грозило уничтожение и самой русской национальности, языка, вековых обычаев, к которым с презрением и ненавистью относились иноземцы; а с потерей национально-государственной независимости нашим предкам грозило уничтожение самого драгоценного для них сокровища — Православной веры…

Патриотическое движение, поднятое народными пастырями, имело своей целью спасти Отечество от иноземного завоевания и восстановить в нем государственный порядок. А для этого необходимо было уничтожить вражду и ненависть и объединить народ в единой борьбе с общим врагом».

Стоянием за веру Православную, любовью к своему храму, к своим прихожанам — утишал всемирную вражду и ненависть и о. Алексий Коровин, хорошо знавший историю и ее уроки. Он верил во всеобщую и во свою с Божией помощью личную духовную победу. Вот простой пример силы его прозорливости и того, что его добрые намерения слышал Господь. В начале 90-х гг. начался ремонт Вырицкого Казанского храма, который батюшка всегда лелеял, как свое дитя: лично денно и нощно охранял от воров, от пожаров, от сатанистов и авантюристов. Однажды о. Алексий говорит: «Мы будем крыть крышу церкви медью!» Но нет ни меди, ни денег на этот дорогой материал. А о. Алексий повторяет — крыша будет медная. Не сразу, но появилась медь: пожертвовал завод «Красный Выборжец». А батюшка с верой в голосе продолжает — а крест над храмом будет из титана! И никто уже не удивляется, когда Адмиралтейский завод помогает отлить крест из титана, и его водружают над прославленным храмом в честь иконы Божией Матери Казанской.

Правильно говорил и доказал своей жизнью и служением о. Алексий — крест самое сильное оружие. И каждый священник, когда следует предназначенным ему от Господа путем, когда безошибочно определяет «*то самое место*», которое Господь ему назначил, становится многосильным, будучи **облеченным величайшим от Бога полномочием**.

Царский ПУТЬ

Анатолий СТЕПАНОВ

УБИЙСТВО ЦАРСКОЙ СЕМЬИ И ЧЛЕНОВ ДОМА РОМАНОВЫХ

Анатолий Дмитриевич Степанов — родился в 1961 г. в с. Нижняя Кубань Комаричского р-на Брянской обл. Окончил исторический факультет Дальневосточного госуниверситета (ДВГУ), служил офицером в Вооруженных силах. Окончил аспирантуру СПбГУ, занимался исследованием идеологии русского консерватизма. В это же время состоял сотрудником пресс-службы митрополита Иоанна (Снычева). В 1994—1996 гг. преподаватель, зам. декана факультета политологии ДВГУ. С 2004 г. главный редактор РНЛ. Действительный член ПАНИ. Составитель (совместно с О. А. Платоновым) тома «Русский патриотизм» в «Большой энциклопедии Русского народа». **Живет в Санкт-Петербурге.**

22 февраля 1917 года Император Николай II выехал из Царского Села в Могилев, где находилась Ставка Верховного Главнокомандующего. Почти два месяца находился Государь в столице, — он прибыл из Ставки к семье в Царское Село накануне Рождества, 19 декабря. На фронте в этот период наступило затишье, противоборствующие стороны готовились к весенней военной кампании, которая, как предполагалось, должна была завершить эту такую тяжелую и долгую войну. Необходимости присутствия Верховного Главнокомандующего в Ставке не было, и Государь выехал в столицу, чтобы заняться делами государственного управления и провести с семьей время Рождественских праздников. Было и еще одно обстоятельство, потребовавшее срочного присутствия Императора в столице — необходимость расследования убийства царского друга, крестьянина Григория Ефимовича Распутина, которое произошло в ночь на 17 декабря и к которому оказались причастны члены Императорской Фамилии.

В Петрограде Государь погрузился в вопросы государственного управления. Помимо текущих дел (доклады чиновников, приемы) Император вплотную занялся кадровыми вопросами. Он был прекрасно осведомлен о настроениях в Думе, где еще в 1915 году образовался Прогрессивный блок, куда вошли все активные противники самодержавия, а также часть националистов (в частности, известный правый деятель В. В. Шульгин), ранее стоявших на монархических позициях. После этого лояльные власти депутаты Думы оказались в подавляющем меньшинстве. Неоднократно Государь получал информацию, что члены Прогрессивного блока плетут нити заговора против Самодержа-

вия, готовят новую революцию, поэтому он не доверял думцам. У председателя правительства лежал подписанный Царем указ о роспуске Госдумы, который князь Н. Д. Голицын должен был при необходимости опубликовать.

Не вполне мог Государь опереться в случае возникновения чрезвычайной ситуации и на Государственный Совет, в котором заседали высшие сановники России и выборные от сословий и корпораций. Но если на расстановку сил в Думе Верховная власть повлиять до новых выборов не могла, то изменить ситуацию в верхней палате можно было. И 1 января 1917 года Царь принимает знаковое кадровое решение, — он назначает председателем Государственного Совета известного правого деятеля И. Г. Щегловитова, которому, видимо, было дано поручение укрепить благонамеренную часть Госсовета. Однако получить лояльное Верховной власти большинство в Госсовете также не удалось.

Таким образом, высказываемую нередко мысль, что Император Николай II ничего не делал для предотвращения революции, нельзя признать основательной. Государь был осведомлен о неспокойном состоянии столичного общества и предпринимал меры для недопущения революции. Только опереться ему было практически не на кого. Монархические организации были расколоты и ослаблены внутренней борьбой. Правые в Госдуме представляли собой незначительное меньшинство депутатов и тоже были расколоты. Создать правое большинство в Госсовете не удалось. Иллюзий насчет позиции членов Императорской Фамилии Царь не строил. Он знал о фронде среди своих родственников, — история с защитой убийцы Г. Е. Распутина Великого князя Дмитрия Павловича наглядно продемонстрировала их настроения. Единственной его надеждой была армия, прежде всего офицерский корпус и генералитет.

Об одном он, видимо, не знал — об антидинастическом заговоре, в который были вовлечены не только думские политики, но и представители генералитета.

Отъезд Государя в Ставку, как свидетельствовали в своих воспоминаниях близкие к Царской Семье люди, был неожиданным. Государь планировал еще побыть в столице: заболели корью дети, что не могло не тревожить отца (он поехал в Ставку в этот раз без Цесаревича), не были, видимо, решены еще все вопросы по кадровому укреплению государственных институтов. Да и не было какой-то особенной необходимости его присутствия в Ставке, там в это время могли обойтись и без Верховного Главнокомандующего.

Однако была и другая логика — логика подготовки заговора и организации революционных беспорядков. И эта логика требовала отсутствия Царя в столице, отрыва его от органов государственного управления.

Вернувшийся раньше срока с лечения начальник штаба Ставки генерал-адъютант М. В. Алексеев и замещавший его во время отсутствия генерал В. И. Гурко вдруг стали настаивать на необходимости срочного приезда Государя в Ставку. Кто-то внушил брату Государя Великому князю Михаилу Александровичу, который недавно только был назначен генерал-инспектором кавалерии, посетить Императора и убедить его немедленно выехать в Ставку. И Государь решил ехать. Судя по всему, главным аргументом, склонившим его к необходимости срочного отъезда, были сообщения о росте недовольства в Ставке долгим отсутствием Государя.

Итак, 22 февраля Государь неожиданно для семьи и ближайшего окружения выехал на фронт. Это была среда. Шла вторая седмица Великого поста, времени особенного покаяния для всех православных христиан…

На следующий день, словно по команде, в Петрограде начались беспорядки. 23 и 24 февраля город будоражили «бабий бунт» против дороговизны хлеба и забастовки рабочих на окраинах столицы. 25 февраля беспорядки перекинулись на центральную часть города, где проходили беспрерывные митинги, на которых произносились революционные речи. В этот день произошло знаковое событие — казак (своего рода символ порядка) зарубил шашкой пристава Крылова, пытавшегося вырвать красный флаг из рук демонстрантов, что ободрило толпу.

26 февраля, в воскресенье, заканчивалась вторая неделя Великого поста, и власти надеялись на прекращение волнений. Но в этот день одна из рот запасного батальона лейб-гвардии Павловского полка неожиданно открыла огонь по войскам, разгонявшим демонстрантов. Правда, солдат удалось разоружить.

Роковым стал следующий день 27 февраля, когда начался солдатский бунт, — восстал запасной батальон лейб-гвардии Волынского полка, к которому присоединились другие. Начались убийства офицеров, толпа захватывала полицейские участки, было сожжено здание Окружного суда, захвачена тюрьма «Кресты». Так началась третья (Крестопоклонная) седмица Великого поста. В тот же день в здании Думы в Таврическом дворце возникли два самочинных революционных органа: Временный комитет Государственной Думы и Совет рабочих и солдатских депутатов, который возглавили депутаты Думы от левых фракций Чхеидзе и Керенский.

Все эти дни власти столицы успокаивали Государя сообщениями, что «ситуация под контролем», вводил Царя в заблуждение и председатель Государственной Думы М. В. Родзянко, которому Император доверял. Единственным источником достоверной информации могла быть Императрица Александра Федоровна, но она не успевала полноценно следить за развитием политической ситуации из-за болезни детей.

Наконец, 27 февраля в Ставку поступили точные сведения о солдатском бунте, и Государь распорядился направить в город войска для подавления беспорядков под командованием генерал-адъютанта Н. И. Иванова. Сам Государь на следующий день 28 февраля покинул Ставку и направился на поезде в столицу. Управление армией Император оставлял на начальника штаба генерал-адъютанта М. В. Алексеева, на чью верность безусловно полагался. Как потом оказалось — напрасно, поскольку тот был тесно связан с Гучковым, готовившим заговор против Царя, и Алексеев, по меньшей мере, знал о существовании военного заговора. Именно двусмысленные действия генерала Алексеева в эти роковые дни повернули ход российской истории.

В ночь на 1 марта на станции Малая Вишера царский поезд был остановлен, поступила информация, что следующая станция — Любань — занята революционными войсками, и Государь принял решение направиться в Псков в штаб Северного фронта, куда прибыл вечером. Северным фронтом командовал активный участник военного заговора генерал-адъютант Н. В. Рузский, — Царь оказался в западне, отрезанным от внешнего мира. Именно здесь разыгралась великая драма русской истории, приведшая к отречению Императора Николая II от Престола.

Генерал Рузский фактически отрезал Государя от внешнего мира, сосредоточив в своих руках переписку и переговоры Императора и Верховного Главнокомандующего как с военными, так и с гражданскими властями. Воспользовавшись паническими телеграммами председателя Госдумы М. В. Родзянко, начальник Штаба генерал М. В. Алексеев по собственной инициативе утром 2 марта послал всем высшим военачальникам телеграмму, составленную таким образом, что им предлагалось решить, что предпочесть: спасение государства и воюющей армии или сохранение у власти Императора Николая II. Уже через 4 часа были получены ответы от большинства. Почти все генералы и адмиралы высказались («коленопреклоненно», «с болью сердечной» и другими лицемерными оговорками) за отречение Государя от Престола. Эти телеграммы Алексеев переслал Рузскому для предъявления Императору. Особенно болезненной для Государя была телеграмма его родственника, командующего Кавказским фронтом Великого князя Николая Николаевича, не простившего Царю отстранение его от командования армией. Только два высших генерала — командир 3-го конного корпуса Ф. А. Келлер и командующий Императорской гвардией Хан Гусейн Нахичеванский — высказались против отречения и заявили о готовности выполнить свой долг верноподданных, но их телеграммы Императору не показали.

Расчет заговорщиков был верным, — Государь понял, что положение безнадежно, рассчитывать не на кого и не на что. Он дал согласие на отречение в пользу сына Цесаревича Алексея, о чем Рузский тут же сообщил в Петроград. Из столицы принимать отречение сразу же выехали депутаты Госдумы — давний враг Государя либерал А. И. Гучков и националист В. В. Шульгин, прибывшие в Псков поздно вечером. Около полуночи Государь передал «делегатам революции» акт об отречении от Престола, но в пользу своего брата Великого князя Михаила Александровича. Манифест был датирован тем временем, когда Царь принял решение об отречении — 3 часа дня.

Сейчас много говорят о подложности Манифеста, якобы Император его не подписывал. Однако если бы это было так, если бы отречение было обманом, Государь непременно дал бы знать об этом кому-то из своего ближнего окружения, весной-летом 1917 года у него такая возможность была. Скорее стоит предположить, что и незаконное отречение за своего сына и нарочито неправильное оформление акта отречения были последними средствами борьбы Николая II с заговорщиками, иных способов у него, оказавшегося в псковской ловушке, не было. Он давал сигнал всем верным подданным о том, что отречение у него вырвано, что оно незаконно. Однако никто на этот сигнал внимания не обратил, Государь понял, что у него не осталось верных подданных. Измена была кругом. В конце этого тяжелого дня он написал в своем дневнике знаменитые слова: «Кругом измена и трусость и обман».

Отречение Государя в пользу Великого князя Михаила Александровича, судя по всему, не входило в планы заговорщиков, они рассчитывали править страной от имени неопытного юноши Цесаревича Алексея. Однако и Великий князь Михаил оказался в сложном положении, в его распоряжении не было даже лояльных воинских частей, а либеральные политиканы не гарантировали ему спокойное вступление во власть. Кроме того, на Ве-

ликого князя было оказано серьезное психологическое давление, — когда он решал принимать ли ему власть, в Петрограде были зверски убиты два лично знакомых ему сановника (после убийства им отрезали головы). В результате Михаил Александрович 3 марта согласился подписать документ об отказе от Престола с лукавой формулировкой, что он готов принять власть, но только из рук Учредительного собрания. Таким образом, не отрекаясь от Престола формально, Михаил Александрович закрыл возможность реставрации монархии. Не случайно его Августейший брат отреагировал в своем дневнике предельно остро: «Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость». Предполагают, что хитроумную формулировку придумал один из лидеров кадетов, В. Д. Набоков, убитый в 1922 году в Берлине офицерами-монархистами.

Вечером 3 марта Государь вернулся в Могилев, в Ставку Верховного Главнокомандующего. На следующий день сюда прибыла из Киева его мать, вдовствующая Императрица Мария Федоровна, это было их последнее свидание. 7 марта, вечером, Государь написал свой последний приказ войскам, который было запрещено оглашать Временным правительством. На следующий день Государь попрощался с чинами штаба.

7 марта Временное правительство, сформированное в день отречения Царя от Престола, приняло указ об аресте Царской Семьи. В Могилев 8 марта прибыли представители Госдумы для сопровождения арестованного Царя. Когда поезд был готов к отбытию в Царское Село, Государю объявили через генерала Алексеева, что он арестован. В этот же день в Александровский дворец Царского Села прибыл назначенный революционной Думой командующим войсками Петроградского военного округа генерал Л. Г. Корнилов и объявил об аресте Императрице. До этого дня больные дети ничего не знали о происходивших трагических событиях. После ареста Государыня вынуждена была им все рассказать. На следующий день 9 марта в Царское Село прибыл Император Николай II.

Начался Царскосельский этап заточения Царской Семьи. Из прибывших с Государем представителей Свиты только гофмаршал князь В. А. Долгоруков пожелал быть рядом с Императором под арестом, остальные разбежались. Первый этап заточения только внешне выглядел не столь тягостным. На самом деле Царской Семье постоянно приходилось терпеть унижение от властей и охраны. Так, 21 марта в Царское Село приехал Керенский и приказал арестовать подруг Государыни, которые делили с нею тяготы ухода за больными детьми А. А. Танееву (Вырубову) и Л. А. Ден, и удалить их из дворца. Тяжело больная А. А. Танеева была заключена в Петропавловскую крепость. А 27 марта в понедельник Страстной седмицы тот же Керенский распорядился ограничить встречи Царя и Царицы только временем еды, даже с детьми они должны были сидеть раздельно. 3 июня солдаты охраны увидели, что Цесаревич упражняется со своей игрушечной винтовкой, военную игрушку отобрали. Таких мелких унижений было множество.

Временное правительство по мере утраты доверия со стороны общества все более опасалось нахождения рядом со столицей законного Государя, поэтому в июле было принято решение выслать Царскую Семью в Тобольск. 31 июля, накануне отъезда, Керенский привез в Царское Село Великого князя Михаила Александровича. В присутствии Керенского и караульного начальника братья попрощались, но поговорить при посторонних им не

удалось. Это была их последняя встреча. Ранним утром 1(14) августа, в день Крещения Руси, состав с членами Императорской Семьи и сопровождавшими их лицами под вывеской «Японская миссия Красного Креста» отправился со станции Александровская близ Царского Села на восток. 4 августа поезд прибыл в Тюмень, откуда до Тобольска добрались по реке на пароходе. Вечером 6 августа Царская Семья прибыла в Тобольск.

Начался Тобольский этап заточения. Неделю Царственным узникам пришлось жить на пароходе, поскольку бывший губернаторский дом, предназначенный для их заключения, не был готов. Особняк еще весной превратили в общественное здание под названием «Дом Свободы», полы и стены были загажены, значительная часть окон разбита, внутренние помещения требовали ремонта. 13 августа они были переведены в свое новое узилище. Свиту разместили в доме купцов Корниловых, который находился напротив. В Тобольск вместе с Царской Семьей отправились 39 человек, в том числе: генерал-адъютант граф Илья Леонидович Татищев, гофмаршал князь Василий Александрович Долгоруков, лейб-медик Евгений Сергеевич Боткин, фрейлина графиня Анастасия Васильевна Гендрикова, гоф-лектриса Екатерина Адольфовна Шнейдер, наставник Цесаревича Петр Андреевич Жильяр, дядька Наследника Климентий Григорьевич Нагорный, комнатная девушка Императрицы Анна Степановна Демидова и др. Позднее в Тобольск прибыли еще 6 человек, но к Царской Семье были допущены только трое — учитель английского языка Сидней Иванович Гиббс, доктор Владимир Николаевич Деревенко и фрейлина Софья Карловна Буксгевден. Многие из сопровождавших впоследствии разделили участь Святых Царственных Мучеников. Для несения караульной службы был сформирован особый отряд в составе трех рот во главе с комендантом Александровского дворца полковником Е. С. Кобылинским.

Первые полтора месяца Тобольского заключения были самыми благоприятными со времени ареста Царской Семьи. Большим утешением для узников была возможность регулярно посещать богослужение. Вечерние службы совершались в доме, а на литургию им разрешили ходить в находившуюся неподалеку церковь Благовещения. Режим охраны был гораздо более легкий, чем в Царском Селе. Жители Тобольска всячески выказывали свою преданность Государю, проходя мимо дома, многие снимали шапки, крестили заключенных, а некоторые становились на колени, когда мимо них проходили Царственные узники.

Однако в конце сентября в Тобольск прибыл новый комиссар Временного правительства В. С. Панкратов со своим помощником, тоже бывшим каторжником, А. В. Никольским, которым теперь должен был подчиняться начальник отряда особого назначения полковник Кобылинский. Постепенно началось ужесточение режима заключения Царской Семьи.

А в конце октября большевики, совершив новый переворот, свергли Временное правительство. Государь узнал об этом из газет только спустя две недели и записал в своем дневнике: «Тошно читать описания в газетах того, что произошло две недели тому назад в Петрограде и в Москве! Гораздо хуже и позорнее событий Смутного времени».

Поначалу смена режима в Петрограде и Москве никак не отразилась на положении Царственных узников. В Тобольске не сразу была установлена советская власть, а диктатура большевиков по-настоящему там еще не

утвердилась. Правда, продолжались мелкие притеснения. Так, 20 февраля по решению солдатского комитета перерыли горку, чтобы помешать заключенным подниматься на нее и смотреть через забор. Сократили расходы на содержание Царской Семьи и приближенных, но тобольчане, узнав о сокращении расходов на продовольствие, начали присылать масло, кофе, печенье к чаю и варенье, чем весьма растрогали узников.

В начале марта Государь вспоминал трагические события годичной давности. 2 марта он записал в свой дневник знаменательные слова: «Вспоминаются эти дни в прошлом году в Пскове и в поезде! Сколько еще времени будет наша несчастная родина терзаема и раздираема внешними и внутренними врагами? Кажется иногда, что дольше терпеть нет сил, даже не знаешь, на что надеяться, чего желать? А все-таки никто, как Бог! Да будет воля Его святая!». И 9 марта: «Сегодня годовщина моего приезда в Царское Село и заключения с семьею в Александровском дворце. Невольно вспоминаешь этот прошедший тяжелый год! А что еще ожидает нас всех впереди? Все в руце Божией! На Него только все упование наше». Из переписки Царственных узников известно, что такими же были мысли и чувства Императрицы Александры Федоровны, Цесаревича Алексия и Великих княжон Ольги, Татьяны, Марии и Анастасии.

Первоначально лидеры большевиков Троцкий и Ленин предполагали устроить публичное судилище над Государем по образцу «великой» Французской революции, до Тобольска доходили слухи о скорой отправке Царской Семьи в Москву. 1 апреля 1918 года ВЦИК принял официальное решение перевести Государя в Москву для суда. Однако, видимо по инициативе Свердлова, некоторые влиятельные деятели большевиков тайно приняли решение об убийстве без суда Царя и его семьи, для чего Царственных узников уже 6 апреля решили перевезти в Екатеринбург. 12 апреля комиссар В. В. Яковлев (К. А. Мячин) объявил Царственным узникам, что получил приказ увезти Государя из Тобольска. Императрица, подозревая неладное, заявила, что поедет вместе с супругом. Из-за плохого самочувствия Цесаревича вместе с Царем и Царицей поехала только одна дочь — Мария. 13 апреля ранним утром Государь с Государыней простились с детьми и отправились в путь. Вместе с ними поехали также князь В. А. Долгоруков, доктор Е. С. Боткин, А. С. Демидова, Т. И. Чемодуров и И. Д. Седнев. Дорога была очень тяжелой. 14 апреля была перепряжка в селе Покровском, на родине их невинно убиенного друга Г. Е. Распутина. «Долго стояли как раз против дома Григория и видели всю его семью, глядевшую в окна», — записал Государь в дневнике.

30 апреля утром Государь, Государыня и Великая княжна Мария прибыли в Екатеринбург. Это был вторник — Великий Вторник, шла последняя — Страстная — седмица Великого поста. Их разместили в специально подготовленном доме, который в марте 1918 года был оформлен в собственность инженера Н. Н. Ипатьева, до того дом принадлежал купцу И. Г. Шаравьеву, а Н. Н. Ипатьев его только арендовал с 1908 года. Манипуляции с переменой собственника, видимо, были проведены с символическим умыслом — в Ипатьевском монастыре началась Династия Романовых, в подвале Ипатьевского дома должна была закончиться.

Вскоре после прибытия узников в Екатеринбург началось ужесточение режима содержания, тюремщики явно хотели деморализовать заключенных.

1 мая узникам Ипатьевского дома разрешили гулять в день только один час. На следующий день маляр закрасил окна во всех комнатах известью.

23 мая в Екатеринбург, наконец, прибыли из Тобольска Царские дети. «Огромная радость была увидеть их снова и обнять после четырехнедельн[ой] разлуки и неопределенности», — записал Государь в дневнике.

В Ипатьевском доме со Святыми Царственными Страстотерпцами — Царем Николаем, Царицей Александрой, Царевичем Алексием, Царевнами Ольгой, Татьяной, Марией и Анастасией — были оставлены и потом приняли мученическую кончину врач Е. С. Боткин, повар И. М. Харитонов, слуги А. Е. Трупп и А. С. Демидова. Долгое время в доме оставался поваренок Л. Седнев, племянник лакея И. Д. Седнева и друг игр Цесаревича, но накануне убийства он неожиданно был удален из дома. По мнению некоторых исследователей, это служит одним из доказательств ритуального характера убийства — свершителям изуверного ритуала требовалось именно 11 жертв.

Князя В. А. Долгорукова в Екатеринбурге разлучили с Царской Семьей, он был арестован и заключен в тюрьму. Также позднее поступили с генералом И. Л. Татищевым, графиней А. В. Гендриковой, Е. А. Шнейдер и некоторыми другими сопровождавшими Царственных узников лицами. Князя Долгорукова и графа Татищева расстреляли в окрестностях Екатеринбурга 10 июля. Графиню Гендрикову и гоф-лектрису Шнейдер вывезли в Пермь, они были расстреляны 3 сентября. Анастасия Гендрикова, воины Илия (Татищев) и Василий (Долгоруков) в 1981 году Русской Зарубежной Церковью причислены к лику Новомучеников Российских. Также были расстреляны дядька Цесаревича К. Г. Нагорный и лакей И. Д. Седнев.

В июне один из главных организаторов цареубийства П. Л. Войков проворачивает подлую провокацию с подметными письмами «преданного офицера Русской армии». 17 июня охрана неожиданно разрешила передачи Царственным узникам яиц, молока и сливок от монахинь Ново-Тихвинского монастыря. С этими передачами попадают к заключенным письма на французском языке от некоего «преданного офицера», который дает заключенным надежду на спасение. Царской Семье предлагали спать одетыми, чтобы быть готовыми к освобождению. А гнусные провокаторы цинично наблюдали за реакцией своих жертв.

4 июля произошло знаковое событие — был сменен комендант Ипатьевского дома, заменили и охрану. С самого начала заточения комендантом был местный большевик А. Д. Авдеев, а охрану составляли местные рабочие-большевики. Большинство из них были революционерами со стажем, побывали на каторге, ненавидели Царя. Нравственно развращенные люди, они отпускали непристойности по адресу Великих княжон, воровали при случае личные вещи узников. Но, очевидно, не это послужило причиной замены охраны. При личном знакомстве с образом жизни Царской Семьи, под воздействием обаяния и силы духа Государя смягчались даже окаменевшие сердца уральских большевиков-каторжан. Некоторые из охранников-рабочих не забыли еще, что они православные. К примеру, в Великую Субботу, когда по просьбе Боткина к узникам впустили священника и дьякона, которые отслужили заутреню, помощник коменданта и солдаты караула присутствовали на богослужении и вместе с Царской Семьей славили Бога: «Христос воскресе!»

Причина смены коменданта и охраны была вызвана именно этим, — большинство из прежних охранников были русскими и крещеными, а пото-

му явно не годились для того черного дела, которое замыслили организаторы цареубийства. Именно поэтому 4 июля новым комендантом Ипатьевского дома был назначен член коллегии местной ЧК Я. М. Юровский, а костяк охраны составили иноверцы и инородцы.

Предметом дискуссий до сих пор является вопрос — кто же принял решение об убийстве Царской Семьи. В советское время активно навязывалась версия, что это было самочинное решение руководства Уралсовета, а центральные власти были только поставлены перед фактом. Некоторые историки и публицисты и сегодня пытаются ее защищать. Однако куда более правдоподобной выглядит версия, что решение об убийстве принималось совместно и было согласовано, по крайней мере, с некоторыми руководителями большевистской партии. Ключевую роль в организации цареубийства сыграл член президиума Уралоблсовета, военный комиссар Урала Ш. И. Голощекин, который был близким другом тогдашнего главы государства председателя ВЦИК Я. М. Свердлова и «хозяина» Петрограда Г. Е. Зиновьева, с которыми он постоянно сносился по вопросу о судьбе Царственных узников. В начале июля Голощекин выехал в Москву, видимо, для окончательного решения вопроса об организации убийства Царской Семьи. В Москве он находился с 4 по 10 июля, а 14 июля вернулся в Екатеринбург. Видимо, был поставлен в известность или даже дал согласие на убийство и лидер большевиков В. И. Ленин.

Формальное постановление о расстреле (причем одного только Императора Николая II) было принято 16 июля 1918 года Президиумом Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Оригинал его не сохранился. Но через неделю после расстрела был опубликован такой текст постановления Президиума Уралсовета: «Ввиду того, что чехо-словацкие банды угрожают столице красного Урала, Екатеринбургу; ввиду того, что коронованный палач может избежать суда народа (только что обнаружен заговор белогвардейцев, имевший целью похищение всей семьи Романовых), Президиум областного комитета во исполнение воли народа, постановил: расстрелять бывшего царя Николая Романова, виновного перед народом в бесчисленных кровавых преступлениях. Постановление Президиума областного совета приведено в исполнение в ночь с 16 на 17 июля. Семья Романовых переведена из Екатеринбурга в другое, более верное место».

Еще раньше, на следующий день после цареубийства центральные советские газеты сообщили: «18-го июля состоялось первое заседание Президиума Ц.И.К. 5-го созыва. Председательствовал тов. Свердлов. Присутствовали члены Президиума: Аванесов, Сосновский, Теодорович, Владимирский, Максимов, Смидович, Розенгольц, Митрофанов и Розин. Председатель тов. Свердлов оглашает только что полученное по прямому проводу сообщение от Областного Уральского Совета о расстреле бывшего царя Николая Романова. В последние дни столице красного Урала Екатеринбургу серьезно угрожала опасность приближения чехо-словацких банд. В то же время был раскрыт новый заговор контрреволюционеров, имевший целью вырвать из рук Советской власти коронованного палача. Ввиду этого Президиума Уральского Областного Совета постановил расстрелять Николая Романова, что и было приведено в исполнение 16-го июля. Жена и сын Николая Романова отправлены в надежное место. Документы о раскрытом заговоре высланы в Москву со специальным курьером».

Кампания по дезинформации общественного мнения в России и в мире продолжилась. 24 июля 1918 года германский посланник К. Рицлер получил от наркома иностранных дел Г. В. Чичерина информацию, что Императрица Александра Федоровна и ее дочери перевезены в Пермь и им ничто не угрожает. Более того, переговоры между советским и германским правительствами об обмене Царской Семьи велись до 15 сентября 1918 года. И в дальнейшем официальные представители советского руководства продолжали дезинформировать мировую общественность: дипломат М. М. Литвинов заявлял в декабре 1918 года, что Царская Семья жива; тогдашний глава Коминтерна Г. Е. Зиновьев в интервью газете San Francisco Chronicle даже 11 июля 1921 года утверждал, что семья жива; а нарком иностранных дел Г. В. Чичерин в апреле 1922 года, во время Генуэзской конференции, на вопрос корреспондента газеты Chicago Tribune о судьбе Великих княжон врал: «Судьба дочерей царя мне неизвестна. Я читал в газетах, будто они находятся в Америке».

Итак, в ночь с 16 на 17 июля в 1.30 к Ипатьевскому дому прибыл грузовик, на котором убийцы намеревались перевезти тела Мучеников к месту уничтожения. Юровский разбудил врача Е. С. Боткина и предложил ему разбудить всех узников и спуститься в подвальное помещение дома. Версия убийства нам известна со слов убийц. По их рассказам в небольшое подвальное помещение вошли 11 убийц (по числу узников), Юровский произнес фразу, что родственники пытались вас спасти, а мы, мол, «вынуждены вас расстрелять», и началась стрельба. После того как рассеялся дым, палачи добили штыками раненых (Цесаревича, Великих княжон, Демидову).

25 июля 1918 года Екатеринбург заняли части Белой армии и Чехословацкого корпуса. Военными властями сразу был начат поиск Царской Семьи. Комендант Екатеринбурга создал офицерскую команду, которой было поручено в том числе разобраться с находками крестьян в районе рудника на Ганиной яме: разгребая недавние кострища, местные крестьяне нашли обгорелые вещи, среди которых был крест с драгоценными камнями. Начальником команды офицеров был назначен капитан лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады Дмитрий Аполлонович Малиновский, который еще в июне прибыл в Екатеринбург из Петрограда для организации спасения Царской Семьи, но сделать ничего не успел. Однако офицеры не имели опыта проведения следственных действий и сбора вещественных доказательств, и 30 июля 1918 года постановлением Екатеринбургского окружного суда для расследования обстоятельств исчезновения Царской Семьи был назначен следователь окружного суда А. П. Наметкин. Он осмотрел дом Ипатьева, допросил крестьян деревни Коптяки, побывал на Ганиной Яме. 12 августа расследование было поручено вести другому члену Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергееву, который более детально осмотрел дом Ипатьева, в том числе и полуподвальную комнату, где была расстреляна Царская Семья, собрал и описал вещественные доказательства, найденные в «Доме особого назначения» и на Ганиной Яме. С августа 1918 года к расследованию подключился и начальник уголовного розыска Екатеринбурга А. Ф. Кирста. Однако следствие по «горячим следам» не достигло успеха. И Наметкин, и Сергеев, и Кирста изначально сосредоточились на версиях событий, далеких от реальных.

17 января 1919 года для надзора за расследованием дела об убийстве Царской Семьи Верховный правитель России адмирал А. В. Колчак назна-

чил главнокомандующего Западным фронтом генерал-лейтенанта Михаила Константиновича Дитерихса. 26 января Дитерихс получил материалы следствия, проведенного Наметкиным и Сергеевым. Приказом от 6 февраля 1919 года расследование было возложено на следователя по особо важным делам Омского окружного суда Николая Алексеевича Соколова. 7 февраля ему были переданы производство и вещественные доказательства по делу. С 8 марта по 11 июля 1919 года Соколов продолжил следственные действия в Екатеринбурге. Именно благодаря его кропотливой работе стали известны подробности расстрела и уничтожения тел Царской Семьи и их слуг. Следователь изучил документы и вещественные доказательства, провел детальный осмотр Ипатьевского дома, проделал огромную работу по обследованию маршрута движения лиц, перевозивших тела мучеников, осуществил раскопки на Ганиной Яме, опросил многих свидетелей, в том числе нескольких бывших охранников «Дома особого назначения».

На стене комнаты, где произошло убийство, еще следователь И. А. Сергеев обнаружил надпись: «Belsazar ward in selbiger Nacht // Von seinen Knechten umgebracht» («В эту самую ночь Валтасар был убит своими холопами»). Следователь Н. А. Соколов обратил внимание, что эта, 21-я строфа произведения поэта Г. Гейне «Валтасар» была слегка изменена, и отметил: «Тот, кто сделал эту надпись, знает произведение Гейне наизусть». Он обнаружил на стене этой комнаты незамеченные ранее некие таинственные знаки, которые впоследствии русский эмигрант полковник лейб-гвардии Кавалергардского полка, египтолог и исследователь Каббалы Михаил Васильевич Скарятин, выпустивший в 1925 году под псевдонимом Энель брошюру «Жертва», расшифровал так: «Здесь, по приказу тайных сил, Царь был принесен в жертву для разрушения Государства. О сем извещаются все народы».

Соколов установил, что в период с 17 по 19 июля урочище Ганина Яма было оцеплено красногвардейцами, в эти дни там слышались взрывы гранат, свидетели сообщали о передвижении грузовых и легковых автомобилей, телег и всадников в этом районе, утром 19 июля оцепление было снято, после чего крестьяне близлежащей деревни Коптяки обнаружили около одной из заброшенных шахт остатки одежды и обуви, а также «крест с зелеными камнями», опознанный как принадлежащий Императрице Александре Федоровне.

Соколову удалось найти два распоряжения, выписанные П. Л. Войковым, предъявленные 17 июля 1918 года в аптекарском магазине «Русское общество» с требованием выдать служащему комиссариата снабжения Зимину серную кислоту: в первом требовании пять пудов, во втором еще три кувшина. В общей сложности Зимину было выдано 11 пудов 4 фунта серной кислоты, за которые на следующий день было уплачено 196 рублей 50 копеек. Кислота была доставлена на рудник 17 и 18 июля.

На руднике следователем были найдены следы двух больших костров. Там же были найдены десятки предметов, которые, по свидетельству уцелевших лиц из свиты, имели отношение к Царской Семье. Многие предметы обгорели, некоторые были разрушены.

Исходя из имевшихся у него материалов, Соколов сделал следующие выводы: тела убиенных были привезены на рудник под покровом темноты ранним утром 17 июля 1918 года. Одежда была грубо разрезана (обнаруже-

ны повреждения на пуговицах, крючках и петлях). Затем сами трупы были разрублены и целиком уничтожены с помощью огня и серной кислоты. При этом из тел расстрелянных вытопилось в почву сало и свинец из пуль.

Контролировавший следствие генерал М. К. Дитерихс на основании показаний некоторых свидетелей выдвинул версию о том, что изуверы отрубили головы Государя и Цесаревича, которые затем Голощекин заспиртованными доставил в Москву.

После изменения ситуации на фронте 11 июля 1919 года Соколов вывез из Екатеринбурга в Харбин все акты следственного производства вместе с вещественными доказательствами. Затем в марте 1920 года он вывез все материалы из Харбина в Западную Европу.

Соколов продолжал расследование и в эмиграции, вплоть до своей скоропостижной загадочной смерти в ноябре 1924 года. Так, уже в эмиграции, он расшифровал телеграмму за подписью Белобородова, изъятую на екатеринбургском почтамте, содержание которой противоречило официальной на тот момент версии большевиков о расстреле якобы только одного Государя. Телеграмма гласила: «Передайте Свердлову, что все семейство постигла та же участь, что и главу. Официально семья погибнет при эвакуации».

По материалам расследования Соколов написал книгу «Убийство Царской Семьи», вышедшую на французском языке в Париже в 1924 году еще при жизни автора под названием Enqukte Judiciaire sur L'assassinat de la Familie Imperiale Russe («Следственные материалы об убийстве Российской Императорской Семьи») и уже после его смерти, в 1925 году, изданную на русском языке. Еще раньше материалы следствия Соколова были изложены в книгах помогавшего следователю английского журналиста Р. Вильтона «Последние дни Романовых» (1920 год на английском языке; 1923 год — русский перевод с купюрами) и генерала М. К. Дитерихса «Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале» (издана в 1922 году во Владивостоке).

В 1997 году князь Лихтенштейна Ханс Адам II передал документы Н. А. Соколова на государственное хранение в Российскую Федерацию в обмен на фамильные документы Княжеского дома Лихтенштейн, хранившиеся после Второй мировой войны в российском архиве.

Летом 1979 года группа под руководством свердловского краеведа, геолога А. Н. Авдонина и бывшего следователя, сценариста Г. Т. Рябова, используя мемуарную записку, составленную советским историком М. Н. Покровским (активным фальсификатором исторических документов) якобы со слов одного из главных цареубийц Юровского, обнаружила на Старой Коптяковской дороге в районе бывшей будки железнодорожного переезда 184 км в урочище Поросенков лог захоронение 9 человек. Найденные останки, с их слов, закопали обратно. А в 1991 году в связи с заявлением Авдонина о том, что ему известно место захоронения Царской Семьи, прокуратурой Свердловской области были проведены раскопки в указанном им месте.

19 августа 1993 года, в связи с обнаружением захоронения, по указанию Генерального прокурора Российской Федерации было возбуждено уголовное дело № 18/123666-93, в рамках которого расследовались обстоятельства гибели Царской Семьи. Расследование, которое вел прокурор-криминалист Генеральной прокуратуры РФ В. Н. Соловьев, продолжалось до 1998 года. Найденные останки были идентифицированы генетиком

П. Л. Ивановым и антропологом-криминалистом С. А. Никитиным как принадлежащие Императору Николаю II, Императрице Александре Федоровне, Царевнам Ольге, Татьяне и Анастасии, а также лицам, сопровождавшим Царскую Семью.

В июне 2007 года в этом месте возобновились поиски с целью обнаружить предполагаемое место второго захоронения. В июле неподалеку от первого захоронения были обнаружены фрагменты останков двух человек, которые были переданы в Бюро судебно-медицинской экспертизы. 21 августа 2007 года Генеральная прокуратура России возобновила расследование по уголовному делу № 18/123666-93.

В 2008 году генетики из США сообщили, что останки принадлежат Цесаревичу Алексею и Великой княжне Марии. В июле 2008 года это официально подтвердил Следственный комитет при Прокуратуре РФ.

23 октября 1993 года по распоряжению Правительства РФ была создана Комиссия по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Императора Николая II и членов его Семьи под председательством вице-премьера Правительства РФ Ю. Ярова, а с 1997 года — вице-премьера Б. Немцова. 30 января 1998 года комиссия завершила работу с выводом: «Останки, обнаруженные в Екатеринбурге, являются останками Николая II, членов его семьи и приближенных людей». Особое мнение высказал член комиссии официальный представитель Русской Православной Церкви митрополит Коломенский и Крутицкий Ювеналий (Поярков).

Русская Православная Церковь поставила перед комиссией 10 вопросов, на которые не получила исчерпывающих ответов. В результате Священный Синод принял решение «екатеринбургские останки» Царскими Мощами не признавать и предложил комиссии не торопиться с выводами. Однако 27 февраля 1998 года Правительство РФ приняло решение о захоронении «екатеринбургских останков» в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга. Торжественное захоронение состоялось 17 июля 1998 года с участием президента Российской Федерации Б. Ельцина, других представителей власти. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, несмотря на сильнейшее давление власти, в Санкт-Петербург не поехал. По его благословению в церемонии принимали участие священники Санкт-Петербургской епархии, которые отпевали убиенных, как жертв беззаконной расправы, имена которых «Ты, Господи, веси». Церковь до сих пор не изменила своего отношения к «екатеринбургским останкам».

На Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви, который проходил в Москве 13–16 августа 2000 года, Государь Николай Александрович, Государыня Александра Федоровна, Цесаревич Алексей и Царевны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия были прославлены в числе Новомучеников и Исповедников Российских в лике Святых Царственных Страстотерпцев.

Во время Гражданской войны были замучены и убиты и другие представители Императорской Фамилии. За месяц до екатеринбургского злодеяния, в ночь с 12 на 13 июня в окрестностях Перми был убит брат Императора, формально последний правитель Царской России, Великий князь Михаил Александрович. Есть предположение, что команду на убийство дал лично председатель ВЦИК Свердлов через председателя Уралоблсовета А. Г. Белобородова. Группа профессиональных убийц, служивших на тот момент

в местной милиции и ЧК под руководством В. А. Иванченко (начальник милиции) и Г. И. Мясникова (член ВЦИК, заместитель председателя Пермской губЧК), похитили Великого князя и его секретаря Н. Н. Джонсона из гостиницы и вывезли в сторону Мотовилихи. По дороге пленники были убиты, а их тела, как предполагают, сожжены в топке Мотовилихинского завода (по другой версии зарыты в лесу). Большевистские власти цинично выдали похищение и убийство за побег Великого князя. 9 октября 1918 года по постановлению Пермской губЧК (т. е. тех людей, которые организовали похищение и убийство) были расстреляны с формулировкой за «участие в организации побега» Михаила Романова и его секретаря как «организаторы и пособники побега» люди из окружения Великого князя: бывший жандармский полковник П. Л. Знамеровский, его жена В. М. Знамеровская, служащая Петроградской центральной электрической станции С. С. Лебедева, шофер Михаила Александровича П. Я. Борунов, камердинер В. М. Челышев, секретарь и управляющий делами княгини Елены Петровны, дочери короля Сербии Петра I, С. Н. Смирнов и Мальцев. В 1981 году Русской Зарубежной Церковью Великий князь Михаил Александрович был причислен к лику Новомучеников Российских.

На следующий день после убиения Царской Семьи в Алапаевске были жестоко убиты — живыми сброшены в шахту — преподобномученицы Великая княгиня Елизавета Федоровна (сестра Царицы и супруга убиенного в 1905 году Великого князя Сергея Александровича) и ее келейница инокиня Марфо-Мариинской обители Варвара (Яковлева), князья Императорской крови (дети Великого князя Константина Константиновича, известного поэта К. Р.) Иоанн Константинович (имевший к тому времени сан диакона), Константин Константинович (младший) и Игорь Константинович, князь Владимир Павлович Палей (сын Великого князя Павла Александровича от морганатического брака с Ольгой Пистолькорс), а также Великий князь Сергей Михайлович вместе со своим управляющим делами Ф. С. Ремезом. В ссылке вместе с супругом Иоанном Константиновичем добровольно находилась и его супруга принцесса Сербская Елена Петровна. Она была арестована, но под давлением сербского и норвежского посольств освобождена и эмигрировала. Тела Великой княгини Елизаветы Федоровны и инокини Варвары были перевезены на Святую Землю и погребены согласно завещанию Великой княгини, которая после убийства мужа возглавляла Императорское Палестинское Православное Общество. Они прославлены Русской Православной Церковью в лике Преподобномучениц в 1992 году. Все остальные Алапаевские мученики были тайно захоронены в Пекине на территории Русской духовной миссии в Китае. Они причислены к лику святых в 1981 году Русской Православной Церковью Заграницей в числе Новомучеников и Исповедников Российских.

В январе 1919 года (по одним данным в ночь с 23 на 24, по другим в ночь с 29 на 30) в Петрограде в Петропавловской крепости были расстреляны дядя Царя-Мученика Николая II Великий князь Павел Александрович, а также Великие князья братья Георгий и Николай Михайловичи и Дмитрий Константинович.

Некоторым представителям Династии Романовых удалось бежать из охваченной смутой России. Из Крыма эвакуировались вдова Императора Александра III Императрица Мария Федоровна, Великий князь генерал-фельд-

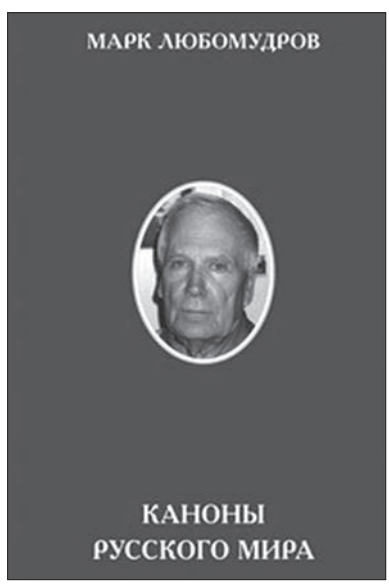
маршал Николай Николаевич с супругой принцессой Черногорской Анастасией Николаевной, сестра Императора Николая II Великая княгиня Ксения Александровна с мужем Великим князем Александром Михайловичем и детьми: Ириной, Андреем, Федором, Никитой, Дмитрием, Ростиславом и Василием. Великая княгиня Ольга Александровна с супругом полковником Н. А. Куликовским и малолетними сыновьями Тихоном и Гурием, а также двоюродный брат Государя Великий князь Борис Владимирович уходили с Кубани. Через Новороссийск эвакуировались брат последнего Великий князь Андрей Владимирович с матерью Великой княгиней Марией Павловной. Спасся находившийся в Персии Великий князь Дмитрий Павлович. Сумели бежать из России в Швецию князья императорской крови Вера Константиновна и Георгий Константинович, их мать, супруга Великого князя поэта Константина Константиновича, Великая княгиня Елизавета Маврикиевна вместе с осиротевшими малолетними внуками, сыновьями князя Иоанна Константиновича Всеволодом и Екатериной. Двоюродный брат Государя Николая II Великий князь Кирилл Владимирович, провозгласивший себя в эмиграции Императором в изгнании, сумел бежать в Финляндию с беременной женой Великой княгиней Викторией Федоровной и малолетними детьми Марией и Кирой. Спаслись и некоторые другие.

На начало 1917 года Династия Романовых насчитывала 65 членов. В ходе репрессий 18 человек из них были убиты в Перми, Екатеринбурге, Алапаевске и Петрограде. Великий князь Николай Константинович при неизвестных обстоятельствах скончался в Ташкенте. Спасшиеся 47 человек оказались в изгнании за границей — во Франции, Англии, Дании и США.

Вышла книга

Любомудров М. Н.

Каноны русского мира. Идеология. Культура. Искусство / Сост., предисл., коммент. С. В. Лебедев / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2014. — 816 с.

В книгу вошли главные идеологические труды выдающегося русского публициста, критика и историка театра Марка Николаевича Любомудрова. С середины 1960-х гг. Любомудров участвовал в русском национально-патриотическом движении, в котором получил известность как один из самых энергичных защитников традиций русской культуры. Его статьи, опубликованные в патриотических изданиях, особенно статья «Театр начинается с Родины», помещенная в «Нашем современнике» в июне 1985 г., вызвали истерическую критику космополитических журналов и газет. Настоящим манифестом национальной школы искусства явилась книга Любомудрова «Противостояние. Театр, век XX: традиция — авангард» (1991).

Протоиерей Борис НИКОЛАЕВСКИЙ

ДУХОВНЫЕ БЕСЕДЫ*

Протоиерей Борис Николаевский (1884–1954) последние годы своей жизни служил в Свято-Троицком храме в Санкт-Петербурге в Лесном. В этот период отец Борис записал свои духовные размышления, касающиеся вопросов, волнующих его прихожан. Эти размышления составили содержание «Духовных бесед».

«Духовные беседы» подготовлены к публикации С. Н. Корытиным и Н. Б. Егоровой и печатаются по благословлению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

*Продолжение. Начало в № 1, 2, 3, 4 за 2008 г., № 1, 2, 3, 4 за 2009 г., № 1, 2, 3, 4 за 2010 г., № 1, 2, 3, 4 за 2011 г., № 1, 2, 3, 4 за 2012 г., № 1, 2, 3, 4 за 2013 г., № 1, 2, 3, 4 за 2014 г.

Духовное завещание батюшки

Записано духовной дочерью отца Бориса.
15 августа 1954 года, в воскресенье, после вечернего богослужения

Плачьте о себе и имейте твердое упование на Господа.

Старайтесь приобрести умную молитву «Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешного», беспрерывную. Главное в этой молитве — внимание к себе, к словам молитвы. Следить: что делается у нас внутри? Когда будет внимание, будет благоговение и страх Божий — придет и сердечная молитва. А когда сердечная молитва, то и умиление, сокрушение о своих грехах, слезы…

Слезы привлекают милость Божию к себе.

Враг всеми силами старается отвлечь от молитвы. Он окрадывает все хорошее, все доброе, добытое большим трудом, и опустошает храмину нашей души, если мы не будем бдительны, если не будет трезвения.

[Батюшка много говорил на примерах об окрадывании врагом человеческой души.]

У одного выкрадывают духовный смысл поста, который заключается в умном воздержании, и оставляют ему одни грибки, капусту, горох да сухарики с водичкой. Самое существенное у поста выкрадено: нет умного воздержания в помыслах, в словах, в вожделениях, а потому и нет самой внутренней сущности поста.

У другого выкрадывают глубокий духовный смысл черной одежды, черной рясы, знаменующей собой траур по себе как по мертвецу и мертвенное отношение ко всему земному, плотскому, вещественному (не знаю, у кого это есть, а у меня —

нет) и оставляют ему одну рясу, и притом непременно добротную, шелковую да фасонно сшитую, и душа с гордостью носит сию добротную одежду, не замечая своей окраденности и наготы перед Богом.

У иного выкрадывают любовь к храму, к церковной молитве и оставляют душе одно внешнее стояние. Душа стоит в храме, а умом бродит по базарам, занимается куплей, продажей, ходит по улицам, ведет разговор, всякую беседу… С кем? Конечно, с мысленными обольстителями и ворами…

Не избежали сих злохитрых врагов и предстоятели Святого Престола. Враги окрадывают почти всех, за исключением весьма редких, благоговейных, которые оградили себя трезвением, вниманием и слезами…

У других же они выкрадывают духовный смысл духовного сана, благоговение, страх, веру, выкрадывают благодать христианства и апостольства и оставляют им одно внешнее пышное служение, да болезненную алчность к непомерным безбожным доходам.

При всей нашей бдительности мы не можем избежать вражиих сетей, если не привлечем к себе смирением милость и благодать Божию.

Как врага отогнать? Один исповедник (Пимен Великий) сказал: «Братия! Давайте плакать!..» Все святые плакали и считали пропащим тот день, который проходил без плача. ***Во время плача враг не подходит к человеку, не смеет подойти, его жжет слеза покаянная — это великая тайна…***

P.S. Говорил батюшка о великой милости Божией к человеку. В деле спасения души эта милость так часто проявляется.

Больше всего внимания он уделил раскрытию значения величайших моментов в жизни, когда за Божественной Литургией произносятся слова: «Приимите, ядите…» и «Твоя от Твоих…». Он просил нас не пропускать этого момента, дорожить этим временем. В это время у Господа можно выпросить все, потребное для души.

Он говорил о своих переживаниях в этот момент великий и о том, как он молится за всех и за нас во время «Тебе поем»: «Крест… На Кресте Распятый Христос… Кровь льется… Божественная кровь… Здесь, на Престоле, — истинное Тело Христово… Истинная Кровь Христова… Потрясающее Таинство!!! Потрясающая Тайна… Тайна великая…»

Состояние батюшки очень взволнованное, точно он в последний раз говорил, точно прощался с нами… И все плакали…

Батюшка был такой родной, родной, такой близкий… Он обнимал нас всех своею любовью, жалостью, признательностью, благодарностью; мало этого, у него было покаянное состояние, он словно каялся перед нами. Его душа раскрылась перед нами… И чувствовалось, что мы у него в самом сердце… И Он, такой близкий… родной… был в наших сердцах, в сердце каждого человека, стоящего здесь… Сотни сердец слились в одно большое сердце. Это сердце было переполнено взаимной любовью, скорбью, сокрушением… покаянием.

Все плакали…

Душа раскрылась перед Батюшкой в сокрушении о своих грехах, беспомощности, бессилии, в страхе перед будущим. Неизвестность… Предчувствие скорого расставания с батюшкой… Слезы лились рекой…

На прощание он просил ничего никому никогда не говорить о нем: ни плохого, ни хорошего. Говорил, что люди неправильно его понимают и толкуют каждый по-своему. Ему больно от этого…

Запись эта сделана сразу же по возвращении из храма в день беседы.

Говорил батюшка в последний раз. 21 августа в 11-м часу дня его не стало с нами. Он перешел в вечную жизнь…

Воспоминания духовных чад

Воспоминания Галины Леонидовны Тойкка

Моя бабушка Валентина Александровна (В. А.) и мама Ирина Петровна (И. П.) познакомились с о. Борисом примерно в 1922 году, в Парголово. Они жили там и ходили в храм святителя Иоасафа. Они хорошо знали семью о. Бориса. При церкви был организован хор, в котором пели дети батюшки и И. П. Руководил хором Константин Михайлович (фамилию не помню, после войны он был регентом в Духовной академии). Когда о. Бориса сослали в ссылку, время было такое, что все боялись, и провожала его одна И. П. Из ссылки о. Борис писал нам. Письма маленькие, иногда просто почтовая открытка. Он интересовался нашей жизнью, писал, чтобы не забывали Господа и, по возможности, чаще ходили в храм, ведь там, где он был, он был лишен такой возможности. В марте 1945 года И. П. попала под трамвай (перелом таза, руки, ноги, разрыв мочевого пузыря). Консилиум врачей обещал, что если будет жить, то год, не вставая с постели. О. Борис прислал письмо В. А., в котором очень скорбел о случившемся, писал, что молится о ее здоровье. Я верю, что Господь и Матерь Божия услышали молитвы наши: мама не только встала, но впоследствии работала и прожила до 85 лет.

До возвращения о. Бориса мы навещали его семью. Жили они на Фонтанке, в маленькой квартире на первом этаже (бывшая дворницкая) — матушка Анна Михайловна, Ольга Борисовна и Александра Борисовна с сыном Алексеем. После возвращения из ссылки о. Борис часто приходил к нам (мы жили на Лиговке). Тогда я впервые познакомилась с ним. Вместе молились, читали акафисты, батюшка служил молебны и панихиды в дни памяти усопших. Однажды, в день смерти сына В. А. Виктора (он умер на Урале в 1943 году), о. Борис отслужил панихиду. Когда он возвращался домой, около Московского вокзала к нему подошел юноша в ватнике, в шапке-ушанке и сказал ему: «Спасибо вам». В это время кто-то толкнул о. Бориса, он оглянулся, а когда повернулся, юноши нигде не было. Когда о. Борис посмотрел последние фотографии Виктора (он его знал до ссылки еще маленьким), то сказал, что это был он.

Аналогичный случай был в 1951 году. Я закончила школу, и о. Борис служил у нас благодарственный молебен. Во время службы я заметила, как батюшка оглянулся и немного отошел вправо. После окончания молебна отец Борис сказал, что бабушка молилась с нами.

До службы в храме Святой Троицы о. Борис ходил в Преображенский собор, всегда стоял у стеночки справа от бокового входа. Когда о. Борис начал служить, мы тоже стали прихожанами этого храма. Он был приписным

священником (так он сам захотел). По чину он имел право на митру, но он сказал: «Зачем платить лишний налог?»

Вечером по воскресеньям служили акафист Божией Матери пред иконой «Отрадо и Утешение», и после акафиста о. Борис проводил беседы (И. П. говорила, что такие беседы были и в Парголово). С каждым воскресным днем народу приходило все больше. Люди в любую погоду приезжали с разных концов города и пригородов. В то время в храм приходили люди, которым много лет вдалбливали отсутствие Бога, многие не знали и не понимали церковных служб и обрядов. И вот на этих беседах у многих отогревалось сердце, люди не стыдясь плакали и тянулись услышать слово Божие, которое так просто и доходчиво излагалось в этих беседах. А общие исповеди! Стояло сплошное рыдание!

Помню хорошо пасхальные службы. Храм маленький, а народу много, люди стояли около окон. Несмотря на любую погоду, открывали окна, чтобы люди могли услышать Богослужение. Батюшка очень многим помогал советом, добрым словом, часто навещал больных, причащал или соборовал.

Как-то о. Борис сказал В. А., что хотел бы приготовить к смерти облачение. В то время хорошего материала не было, да если и был, то стоил дорого. Сшили облачение из холста, обшили желтым галуном, а прихожанка монахиня Домника расписала это облачение, в этом облачении его и хоронили. Но обновил он его раньше. В январе 1951 года скончалась В. А. Батюшка в это время был болен, поэтому отпевал ее дома.

Много людей приходило к батюшке за советом, и как бы он ни уставал, всем старался помочь добрым словом, советом, а если была возможность, то и деньгами. От сердца шло доброе слово, и в сердца людей оно и проникало. А сколько людей крестилось и венчалось (это в те, 1945-е — 1950-е годы!), когда некоторые и к храму боялись подойти.

Когда батюшка скончался, трудно описать, сколько народа собралось на похороны. Хоронили не просто священника — пастыря, который зажег в душах людей любовь к Господу и надежду на спасение. Горю и слезам не было конца. К сожалению, до сих пор нет у меня духовного наставника. Остались только его беседы и письма, которые и теперь в трудные минуты помогают обрести душевный покой. Семя, которое он посеял в наших душах, не погибло. Ведь прошло более 50 лет, многие ушли в мир иной, те, кто жив — разошлись по другим храмам (церковь на Большой Спасской разрушена), и все-таки кто-то встретился случайно, нашли телефоны, и общение духовных детей о. Бориса продолжается. Когда я после травмы болела и почти два года провела в больнице, меня навещали духовные дети батюшки, хотя многим из них уже за 70, и сами они болеют, но друг друга стараются поддержать молитвой друг за друга и посильной помощью, да и могилку батюшки не забывают. Придешь к нему, помолишься, поговоришь — и на душе легче.

К схимонаху Серафиму Вырицкому мы с о. Борисом, В. А. и чтецом нашего храма А. П. ездили осенью 1948 года. Когда мы пришли в дом, где он жил, народу в коридоре было много. Нас встретила монахиня и проводила к о. Серафиму. Я увидела лежащего на кровати старца в черном облачении: худенький, глаза глубоко посажены, голос тихий, ласковый. Он подозвал меня, благословил, погладил по голове и сказал: «Ну, иди, отличница». Когда мы шли обратно, я спросила у о. Бориса, почему он назвал

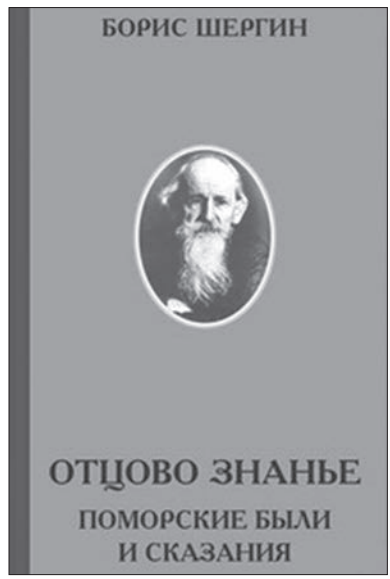
меня отличницей, ведь у меня тройки и четверки были. О. Борис сказал, что старцу виднее, да, может, он и не школу имел в виду. Возвращаясь обратно, делились впечатлениями о встрече. А. П. страдал запоями. Он сказал, что о. Серафим благословил его и дал ему карамельку, сказав при этом: «Пить больше не будешь» (жена А. П. говорила, что он бросил пить после поездки в Вырицу).

И другой случай. Приехала к отцу Серафиму женщина с грудным ребенком, нуждающаяся в деньгах. Она сидела в коридоре, ждала своей очереди. О. Серафим позвал монахиню и сказал, что в коридоре сидит женщина с ребенком. «Отдай ей 25 рублей и скажи, что благословляю ее и пусть с миром возвращается домой».

Вышла книга

Шергин Б. В.

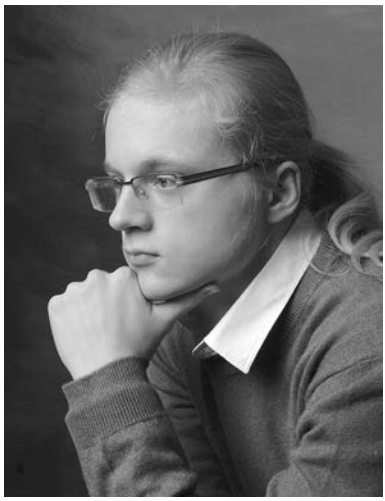
Отцово знанье. Поморские были и сказания / Сост., предисл. и примеч. А. Д. Каплина / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2014. — 704 с.

В книге известного русского писателя-фольклориста Бориса Викторовича Шергина (1893–1973) собраны самые известные его произведения, выражающие духовные богатства народного слова Русского Севера.

В творчестве Шергина выделяются две основные манеры повествования: патетическая и бытовая. Первая используется писателем в описаниях величавой природы Севера и славных деяний его народа и связана с традицией древнерусской агиографии и фольклорной эпики. Вторая, свойственная шергинскому очерку нравов и бытовой сказке, ориентирована на сказ — воспроизведение устной народной речи. Будничный, неприкрашенный характер языку придает использование Шергиным просторечия; широкое заимствование «словесного жемчуга» — диалектных особенностей Русского Севера; обилие метких сравнений и остроумных образных словечек. В языке произведений Шергина представлены профессиональные словари корабельщиков, мореходов, рыбаков, художников Поморья. В прозе писателя сочетаются высокая литературная традиция и коренное родство с фольклором.

ПРОЗА

Святослав АЛЕНИН

БЛАГОДАТЬ КОСНУЛАСЬ СЕРДЦА

Новелла

Святослав Аленин (Грабовский) — родился в Санкт-Петербурге в 1996 г., жил на Украине в Новомосковске под Днепропетровском, окончил московскую гимназию им. Грибоедова. Публиковался в детской «Роман-Газете». Студент первого курса Литературного института им. Горького. **Живет в Москве**.

Уранополис быстро сливался с оставшимся в дали берегом. Паром привычно нес необходимое монастырям и ходящих по святым местам к Афону. Облака на небе так же питались солнечными лучами, сопротивляясь прохладному ветру или используя его буйную силу, как чайки, стаями летящие за паромом и кормящиеся с рук восхищенных паломников. Византийский, печально-величественный орел афонского флага трепетал от происходящего либо от чего-то такого, что ведал только он и ветер, его колеблющий.

Многие друг друга знали на этом пароме. Я же впервые в жизни приближался к таинственному Афону. Отец Петр, утвердивший меня в намерении быть паломником на Святую гору Афон, искренне радовался рядом. Батюшка, перед тем как мы погрузились на корабль, по моей просьбе рассказал житье святого мученика Дмитрия Салонского. Со свойственной мне неудержимостью на новоуслышанном рассказе успел забыть все.

Мой брат, без которого меня бы не отпустили даже в такую Святую Обитель, спокойно записывал что-то в любимую тетрадь. Я фотографировал афонские лица, всматривался в них и замечал явную или тайную радость. У каждого она была своя, но одного рода, от одного источника. Я не думал, но наблюдал за всею благодатною картиною.

Когда устал, переводил дыхание, наконец, стал мыслить, восхищенный переливающейся золотом водою. Но это было не металлическое, не холодное золото и не просто, как в зеркале, в море отражались взгляды солнца: что-то мягкое, таинственное было в этих лучистых волнах. Неожиданно я услышал странный звук — сопровождаемое смехом пассажиров, по морю поплы-

ло упавшее с корабля тело, напоминающее то ли фольгу, то ли пленку. Оно катилось по воде, как мяч по земле. Смеющийся невообразимо детским и бездонно старческим голосом, рядом со мной оказался монах. Он сказал по-английски, чтобы я снял это. Я не успел. С доброй, не ущемляющей ни одну из натянутых жил моей гордости, улыбкой монах опустил мне шапку на глаза. Мы представились. Патер Дмитрий из Салоник был родом оттуда, где трудился и покоится старец Паисий Святогорец[1]. Если я правильно понял, патер служил уже двадцать лет в самом суровом монастыре на Афоне — Архангела Михаила. Во время нашего разговора мой брат перешел на эту часть палубы и, сев на никому не нужную лестницу напротив нас, продолжил писать. Патер Дмитрий первый взглянул на него.

— He is my brother. He has a lot of problems, — сказал я. После продолжительной паузы и подбора слов, добавил. — I think that you can see this.

— I understand, I understand, — несколько раз повторил патер Дмитрий. В его фигуре, выражении лица что-то изменилось, сконцентрировалось, напряглось: сосредоточилась его душа. Дмитрий из Салоник перекрестил брата, подошел к нему и, слегка ущипнув его щеку, также искренне улыбнулся, как пару мгновений назад мне. Не говоря ни слова, он раздал нам иконы в виде благословений. На одной из лежащих по пути пристаней греческий батюшка вышел.

Я много думал о своей встрече, но тогда и не замечал параллель: мученик Дмитрий Салонский и патер Дмитрий из Салоник.

Паром шел у берегов Афона. Выжженный пожарами лес черными полосами пересекал полуостров. Виднелись часовни, монастыри. Пантелеймонов монастырь предстал сурово-красивым. Правильные, символичные линии зданий, дорог, пирса, все в совокупности создавало какую-то утонченность, совсем не свойственную мирскому, но естественную.

Расположившись в гостинице, пошли в огромную, на тысячу человек, трапезную. В напоминающих о святом, живых фресках, в лике Пресвятой Богородицы, на который я хотел смотреть, не отрываясь, во всем этом было родное.

После трапезы мы с братом учились чистить рыбу вместе с другими добропослушниками. Первый вечер на Афоне, лица людей, работающих рядом, скромный ужин из чего-то сладкого с теплым чаем творили во мне спокойное размышление.

Ночью, когда зазвонили на службу, я вышел на улицу и ждал своих. Взглянув на небо, подивился тысячами светильников ночи. Таких больших, разноцветных, ярких звезд никогда доселе не наблюдал. Служба оказалась недолгой, но полноценной. Устал, роптал под конец (на вторую и вовсе по немощи не пошел).

Каждый человек, стоящий или сидящий в охваченном полусветом храме, концентрировался на чем-то самом сокровенном и известном только ему. Каждый был участником чего-то, до конца им не осознанного, но принятого

[1] Блаженный старец схимонах Паисий Святогорец (1924–1994) вырос в Греции, с детских лет вел подвижническую жизнь. В 1950 году пострижен в монахи. Подвизался на Святой Афонской горе, в монастыре Стомион в Конице, где родился, и на Святой горе Синай. Духовно окормлял тысячи людей. По его словам, благодаря воспоминаниям паломников, духовных чад, монахинь основанного им женского монастыря Суроти в Салониках на настоящий момент издано пять томов «Слов» старца Паисия Святогорца.

всей душой. Это было афонское Богослужение. Клиросу вторила и природа. С каждым новым тропарем, молитвой братия приближалась к литургии, а ночь близилась к рассвету. Солнце вставало именно тогда, когда совершалась Евхаристия.

В один из дней паломничества на Афоне мы должны были отправиться в Иверон. Густые тучи бесконечными цепями оккупировали небо, сулили дождь. У моего брата появилась мысль искупаться в море. Чем настойчивее ему запрещали, тем сильнее он утверждался в своей обязанности сделать, как хотел. Когда я добежал до пирса, где люди ожидали парома, их внимание занимал человек, стоящий в одних трусах на холоде. Мой брат отказывался вытираться и, с видом героя, на мокрое тело надевал штаны и рубаху. Отец Петр принес известие, что паром вышел на час позже и при такой пагоде будет не скоро. Мы вернулись в гостиницу. Брат отказывался пить чай, согреваться каким-либо другим способом. Будучи ледяным, продрогшим, не принимал ничего обогревающего. Мой брат страдал и не прекращал эти страдания. За окнами куролесил ветер, могущий стать убийцей моего брата, простудив его мокрую голову.

Воспоминания и реальность охватили мое сознание. Мне стало очень тяжело в груди. Эта тяжесть была тем чувством, которое знакомо людям, теряющим близкого человека. Не одна мокрая голова была этому причиной. Сему было основание другое, страшно-ужасное. Под сердцем заболела душа.

Взглянул на отца Петра, который, как когда-то Дмитрий из Салоник, преобразился. Лицо его образовало четкие линии сосредоточенности, стало багровым. Почему-то я понял, что батюшка молился. Я спросил, можно ли пойти в келью. Она находилась этажом ниже столовой, в которой мы сидели.

На лестнице никого не было. Я вступил на нее и стал подыматься. Мои глаза отчетливо видели, как я перехожу со ступени на ступень, а в уме стойко держалось убеждение, что иду вниз. Вышел на этаж, на котором никогда не был. Напротив лестницы висела большая ветхая икона Пресвятой Богородицы. Я понял, что должен помолиться здесь.

— Пресвятая Богородица, спаси нас! — мысленно обратился я к Пресвятой Матушке. Стал молиться, как умел. В пустом коридоре я ясно ощутил, что обращаюсь к Богородице. Мысль о брате перешла во мне в сильнейший стыд перед Богом. Чем я помог брату? Ответом стали воспоминания действий, причинивших ему вред.

Когда я поднял взгляд с колен на Образ, что-то самое сокровенное, внутреннее затрепетало во мне. Мне показалось, что лик Пресвятой Богородицы стал ярче. Трепет души вдруг сменился Благодатью. Когда я впервые приложился к иконе на Афоне, то чувствовал Благодать лбом. Сейчас же она вытеснила из груди все: сердце и душа стали совершенно новыми, они были переполнены смиренной Любовью. Глаза перестали бегать, прыгать, а испускали, подобно тому, как цветы распускают лепестки благоуханья, слезы. Они лились водопадом изнутри, из соединенной с Благодатью души. Понял, что ничего никогда не мог, не могу, не смогу.

Еще взглянув на икону, опустил голову и стал плакать не переставая. Мне было стыдно и больно, что я, будучи таким, обращаюсь к Матушке Богородице, к непостижимо чистой и Святой Деве. «Пресвятая Богородица, спаси нас!», — душой шептал я. Через слезы видел растения, дверь на

балкон, другие предметы. «Все это тленно», — приходили ко мне мысли, но совесть с необыкновенной, всепрощающей любовью относилась к этим обыденным вещам. Любовь сия была ровная, тихая и самая сильная, которую я ощущал.

— Пресвятая Богородица, спаси нас, — шептал я, вкладывая в молитву все разумение, на которое была способна душа, и всю силу Благодати, сохраняя сокрушение и стыд. Послышались шаги. На этаж поднялся монах, совсем недавно непрестанно спрашивающий нас о скором отъезде. Он увидел, что я плачу, подошел ко мне и, обняв, сказал.

— Ну что ты… ну что… Не бойся. Богородица тебя не оставит!

Вспомнив про паром, вернулся на пирс. Слезы не прекращались, Благодать не оставляла. Медленно подошел к моему брату. Он смотрел на меня, как на нового человека, незнакомого ему. Читая молитву про себя, я попросил его поменяться со мной куртками. Брат очень долго, как мне почудилось, молчал. Я продолжал молиться. Те же мысли о моей неспособности помочь оставались в сердце. Вдруг он сам медленно стал расстегиваться. Он позволил себя закутать в проверенную, теплую куртку и тем самым обезопасить себя от ветра. Брат не отходил от меня во все наше дальнейшее путешествие в тот день.

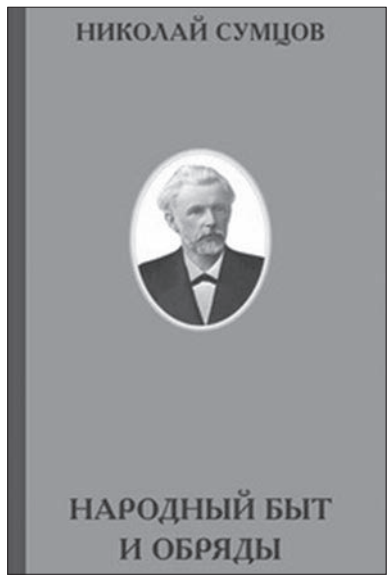
В Иверон мы приложились к Иверской иконе Богоматери. Я плакал от стыда перед Богом за себя, от благодарности за спасение брата, от Благодати.

При случае рассказал обо всем отцу Петру. Батюшка сам что-то умиленно вспомнил.

Вышла книга

Сумцов Н.Ф.

Народный быт и обряды / Сост., предисл., примеч. А. Д. Каплина / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2014. — 688 с.

В настоящем издании сочинений известного русского этнографа, фольклориста, филолога, историка Н. Ф. Сумцова (1854–1922) публикуются его наиболее значительные научные труды: «О свадебных обрядах, преимущественно русских» (1881), «Хлеб в обрядах и песнях» (1885), а также «Очерки народного быта», этнографические этюды, «культурные переживания», сочинения в области фольклора и т. д.

ПОЭЗИЯ

Юрий БЕЛЯЕВ

«ВЕЧНО СТРАННИКОМ БЫТЬ, ВЕЧНО БУКВЫ ИСКАТЬ ПО ВСЕЛЕННОЙ...»

Юрий Антонович Беляев — поэт, драматург, историк. Автор 14 книг: художественных, научных, поэтических сборников. Член Высшего Творческого Совета СПР, президент Академии Российской словесности. Лауреат девяти литературных и общественных премий, включая Международную премию Мира. Его книги переведены на немецкий, португальский, непальский и хорвато-сербские языки. Награжден орденами Русской Православной Церкви — преп. Сергия Радонежского II степени и свт. Макария III степени. **Живет в Москве.**

В КОЛОКОЛА

Колокола
Над вечностью.
Колокола
Над миром и над солнцем.
Над всем, что есть,
Звонят колокола.
Мы входим в эти звуки,
Нелепо расставляя руки,
В полет стрелы,
Капканов зов.
День по-весеннему стыдлив,
И на губах моих тумана кровь.
А где-то колокола…
Природа, ты все проспала…
Острее, чем бритва
На венах Есенина,
Весенняя битва,
Совсем не весенняя,
Совсем без веселия.
Колокола
Над вечностью.
Над миром
и над солнцем,
Над всем,
что есть, что было,
Звонят мои колокола.

Я УЧУСЬ ПИСАТЬ ПО СЛОГАМ

Я учусь писать по слогам,
Я учусь открывать Америки
И на солнце отыскивать пятна,
И чистить луну по утрам.
Я учусь
Видеть быль
В живописной легенде
И чувствовать сказку
В романах жизни.
Мир дробится на слоги,
Возникает из букв.
Я, постигший
Одну лишь азбуку,
К миру не буду глух.
Я учусь,
В этом счастье мое
И беда —
Вечно странником быть,
Вечно буквы искать по Вселенной.
Я учусь…

Вновь, как в первом классе,
Вновь букварь на парте:
В жизни нет
Выпускного класса.

РОДИНА

России вечен облик:
Бескрайние поля тихи,
В златом убранстве облак
И Пушкина стихи,

И Медный всадник, и Кижи,
И героический Суворов,
Слова любви скажи
Отчизне милой и суровой.

Она страна прекрасная,
В ней все священно для меня:
И площадь Красная,
И часовой у Вечного огня.

И материнские молитвы,
Что в лихолетья час,
В разгар житейской битвы
Незримо охраняют нас.

И грусть, что без причины,
И радость — редкий гость,
Идут с войны мужчины,
Родной земли сжимая горсть.

Живи, Россия, и твори,
И строй Небесный Град!
Мы граждане твои,
И выше нет наград!

РОДНЫЕ НЕБЕСА

I

Заката розовое стадо
В небесной плещется реке.
Ему погонщика не надо
С бичом в мозолистой руке.

II

Небо — голубой лен,
Где солнце — хата с краю.
Ни в кого не влюблен,
Никого не желаю,
Человечество не презираю.
Одинаково рад и собачьему
лаю,
И тому, вероятному,
раю.

III

Звезда упала с неба.
Ты скажешь вслед поэту,
Что ветреная Геба
Сережку уронила эту.

РОМАНТИКА

Эх, романтика,
Ах, романтики!
Алые паруса,
Голубые бантики.
Неоткрытые полюса…
Уходящие караваны —
Сердце с болью.
Непочатые караваи,
Пересыпаны солью.

И морская печаль
Лучшим временем года
Вас проводит вдаль,
Где романтикам — непогода
И охота за белым китом
(что похлеще корриды!),
Сухарей на полгода
И Майн Рида
Зачитанный том…

URBI ET ORBI

Рабом безумным и покорным
Я по пустыне города бреду.
Эпоха с пепси и попкорном
Могла явиться лишь в бреду.

И стая черная ворон
Мой мир уносит вдаль времен.
Цивилизация, как совести урон,
И лишь глупец — один умен…

ЛЮБИМАЯ ФОРМА

Моя любимая форма —
пятипальцевая
Человечья ладонь.
Моя любимая линия —
путь
Падающей звезды.
Моя любимая мечта —
спуск
С горы Джомолунгмы
на канате.

ПЛАЧ НАВСИКАИ

I

Художник, тайну постигая,
Ты станешь мудрым, как поэт.
Напрасно плачет Навсикая,
Что Одиссея больше нет.

Все в этом мире преходяще:
И жизнь, и слезы, и любовь,
Но заблудившемуся в чаще
Поможет огонек любой…

II

Всю ночь шел дождь,
Следы грехов смывая.
Напрасно плачет Навсикая —
Ахейский не вернется вождь.

ЗВЕЗДА ПОЛЫНЬ

Опять над городом тревога:
Смертельные идут дожди.
О чем задумались вожди,
Не верящие в Бога?

О мироздании и его основах,
О том, кто виноват?
Или о том, как снова
На празднике кричать «виват»?

А ветер дует, невзирая на границы,
Людских идей не понимая,
Не отличая Костромы от Ниццы
И декабря от мая.

Опять над городом тревога:
Идут со стронцием дожди.
То ли пришло послание от Бога,
То ли опять не те вожди…

МОЯ ЭПОХА

…И вечный бой!
Покой нам только снится.
А. Блок

Улетают иллюзии,
Словно аэростат.
Отчего так эпохи похожи,
И почему бессмертен Герострат?

Ужели, он — художник тоже?
Служа идее роковой,
Как служит веер зною,
Смеясь над чудом и молвой,
Себя считал он парой Ною…
Что это?
Каннибалов вой
Или похожее на паранойю?
Какое счастье: над Невой
Еще не скинули Петра!
Какое счастье, что со мной
Беседует о Лауре Петрарка!
И хочется услышать снова
Флоренского и Гумилева!
Пусть будет вечный бой!
Покой нам только снится…
История не может быть рабой
Или летящей в пропасть колесницей.

* * *

Заплатанной души
лохмотья
На Божий суд
Я бережно несу.
А рядом темь
И пьяный хохот
Орд кочевых.
Я как в лесу
И будто бы один.
Никто не отзовется,
Жизнь, как веревка
Вьется,
Перетирая дни
О край судьбы неловко.
Напрасен мой
призывный клич.
Вокруг меня
лишь тишь
Да дичь,
Да режет глаз
Невыносимо,
Лишая слуха,
Не исцеляя нас,
Голгофа духа
И плоти Хиросима.

ПОСТ НАЧИНАЕТСЯ

триолет

Начинается Великий пост,
Между телом и душою мост.
Путь познания непрост.
Начинается Великий пост.
Не ищи в себе врага,
Жизнь прекрасна и строга.
Начинается Великий пост,
Между телом и душою мост…

МЕЛОДИЯ НЕБА

Какую музыку ни заиграй,
Услышишь голос Бога!
И радость льется через край,
Как подоспевшая подмога…
Мы все играем да играем,
Забыв, что без конца дорога,
Что манит дивным раем,
Небесная мелодия для рога…

КАЙСЯ

Забрось стихи
И кайся, кайся, кайся
За совершенные грехи
Всечеловечьей касты
На площадях столиц
И подле кобылиц
Глухой окраины.
В ответе мы за Каинов
И за Иуд.
Счастливей нет минут,
Чем час раскаяния.

ПОЭЗИЯ

Владимир СОРОЧКИН

ТРИ ВОЛХВА

Владимир Евгеньевич Сорочкин — родился в 1961 г. в Брянске. Окончил Брянский технологический институт и Высшие литературные курсы Литинститута им. А. М. Горького (семинар Ю. П. Кузнецова). Стихи и переводы публиковались во многих журналах и альманахах. Автор стихотворных книг «Луна» (1995), «Тихое “да”» (1997), «Завтра и вчера» (2005). Лауреат Всероссийской премии им. Ф. И. Тютчева «Русский путь» и многих других. Председатель Брянской областной общественной писательской организации, секретарь Союза писателей России. Главный редактор альманаха «Литературный Брянск». **Живет в Брянске.**

* * *

Морозный день сбивался с ног,
Свалившись на голову снегом,
И продохнуть себя не мог,
Хрипя, как конь под печенегом.

И можно было расколоть
Копьем весь мир в бою открытом,
Раз холода сковали плоть
Земли, как выбили копытом.

…Но, повернув, мы клали крест,
И снег смыкался за спиною,
И уходящий год — окрест
Лежал чужою стороною.

ДЕРЕВО

Топор не смог свалить — подсек —
Но ствол не высох, протекая,
А лишь сильней ушел в песок,
Корнями почву протыкая,

И, словно когти сжав, не спит,
И чахнет медленно над ними
Так, словно сторожем стоит
Над всеми тайнами земными…

АПОКРИФ

…В полудреме он видел иные
Небеса, чем над этой землей,
Точно кони, как сталь — вороные
Поравнялись с угасшей зарей. —

Но лишь первые ветры подули
От излучин речных и ракит,
Их сменили горячие угли
Разметавшихся грив и копыт.

И во след им, как легкая пена,
Заблестев, накалясь до бела,
Вырываясь из алого плена,
Бледный конь закусил удила.

И минувшего в мире не стало,
И грядущее кончилось в нем,
Лишь слепящая высь заблистала,
Разливаясь над снежным конем…

И сошлись они в яростном гуле,
Растерявши своих седоков,
И гудящую твердь отряхнули
От усыпанных прахом подков.

ТРИ ВОЛХВА

Исходив полземли, и не думая вспять
Поворачивать в степь по следам каравана,
Царство Божье нигде не сумев отыскать,
Три волхва расстаются навек у кургана.

Первый — в черных одеждах — спешит на восток,
Подгоняемый тенью своей на дороге,
И доносит навстречу ему ветерок
Дым кочевий и топот немолчной тревоги, —

И на север уходит второй, на поклон
Холодам, рассыпаясь дождем, мошкарою,
Сквозь себя пропуская несметный полон,
Уводимый к чужому, далекому морю, —

И последний на запад идет посолонь —
Желтой песней песка, языком суховея,
И отточенный меч, обжигая ладонь,
Укрывает под пыльной одеждой своею…

ДВА ВИТЯЗЯ

Сузилось небо, как сеть.
Сжалась звенящая высь.
Там и сошлись, где не грех умереть.
Только на том и сошлись.

Накрепко сшиты копьем и мечом
Жизни и смерти края.

Первый спросил у второго: «А в чем
Верная правда твоя?»

И он услышал в ответ тетиву
Жгучую, как суховей:
«Правда моя — что пока я живу —
Правды не будет твоей».

* * *

Лети, стрела, пронзая зной,
Сквозь ветер, что тебе подобен. —
Не щит, а только взгляд чужой
Остановить тебя способен.

Твои теперь простор и пыль.
Пускай твоя душа узнает
Как из пустых глазниц ковыль
В степи весною прорастает.

НОЧНОЙ ЗВОНОК

Прохожу под стекольный звон
В расцарапанный таксофон;
Рукавами, пустыми вдрызг,
Невесомый вращаю диск.

Три, четыре, и два, и пять
Бесконечно хочу набрать,
Но сквозь гул отвечает мгла:
«Эта женщина умерла…»

— «Извините! — кричу в провал. —
Я опять не туда попал…»

Шепчут, трубку не положив:
«Неужели еще ты жив?..»

У КОСТРА

Бледный, бескровный дым стелется по земле.
Сморщенная трава высохла на миру.
Вздрагивает костер на золотой золе,
Чтобы скупой огонь ночь осветил мою.

В жаркие небеса искры скользят окрест,
Кратких путей своих переплетая след,
И — посреди глухих, непроходимых мест —
Чем нестерпимей мрак, тем неизбывней свет.

Рвутся, как лоскуты, и обгоняют глаз
Жесткие языки пламени на ветру.
Нет ничего во мне, чтобы жалеть сейчас,
И возродится явь, перегорев к утру.

И сохранит себя, и повторит точь-в-точь
То, что не знает жар, связывая лучи.
Любящий свет огня должен любить и ночь,
Но — не ищи во мне правды огня в ночи.

СЛОВО

I

Быть может, я еще приду
К глубинам, щедрым до улова,
Но даже малую беду
Предотвратить не сможет слово.

Оно рождается, дабы
Идти из сердца человека,
Но — как предчувствие судьбы,
Иль потревоженное эхо.

II

Блажен, кто ведает пути
К себе, когда слова и знаки,
Сойдя с нетленной высоты,
Едва касаются бумаги,

Когда мгновенное звено
Связует век, и как посыльных
На Божий свет — хранит зерно
В коротких бороздах чернильных.

НЕБО

От слов грехопаденья до суда —
Последнего и первого, — не тая,
Сумело только небо навсегда
Остаться в теле, плотью обрастая…

Прощай, прощай, прощай, прощай, прощай —
Навеки, на века, навеки и навеки…
Для черных стай, для самых белых стай
Простор разверзнут в сером человеке.

И, сгинув там — в прошедшем падеже
Творительного времени — бесплодно,
Я есмь уже ничтожество, уже
Исчадье, но еще — слеза Господня…

* * *

Луч осеннего солнца тягуч и искрист,
Разливаясь звенящей водой из колодца. —
И кружит над дорогою сорванной лист
И никак этой грешной земли не коснется…

И вздыхают деревья, качая листвой,
Тормоша обожженные холодом гривы,
И полуденный свет, как янтарь — золотой,
Отовсюду нисходит легко и игриво…

Как свежо, как бесхитростно здесь, на миру
Позабыть обо всем между смехом и снегом…
Почему ж я живу — так, как будто умру
Через пару мгновений, раздавленный небом…

* * *

Средь вечности нам отпускается крохотный миг,
И время уходит, дороги не зная обратной,
И, вновь расставаясь, мы бездной ладоней своих
Спешим зачерпнуть быстротечную воду объятий.

И всходят цветами созвездья на наших полях,
А птица летит, и пустой остается застреха.
Великим сокровищем праху даруется прах,
И верности ищет душа, как магнитная стрелка.

* * *

И тихое утро наступит, и капли дождя,
Теряясь, сольются с травою, песком и асфальтом.
Наклюнется розовый в тучах, скатившихся, да
Вот так и повисших — белесым, как пыль, фолиантом.

И небо очистится, сизую, теплую глубь
Подставив глазам, раскрывая их мало-помалу,
Слепя, будоража, касаясь испариной губ,
Мгновением ока всю жизнь уподобив обману, —

Когда понимаешь, что нет ничего за душой,
Что нет ничего, кроме выспренней выси и бездны,
Которых нельзя удержать, подчинить, и чужой,
Иной глубины невозможно постичь, как не бейся.

И жаль мне всего из того, чем я был, но не стал,
Того, что любил, отдаляясь все дальше и дальше,
Того, что искал, что терпел, что терзался и ждал,
Но так и не взял, и не вытерпел, и не дождался…

Мне жаль, и мне больно смотреть в распростертую высь
Раздавленным взглядом, размазанным серо-зеленым
По синему, — чистому, светлому, хоть удавись, —
Смотреть в никуда пред пустым, как ничто, небосклоном.

Мне жаль, но — колеблется утро на птичьем крыле,
Колышет листва неподатливый контур покроя,
И вновь остается еще невесомой земле
Чуть-чуть тишины, и хотя бы немного покоя…

ЖАР-ПТИЦА

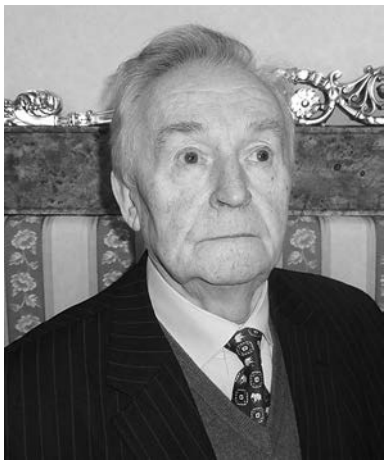
Этот сон все равно повторится,
И не раз, и не два, и не три:
Пролетит темной ночью жар-птица,
Обжигая меня изнутри.

Не проронит ни крика, ни слова,
Только яркой блеснет полосой
Над соломой безмолвного крова,
Над притихшей зеленой росой.

Полыхнет и угаснет без срока,
Превращаясь в рассыпанный чад,
Унося за собою высоко
Этот дом, этот луг, этот сад. —

Только жизнь и оставит, безмолвный
Для тебя открывая рубеж,
Чтоб искать ослепляющих молний
Посреди беспросветных небес.

Евгений СОРОКИН

СЛУЖИТЬ МОСКВИЧАМ

Евгений Александрович Сорокин — родился в 1932 г. в Москве. Работал в Советском подготовительном комитете VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в г. Москве (1956–1957). Работал в Комитете молодежных организаций СССР. Затем 34 года проработал в Советском и Российском комитете солидарности стран Азии и Африки. В настоящее время трудится в Региональном благотворительном фонде «Московский фонд мира». «Заслуженный работник культуры РСФСР». Отмечен государственными наградами: орденами Социалистической Республики Вьетнам и Корейской Народно-Демократической Республики. Лауреат IX Всемирного фестиваля молодежи и студентов. **Живет в Москве.**

Ваш корреспондент Владимир Ясенев позвонил в Московский фонд мира. Ответили: «Приезжайте. Ждем на Самотеке». Для моего поколения москвичей Самотека — легендарный район старой Москвы. И вот теперь в одном из ее многочисленных и тихих переулков последние годы размещается Московский фонд мира. Дом, в котором московское правительство выделило помещение, построен совсем недавно. Уютный офис, приветливые и внимательные хозяева. Традиционный московский чай с клюквой в сахаре. На стенах в аккуратных рамках под стеклом подробнейший фотоотчет о повседневной кропотливой работе, которая не прекращается ни на час со дня основания Фонда в 1961 году.

Многие годы Фондом руководили наши великие деятели культуры — незабвенные Людмила Зыкина и Юрий Никулин. Им помогали Валентина Толкунова и Борис Брунов. Сейчас во главе Фонда «три богатыря»: народный артист России Сергей Шакуров; прославленный космонавт, дважды Герой Советского Союза, Герой Вьетнама и Герой Монголии генерал Виктор Горбатко; мудрый и искушенный во всех тонкостях дипломатической, административной и управленческой работы обаятельный мидовец Эдуард Дубинский.

На большом председательском столе разложены справочные и информационные материалы. Эдуард Яковлевич Дубинский и член Правления фонда Евгений Александрович Сорокин, много лет проработавший в Комитете солидарности стран Азии и Африки, оттачивают последние содержательные детали командировки в далекую Индию еще одного члена Правления — известного юриста-международни-

ка Александра Михайловича Малика. В конце ноября в г. Гоа состоится годичное заседание Исполкома Всемирного Совета Мира (ВСМ). Россия в рамках ВСМ отсутствовала с начала 90-х годов. Недавно в это авторитетнейшее движение борцов за мир, основанное еще в 1951 году, вступили московские миротворцы.

Проводив своего коллегу в дальнюю дорогу, Эдуард Яковлевич обращает свой взор на мою скромную персону. Мы с ним знакомы добрых 30 лет, но это знакомство по нашей бывшей работе в различных подразделениях и структурах «Смоленки» (так профессионалы между собой называют Министерство иностранных дел, которое находится на Смоленско-Сенной площади). Председатель Правления непревзойденный рассказчик. За окнами уже давным-давно зимний вечер, а мы все никак не можем наговориться. Заглядывают и прощаются сотрудники Фонда. Начинаем собираться и мы. И тут я слышу от своего старого друга: «Вот, посмотри, по старой посольской привычке мы для "Родной Ладоги" уже положили на бумагу то, о чем хотим рассказать и к чему хотим привлечь внимание ваших читателей».

* * *

Более полувека Московский фонд мира подчиняет свою деятельность интересам москвичей. Он участвует во всех общественных значимых мероприятиях столицы. Вместе с другими организациями Фонд пережил тревожные девяностые и волнительные двухтысячные годы. В 1992 году Московское отделение Российского фонда мира было преобразовано в Региональный благотворительный общественный фонд «Московский фонд мира». В 2009 году Московский фонд мира был принят в Международную ассоциацию фондов мира.

В последние десятилетия заметно активизировалась миротворческая и благотворительная деятельность Московского фонда мира, общественной организации, сплотившей в своих рядах широкий актив — деятелей науки, культуры и искусства, руководителей производственных предприятий и деловых людей — авторитетных и бескорыстных россиян, принимающих близко к сердцу чужую беду, желающих оказать помощь нуждающимся категориям москвичей: ветеранам войны и труда, инвалидам, матерям, вдовам и детям воинов, погибших при исполнении служебных обязанностей в нашей стране и за рубежом, воспитанникам детских домов и специализированных школ-интернатов, беженцам. Новое развитие получила Программа Фонда «Народная дипломатия», направленная на дальнейшее развитие и укрепление дружественных связей с организациями мира и дружбы стран ближнего и дальнего зарубежья.

С особым вниманием жители столицы относятся к мероприятиям Московского фонда мира, посвященным Дню защитника Отечества, Дню Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., Дню отражения первого налета фашистской авиации на Москву, Дню города, Дню пожилого человека, Дню разгрома немецко-фашистских войск под Москвой и начала контрнаступления Советской армии. Нередко эти мероприятия проводятся совместно с Комитетом общественных связей Москвы и другими общественными организациями, такими как: Московский городской

Юрий Никулин и Генрих Боровик
в президиуме во время проведения Дня антивоенных действий, 1982

совет ветеранов войны, труда и правоохранительных органов, Московский городской комитет ветеранов войны, Межрегиональная общественная организация «Клуб Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации, полных кавалеров ордена Славы» г. Москвы и Московской области, Союз женщин летных специальностей «Авиатриса» и др. С этими организациями накоплен большой и полезный опыт сотрудничества.

Наша организация постоянно ищет возможности дальнейшего расширения и углубления сотрудничества с общественностью Москвы. Так, установились хорошие контакты с ветеранскими организациями правоохранительных органов. Фонд мира совместно с Организацией ветеранов оперативной службы принимает участие в мероприятии «Зажги свечу памяти», а также в организации концертов: «Искусство на страже порядка», «Недаром помнит вся Россия», «Московские полицейские — москвичам», «С чего начинается Родина» и др.

Под эгидой Московского фонда мира уже третий год проводится Всероссийский конкурс детских творческих коллективов. Нельзя не отметить организованный Московским фондом мира совместно с ветеранскими организациями МВД России автопробег по местам Отечественной войны 1812 года.

С большим интересом воспитанники детских домов и школ-интернатов посещают новогодние праздники, организуемые Московским фондом мира в цирке Ю. В. Никулина на Цветном бульваре.

Стали традиционными просмотры ветеранами войны и труда благотворительных спектаклей в Большом театре.

Эдуард Яковлевич Дубинский — председатель правления Московского фонда мира

В столице Словацкой Республики, г. Братиславе 24 июня 2014 года в день 100-летия начала Первой мировой войны 1914–1918 гг. прошла Международная конференция, посвященная этому событию. В конференции приняли участие представители ряда европейских стран: государственные и общественные деятели, дипломаты, историки, работники культуры, писатели и журналисты.

В своем приветствии участникам конференции президент Словацкой Республики господин Андрей Киска отметил важность рассматриваемой темы в современной международной обстановке и пожелал успешной работы. Участники конференции почтили память миллионов жертв Первой мировой войны, на основе достоверных источников дали анализ событий этой войны, оценили главные итоги и уроки войны. Было отмечено, что Великая война — первый в истории военный конфликт мирового масштаба, в который были вовлечены 38 государств.

Московский фонд мира на этом мероприятии был представлен председателем Правления Э. Я. Дубинским.

Много лет назад, когда вьетнамский народ вел борьбу за свободу и независимость своей Родины от американских агрессоров, Московский фонд мира принимал активное участие в оказании помощи братскому народу. А в прошлом году, во время стихийного бедствия — наводнения в Крымске — вьетнамские предприниматели через Московский фонд мира оказали материальную помощь пострадавшим. В своем письме в адрес Московского фонда мира губернатор Краснодарского края А. Н. Ткачев поблагодарил вьетнамских друзей и отметил: «От имени 5-миллионной Кубани, от себя лично благодарю Вас за неравнодушие и сострадание, искреннее стремление помочь попавшим в беду жителям Крымска!».

События последнего времени ярко показывают, что идеология нацизма дает ядовитые всходы в Прибалтийских странах (ранее входивших в СССР), а также на Украине. Приверженцы фашизма маршируют по улицам городов, оскверняют могилы и памятники воинов-освободителей от коричневой чумы. В 1956 году в Москве, на Кропоткинской улице, в доме 10, в Мраморном зале состоялась Конференция Антифашистского комитета советской молодежи. На Конференции было отмечено, что Комитет с честью выполнил свои задачи. Тогда никто и не мог представить, что через

какие-то годы опять возникнет угроза фашизма.

На встрече с членами Общественной палаты наш Президент Владимир Владимирович Путин отметил важность работы общественных движений в защиту исторической правды от попыток ее переиначить. Вот почему Московский фонд мира взялся за организацию концерта-акции «Мы с тобой, Донбасс!» в поддержку борющегося народа Юго-Востока Украины. Концерт прошел в Центральном музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе 20 сентября 2014 года. Собравшиеся возложили цветы к Вечному огню, зажгли свечи в Зале Скорби в память о погибших от бомбежек и артиллерийских обстрелов киевскими вояками мирных жителей городов и сел Донецкой и Луганской областей.

Людмила Зыкина.
Благотворительный концерт, 2002

С большим интересом была осмотрена выставка детского рисунка «Мы с тобой, Донбасс».

С вниманием и горячей поддержкой участники акции выслушали выступления председателя Правления Московского фонда мира Эдуарда Яковлевича Дубинского, летчика-космонавта Виктора Васильевича Горбатко, мэра города Можайска Василия Михайловича Овчинникова, заместителя директора Центрального музея Великой Отечественной войны Михаила Михайловича Михальчева.

В концерте приняли участие московские и луганские артисты: заслуженная артистка РФ Наталья Борискова, солист ГАБТа Николай Семенов, певец и композитор Роман Разум и др. Концерт прошел на одном дыхании, популярные патриотические песни подпевал весь зал.

Прошедший концерт-акция стал ярким выражением солидарности москвичей с борющимся Донбассом.

На одном из мероприятий в театре Эстрады к председателю Правления Э. Я. Дубинскому обратился журналист: «Скажите пожалуйста, в чем секрет успеха проводимых фондом мероприятий?». Э. Я. Дубинский ответил: «Здесь никакого секрета нет. Успех достигается, потому что взгляды на историю и текущие события присутствующих в зале, и ораторов, и артистов, совпадают».

Все успехи Фонда мира достигнуты благодаря работе бескорыстных, честных, приверженных делу мира, дружбы и солидарности людей, таких как: С. К. Шакуров — президент Московского фонда мира, народный артист РФ, В. В. Горбатко — летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза.

В. В. Горбатко и Э. Я. Дубинский на возложении цветов к могиле Неизвестного солдата

В. М. Тарасюк — депутат Государственной Думы РФ, Ю. Е. Шеляпин — президент холдинга «Эко-тепло», М. В. Баранова — тележурналист, И. И. Бучинский — метростроевец, Р. М. Гатауллин — директор завода, Н. А. Головкин — директор автокомбината, С. Н. и Л. Н. Гончаровы — предприниматели, К. В. Захаров — генеральный директор «АВАРД», З. Г. Караваева — врач, О. В. Комолов — генеральный директор предприятия «Акант», С. М. Крамаренко — Герой Советского Союза, В. А. Огнев — работник министерства, В. П. Павловская — руководитель культурного центра, Т. В. Хлопова — инженер, Г. В. Щерба — сотрудница ГАБТа.

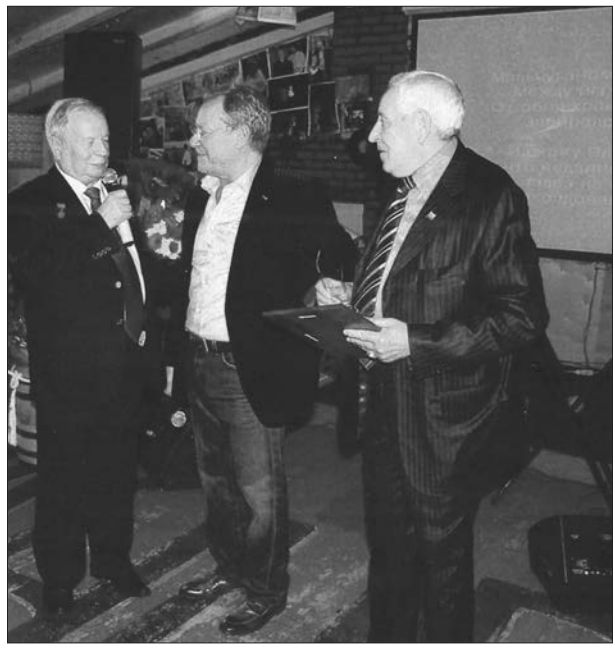
Большую помощь в работе оказывают и другие члены Правления и волонтеры фонда: Л. В. Бобылева, Н. П. Владышевская, К. Д. Гаспарян, Н. В. Демидова, В. Е. Журов, А. С. Иванов, М. Ю. Ивлева, Н. С. Лунина, Л. С. Пономаренко, В. А. Рассохо, И. Р. Рыжова, Л. П. Слащева, А. В. Смирнов, Т. В. Титова.

Известные творческие коллективы и деятели искусства отдают много сил и энергии участию в нашей работе: ГАБТ, ансамбль «Россия», ансамбль «Березка», театр Эстрады, трио «Реликт», цирк Юрия Никулина и др. Многие годы щедро дарят свое искусство известные мастера. Это: И. Д. Кобзон — народный артист СССР, Л. А. Лядова — народная артистка СССР, Т. С. Ерастова — народная артистка России, солистка ГАБТа, Е. А. Поликанин — народный артист РФ, солист музыкального театра им. Станиславского и Немировича-Данченко, Л. В. Сафонова — народная артистка России, В. П. Руднев — заслуженный артист России, иллюзионист, Н. Д. Борискова — заслуженная артистка России, Ренат Ибрагимов — народный артист России.

Было бы несправедливо умолчать о вкладе в миротворческую и благотворительную деятельность нашего фонда таких людей, как Л. Г. Зыкина, Ю. В. Никулин, В. В. Толкунова, Б. С. Брунов. Они многие годы были руководителями нашей общественной организации.

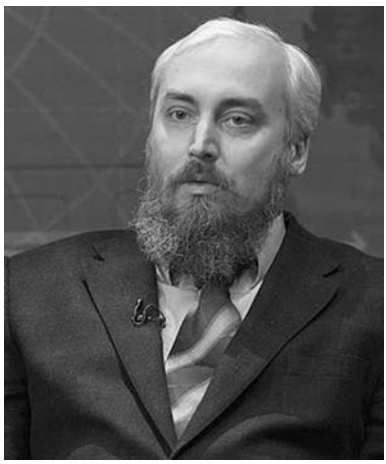
Нашим Региональным благотворительным общественным фондом сделано немало, но успокаиваться нам еще рано. Впереди много большой ответственной работы, столь необходимой нашим землякам москвичам.

Одна из важнейших задач работы Фонда — подготовка к празднованию 70-летия Великой Победы.

«Три богатыря». Народный артист России Сергей Шакуров; космонавт, дважды Герой Советского Союза, Герой Вьетнама и Герой Монголии генерал Виктор Горбатко; сотрудник МИДа, Герой РФ Эдуард Дубинский

Михаил СМОЛИН

УКРАИНА — ЭТО РОССИЯ

Михаил Борисович Смолин — родился в 1971 г., окончил Санкт-Петербургский государственный университет, историк русской консервативной мысли, публицист, кандидат исторических наук, член Союза писателей России, руководитель Центра гуманитарных исследований Российского института стратегических исследований. **Живет в Москве.**

Пережив коммунистическую интернациональную эпидемию в XX столетии, русская нация столкнулась с вызовом региональных сепаратизмов. Единство Русской Православной Церкви, русского государства, русской культуры и русской нации вновь было поставлено под сомнение. Национальные отщепенцы разорвали тысячелетнее национальное общерусское единство, столь дорогой ценой завоеванное нашими предками, столетиями собиравшими Русскую землю в мощную Православную империю. Великая идея большого русского мира в очередной раз испытывается на жизнеспособность. И мы снова видим, что самым слабым местом в нашем проекте является внутренняя сознательность его участников.

В ситуации XX столетия, когда русская цивилизация переживала сложные внутренние нестроения, под сомнение был поставлен смысл участия южнорусского населения в строительстве общерусского мира. Вирус самовлюбленного регионализма жестоко поразил постсоветскую элиту южнорусского населения. В отличие от общерусского западничества, воспринявшего прежде всего не национальные и не религиозные либеральные и социальные идеи Западной Европы, «украинство» проявило себя как своеобразное южнорусское областническое западничество, черпавшее свои идейные предпочтения из польско-католического мировоззрения. Для «украинства» Запад олицетворяется, прежде всего, в польской культуре, католической церкви и немецкой государственности. По своей сути «украинство» является серьезнейшей болезнью православной цивилизации в целом. Именно эта болезнь явила миру и хорватов, и косоваров-сербов, предавших Православие. Наши южно-

русские сепаратисты — «украинцы» — такие же предатели православной цивилизации, как и русского единства.

Опасность «украинства» в русском мире была осознана давно. Еще на заре его зарождения, более ста лет назад, галицко-русский публицист О. А. Мончаловский (1858–1906) писал: «*…украинствовать значит: отказываться от своего прошлого, стыдиться принадлежности к русскому народу, даже названий "Русь", "русский", отказываться от преданий истории, тщательно стирать с себя все общерусские своеобразные черты и стараться подделаться под областную "украинскую" самобытность. Украинство — это отступление от вековых, всеми ветвями русского народа и народным гением выработанных языка и культуры, самопревращение в междуплеменной обносок, в обтирку то польских, то немецких сапогов… идолопоклонство пред областностью, угодничество пред польско-жидовско-немецкими социалистами, отречение от исконных начал своего народа, от исторического самосознания, отступление от церковно-общественных традиций. Украинство — это недуг, который способен подточить даже самый сильный национальный организм, и нет осуждения, которое достаточно было бы для этого добровольного саморазрушения!*»[1]

«Украинство» как движение не является единым, в нем немало различных потоков. Так, для галицких самостийников казацкие вольности не являются первичными в этих интерпретациях «украинского мифа», здесь большую роль играет непосредственное влияние — польское и римо-католическое. Для русской же Малороссии первостепенную роль в формировании сепаратистских настроений сыграли легенды и мифологизированное воспевание казацко-гетманского прошлого (например, в сочинениях типа «Истории русов», где вымысел прямо пропорционален авторской возбужденности).

Естественно, что все это «украинское фэнтези» не способно было воплотиться в исторической действительности без реального сильного союзника в борьбе с Россией. И этот союзник на русской почве вызрел к началу XX столетия. Им стала революция. Именно ее нравственный и физический разрушительный потенциал сумел временно взять верх над идеей Православной империи, превратив XX век в России в перманентную кровавую бойню.

Действительно, «*не получилось бы*, — как пишет исследователь «украинства» Н. И. Ульянов, — *никаких всходов и на почве увлечения казачьей словесностью, если бы садовник-история не совершила прививку этой, отрезанной от павшего дерева ветки к растению, имевшему корни в почве XIX века. Казачья идеология привилась к древу российской революции и только от него получила истинную жизнь. То, что самостийники называют своим "национальным возрождением", было не чем иным, как революционным движением, одетым в казацкие шаровары*».

Роль советской власти в создании «украинца» трудно переоценить. Сразу же после революции коммунистическая партия начала «коренизацию»,

[1] *Мончаловский О. А.* Главные основы русской народности. Львов: Тип. Ставропигийского института, 1904.

«украинизацию» Южной Руси, готовя себе кадры для борьбы с «великорусским шовинизмом».

Начиная с 1920 года коммунисты насаждают «украинский» язык и «украинскую» школу, делая обучение в ней бесплатным и обязательным. Миллионы южнорусских людей были пропущены через этот комбинат по производству советских «украинцев», цель которого — заглушить влияние русской культуры и уничтожить единство русского Юга и русского Севера.

«Украинизация» по-советски была, прежде всего, направлена против русского имени, против общерусского самосознания. Это признает и бывший украинский президент Л. Кучма, когда пишет, что «*украинизация советского типа, о чем часто забывают, имела один общий знаменатель с украинизацией в УНР и Украинской Державе Скоропадского, а именно — дерусификацию*»[1]. А главный вывод из «украинизации» (и в этом можно согласиться с Л. Кучмой) тот, что «*при любом отношении к происходившему в 20-х годах надо признать, что если бы не проведенная в то время украинизация школы, нашей сегодняшней независимости, возможно, не было бы. Массовая украинская школа, пропустившая через себя десятки миллионов человек, оказалась, как выявило время, самым важным и самым неразрушимым элементом украинского начала в Украине*»[2].

Именно большевики создали массового «украинца» как социально близкий партии элемент, как альтернативу, разрушающую единство русского мира. Недаром многие деятели «украинства» признавали за советским «украинским» проектом родственность тому, что они делали. «Украинский» национализм и советская «украинизация» делали одно дело.

Например, известный украинский деятель Владимир Винниченко (1880–1951) и «*во времена самого жестокого тоталитарного режима в СССР не сомневался, что украинская государственность в Украине есть*». «*Она*, — писал Винниченко в своем дневнике, — *живет, накапливает силы, которые скрыто содержат в себе идею самостоятельности и в благоприятное время взорвутся, чтобы осуществить ее*». Теперь мы хорошо видим, насколько он был прав. Эти силы во многом порождены украинизацией 20-х годов, проведенной тоталитарной рукой. Или, как было сказано выше, с помощью «тоталитарной прививки».

Вот эта «тоталитарная прививка» «украинству» во многом помогает и сейчас. Современная «украинизация» проводится с тем же «национал-коммунистическим» энтузиазмом и насилием, как и в советские времена.

Революционное движение истощило свою энергию в борьбе с Россией, и коммунистическое дело захлебнулось в крови «новомучеников российских». Великая трагедия XX века окончена, но политиканствующие актеры Южной Руси все еще не хотят снимать свой нелепый театральный реквизит, свои турецкие «казацкие шаровары» и продолжают забавляться своей «революционно-украинствующей дурью», как говаривал один из исследователей «украинского» сепаратизма В. В. Шульгин.

А то, что западенцы сегодня уничтожают памятники Ленину, это говорит, во-первых, об их глупой неблагодарности, а во-вторых, — о том, что они были включены в проект Советской Украины только при Сталине.

---

[1] *Кучма Л.* Украина — не Россия. М.: Время, 2003. С. 284.

[2] Там же.

В чем же суть «украинской» болезни?

Любую болезнь, и «украинство» здесь не исключение, можно описывать очень многословно, в малейших деталях, но есть у каждой какая-то главная причина, сердцевина болезни. В «украинстве» это **кризис религиозного сознания**: психология религиозного предательства в случае с унией и религиозного индифферентизма в случае с советским атеизмом.

Началом болезни, безусловно, надо считать потерю национальной свободы в XIII–XV веках различными частями русского народа, последовавшее за ним окатоличивание южнорусской элиты и Брестскую церковную унию 1596 года.

Уния, прозелитизм Рима, вольнодумство Запада, воинствующий атеизм коммунистической власти, неприятие, как выражаются сепаратисты, «московского» Православия — все это способствовало глубокому кризису религиозного самосознания.

На Украине соседствует советское «украинское» и униональное западническое сознание. Они одинаковы по своей украинской сути, но первое в силу отхода в прошлое советского проекта постепенно начинает видеть в галицко-униатском мировоззрении тот путь, который, собственно, и сформирует единую «украинскую нацию».

На Украине очень распространено рассуждение о том, что она принадлежит одновременно и православному, и католическому миру. В униатской церкви, истовой хранительнице и проводнице «украинства», даже видят особое соединение Востока и Запада.

Воистину, такая позиция не что иное, как перепев шевченковского призыва: пусть уничтожится Православие («Церковдомовина»), но «встане Украина». Такая постановка вопроса выводит нас на главную дилемму «украинства», которую можно сформулировать так: **либо Православие, либо Украина; либо южнорусское население сохранит Православие, либо станет «украинцами». Либо жизнь в Православии, либо духовная смерть в «украинстве»**.

В религиозной жизни Украины все оценивается по самостийной шкале преданности «украинству». Если какое-то религиозное образование поддерживает «украинский проект» — оно хорошо, если нет — его надо «украинизировать», а ежели оно не поддается этому — то уничтожать.

Деятелями «украинства» делается все, чтобы внедрить в сознание южнорусского населения те стереотипы, на которых были воспитаны «профессиональные украинцы» Галичины. Жителям других регионов Украины в сознание насильно внедряют миф: есть западные «украинцы» — это те, кто сохранил «многовековые» традиции «украинства» именно в силу того, что «*западный украинец гораздо ближе по своим понятиям и привычкам к чеху, поляку, в чем-то даже австрийцу, чем к русскому или восточному украинцу*»[1].

Денационализированное западничество русского населения униатской Галичины дорого самостийникам уже тем, что оно, по их мнению, всегда было частью Запада. Конечно же, это миф.

---

[1] *Кучма Л.* Украина — не Россия. М.: Время, 2003. С. 60.

Галиция, даже после того, как приняла унию, никогда не была, да и сейчас не является инкорпорированной частью Запада. Уния всегда была и будет янычарской казармой для русского православного населения, где католический Рим будет подвергать жесточайшей травле и уродованию православные души.

«Украинство» ставится выше веры религиозной, «украинство» как бы «обожествляется», становится религиозным культом самостийника, мерилом добра и зла. Это глубочайший религиозный кризис, это вторичное одичание — одичание неоязыческое.

«Украинский проект» погибнет от духовной узости «украинства», которое уже оттолкнуло от себя южнорусское население. Украина погибнет от того, что советская власть дала ей слишком много территорий, никогда не попадавших в ареал деятельности «украинского» дела. «Украинскую нацию» хотят сформировать как политическую группировку, как антирусскую партию. Всем навязывается узкий мирок «украинских деятелей» конца XIX — первой половины XX столетия с их человеконенавистнической идеологией.

Государство Украина — это наша своеобразная евразийская Хорватия, раздирающая целостность и Русской Православной Церкви, и русской государственности, и единство русского народа. «Украинство» как идеология национального раскола поставило под вопрос единство православного русского мира, и мы находимся сегодня в сложнейшем положении, когда одна часть нации, сознание которой затуманено самоубийственными фантомами, выступает агрессивно против другой.

Основные вехи развития украинской историографии

Для украинской националистической историографии, начиная с ее формирования (кирилло-мефодиевцы, профессор В. Б. Антонович, профессор М. С. Грушевский и др.), характерна глубокая тенденциозность в освещении истории России.

Особенно ярко это отражается на исторических сюжетах, общих как для южных (считающихся украинскими историками своими), так и для северных регионов Российской империи и СССР.

Незалежной историографии свойственна своеобразная система мифологизации исторического процесса. Украинские историки в своем тенденциозном искажении русской истории идут по пути объявления украинским всего, что существует в современных границах государства Украина и противопоставления «европеизма» Украины и «азиатскости» России.

Выдвигается целая концепция «Украины-Руси» как окраины Европы, сдерживавшей на протяжении всего своего существования восточный деспотизм, олицетворяемый кочевниками и их преемниками — русскими с их имперскими амбициями.

Принадлежность к западноевропейскому суперэтносу определяется для них эволюцией «Украины на запад»: имеются в виду Галицко-Волынское княжество и переход в дальнейшем под власть Литвы, Польши и Австрии.

Украинская националистическая историография глубоко политизирована, ее основные постулаты обслуживают «украинскую национальную идею», которая в свою очередь, как писал идеолог «украинского интеграль-

ного национализма» Дмитрий Донцов, построена «*не на разуме, а на воле, на догме, на аксиоме, на бездоказательном порыве*»[1].

Чтобы понять это своеобразие украинской националистической историографии, необходимо понимать эволюцию исторического развития южнорусских земель.

Украинские историки позиционируют отделение украинцев от других восточных славян, одни в домонгольскую эпоху, другие — как результат установления монголо-татарского ига. Само монгольское нашествие действительно раскололо надвое древнерусскую цивилизацию, но раскол этот не был полным и необратимым. Скрепами русского единства оставались Православная вера и княжеский род Рюриковичей, который продолжал править и на Севере, и на Юге. На Севере древнерусские княжества в XIII—XIV веках боролись как с пришедшим завоевателем, так и друг с другом за лидерство в процессе объединения русских земель. В этой борьбе «на два фронта» в Северной, Владимиро-Суздальской Руси, победило Великое княжество Московское, сумевшее отразить исламский натиск Золотой Орды, а затем и уничтожить в XVI столетии Казанское, Астраханское и Сибирское ханства.

На Юге Рюриковичи самостоятельно княжили до второй половины XIV столетия. Южная Русь лишь со второй половины XIV столетия во многом утратила связь с северорусскими княжествами и попала под владычество русско-литовского государства, где правили потомки литовского князя Гедимина и которое после Люблинской унии 1569 года было преобразовано в провинции Речи Посполитой.

Экспансия папского католичества на Севере была остановлена победами Великого князя Александра Невского. В южнорусских землях же папская пропаганда, используя государственную мощь польского государства, добилась заключения Брестской унии 1596 года с несколькими архиереями, предавшими Православие и русское имя в крае, и вела жестокую борьбу с Русской Православной Церковью.

Политика католического прозелитизма и польская эксплуатация южнорусского населения привели к пробуждению русского национально-религиозного сознания в XVII столетии [Иов (Борецкий), Мелетий (Смотрицкий) и др.] и вылились в серию казацких восстаний, завершившихся с помощью военного вмешательства Московского государства присоединением большой части южнорусских земель во второй половине этого столетия.

Процесс собирания земель продолжился и далее — уже Российской империей. Но некоторые земли в силу недальновидности русской дипломатии остались вне русского государства: Галичина в 1772 году отошла Австрии по первому разделу Польши, Буковина в 1774 году, после заключения Кючук-Кайнарджийского мира, также попала во владения Австрии в награду за ее нейтралитет в Русско-турецкой войне 1768—1774 годов. Угорская Русь же еще ранее, в 1526 году, после разгрома венгров турками, вошла в состав Австрии как составная часть Венгрии. Австрийское государство стало наследником русских земель и с немецкой педантичностью стало проводить политику денационализации русского населения, попавшего в их руки, с помощью все тех же поляков.

---

[1] Цит. по: *Чередниченко В. П.* Анатомия предательства. Киев: Политиздат Украины, 1983. С. 27.

Таким образом, политика московских царей и всероссийских императоров по собиранию русских земель[1] не была завершена, и часть русских людей продолжала находиться под духовной властью унии, с одной стороны, и под государственной властью Австро-Венгрии — с другой. Эта оторванная и в духовном, и в политическом плане часть общерусского населения и стала тем субстратом, в котором появилось «украинство» как исторический феномен.

Начало южнорусского сепаратизма (из которого выросло «украинство») лежит в немалой степени в той неудовлетворенности казацкой старшины унификацией малороссийских казацких полков в общерусскую административную структуру и в тех романтизированных воспоминаниях о прежних «вольностях» при казацких гетманах, действовавших совместно с поляками.

Одним из первых исторических произведений, которые могут быть отнесены к нарождающимся попыткам обособить Малороссию от остальной России, является полемическое стихотворное сочинение «Разговор Великороссии с Малороссией» (1762), автором которого, скорее всего, был Семен Данилович Дивович, выгнанный из Санкт-Петербургского университета из-за конфликта с М. В. Ломоносовым. В тексте этого сочинения Малороссия рассказывает свою историю и перечисляет заслуги, оказанные ею русскому народу и государству, дающие ей право на некоторую автономию. Малороссию автор выводил от древних козаров (хазар) и утверждал, что она управлялась своими вождями.

Подобных сочинений было еще несколько, но сами по себе воспоминания про «казацкую вольность» еще не могли дать жизнь настоящему украинофильскому движению. Первую революционную прививку «украинское возрождение» получило от поэтов-декабристов, воспевавших вольности казачества, вроде К. Ф. Рылеева. Его стихи о казаках пользовались не меньшей известностью в этой среде, чем поэзия Шевченко.

После раздела Польши неудовлетворенность казацкой старшины получила в лице польской шляхты и католической церкви активных и богатых покровителей. В первой трети XIX столетия поляки получили в управление Виленский учебный округ (составленный из Виленской, Витебской, Гродненской, Минской, Могилевской, Киевской, Подольской и Волынской губерний). В учебных заведениях (католических и униатских) этого округа вплоть до Польского восстания 1830–1831 годов было воспитано целое поколение польских патриотов и украинофильствующих малороссов.

Первоначально своеобразное украинофильство как движение зародилось в Уманском кружке польской молодежи — ученых и поэтов — воспитанников Базилианского училища (Северин Гощинский, Богдан Залесский, Михаил Грабовский), которые считали себя украинцами, но, как чистокровные поляки, писали все-таки по-польски. Кружок после разгрома Польского восстания в 1831 году прекратил свое существование, но его идеи были подхвачены другими молодыми людьми, которые в Киеве в 40-х годах создали тайное общество — Кирилло-Мефодиевское братство. Они бредили древними вольностями запорожского казачества и мечтали о республикан-

[1] Еще в 1503 году Великий князь Иоанн III, когда литовские послы стали его упрекать, что он принял на свою службу перешедших к нему от Литвы со своими уделами черниговских Рюриковичей, знаменательно ответил: «*А мне разве не жаль своей вотчины, русской земли, которая за Литвой, — Киева, Смоленска и других городов*!».

ском строе для каждого славянского народа со всеми демократическими свободами без исключения. Главными деятелями братства были Н. И. Гулак, Н. И. Костомаров, П. А. Кулиш (с детства находился под влиянием М. Грабовского) и Т. Г. Шевченко (бредил польской революционной поэзией). Братство было раскрыто русскими властями, и его деятели отбывали наказание до конца 50-х годов, когда их возвратили из ссылки.

Наследницей революционной деятельности «украинского движения» стала созданная в 70–80-х годах XIX века так называемая «Старая Громада». Главными ее организаторами были историки — приват-доценты университета М. П. Драгоманов (русский полтавец), В. Б. Антонович (поляк) и автор украинского гимна (по образцу польского «Ще не вмерла Украина») этнограф П. П. Чубинский (русский полтавец).

Таково схематическое развитие украинского движения в пределах Российской империи.

На землях же, отошедших Австрии, до 1848 года австрийское правительство признавало за прикарпатскими русскими (галичанами, буковинцами и угорцами) их русское происхождение и национальное единство с русскими Российской империи. Но после похода русской армии 1848 года в Венгрию австрийское правительство сделало крутой поворот в отношении австрийских русских. Австрийский губернатор Галиции граф Франц Стадион в 1848 году обратил внимание Вены на опасность называть русскими галичан, после чего австрийские власти стали официально именовать русских галичан рутенами. Известны слова графа Стадиона, сказанные в том же году русской депутации: «*Вы можете рассчитывать на поддержку правительства только в том случае, если захотите быть самостоятельным народом и откажетесь от национального единства с народом вне государства, именно в России, то есть если захотите быть рутенами, не русскими. Вам не повредит, если примете новое название для того, чтобы отличаться от русских, живущих за пределами Австрии. Хотя вы примете новое название, но все-таки останетесь тем, чем вы были*». Началось образование антирусской Руси. Усилилась борьба с русским литературным языком, с русскими книгами — распространение того и другого приравнивалось к государственной измене. Много русских патриотов было посажено в тюрьму. И в противодействие им под покровительством венского правительства возникла «украинская» партия, расколовшая единство русских в Прикарпатье (Галиция, Буковина и Угорская Русь).

Национальной доктриной этого своеобразного «украинского Пьемонта»[1] стала неприкрытая русофобия. «*Если у нас идет речь об Украине*, — писали галицкие украинофилы, — *то мы должны оперировать одним словом — ненависть к ее врагам… Возрождение Украины — синоним ненависти к своей жене московке, к своим детям кацапчатам, к своим братьям и сестрам кацапам, к своим отцу и матери кацапам. Любить Украину, значит, пожертвовать кацапской родней*»[2].

В Австро-Венгрии стал разрабатываться из местных простонародных говоров искусственный язык. Все это было направлено на переориентацию

---

[1] Из этой итальянской провинции пошло объединение всего итальянского государства в середине XIX века.

[2] *Ульянов Н. И.* Происхождение украинского сепаратизма. М.: Индрик, 1996. С. 234.

прикарпатских русских с Российской империи на создание из галичан антирусской силы. Австро-венгерские власти стали применять на практике старый рецепт польского сепаратистского движения — «натравить русского на русского». Здесь уместно привести выдержку из завещания польского революционера генерала Мерошевского, которое звучит так: «*Бросим огни и бомбы за Днепр и Дон, в самое сердце Руси; возбудим ссоры в самом русском народе, пусть он разрывает себя собственными ногтями. По мере того как он ослабляется, мы крепнем и растем*».

В лице австро-венгерского правительства появился серьезный государственный заказчик на исправление русской истории, поиск в веках «украинцев» и изобретения им «достойного» языка общения.

В это время на политическую сцену призывается один из главнейших идеологов «украинства» — историк Михаил Сергеевич Грушевский (1866–1934), выписанный австрийским правительством по рекомендации В. Б. Антоновича из Киева и приехавший в 1894 году во Львов (тогда принадлежавший Австро-Венгрии). М. Грушевский преподавал в австрийских учебных заведениях «украинскую» историю и занимался реформированием и организацией украинского движения, созданием его исторической идеологии. До него в среде «украинства» велись лишь споры, каким именем заменить названия «малоросс» и «Малороссия». Именно ему принадлежит сомнительная «честь» поставления в нем многих точек над «i». Малороссы им были переименованы в украинцев, а Малороссия — в Украину, в значении имени собственного, а не нарицательного, как можно было бы употреблять эти слова. На его совести лежит также большой вклад в изобретение особого украинского языка: отказавшись от церковнославянских слов, он заменил их польскими (через польский язык он ввел много латинских, французских и немецких слов), но с соблюдением малорусского произношения. Этим языком (о котором А. Стороженко — его критик — говорил, что это польский язык, в котором польские звуки приспособлены к малорусскому выговору) написана М. Грушевским десятитомная «История Украины-Руси», пестрящая «украинцами» и «украинскими князьями». Все деятели «украинства», как и сам М. Грушевский, по своим политическим убеждениям были социалистами-революционерами и тесно сотрудничали с революционным движением. Приехав во Львов и заняв идеологически центральное положение, как профессор Львовского университета, М. Грушевский соединил в себе две традиции южнорусского сепаратизма — униатскую австро-венгерскую и казацко-малороссийскую, выработав некую общую генеральную линию, и историческую, и политическую, дальнейшего развития «украинства» в целом.

По данным русской контрразведки, «*Грушевский, находясь во Львове, получал от австрийского правительства ежегодные денежные субсидии для издательства научным товариществом имени Шевченко книг и брошюр на малорусском языке, часть коих водворялась в Россию и распространялась из украинских книгоиздательств, находившихся в сношениях с львовским издательством*»[1].

В отношении построения схемы истории Украины профессор Львовского университета М. Грушевский стал настоящим реформатором. Десятитом-

[1]Записка об украинском движении за 1914–1916 годы с кратким очерком истории этого движения как сепаратистско-революционного течения среди населения Малороссии. СПб.: Департамент полиции Министерства внутренних дел, 1916. С. 40.

ный труд «История Украины-Руси» и в названии отражает идеологическую установку. Считая слово «Русь» позаимствованным великорусским населением северных княжеств у украинцев после упадка их государственности[1] — Киевской Руси, он оставляет его в названии. Наряду с этим признает, что термин «Малая Русь» появляется в отношении Киевской и Галицко-Волынской земли в XIV веке (грамоты Константинопольского патриарха) и что в XII–XIII веках слово «украйна» употреблялось в **нарицательном** смысле, в значении пограничья, окраины. Несмотря на это признание, он считает, что слова «украина», «украинный» становятся именами **собственными** для Среднего Поднепровья уже с XVI века. На чем основано это утверждение — неизвестно.

О реальном, а не вымышленном появлении слов «украина», «украинный» откровенно пишет сам М. Грушевский:

«*Литературное возрождение XIX века принимает название "украинского" для обозначения… новой национальной жизни. Для того чтобы подчеркнуть связь новой украинской жизни с ее старыми традициями, это украинское имя употреблялось одно время в сложной форме "Україна-Русь", "україньскоруський": старое традиционное имя связывалось с новым термином украинского возрождения и движения. Но в последнее время все шире употребляется и в украинской, и в других литературах простой термин "Украина", "украинский" не только в применении к современной жизни, но и к прежним ее фазисам*[2]*, и это название вытесняет постепенно все прочие. Для обозначения же всей совокупности восточнославянских групп, у филологов называемой обыкновенно "русскою", приходится употреблять название восточнославянской, чтобы избежать путаницы*[3] *"русского" в значении великорусского, "русского" в значении восточнославянского и, наконец, "русского" в значении украинского (как оно еще и посейчас в полной силе остается в обиходе Галиции, Буковины и Угорской Руси). Эта путаница подает повод к постоянным неумышленным и умышленным недоразумениям, и это обстоятельство принудило украинское общество в последнее время твердо и решительно принять название "Украины", "украинского"*».

Налицо явный волевой, самовольный акт «наречения» малорусов не историческим именем, а изобретенным политическим названием. Примерно так же коммунистическая партия XX века взяла и твердо и решительно нарекла совокупность народов СССР термином «советский народ», ставя перед собою далеко идущие цели формирования новой общности.

Схема М. Грушевского противопоставляет Восток и Запад, Византию и Европу, Россию и Украину и поныне с незначительными вариациями преподается в украинских школах и высших учебных заведениях. Начало Украины видится М. Грушевскому и его школе украинских историков в далекой древности, в IV веке, с появлением на территории сегодняшнего государства Украина племен антов. Их украинская историография считает

---

[1] Имеется в виду татаро-монгольское нашествие.

[2] Примерно так же, как в советские времена название «История СССР» применялось и к Киевской, и Московской Руси, и к Российской империи.

[3] Это является «путаницей» только для сознания сепаратиста. Так как сам по себе факт, что возможна такая «путаница», говорит за единство восточнославянского русского народа.

прямыми потомками украинцев. В начале VII века общность антов распадается, и остатки этих племен соединяются с руссами к началу XI столетия.

Современные украинские учебники вторят М. Грушевскому, что «*с конца IV и до VI века н. э. предки славян расселились почти на всей территории нынешней Украины под названием "анты" (группа племен). Название "анты" в переводе с санскрита означало: люди, которые живут у края, украиняне… Государство антов просуществовало около трех столетий — от конца IV до начала VII века. Это было могущественное государство, которое можно считать праславянским предшественником последующего украинского государства — Киевской Руси*».

Создавшаяся русская государственность в Киевской Руси имеет у украинских историков название — украинское государство «Украина-Русь», основой которого, естественно, является украинский народ под властью украинских князей. С XII века складывается следующий центр украинской государственности — Галицко-Волынское княжество, которое постепенно подчиняется Литовскому, а затем, после унии этого великого княжества с Польшей, находится в Речи Посполитой.

Особую гордость украинской государственности составляет так называемая «Христианская Казацкая Республика» в Запорожской Сечи, преобразовавшаяся позднее в другой этап этническо-украинской державности — Гетманщину (XVII век). Мифическо-эпические сказания об этом времени сложили в среде украинских историков воззрение на это время как на «золотой век», к идеалу которого стремились все попытки построения самостийных держав в XX столетии на территории Малороссии.

Наряду с М. Грушевским в начале XX века появился и вошел в политику другой «апостол» и творец «украинства» — Дмитрий Иванович Донцов (1883–1973)[1]. Направление Д. Донцова было более радикальным, ставшим неким новым этапом историософии «украинства». В отличие от историка М. Грушевского, Д. Донцов был больше идеолог, или, как его называли, «батька українського націоналізму», теоретическим наследием которого жили националисты ОУН (типа С. Бандеры) и «дышат» сегодняшние незалежные историки. Он считал Украину типичным образцом западноевропейских стран, полностью чуждой византийско-татарской Московии, бывшей, по его мнению, деспотической монархией, в отличие от глубоко проникнутой аристократическо-республиканскими тенденциями Украины.

Во многом идеи Д. Донцова были продуктом переработанных в украинском стиле философий немецкого национал-социализма и «консервативной революции». Так, он развивает идеи о врожденной кастовости населения, существовании в украинском народе «аристократии», сплоченной вроде духовно-рыцарского ордена, о внутринациональных расовых типах, которые

---

[1] В начале своей деятельности он, как большинство деятелей «украинства», был социал-демократом. Эмигрировал из России в 1908 году. В 1914 году стал первым главой «Союза освобождения Украины», руководя во время Первой мировой войны Украинским бюро прессы в Берлине (1914–1916). Печатался в «Ukrainische Rundschau» («Украинское обозрение» на немецком языке). Во время правления гетмана Скоропадского был руководителем Украинского телеграфного агентства. С 1921 года поселился во Львове. Издавал разные украинские журналы, печатаясь в немецкой, швейцарской и польской прессе. В 1939 году году эмигрировал в Румынию, а в 1947 году переселился в Канаду. Здесь он преподавал в Монреальском университете украинскую литературу.

могут быть сведены в две группы. В первую группу входят типы «нордийский» (государственно-творческий), «понтийский» (атаманский) и «динарский» (воин-хлебороб), которые можно назвать «рыцарским» типом. Во вторую же группу попадают «остийцы», или, как он их иначе называет, Санчо Пансы. По его мнению, «остийцы» — преобладающий тип в украинской нации, и они олицетворяют все те качества «безыдейности» и «неаристократичности», которые необходимо умертвить в будущей «украинской нации». Будучи весьма откровенным автором, он пишет: «*Чтобы страна наша и мы жили — Панса должен умереть*». В этих взглядах отразилось существующее и до сегодня разделение Украины на православный Восток и католически-униатский Запад.

Будучи безусловным русофобом, Д. Донцов еще во время Первой мировой войны видел перед Германией и Австро-Венгрией прекрасное и величавое, как он выражался, задание всемирно-исторического значения — сломать мощь России, что не удалось до той поры лучшим европейским полководцам Европы Карлу XII и Наполеону I[1]. А затем он считал, что будет «*вырезано из тела современной Российской империи*» государство Украина, которое будет участвовать в «каждой политической комбинации, острие которой будет направлено против России»[2].

Особо надо отметить, что о рождении государства Украина в XX столетии заявлялось трижды: в 1917, 1941 и 1991 годах. Для нас это были годы революции и потери национальной самостоятельности (в 1917 году), годы немецкого нашествия и смертельной борьбы (в 1941 году), время раскола и федерализации страны (в 1991 году). Всякий раз, когда нам было трудно, украинский сепаратизм поднимал свою голову на малороссийской земле с требованием расчленения единого русского тела. «*Как комета*, — писал «ідеолог розбрату»[3] Д. Донцов, — *появляется, как правило, украинский вопрос на политическом небе Европы каждый раз, когда для России наступает критический момент*»[4].

Несмотря на огромные усилия в XX столетии, на территории УССР и вплоть до сегодняшнего дня создать путем политики государственной украинизации[5] южнорусского населения единую украинскую нацию не удалось, самоопределения Крыма, Донецка и Луганска и выступления за федерацию по всей Новороссии тому лучшие доказательства.

Для украинской историографии характерно постоянное «печалование» о том, что **украинская нация** все никак **не может окончательно сложиться**. Еще М. Грушевский писал: «*Украинство в России должно выйти из рамок этнографической народности, стать политическим и экономическим фактором, приняться за организацию украинской общественности как нации*». Он же горячо призывал: «*Нужно желать быть нацией, необ-*

---

[1] *Донцов Д.* Історія розвитку країнськоі державноі ідеі. Київ: Радянська Україна, 1991. С. 40.

[2] Там же. С. 41.

[3] Идеолог раздора, смуты.

[4] *Донцов Д.* Історія розвитку українськоі державноі ідеі. Київ: Радянська Україна, 1991. С. 40.

[5] Не далее как в августе 1997 года на II Всемирном форуме украинцев президент Украины Л. Кучма сказал: «Не только нации создают государства, но и государства — нации».

ходимо работать в этом направлении, посвятить все силы, двинуть все общественные средства, чтобы переработать потенциальную энергию этнографического существования в динамику национального развития. Этнографическая обособленность — это статистика, национальная жизнь — продукт воли, динамической энергии народа. Необходимо для этого желать, необходимо работать, необходимо дерзать».

И украинские деятели «дерзали» весь XX век, пытаясь обособить малорусское население и развить его этнографические особенности. М. Грушевскому в 1905 году вторил другой известный деятель «украинства» — Иван Франко: *«Перед украинской интеллигенцией открывается… огромная действенная задача — создать из громадной этнической массы украинского народа украинскую нацию, цельный культурный организм, способный к самостоятельной культурной и политической жизни».*

Эту мысль украинские деятели повторяют до сих пор.

Создание же единой нации украинцев потерпело оглушительное фиаско в 2014 году.

Гражданская война на Украине между русскими и «украинцами»

Процесс искусственно насаждаемого нового этногенеза и насильственное формирование украинской нации привели к гражданской войне. Этнографические, культурные и языковые особенности не смогли сформировать столь определенную и окончательную «отдельность» для украинства, которая только и способна пробудить процесс этногенеза, то есть завершенного процесса самоопределения себя как самостоятельного действующего лица мировой истории, заряженного вовне на политическую и культурную экспансию, культивирования внутри страны своих унифицированных идеалов и признания всем населением данного государства этих новых ценностей.

Несмотря на жесткие неоднократные кампании по украинизации населения государства Украина, несмотря на всестороннюю помощь и украинской эмиграции, и заинтересованных стран Запада, отводящих «украинскому проекту» особую роль в давлении на Россию, несмотря на военные репрессии в ходе развернувшейся гражданской войны, процесс украинизации Юго-Востока потерпел полный крах.

Слабая государственность Украины, находящаяся в состоянии постепенного распада сегодня, состоит из нескольких совершенно разных по настроению общин. Временно остающаяся в составе Украины часть Новороссии (Херсонщина, Запорожье, Днепропетровская, Николаевская и Одесская области) активно не воспринимает украинизацию, Слобожанщина (Харьковщина, Сумщина, часть Полтавщины) находится примерно в таком же положении, Левобережная и Правобережная Малороссия вполне индифферентны в этом отношении. Сложно говорить об украинизации и православной Буковины (Черновицкая область) и Угорщины (Закарпатская область), где к термину «украинец», «украинский» есть весьма стойкое неприятие или, по меньшей мере, подозрительность. Выделяется своим украинством только Галичина, да и то только потому, что католицизм здесь делает неимоверные прозелитические усилия.

Различные регионы разваливающейся Украины сегодня живут отдельной друг от друга жизнью, а в регионе наличествуют самые разнообразные конфигурации убеждений. Например, довольно часто можно прочитать или услышать такое «исповедание»: «Считаю себя украинцем, а украинцев — отдельной от русских нацией; но все мы — восточные славяне — русские. Тесное сотрудничество Украины с Россией оцениваю положительно. У нас общая культура, вера, в отличие от “оранжевых украинцев”. Русский язык — родной, но и украинский я понимаю, и я за независимую великую Украину».

Конфигураций такого рода эклектичных убеждений огромное множество. Это типичная раздвоенность восприятия действительности.

Идеологически конструкция украинского государства и украинской нации очень политизирована и состоит из последовательно нанизанных на политический каркас тенденциозных исторических мифов. Это самое слабое место всего украинского проекта. Если бы украинские историки и политические идеологи не находились на территории государства Украина в таком комфортном монопольном положении, то конструкция украинского исторического мировоззрения была бы с легкостью подвергнута сомнению при здравом критическом подходе к исторической правде украинских мифов.

Украинская государственность — объединение, сохранившееся в границах советских времен достаточно случайно. Как и во времена Русско-Литовского государства или Речи Посполитой, от нее уже отпадают — и должны отпадать — целые регионы, цивилизационно более близкие России. Этот процесс уже имеет — и должен иметь и далее — поддержку в России под лозунгом «собирания Русской земли».

Украинское трансграничье, как полуавтономный анклав, сегодня разваливается, разбираемый между действительно самостоятельными мирами. При этом Запад хочет контролировать украинский суверенитет путем приглашения в НАТО, ЕС и руководства местными «политиками», часто напоминающими своими действиями многочисленных малороссийских гетманов XVII столетия или атаманов времен Гражданской войны начала XX столетия.

Мифы украинской националистической историографии необходимо рассеивать не только потому, что они дают многомиллионному населению Украины внеисторические мировоззренческие установки, но и потому, что они угрожают безопасности самой России. В украинских сочинениях часто встречаются утверждения, что современные границы не совпадают с этническими границами расселения украинского народа (указываются Воронежская, Белгородская, Курская области, Кубань и даже Дальний Восток)[1], сама же Украина часто позиционируется как окраина западного (европейского) мира, граничащего с миром азиатским, к которому принадлежит Россия.

---

[1] В тексте государственного гимна Украины есть упоминание реки Дон «Станем, браття, в бій кривавий, від Сяну до Дону» (по-русски: «Станем, братья, в бой кровавый от Сана до Дона»), но сама река не протекает по территории этого государства. Правда, официально гимном признана часть этого стихотворения, до строки, о которой мы ведем речь. Интересно, что в первоначальном тексте Чубинского никакого Дона нет, он был дописан поэтом С. Даниловичем, зато были такие слова: «Ой, Богдане, Богдане, славний наш гетьмане, // Нащо віддавъ Україну москалям поганим?!» (по-русски: «Ой, Богдан, Богдан, славный наш гетман, // Зачем отдал Украину москалям поганым?!»).

Практически во всех украинских мифах образ России враждебен Украине, что формирует в украинском обществе негативное отношение к российской государственности и к русским как народу.

В сложившейся ситуации необходима, прежде всего, **гуманитарная экспансия**, развенчивающая идеологические мифы украинской стороны и восстанавливающая положительный образ России как общерусского Отечества.

Проект «Украина» в очередной раз естественным образом сворачивается.

Стремление к единству Большой Руси требует открыто говорить о сложности и важности национальных проблем, стоящих перед русской нацией. Бессмысленно и бесполезно искать некую объективную или центристскую позицию в национальном вопросе. Объективной для нации может быть только национальная позиция. А поэтому необходимо выяснение этой позиции путем разыскания исторических корней той или иной проблемы.

Наибольшей внутринациональной проблемой для русских на сегодня должен считаться «украинский» вопрос. Неразрешенность этого вопроса может привести к подлинной трагедии, размеры которой трудно себе представить. Возможны любые варианты, вплоть до войны по югославскому сценарию. Если русское общество и государство не будут последовательно активны в преодолении «украинства», то через очень небольшой срок мы столкнемся с проблемами в лице государства «Украина», вступившего в НАТО и готового к войне с Россией в любых коалициях.

Пока не поздно, надо указать всем на историческую правду «украинской проблемы», беспристрастно отделив от этой правды наслоения «украинской» пропаганды.

Национальные цели народов, которые доросли до мировой деятельности, всегда направлены к полному господству на своей естественной территории и на влияние на жизненно важные для нации близлежащие земли. Поэтому, с одной стороны, задача нации состоит в определении естественных границ распространения своего господства и в установлении необходимого влияния на жизненно важные для себя соседние районы. С другой же стороны, следует остерегаться идей, подобных идее мирового господства, так как они неизбежно ведут к чрезмерной растрате сил нации и не приводят к желаемому результату.

Для достижения поставленных целей необходимы духовное здоровье и внутреннее единство нации. Первое достигается поддержанием веры в то, что для нации является истиной. Русские люди исповедуют Православие — единственно истинную и спасительную веру, поэтому сохранение Православной веры есть главная задача как Церкви и государства, так и каждого русского человека. Второе достигается правильной организацией и поддержанием государственной, социальной и культурной жизни нации, которую необходимо оградить от вредного влияния извне, особенно если оно направлено, как, например, «украинство», на раскол русской нации.

«Украинство», борющееся с Православной Церковью, с русской государственностью и с единством русского народа, необходимо удалить из русского тела, как опасный вирус, избавившись от этого идеологического тумана, мешающего многим русским видеть величайший вред «украинского» движения. Необходимо помочь и людям, втянутым в это движение. Ведь

они в своей массе лишь жертвы большой политики великих держав. Этих людей используют как орудие борьбы с единством русской нации.

Национально мыслящие русские люди обязаны, ради будущего русского народа, ни под каким видом не признавать право на существование государства «Украина».

Нам нужно помочь людям на Украине побыстрее переболеть «украинством» и получить новый иммунитет от всевозможных местечковых, хуторских самобытностей, возводящих свои узко-этнографические установки в универсальные принципы для сорокамиллионного населения.

«Украинцами» не рождаются, ими становятся путем долгой обработки. «Украинизации» были бы не нужны, если бы «украинцем» можно было бы родиться. Убежденный «украинец» — это тот, кого убедили, что он лучше, чем русские, а значит, другой. А в сложные, смутные времена считать себя другим очень удобно: можно ускользнуть от давления, от необходимости предпринимать усилия для возрождения своей общей Родины и благоустраивать в региональной тиши свою личную хату, делая вид, что, собственно, никогда не имел отношения к поругаемой врагами матери.

«Украинство» — это возрождение языческой дикости, помноженной на степную вольницу

Это опасно не только для России, но и для всех окружающих «Украину» народов. Все это — «рукотворное» украинофильство, перманентно разрушающееся и восстанавливаемое в сознании людей посредством «украинизаций». «Украинство» надо обязательно преодолеть!

Проект «Украина» обязательно рухнет, так же как все искусственные образования типа советского «ГДР». «Украинство» трещит по швам. Будучи само раскольническим движением, оно не способно соединить разные регионы под своей эгидой в государстве «Украина». «Украина» — не империя, а анархическая гетманщина, раздираемая «украинскими» неомагнатами-олигархами. Отсюда и расколотость общества «Украины» на большинство, относящееся индифферентно к мифам «украинства», и фанатичное меньшинство, готовое уничтожить или подчинить себе полмира для торжества «украинского порядка».

Нам необходимо занять жесткую позицию, что южнорусские, малороссийские земли — неотъемлемая часть Русского государства.

Западные политики видят возможность противопоставить «украинцев» русским, «Украину» — России, так же как они противопоставляли западных немцев ФРГ восточным немцам ГДР. Мы же должны противопоставить этой экспансии проверенную временем идею единства русской нации и не дать возможности Западу сыграть на местечковых амбициях «украинства». Не надо забывать, что «Украина» образовалась на древних, исконных русских землях, что Киевщина и Малороссия столь же значимые центры русской жизни, как и Косово для сербов. Современная «Украина» — это юго-западная Русь, подъяремная «украинцам».

Закончить хочу старым консервативным призывом, принадлежащим малорусскому исследователю «украинства» А. В. Стороженко: **«Украинский туман должен рассеяться, и русское солнце взойдет»**.

Александр ВАВИЛОВ

НЕВЗГОДЫ ИРАКА

Александр Иосифович Вавилов — доктор исторических наук, профессор. Многие годы занимается изучением политики США на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Его новая работа посвящена исследованию опасной эволюции такого угрожающего феномена современной международной жизни, как терроризм. В ней убедительно доказывается, что одной из главных причин активизации экстремистских сил является современная гегемонистская и тенденциозная политика США в арабском регионе. Автор многочисленных монографий, статей и других публикаций по избранной тематике. **Живет в Москве**.

Ситуация в Ираке после восьмилетнего американского опыта его силовой «демократизации» стала опасным фактором, серьезно осложняющим и без того весьма непростую ситуацию в ближневосточном регионе.

21 октября 2011 г. президент США Б. Обама торжественно объявил, что к новогодним праздникам американские военнослужащие вернутся из Ирака домой. «Глупая» (по определению самого хозяина Белого дома) война подходила к логическому концу (Независимая газета. 15.12.11).

А уже концу ноября 2011 г. в Ираке в открытую заговорили о наплыве в страну боевиков «Аль-Каиды», для которых предстоявший уход американцев был настоящей «манной небесной», подкреплявшей их позиции в разоренной и ограбленной стране (The New York Times. 18.11.11). Каидовцы стали создавать на территории «освобожденной» страны тренировочные лагеря и за один год в два с половиной раза нарастили число боевиков (до 2,5 тыс.) (Независимая газета. 11.10.12).

Число жертв террористов в 2013 г., по данным ООН, превысило самую большую за минувшие 5 лет цифру и достигло 8868 человек, что дало основание многим наблюдателям прогнозировать скатывание Ирака к гражданской войне (ИТАР-ТАСС. 11.12.13; РБК. 02.01.14). Тяжким бременем террористический разгул ложился и на экономику страны и ее главную отрасль — нефтедобычу. В 2013 г. лишь один нефтепровод из Ирака в Турцию взрывался аж 54 раза (Новое восточное обозрение. 21.02.14). Уровень добычи нефти в третьей по ее запасам стране мира из-за хронически нестабильной обстановки не превышал показателя, достигнутого

в 1989 г., и составлял около 3 млн барр. в день. С 2008 г. в безработных числилось около 15 % трудоспособного населения. Согласно оценкам международных организаций Ирак стабильно входил в десятку самых коррумпированных государств мира (Le Monde. 30.04.14).

Не утихали и разбуженные американцами межконфессиональные распри, на которых активно играли экстремисты. Неоднократно посещая Ирак во времена С. Хусейна, автор мог наглядно убедиться, что в то время о каких-либо трениях между суннитами и шиитами и речи не было. Убедительным подтверждением тому служило хотя бы изрядное число смешанных браков между представителями двух основных ветвей ислама.

В середине декабря 2013 г. по стране прокатилась новая волна терактов. Жертвами диверсий в Багдаде стали более 40 человек, направлявшихся к шиитским святыням в г. Кербела. Еще 17 паломников погибли в г. Мосул, 5 человек — в ходе нападения джихадистов на городское управление в г. Тикрит, где проживали в основном сунниты. В общей сложности всего за два дня вылазки террористов унесли жизни более 60 мирных жителей, свыше ста получили ранения (www.mid.ru 17.12.13).

В канун 2014 г. резко обострилась ситуация в и без того неспокойной приграничной суннитской провинции Анбар, где все большее влияние и позиции приобретали каидовцы в лице пресловутой группировки «Исламское государство Ирака и Леванта», печально прославившейся своими зверствами в Сирии. Поводом для волнений послужила силовая ликвидация существовавшего около года протестного лагеря суннитов, выступавших против притеснений со стороны шиитских властей. Багдаду по просьбе местного губернатора пришлось применять войска и американские беспилотники как для подавления антиправительственных выступлений местного суннитского населения, так и против исламистов, воспользовавшихся вспыхнувшими беспорядками и объявившими себя «твердыми защитниками угнетенных суннитов». Премьер Н. аль-Малики возложил всю вину на террористов, назвав бунтовавшую провинцию «штаб-квартирой «Аль-Каиды» (Le Monde. 02.01.14). В ожесточенных столкновениях правительственных войск с боевиками только за один день, 3 января 2014 г., погибло свыше 100 человек (РБК. 04.01.14). На другой день каидовцам удалось взять под контроль один из важных населенных пунктов провинции — г. Аль-Фаллуджа (60 км к западу от Багдада) и частично центр провинции — г. Рамади, которые они поспешили объявить «исламским государством». Экстремистам досталось разнообразное оружие, которое в свое время было передано американскими «освободителями» иракским силам безопасности (La Stampa. 10.01.14). Часть суннитских племен отказалась от сотрудничества с правительственными войсками против каидовцев в отместку за жертвы среди мирного населения, вызванные действиями этих войск. Более того, непокорные суннитские вожди пригрозили возмездием всем «пособникам Багдада» (РИАН. 04.01.14; Le Monde. 04.01.14; EuroNews. 06.01.14). В ответ центральные власти выдвинули местным ополченцам ультиматум: либо те сами изгонят из города каидовцев, либо по нему откроет огонь тяжелая артиллерия.

Неспокойная ситуация в провинции вынудила центральные власти приостановить поставки нефти автотранспортом в соседнюю Иорданию, что наносило ощутимый урон бюджету страны.

США объявили о готовности оказать Ираку помощь специалистами по охране стратегических объектов нефтяной отрасли, которая по-прежнему давала около 95 % поступлений в местный бюджет, оговорившись при этом, исходя из своего недавнего горького опыта, что «войска посылать не намерены, пусть иракцы воюют сами». В Багдаде также не горели желанием принимать американских военнослужащих, памятуя их разгульное поведение в период оккупации (Asharq Alawsat, далее: A. A.; EuroNews. 06.01.14).

Со своей стороны помощь братьям по вере вызвался оказать и Иран (Le Monde. 06.01.14). Злейшие враги в регионе, по иронии региональной политики, на сей раз оказались в одном антисуннитском окопе.

Продолжались вылазки экстремистов и против христианского населения: за неделю до нового 2014 г. в результате двойного теракта возле церкви в южной части Багдада, в которой в тот момент проходила рождественская служба, погибли более 20 человек и свыше 30 получили ранения (www.mid.ru 25.12.13).

«В Москве, — отмечалось в сообщении МИД РФ, — решительно осуждают терроризм во всех его формах и проявлениях. Считаем недопустимым разжигание межконфессиональной розни. По-прежнему убеждены в том, что нынешний всплеск насилия в Ираке имеет и региональное измерение, будучи, прежде всего, связан с событиями в соседней Сирии. Действующие на иракской и сирийской территориях террористы из “Аль-Каиды” и связанных с нею группировок не признают границ, несут смерть и страдания мирным жителям. В России поддерживают проводимую иракскими властями линию на противодействие экстремизму и терроризму, оказывают в этом практическое содействие. При этом уверены, что надежный и эффективный отпор преступным замыслам должен быть дан через скорейшее политическое урегулирование сирийского кризиса, достижение национального согласия в Ираке в интересах всех политических сил и этноконфессиональных групп населения» (www.mid.ru 06.01.14).

Кровавая вакханалия в стране в новом 2014 г. не стихала: только 5 января в результате взрыва заминированного автомобиля в столице погибли 15 человек и более 40 пострадали (Интерфакс. 06.01.14). Волна смертоносных террористических атак захлестнула армейские пункты по приему новобранцев. Уже в первой декаде января число погибших перевалило за 400 человек, превысив количество жертв всего января 2013 г. (Le Monde. 12.01.14). 15 января из-за серии взрывов заминированных автомобилей в стране за один день с жизнью расстались 73 человека, в том числе 18 участников церемонии прощания с убитым за два дня до того бойцом проправительственного суннитского ополчения «Ас-Сахва» (Le Monde; Die Frankfurter Allgemeine Zeitung 15.01.14). В последнюю неделю января группа из шести боевиков с поясами смертников захватила в Багдаде здание, принадлежавшее Министерству транспорта. В ходе штурма этого объекта спецназовцами погибли четверо заложников (РИАН; ИТАР-ТАСС. 30.01.14). Всего же лишь за один январь 2014 г. в Ираке от действий террористов погибло более тысячи человек (из них почти 800 гражданских лиц), втрое больше, чем за тот же месяц 2013 г., и более 2-х тысяч было ранено (Le Monde. 31.01.14; The Arab News. 02.02.14).

В следующем месяце последовали новые террористические вылазки: 3 февраля три заминированных автомобиля взлетели на воздух в различных районах Багдада. В результате 12 человек погибли и более 10 получили ранения (ИТАР-ТАСС. 03.02.14). Через день в столице и ее пригородах прогремели новые взрывы, унесшие жизни более 30 человек и ранившие десятки. Самая масштабная атака была предпринята террористом-смертником на подступах к зданию МИДа, в результате чего погибло 24 человека и 28 было ранено (А. А. 06.02.14).

Не спадавшая волна насилия катилась по Ираку в условиях дальнейшего обострения ситуации в приграничных с Сирией провинциях, в первую очередь в Анбар, где иракские правительственные войска и силы безопасности действовали против террористов ИГИЛ. В результате кровопролитных боестолкновений почти 200 тыс. жителей этих провинций были вынуждены покинуть свои дома, что серьезно обострило и без того сложную гуманитарную ситуацию в стране (www.mid.ru 06.02.14). В феврале 2014 г. правительственные войска развернули наступление и на севере, осадив захваченный исламистами г. Сулейман-Пек, расположенный в 160 км от Багдада (РБК. 16.02.14).

Ситуация в стране осложнялась сохранявшим свою остроту курдским фактором. В начале марта 2014 г. глава Курдской автономии М. Барзани вновь обрушился на центральные власти с обвинениями в «игнорировании конституции и обращении с курдами как людьми “второго сорта”». Основанием для таких резких высказываний стало решение Багдада приостановить ежегодную выплату полагавшихся курдской автономии по конституции 17 % федерального бюджета в отместку за намерение ее руководства самостоятельно наладить торговлю нефтью (Новое Восточное Обозрение. 24.03.14). В начале апреля М. Барзани высказал мнение о том, что «дела в Ираке развиваются в сторону конфедерации» (А. А. 09.04.14). От таких заявлений было недалеко до провозглашения Иракского Курдистана самостоятельным государством, тем более что бурные события в Сирии, да и в самом Ираке, создавали стимулы для столь судьбоносного шага (А. А. 07.03.14).

В преддверии выборов, намеченных на 30 апреля 2014 г., нешуточные страсти разгорелись и в парламенте Ирака. Его спикер, суннит У. ан-Нуджейфи обвинил шиитского президента Н. аль-Малики, ни много, ни мало, в организации «переворота против закона» и попытках расколоть парламент, чтобы протолкнуть спорный бюджет страны на 2014–15 гг. (А. А. 07.03.14). Много претензий к премьеру было высказано и относительно лихоимства его окружения. По данным парламентского комитета по борьбе с коррупцией, сумма похищенных из казны и выведенных за рубеж средств приближалась к 200 млрд долл. (Новое восточное обозрение. 05.04.14).

Тот в свою очередь предъявил спикеру претензию в неспособности должным образом организовать работу высшего законодательного органа государства. Серьезный удар по развитию политического процесса в стране нанесла отставка в полном составе избирательной комиссии. Девять ее членов таким убедительным способом за месяц до выборов выразили свой протест против незаконного «вмешательства в ее деятельность со стороны политических и судебных органов» (Le Monde. 25.03.14).

И все эти междоусобные баталии проходили на фоне ежедневных смертей мирных граждан от терактов и военных операций правительственных войск против террористических группировок.

Более 30 человек погибли в результате серии взрывов, прогремевших в конце февраля 2014 г. в разных частях страны. Еще через девять дней сразу три взрыва в столице страны унесли жизни около двух десятков человек и шестьдесят получили ранения (ИТАР-ТАСС. 25.03.14). Взрыв в начале марта 2014 г. на КПП в г. Аль-Хилла принес 45 смертей, 157 человек оказались пострадавшими (Россия 24. 10.03.14). Через неделю Багдад вновь стал ареной терактов, в результате которых 18 человек погибли и десятки получили ранения (ИТАР-ТАСС. 16.03.14). В конце марта 2014 г. группа боевиков атаковала штаб-квартиру полицейского подразделения на севере Ирака, в результате лишились жизни восемь стражей порядка, в том числе и их командир, еще 15 получили ранения (Интерфакс; Газета.Ру. 21.03.14). Через несколько дней сразу три взрыва в столице стоили жизни двум десяткам человек и шестьдесят получили ранения (ИТАР-ТАСС. 25.03.14). В начале апреля боевик протаранил в г. Тикрит на заминированном автомобиле военный конвой, в результате чего погибли пятеро военнослужащих, а 11 получили ранения (ИТАР-ТАСС. 02.04.14).Число убитых от последовавшего через пять дней взрыва к западу от Багдада достигло уже пятнадцати военнослужащих (ИТАР-ТАСС. 06.04.14). Еще столько же лишилось жизни через три дня в результате серии терактов, прокатившихся по всему Ираку (Интерфакс. 08.04.14). На другой день только в столице взрывы унесли жизни 16 человек и десятки были ранены (Интерфакс; РИАН. 09.04.14). Еще через два дня 24 человека стали жертвами двух взрывов на востоке Багдада (ИТАР-ТАСС. 11.04.14). В середине апреля в результате подрыва террористом-смертником начиненной взрывчаткой машины на контрольно-пропускном пункте на севере Ирака семь полицейских погибли и еще три человека были убиты неизвестными вооруженными лицами в этом же районе страны (Интерфакс. 13.04.14). Через три дня на востоке Багдада 24 человека стали жертвами двух взрывов (ИТАР-ТАСС. 16.04.14). Еще через четыре дня террорист-смертник привел в действие взрывное устройство на территории шиитского университета на севере Багдада, в результате погибли пять человек, девять получили ранения. Его подельник был убит силами безопасности на подходе к университету (РИАН. 20.04.14). Через неделю террорист-смертник в г. Ханакин на востоке Ирака лишил жизни по меньшей мере 30 человек и столько же ранил (Интерфакс. 29.04.14). В ответ на наступление правительственных войск на захваченную джихадистами Аль-Фалуджу боевики в начале мая напали на военный гарнизон на севере страны, захватив двадцать военнослужащих, которые затем были зверски убиты (Le Monde. 11.05.04).

Всего же к концу апреля с начала 2014 г. в Ираке насильственная смерть постигла почти 3 тыс. человек, тогда как за весь 2013 г. число погибших составило около 9 тыс. (Die Frankfurter Allgemeine. Zeitung. 21.04.14). В стране ежедневно погибало в среднем 25 иракцев.

Неспокойно было и на ирако-сирийской границе: в начале апреля 2014 г. всего за один день вблизи нее в результате междоусобных столкновений сирийских «революционеров» погибло не менее 50 боевиков (Интерфакс. 11.04.14).

В начале июня 2014 г. боевики ИГИЛ захватили в столице мятежной провинции Анбар г. Рамади часть зданий местного университета и взяли

в заложники тысячи студентов и преподавателей, которые позднее в ходе спецоперации сил правопорядка были освобождены (www.mid.ru 09.06.14). Одновременно активисты этой организации вступили в кровопролитные схватки с правительственными войсками на севере страны в г. Мосуле, в ходе которых погибло более 200 человек [Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (2–8 июня 2014 года) // www.iimes.ru]. Через несколько дней Багдад и его окрестности потрясла серия взрывов сразу 6 заминированных автомобилей, жертвами которых стали более 100 человек, по большей части шиитов (РИАН; А. А.; EuroNews. 08.06.14).

В такой напряженной обстановке 30 апреля 2014 г. в Ираке прошли первые после американской оккупации выборы, пробойкотированные по большей части суннитами. На них с большим отрывом победу одержал блок «Государство закона» Н. аль-Малики, не набрав, однако, парламентского большинства. Предпринятые властями повышенные меры безопасности не смогли предотвратить гибели от терактов всего за два дня до голосования около 80 иракцев и похищений кандидатов, что свидетельствовало о сохранявшейся нестабильности в стране (Le Monde. 30.04.14).

Успех на выборах правившего шиитского блока не открывал дорогу к выправлению внутриполитической обстановки, так как победителям еще предстояло найти союзников среди парламентариев для формирования коалиционного правительства, что грозило затягиванием процесса нормализации положения в стране. Как свидетельствовал печальный опыт предшествовавших выборов в 2010 г., он мог занять весьма долгий период, растянувшись на многие месяцы.

Победа шиитов на парламентских выборах послужила запалом для новой вспышки межконфессиональных противоречий в стране. В первой декаде июня суннитские боевики ИГИЛ общей численностью 10–15 тыс. человек при содействии вооруженных отрядов ряда местных суннитских племен и находившихся у власти при С. Хусейне баасистов, недовольных доминированием в стране шиитов, практически без боя захватили второй по величине город страны — Мосул с населением 1,8 млн человек. Дислоцированные в городе 30 тыс. военнослужащих правительственной армии сдали его практически без боя отрядам исламистов [Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (9–15 июня 2014 года) // www.iimes.ru]. Почти полмиллиона жителей Мосула вслед за армейскими подразделениями и силами безопасности были вынуждены спасаться бегством в соседний Курдистан, пополняя и без того многочисленные ряды внутренне перемещенных лиц.

В Мосуле исламисты смогли изрядно поживиться, захватив в местных банках почти полмиллиарда долл. и став одной из самых богатых террористических группировок мира. Она к тому же, по некоторым, в том числе и иракским, неоднократно официально гневно опровергавшимся Эр-Риядом и Дохой данным, пользовалась негласной щедрой поддержкой Саудовской Аравии и Катара, опасавшихся усиления у себя под боком ирако-иранского шиитского альянса (Россия 24. 12.06.14; А. А. 21.06.14).

Попутно экстремисты штурмовали турецкое консульство, взяв в заложники консула и с полсотни его сотрудников, охранников и членов их семей.

Через несколько дней такая же участь постигла 60 иностранцев, работавших на стройке в захваченной исламистами северной провинции Салах ад-Дин (Россия I. 18.06.14).

Вслед за центром боевики поставили под свой контроль всю провинцию Найнава с находившимися в ней военной техникой, боеприпасами и снаряжением, в том числе американского производства, часть из которых была тут же переброшена на «сирийский фронт». С помощью бульдозера они снесли пограничные знаки на границе с Сирией, наглядно подкрепляя свою заявку на создание обширного исламского халифата. Его столицей они провозгласили сирийский город Ракку.

В начале июля 2014 г. джихадисты из ИГИЛ, используя вооружения, захваченные у иракской армии, оккупировали крупнейшие нефтяные поля в Сирии, что еще больше упрочило их стратегическое и материальное положение. К тому времени их финансовые ресурсы оценивались в полтора миллиарда долларов, полученных главным образом за счет продажи нефти, прежде всего Турции и Иордании, по бросовым ценам (25 долл. за баррель). Такая торговля, которая со стороны США и Запада, как ни странно, не вызывала никакого противодействия, ежедневно приносила экстремистам до 3 млн долл. чистой прибыли (Советская Россия. 15.07.14; Интерфакс. 28.08.14).

На руку радикалам сыграл и Евросоюз, который еще в апреле 2013 г. внес «послабление» в набор санкций против властей САР и разрешил закупки сирийской нефти у негосударственных трейдеров, содействуя финансовой подкормке экстремистов из ИГИЛ и «Джабгат ан-нусры» (www.mid.ru 13.11.14).

За счет обильных поступлений из нефтяного сектора, а также широко практиковавшихся грабежей банков, магазинов, захвата имущества иноверцев, обмена заложников за выкуп, работорговли, контроля над наркотрафиком ИГИЛ упрочила свое положение богатейшей за всю историю террористической группировки с годовым бюджетом в 2,3 млрд долл. (ttp://www.mgimo.ru/news/experts/document261013.phtm).

Немалые финансовые ресурсы позволяли исламистам активно заниматься под аккомпанемент социальной демагогии расширением своих позиций в широких слоях местного населения, предоставляя разнообразный набор бесплатных услуг в сфере медицины, образования и благотворительности.

Военные и хозяйственные приобретения джихадистов вызвали приток в их ряды свежих сил: если еще в 2013 г. в ИГИЛ насчитывалось не более 4 тыс. суннитов, в основном бывших военнослужащих армии С. Хусейна, то к осени 2014 г. на его стороне воевало уже под 80 тыс. боевиков, из них 50 тыс. — в Ираке, 30 тыс. — в Сирии (The Economist. 14.06.14). Немало внимания радикалы уделяли работе с молодежью, привлекая в тренировочные лагеря и боевые отряды даже подростков 12–13 лет и нередко используя их в качестве «живых щитов» (The Foreign Policy. October 2014). При этом активно обыгрывался коранический постулат о том, что павшие в бою за веру прямиком отправляются в рай.

Исламисты широко использовали наработанный в мире опыт в сфере агитационно-пропагандистской деятельности на основе современных технологий

для привлечения в свои ряды рекрутов из-за рубежа. Их видео и печатные материалы выходили в свет на пяти европейских языках и пользовались в Интернете и социальных сетях немалой популярностью. Во многом в результате такой активности на мировом информационном поле к армии «халифата», по данным западных СМИ, примкнули около 3 тыс. граждан из Европы, США и республик бывшего СССР, в том числе из России (преимущественно из Чечни) (The New York Times. 15.09.14). По крайней мере, 95 % джихадистов, сражавшихся против сирийских правительственных войск, не были гражданами САР (http://www.mgimo.ru/news/experts/document261013.phtm).

«Вновь подтверждаем, — отмечалось в заявлении официального представителя МИД России А. К. Лукашевича, — наше решительное осуждение замыслов террористов укрепиться в Ираке, Сирии и других частях региона. Не вызывает сомнений, что те, кто свыше 10 лет назад вторглись в Ирак и продолжали навязывать свои решения и волю народам региона, во многом содействовали запуску процессов дестабилизации, плоды которых сегодня очевидны практически на всем Ближнем Востоке» (www.mid.ru 12.06.14).

На Западе же продолжали валить вину за активизацию исламистов с «больной головы на здоровую», бездоказательно утверждая, что она произошла из-за «действий властей Сирии», которые в действительности с самого начала конфликта были направлены на обуздание экстремистов.

28 июля 2014 г. Совет Безопасности ООН принял подготовленное по инициативе Российской Федерации Заявление Председателя по проблеме контрабандной нефтеторговли с террористическими организациями в Сирии и Ираке, которая превратилась в один из крупных источников финансовой подпитки экстремистов и радикалов, в том числе таких печально известных, как ИГИЛ и «Джабгат ан-нусра». Совбез ООН направил всем сторонам четкий и ясный сигнал о недопустимости любых подобных сделок с террористами. В заявлении было указано, что против нарушителей этого запрета могли быть задействованы санкционные меры по линии СБ. В документе подтверждались суверенитет и территориальная целостность Сирии и Ирака, что в том числе предполагался и их суверенный контроль над всеми природными ресурсами (www.mid.ru 29.07.14).

Как сообщил журналистам постпред РФ при ООН В. И. Чуркин, «у нас были двусторонние переговоры с Соединенными Штатами. И американская делегация сделала все, что в ее силах, чтобы как можно сильнее смягчить текст. Мы бы предпочли намного более сильное заявление» (ИТАР-ТАСС. 29.07.14).

Освободив из местных тюрем сотни по большей части осужденных за терроризм заключенных, разгромив административные здания и полицейские участки, а также шиитские мечети и христианские храмы, водрузив над Мосулом черные флаги «Аль-Каиды», джихадисты двинулись в сторону стратегически важных центров нефтедобычи в провинции Киркук и на юг, к Багдаду. На своем пути они захватили еще один провинциальный центр — родной город С. Хусейна Тикрит, а также крупнейший нефтеперерабатывающий завод в г. Бейджи, работу которого из-за боевых действий пришлось на время остановить, а иностранных специалистов срочно эвакуировать (А. А. 18.06.14). Город удалось очистить от исламистов лишь к началу ноября 2014 г.

Боевики захватили также центр по производству химоружия, который использовался во времена правления С. Хусейна, а затем получили доступ к радиоактивным материалам (ок. 40 кг соединений урана), хранившимся в научных и учебных целях в университете Мосула (Газета.Ру. 20.06.14; ИТАР-ТАСС. 10.07.14).

В сентябре 2014 г. МИД России призвал Организацию по запрещению химического оружия провести тщательное, беспристрастное и комплексное расследование случаев возможного использования химоружия боевиками в Ираке и Сирии, которые «поднаторели в применении токсичных химикатов в качестве боевых отравляющих веществ», сваливая затем вину на сирийские правительственные войска (Интерфакс; ИТАР-ТАСС. 17.09.14).

Вскоре экстремисты, изуверства которых и казни, в том числе и через распятие, 1700 пленных новобранцев иракской армии, в частности, получили леденящее кровь освещение во всем мире через Интернет, приблизились к Багдаду на расстояние менее чем в 100 км, не встречая по сути дела сопротивления 350-тысячной иракской армии, на обучение и перевооружение которой после своего ухода в 2011 г. американцы затратили 41,6 млрд долл. (The Independent. 20.06.14). Эти немалые средства оказались по большей части разворованными. В результате плохо подготовленные армейские подразделения спасались бегством раньше мирных жителей, бросая боевую технику и вооружения, в том числе полученные от США (EuroNews. 13.06.14).

По данным замгенсека ООН по гуманитарным вопросам В. Амос, к началу июня 2014 г. около 1,2 млн жителей Ирака были вынуждены оставить свои жилища, спасаясь от нашествия исламистов (Интерфакс. 02.06.14).

Расширяя земли своего будущего государства, боевики захватили ряд ключевых КПП на границе с Иорданией, после серии громких терактов в остававшемся политически и конфессионально разбалансированном Ливане, там также стали нарастать опасения активизации исламистов из ИГИЛ (А. А. 28.06.14).

«По нашей оценке, — отмечалось в комментарии Департамента информации и печати МИД России, — противодействие укреплению позиций терроризма и экстремизма в ближневосточном регионе приобретает в настоящее время приоритетное значение. Активное трансграничное перемещение радикалов, в распоряжении которых оказались значительные арсеналы вооружения и денежные средства, создают серьезную угрозу для всех расположенных там государств. Для того чтобы справиться с этим опасным вызовом, необходимы реальные консолидированные шаги по содействию политическому урегулированию острых кризисов и конфликтов, прежде всего, в Сирии. Убеждены, что нельзя остановить террористов, прямо или косвенно поощряя нестабильность и вооруженную конфронтацию, внутренние противоречия и расколы в ущерб диалогу и нормализации» (www.mid.ru 25.06.14).

Руководство ИГИЛ в первый день священного для всех мусульман месяца рамадан (29 июня 2014 г.) демонстративно объявило о восстановлении исчезнувшего век назад халифата и о своем переименовании в «Исламское государство», намеренно опустив всякую географическую привязку к местности. «Халифом всех мусульман» был объявлен глава ИГИЛ, иракец А. Б. аль-Багдади, которого стали величать халиф Ибрагим. В западных СМИ его тут же нарекли новым Бен Ладеном.

Появление на политической арене Ирака этого деятеля, в прошлом преподавателя шариата, было вызвано оккупацией страны западной коалицией в 2003 г. Пройдя боевую школу Афганистана, аль-Багдади (настоящее имя Ибрагим Аввад Ибрагим Али аль-Бадри ас-Самарраи) влился в ряды сопротивления и скоро выдвинулся в нем на руководящие позиции. В 2004 г. он был арестован американцами и некоторое время отсидел в тюрьме «Кэмп Бука» в Ираке. Затем вдруг, несмотря на тяжкие обвинения в террористической деятельности, при загадочных обстоятельствах был отпущен. Как поведал бывший сотрудник Агентства национальной безопасности США Э. Сноуден, он был завербован ЦРУ, как и боевики «Аль-Каиды» А. Х. Бельхадж и шейх Х. Шариф, сыгравшие видную роль в свержении М. Каддафи в Ливии. Наряду с ЦРУ новоявленный «халиф» также сотрудничал с британской и израильской разведками (http://www.mgimo.ru/news/experts/document261013.phtm).

С того времени американцы неоднократно объявляли о его ликвидации, однако эти сообщения оказывались «несколько преувеличенными» (Le Monde. 30.06.14). В мае 2013 г., к примеру, с ним и другими «лидерами» антиасадовского фронта вблизи сирийского г. Идлиб, незаконно перейдя турецкую границу, встречался и фотографировался одиозный американский «ястреб» — сенатор Дж. Маккейн (http://ru.journal-neo.org/2014/10/20/rus-kto-stoit-za-islamskim-gosudarstvom-kuda-dvizhetsya-konflikt-na-blizhnem-vostoke/).

Вступив на высокий пост, «халиф» тут же призвал всех мусульман мира к джихаду (Газета.Ру. 01.07.14). Этот во многом пропагандистский шаг руководства ИГИЛ не встретил понимания многих сирийских исламистских группировок, в том числе и «Джабгат ан-нусра». «Мы считаем, — говорилось в распространенном ими в Интернете заявлении, — что провозглашение халифата является пустым и бесполезным, юридически и логически» (Интерфакс. 01.07.14).

Не поддержал нового «халифа» и глава Всемирного союза мусульманских богословов шейх Ю. аль-Кардауи, заявив, что «исламский халифат не может быть установлен при помощи силы. Оккупация страны и убийство половины ее населения не есть провозглашение исламского государства. Это — терроризм» [Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (30 июня — 6 июля 2014 года) // www.iimes.ru].

Вскоре население занятых исламистами районов на собственном горьком опыте почувствовало все «прелести» их правления. Жители Мосула, к примеру, из расклеенных по всему городу плакатов узнали, что должны предоставлять своих незамужних дочерей бойцам ИГ для ««джигад ан-никах» — «сексуального джихада». Всем ослушавшимся этого указания грозило наказание по всей строгости законов шариата (Focus. 10.07.14). Страждавшие плотских утех боевики нередко наведывались в дома мирных жителей в поисках вожделенной добычи. Не забыли исламисты и одиноких женщин, которые могли зарегистрировать свой брак с активистами ИГ в специально открытом для этого бюро на севере Сирии (The Arab News. 29.07.14). Стремясь закрепиться в захваченных районах, джихадисты установили выплату молодоженам в 1200 долл. и гарантировали им предоставление полностью меблированного жилья (А. А. 29.08.14).

Во второй половине июля исламисты выдвинули ультиматум: все христиане Мосула должны были либо принять ислам, либо платить специальный налог на немусульман, либо покинуть город, что тысячи из них и сделали, перебравшись в соседнюю Курдскую автономию. Террористы захватили также монастырь Мар-Бенем близ Мосула, потребовав от его служителей оставить святыню [Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (14–20 июля 2014 года) // www.iimes.ru;www.mid.ru 22.07.14]. Попутно они взорвали историческую мечеть Пророка Ионы вместе с его усыпальницей (The Arab News. 25.07.14). После исхода христиан из Мосула исламисты принялись за курдов, исконно проживавших в этом городе.

Вскоре пришла очередь и других конфессиональных меньшинств: после глубокого продвижения на север Ирака и к границам с Турцией джихадисты потребовали под страхом смерти от живших там с доисламских времен курдов-езидов (около 40 тыс. приверженцев) принять ислам или платить налог на немусульман. Отказывавшихся, в том числе и молодых людей, массово (около 500 чел.) и показательно казнили, в том числе закапывая заживо, 300 женщин были проданы в рабство (Die Welt. 04.08.14). Несколько десятков тысяч езидов были вынуждены бежать в горы, где оказались в критическом положении без воды и продовольствия. Продолжались репрессии и против других религиозных меньшинств: христиан, туркоман и др. Около 1000 семей беженцев приняла разоренная войной Сирия, которую исламисты из ИГ и других группировок также не оставляли в покое, пытаясь выйти через ее территорию в районе Алеппо к границе с Турцией (Le Monde. 12.08.14).

Одновременно джихадисты приблизились к столице Иракского Курдистана — до того относительно спокойному г. Эрбилю, где обосновались многие американские и европейские нефтяные компании, которым пришлось срочно эвакуировать свой персонал (А. А. 08.08.14).

Натиск джихадистов разворачивался под аккомпанемент взрывов террористов-смертников, один из них подорвал себя 14 июня на одной из центральных и оживленных улиц в Багдаде, унеся жизни девяти человек и ранив более 20 мирных граждан (Reuters. 15.06.14). Только в июне 2014 г., по данным ООН, от злодеяний экстремистов в Ираке (не считая жертв в провинции Анбар) погибли более 2400 человек (из них около 1500 гражданских лиц) и 2200 получили ранения (Le Monde. 01.07.14). Нескончаемая череда терактов продолжалась и в следующем месяце: 7 июля в Багдаде в очередной раз камикадзе подорвал заминированный автомобиль, в результате 7 человек погибли и 17 получили ранения (РИАН. 07.07.14). Через пять дней исламисты штурмом взяли и разгромили подпольные публичные притоны в Багдаде, лишив жизни 29 их обитательниц и 4 клиентов, оставив на двери угрожающую надпись — «такая судьба ждет всех потаскух». В конце второй декады июля в Багдаде взорвалось сразу несколько заминированных автомобилей, в итоге 12 человек погибли и около 40 получили ранения; через несколько дней новый взрыв в столице унес жизни, по меньшей мере, 23 человек и ранил более 40 (РИАН. 19.07.14; Regnum. 23.07.14).

«Бесчинства исламских радикалов, — отмечалось в комментарии Департамента информации и печати МИД России в связи с нарастанием насилия в Ираке, — заслуживают самого решительного осуждения. Происходящее в

Ираке в очередной раз подтверждает, что терроризм является абсолютным злом, для борьбы с которым должны предприниматься скоординированные усилия всех ответственных представителей мирового сообщества, с исключением каких бы то ни было двойных стандартов.

Поддерживаем действия иракских властей по бескомпромиссной борьбе с террористами. Призываем все иракские политические силы прийти к договоренностям в духе национального консенсуса, что позволит дать эффективный отпор любым проявлениям экстремизма и терроризма в Ираке» (www.mid.ru 08.08.14).

Свергнутый исламистами губернатор провинции Найнава, младший брат политического оппонента Н. аль-Малики, спикера парламента У. ан-Нуджейфи, чудом избежавший пленения и гибели и сбежавший в г. Эрбиль, тут же обвинил в сдаче своей провинции центральные власти во главе с «шиитским диктатором» Н. аль-Малики. Новым губернатором Найнавы джихадисты назначили бывшего офицера из командного состава армии С. Хусейна, поспешно и неосмотрительно распущенной американцами после оккупации Ирака в 2003 г.

«Активизация экстремистов в Ираке, — отмечалось в комментарии Департамента информации и печати МИД России, — а также их подрывная деятельность в Сирии, осуществляемая при масштабной внешней финансовой и материальной подпитке, чреваты появлением в сирийско-иракском приграничье масштабного очага терроризма, который может угрожать не только Сирии и Ираку, но также всем странам региона и международному сообществу в целом. В Москве солидарны с действиями Багдада по решительному отпору исламистам и нацелены на дальнейшее оказание практической поддержки иракским властям в их бескомпромиссной борьбе с терроризмом. По-прежнему убеждены, что прочной преградой на пути экстремистов будет достижение иракского национального согласия, консолидация усилий по решению назревших проблем посредством широкого диалога и выработки консенсусных договоренностей между всеми участниками внутрииракского политического процесса» (www.mid.ru 17.06.14).

Однако такого согласия в условиях раздиравшегося внутренними этноконфессиональными противоречиями и соперничеством Ирака достичь было непросто. Об этом свидетельствовало и первое заседание нового парламента, состоявшееся 1 июля 2014 г. Принеся присягу, парламентарии так и не смогли избрать президента, премьер-министра и своего спикера и после двух часов острых словесных баталий и перепалок разошлись. Новый спикер был избран лишь 15 июля, им стал умеренный суннит С. аль-Джабури, а 24 июля президентом Ирака стал умеренный курдский деятель Ф. Маасум (ИТАР-ТАСС. 24.07.14). Его противники тут же заявили о его нелегитимности как лица, имевшего двойное гражданство — иракское и британское, что для руководящих деятелей запрещалось конституцией страны [Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (21–27 июля 2014 года) // www.iimes.ru].

Экстремисты «приветствовали» нового президента подрывом двух заминированных автомобилей в самом центре Багдада близ закусочных, где благоверные готовились разговеться после захода солнца в священный месяц мусульманского поста — рамадан. 20 из них навсегда лишились возможности исполнять религиозные предписания, 33 других были ранены (The Arab News. 25.07.14).

После избрания президента, исполнявшего во многом протокольные функции, парламентариям предстояло самое трудное — определиться с кандидатурой премьер-министра, основного действующего лица в государственной системе. Главным камнем преткновения на пути принятия такого судьбоносного решения стало горячее желание Н. аль-Малики пойти на третий срок премьерства.

Оказавшись в сложном положении, Н. аль-Малики обвинил военное командование, а также своих политических оппонентов из суннитского и курдского лагерей в антигосударственном «заговоре», отдал часть военачальников под суд, обратился к парламенту с просьбой о срочном введении в стране чрезвычайного положения и обещал вооружить добровольцев для помощи армии в борьбе с экстремистами (Le Monde. 11.06.14). Расколотый по конфессиональному признаку парламент эту инициативу премьера не поддержал, оппозиционные депутаты из числа суннитов и курдов просто не явились на заседание, опасаясь усиления диктаторских замашек Н. аль-Малики. Министр иностранных дел Ирака курд Х. Зебари сравнил сложившуюся в стране ситуацию с той, которая создалась после падения режима С. Хусейна (А. А. 13.06.14).

Вместе с тем содержавшийся в фетве духовного лидера иракских шиитов великого аятоллы А. ас-Систани призыв к защите отечества от террористов нашел среди населения южных шиитских районов широкий отклик. Число вставших под ружье ополченцев — шиитов в первые же дни превысило 80 тыс. человек. Этот порыв был поддержан и радикальным шиитским аятоллой М. ас-Садром, за которым стояла целая армия Махди [Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (9–15 июня 2014 года) // www.iimes.ru].

В политических кругах Ирака в фетве ведущего шиитского богослова усмотрели опасность нарушения хрупкого религиозного равновесия, которое и так с большим трудом удавалось поддерживать в кризисных условиях многоконфессиональной страны.

Эти опасения по ходу боевых действий против ИГ к осени 2014 г. стали оправдываться: военному командованию нередко приходилось распускать и отправлять по домам шиитские добровольческие формирования, участники которых вместо сражений с исламистами на передовой предпочитали «шалить» в тылу, громя жилища и растаскивая имущество мирных суннитов (Die Frankfurter Allgemeine Zeitung. 14.11.14).

На сторону своих единоверцев в Багдаде тут же встал Иран, президент которого Х. Рухани заявил, что «великий иранский народ сделает все ради защиты святых для шиитов мест в Ираке» (La Stampa. 20.06.14).

При этом иранское руководство не исключило гипотетическую возможность сотрудничества даже со своими архиврагами — американцами в отражении натиска экстремистов (А. А. 15.06.14). «На полях» переговоров по ядерной программе Ирана в Вене между сторонами прошли краткие обсуждения этого вопроса, которые не дали результата (А. А. 18.06.14). С ведома американцев по мере развития наступления исламистов на Багдад в нем «для консультаций» побывал командир одного из соединений элитных иранских войск — «Аль-Кудс» (Иерусалим) генерал К. Сулеймани (А. А. 18.06.14). В начале июля в СМИ появились сообщения о направле-

нии в Ирак трех штурмовиков СУ-25, переданных Ирану на хранение еще в ходе войны «Буря в пустыне» 1991 г. По сведениям главы объединенного комитета начальников штабов (генштаба) ВС США генерала М. Демпси, Тегеран предоставил также Багдаду несколько беспилотников (The Arab News. 05.07.14).

Чтобы не допустить доминирования Ирана в противодействии суннитским экстремистам и снять подозрения в их поддержке, король Саудовской Аравии под аплодисменты Вашингтона отдал распоряжение о выделении в помощь Ираку полумиллиарда долларов и направлении на границу с ним (протяженностью в 814 км) 30 тыс. военнослужащих после сообщений о том, что иракские пограничники покинули свои позиции (ИТАР-ТАСС. 03.07.14).

Н. аль-Малики попытался было привлечь к защите от террористов своих американских патронов с их беспилотниками и блок НАТО, однако получил в ответ лишь общие обещания поддержки, призывы к национальному единению и пожелания иракцам справляться с проблемой самостоятельно. Б. Обама не горел желанием вновь погружаться в иракскую трясину и не видел в Багдаде надежных партнеров. На всякий случай часть сотрудников американского посольства — крупнейшего в мире (в его штате числилось 5500 служащих) и ряда компаний были спешно эвакуированы (Le Monde. 17.06.14). Их примеру последовали дипломаты из Австралии, а также сотрудники ООН (РИАН. 16.06.14). Экс-госсекретарь США Х. Клинтон нехотя признала в те критические дни, что опрометчивое вторжение в Ирак в 2003 г. «было ошибкой» (Россия I.13.06.14). Уклонились под разными предлогами от вмешательства в иракские дела и страны НАТО.

Тем временем курдские военизированные подразделения под громким названием «пешмерга» (идущие на смерть) воспользовались бегством правительственных войск, чтобы занять спорную провинцию Киркук с ее богатейшими нефтяными месторождениями, расширив территорию автономии почти на 40 % (А. А. 13.06.14). М. Барзани объявил о подготовке в течение ближайших месяцев референдума о полной независимости Курдистана, коли «Ирак итак фактически развалился» (А. А. 02.07.14) Израиль тут же призвал мировое сообщество поддержать независимость курдов, дабы записать их в свои союзники и несколько ослабить международный нажим на Тель-Авив по зависшим по его вине проблемам БВУ (Интерфакс. 30.06.14). Курдское руководство от сомнительного и чреватого многими региональными опасностями альянса с израильтянами поспешило уклониться (The Arab News. 05.07.14).

Реакция Багдада и Вашингтона на замыслы курдских лидеров была весьма негативной. Н. аль-Малики прямо обвинил Эрбиль в пособничестве исламским экстремистам, в том числе и каидовцам. В ответ руководители автономии назвали его «истериком», которому не место у власти, и во главе с министром иностранных дел Х. Зибари стали бойкотировать работу центрального правительства (EuroNews. 09.07.14; The Arab News. 10.07.14).

Напряженным оставалось положение и в суннитской мятежной провинции Анбар с захваченными боевиками ИГ Рамади и Аль-Фалуджей. Ирак оказался на грани распада на три части: шиитскую, суннитскую и курдскую.

Опасаясь мести шиитов, суннитские соплеменники казненного С. Хусейна загодя тайно перезахоронили его останки, уберегая их от возможного глумления (The Arab News. 07.08.14). Такие опасение оказались совсем не

безосновательными: шиитские боевики осквернили и сожгли мавзолей бывшего президента Ирака (Интерфакс. 06.08.14).

Сбывались самые худшие предвидения Москвы: терроризм на Ближнем Востоке, благодаря потворству Запада и его партнеров, все больше приобретал трансграничный характер, подрывая региональную стабильность, и борьба с ним заметно осложнялась.

После долгих размышлений и консультаций со своими сподвижниками Б. Обама принял решение направить в Персидский залив авианосец с много напоминающим названием «Джордж Буш» с ракетным крейсером, эсминцем и десантным кораблем в придачу «для получения большей гибкости при защите американских граждан и интересов США в Ираке» (А. А. 15.06.14). Позднее в Вашингтоне было принято решение командировать в страну три сотни военных советников, а для обеспечения безопасности американского посольства — около 300 спецназовцев. По мере ухудшения обстановки в Ираке их число было увеличено на 200 бойцов (ИТАР-ТАСС. 17.06.14; Le Monde. 01.07.14). Беспилотники же и самолеты с авианосца использовались американцами в разведывательных и наблюдательных целях лишь для защиты своих дипломатов и военнослужащих и только в столичном регионе (Le Monde. 28.06.14).

Б. Обама призвал иракских руководителей преодолеть внутренний раскол и добиться национального единства для повышения эффективности американского содействия в борьбе с исламистами (Интерфакс. 16.06.14; РИАН. 21.06.14). Он пообещал, что в Вашингтоне при необходимости рассмотрят возможность нанесения не массированных, как просил Багдад, а «точечных ударов» по наземным целям, но нового американского военного вмешательства во внутренние иракские дела не будет (The Arab News. 21.06.14).

Глава генштаба ВС США, генерал М. Демпси был по-военному более прямолинеен, заявив, что распоясавшиеся в Ираке джихадисты угрозу национальным интересам США не представляли, поэтому прямого вмешательства американцев в развитие ситуации там не будет. По его словам, Соединенные Штаты к тому времени пока не сделали окончательных выводов по поводу способностей руководства Ирака управлять государством. Американцам было якобы «непонятно, является ли еще багдадское правительство силой, которая представляет весь Ирак, как неизвестно и то, удастся ли ему удержать власть». Только после прояснения данных вопросов в Вашингтоне, по мнению военачальника, могли принять решение об оказании той помощи, «которую можем оказать». Командование ВС США полагало, что власти Ирака не могли без посторонней помощи восстановить контроль над территориями, захваченными боевиками. Генерал отметил, что правительственные силы были в состоянии оборонять Багдад, но не имели «логистических возможностей для перехода в наступление». Он тоже обусловил американскую помощь Багдаду формированием «правительства национального единства» [А. А.; The Arab News. 05.07.14; Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (30 июня — 6 июля 2014 года) // www.iimes.ru].

Для проведения соответствующей разъяснительной работы с иракскими руководителями в Ирак дважды наведывался Дж. Керри, а также тог-

дашний глава МИД Великобритании У. Хейг (Le Monde. 23.06.14). Они вели переговоры как в Багдаде, так и в Эрбиле. Их призывы «преодолеть внутренние разногласия и сплотиться, чтобы сообща противостоять угрозе терроризма» Н. аль-Малики и М. Барзани встретили без энтузиазма [Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (23–29 июня 2014 года) // www.iimes.ru].

Против любого иностранного вмешательства в иракские дела решительно выступил Тегеран, заявив, что иракский народ в силах самостоятельно справиться с возникшими трудностями (РИАН. 15.06.14). «То, что произошло в Ираке, — заявил посетивший в то время Москву замминистра иностранных дел Ирана Х. А. Абдоллахийан, — результат внешнего вмешательства, а также проект внешнего планирования Соединенных Штатов. Американцы хотят создать новую Украину» (Интерфакс. 01.07.14). Американо-иранского сотрудничества в Ираке, как и следовало ожидать, не получилось.

Российский МИД высказал предостережение относительно нанесения военных ударов по иракской территории без санкции СБ ООН, что грозило бы повторением трагедии в этой стране десятилетней давности (www.mid.ru 19.06.14).

Призыв Б. Обамы к национальному единству в Ираке был услышан каждой из конфликтовавших группировок по-своему: между ними разгорелись ожесточенные споры вокруг поиска виновных в сдаче Мосула и борьба за изыскание путей к такому единству, которое отвечало бы прежде всего их собственным политическим интересам.

В такой обстановке Дж. Керри не нашел ничего лучшего, как обратиться к одному из лидеров «умеренной» сирийской оппозиции А. аль-Джарбе с просьбой подключиться к сдерживанию наступления исламистов в Ираке, явно переоценивая его устремления и возможности. Тот в ответ, как и можно было предполагать, затянул старую песню о необходимости более широкой американской помощи «сирийским революционерам» (Le Monde. 27.06.14). Американская политика в регионе вновь продемонстрировала всю свою непоследовательность: разнообразно помогая исламистам в Сирии, США одновременно противились им в Ираке. В начале июля в печати появились сообщения о рассмотрении в Вашингтоне возможности сотрудничества с официальным Дамаском в борьбе с экстремистами ИГ (ИТАР-ТАСС. 03.07.14).

«Последние события в Ираке, — отметил С. В. Лавров, — показали, сколь опасно делить террористов на хороших и плохих, и показали, что попустительство экстремистам в расчете на достижение каких-то конъюнктурных результатов в конечном итоге оборачивается против интересов тех, кто такую линию проводит» (ИТАР-ТАСС. 03.07.14).

Содействие Багдаду в борьбе с джихадистами не на словах, а на деле пришло с другой стороны: чувствительные удары по их позициям на территории Ирака нанесла военная авиация Сирии, как она сделала позднее и в Ливане, куда вторглись боевики «Джабгат ан-нусра» (А. А. 28.06.14). Тогда же в Ирак поступила первая партия из закупленных в России штурмовиков Су-25 и ударных вертолетов, за которой последовали вторая и третья. В сентябре была доставлена вторая партия вертолетов Ми-28. Местные пилоты для них из числа суннитов были подготовлены еще во времена СССР,

но разогнаны американцами, что толкнуло многих в ряды боевиков (ИТАР-ТАСС. 29.06.14). Для оказания помощи иракцам в освоении, но не боевом использовании прибывшей техники в Багдад были направлены российские специалисты (Интерфакс. 30.06.14). К началу октября 2014 г. Россия поставила Ираку первую партию новых систем ПВО, включая ракетно-зенитные комплексы «Панцирь-С1», переносные ПЗРК «Игла-С» и опорно-пусковые установки «Джигит» (Российская газета. 02.10.14).

«Поддерживаем Правительство и политические силы Ирака, — подчеркивалось в комментарии Департамента информации и печати МИД России, — в их противодействии боевикам всеми имеющимися средствами. При этом по-прежнему убеждены — надежным заслоном на пути экстремистов будет достижение национального согласия, консолидация усилий по решению назревших проблем посредством широкого диалога и выработки консенсусных договоренностей между всеми участниками внутрииракского политического процесса» (www.mid.ru 11.06.14).

Прибытие российских боевых самолетов вынудило Вашингтон объявить об «отсутствии возражений» против поставок российской авиатехники (сказывались рудименты прежнего оккупационного мышления) и опровергнуть заявление премьера Н. аль-Малики о том, что США якобы умышленно задерживали отправку Ираку своих 18 истребителей F-16 из опасений их передачи Ирану (РИАН. 28.06.14). В то же время США недальновидно и политически заангажированно выступили против участия Сирии в подавлении экстремистов в Ираке (Интерфакс. 27.06.14).

Глубинные причины и предпосылки резкого обострения внутриполитической ситуации в Ираке раскрыл С. В. Лавров, отвечая на вопросы представителей российских СМИ. «Нас очень тревожит, — заявил он журналистам, — то, что происходит в Ираке. Мы давно предупреждали, что авантюра, которую затеяли англичане и американцы, добром не кончится. Одиннадцать лет назад президент США объявил о “победе демократии” в Ираке, и с тех пор ситуация деградировала в геометрической прогрессии. Единство Ирака поставлено под вопрос.

Разгул терроризма в этой стране происходит, прежде всего, потому что оккупационные войска не уделяли внутриполитическому процессу практически никакого внимания, не способствовали национальному диалогу, занимались исключительно своими собственными интересами. По внутриполитическим соображениям Соединенных Штатов вывод войск состоялся, когда иракские силы безопасности были далеко не готовы к обеспечению закона и порядка на всей территории страны. На протяжении всех этих лет мы последовательно предупреждали о безответственности подобной политики и, к сожалению, сейчас не можем радоваться тому, что эти прогнозы оправдываются. Мы солидарны с иракским руководством и народом, который должен установить мир и безопасность в своей стране» (www.mid.ru 12.06.14).

Высказывая позицию России, С. В. Лавров отметил, что иракскую проблему надо было решать «всем миром» и при непременном участии соседей этой страны. Действуя в этом направлении, к концу июля 2014 г. Москва предложила провести международный форум по Ираку с учетом роста террористической угрозы в этой стране и в регионе в целом (www.mid.ru 21.07.14).

Опасность развития событий признавали и в ООН: 30 июля СБ единогласно продлил на очередной год срок полномочий Миссии Объединенных

Наций по оказанию содействия Ираку, исходя из того, что в стране сложилась экстремальная обстановка после того, как исламисты взяли под контроль треть ее территории (Интерфакс. 30.07.14). Ирак, по меткому определению С. В. Лаврова, буквально «трещал по швам» (www.mid.ru 04.08.14).

В начале августа 2014 г. ситуация еще более осложнилась после захвата джихадистами, сломившими сопротивление отрядов «пешмерга», 17 городов на севере Ирака и крупнейшей в стране плотины близ Мосула, что позволяло им контролировать и выгодно сбывать значительные энергетические и водные ресурсы. Затем они глубоко продвинулись на север, к границе с Турцией для дальнейшего приращения территории «халифата». Тысячи людей были вынуждены бежать под их натиском куда глаза глядят, пополняя и без того многочисленные ряды беженцев, нуждавшихся в срочной гуманитарной помощи (Die Welt. 04.08.14). На фоне дальнейшей экспансии исламистов ООН объявила о высшем третьем уровне гуманитарного кризиса в Ираке, где общее число беженцев превысило 1,3 млн человек (EuroNews. 15.08.14).

Все эти тревожные события разворачивались на фоне нескончаемой череды терактов в Багдаде и других городах Ирака, уносивших десятки жизней.

Ухудшение положения в Ираке, разрастание территории «халифата», неспособность руководства страны дать отпор натиску исламистов, неукротимое превращение ИГ в региональную деструктивную силу побудили Б. Обаму в первой декаде августа санкционировать впервые со времен оккупации Ирака точечные удары с воздуха по позициям экстремистов «для защиты американского персонала» и доставку гуманитарной помощи «ради спасения тысяч мирных иракцев, которые находятся в ловушке в горах без еды и воды» под угрозой геноцида (РИАН. 08.08.14). Памятуя недавний тяжкий опыт, президент в телеобращении к нации тут же поспешил успокоить сограждан, заявив, что он как главнокомандующий не позволит, «чтобы США были втянуты в другую войну в Ираке. Хотя мы и поддерживаем иракцев в их борьбе с террористами, американские боевые части не вернутся воевать в Ирак», — заверил он (Интерфакс. 08.08.14).

Первый удар американская авиация и беспилотники нанесли уже 8 августа по позициям, с которых артиллерия боевиков обстреливала отряды «пешмерга», защищавших г. Эрбиль, где находилось консульство США и немало американских специалистов. Позднее туда было направлено дополнительно 130 военных советников (EuroNews. 13.08.14). К середине августа на гору Синджар, куда, по одной из версий, причалил Ноев ковчег, высадилась группа из 20 морпехов для подготовки эвакуации укрывшихся на ней многих тысяч езидов и христиан (Россия I. 14.08.14). К тому времени диапазон целей американских ВВС на севере Ирака расширился, в него вошли и позиции исламистов близ Мосульской плотины (Интерфакс. 18.08.14). Благодаря помощи с воздуха силы «пешмерга» восстановили контроль над этим важным объектом.

Одновременно бедствовавшим в горах десяткам тысяч изгнанников с иракских и американских самолетов начали сбрасывать продукты питания и воду (РИАН. 08.08.14). Аналогичную гуманитарную помощь беженцам стали оказывать Франция, Великобритания и Австралия, а позднее и Гер-

мания. В итоге блокада горы была прорвана и потребность в эвакуации с иностранной помощью укрывшихся на ней отпала.

Многие в США высказывали сомнения в целесообразности и эффективности нового вмешательства в иракские дела на фоне продолжавшегося в Багдаде внутриполитического разлада. Великий муфтий А. ас-Систани в первой декаде августа выступил за уход Н. аль-Малики с премьерского поста для достижения межконфессионального согласия и консолидации иракского общества и государства перед натиском экстремистов. Однако даже этот весьма авторитетный призыв верховного духовного лидера шиитов Ирака сторонниками Н. аль-Малики услышан не был (А. А. 08.08.14). Сам премьер, которого официально никак не назначали на третий срок, подал на президента в суд, обвинив его в нарушении конституции. Вердикт суда оказался в пользу премьера. На центральных перекрестках Багдада появились танки спецвойск, в свое время сформированных Н. аль-Малики (РИАН. 11.08.14).

Дж. Керри пришлось подтвердить «полную поддержку США Ф. Маасуму» и вновь призвать иракцев к «спокойствию и консолидации рядов». Он также выразил надежду, что «Н. аль-Малики перестанет мутить воду» (The Arab News. 11.08.14). Назначение 11 августа премьер-министром Ирака близкого соратника и однопартийца Н. аль-Малики, вице-спикера парламента Х. аль-Абади СБ ООН, США, ЕС и НАТО сочли вполне конституционным и призвали его «как можно скорее сформировать инклюзивное правительство», на что по конституции было отпущено 30 дней (Интерфакс. 12.08.14). Кандидатура нового премьера Ирака получила одобрение руководства курдской автономии, в арабских странах и ЛАГ. Тегеран также не возражал, что и побудило Н. аль-Малики 14 августа объявить о своей отставке и отозвать судебный иск (EuroNews. 15.08.14). Позднее ему достался «утешительный» и во многом формальный пост вице-президента страны, которым он не удовлетворился и в середине октября 2014 г., когда боевики ИГ приближались к предместьям Багдада, предпочел вместе со 140 верными офицерами скрыться в неизвестном направлении (EuroNews. 09.09.14; http://ru.journal-neo.org/2014/10/20/rus-kto-stoit-za-islamskim-gosudarstvom-kuda-dvizhetsya-konflikt-na-blizhnem-vostoke/).

«В Москве, — отмечалось в комментарии Департамента информации и печати МИД России, — поддерживают идущий в конституционном русле иракский политический процесс. Рассчитываем, что все ответственные политические силы будут действовать в духе коллегиальности, уважать государственный суверенитет и руководствоваться интересами достижения стратегических целей национального развития.

Убеждены, что перед лицом общей угрозы иракцы способны консолидироваться и подойти к решению всех имеющихся противоречий исключительно мирным путем в рамках инклюзивного национального диалога с участием всех этноконфессиональных групп страны.

Со своей стороны Россия продолжит оказывать содействие дружественному Ираку в целях эффективного отпора террористической угрозе» (www.mid.ru 14.08.14).

Экстремисты отреагировали на эти важные подвижки в Багдаде в своем традиционном духе: у пропускного пункта близ дома Х. аль-Абади смертник взорвал начиненный взрывчаткой автомобиль, порешив сразу несколько человек из случайных прохожих (EuroNews. 13.08.14).

Новый осложняющий элемент в обстановку внесли американцы, когда в «полной координации с центральными властями» приступили к оказанию помощи «пешмерга» вооружениями и боеприпасами. Позднее еще семь стран — Албания, Канада, Хорватия, Дания, Италия, Франция и Великобритания — объявили о намерении поставлять, по согласованию с Багдадом, оружие и военную технику курдским региональным властям (РИАН. 15.08.14; ИТАР-ТАСС. 27.08.14).

В иракской столице иностранная военная помощь «региональным силам» не всеми была воспринята с пониманием, а многими — с настороженностью. Командование сухопутных войск Ирака предупредило западников о недопустимости «односторонних действий в этой сфере, нарушающих государственный суверенитет» (Die Frankfurter Allgemeine Zeitung. 18.08.14). Позднее премьер Х. аль-Абади заявил, что власти Ирака не допустят существования на территории страны каких-либо вооруженных группировок, неподконтрольных Багдаду, и свободного перемещения оружия (Интерфакс. 25.08.14).

Эти события разворачивались на прежнем мрачном фоне сохранявшейся внутриполитической нестабильности и межконфессиональных распрей. В третьей декаде августа в провинции Дияла шиитские ополченцы, ворвавшись в мечеть, расстреляли из автоматов молившихся там 70 суннитов и ранили еще 20. В отместку смертник на автомобиле влетел в штаб-квартиру разведслужб в Багдаде, убив, по меньшей мере, 8 человек (The Arab News. 22.08.14). Накануне такой же «смельчак» на набитом доверху взрывчаткой военном внедорожнике врезался в толпу военнослужащих и шиитских ополченцев близ г. Тикрит, ликвидировав 9 человек (The Arab News. 23.08.14). В конце августа в результате серии терактов, проведенных боевиками ИГ в Багдаде и других городах Ирака, погибло 43 человека и десятки получили ранения. От одного лишь самоподрыва смертника возле одной из шиитских мечетей (хусейний) Багдада жизни лишились 15 верующих и 32 были ранены (Интерфакс. 25.08.14). В последующий период волна зверских терактов в Ираке на религиозной почве не спадала: только за два дня 19–20 октября 2014 г. в результате подрыва автомобилей террористами-смертниками из ИГ близ хусейний в Багдаде погибло три десятка выходивших после молитвы верующих и более полусотни были ранены (Le Monde. 20.10.14). Такие кровавые выходки весьма напоминали ожесточенные межконфессиональные столкновения, пик которых приходился на 2006–2007 гг., и не помогали формированию правительства национального единства, способного дать отпор натиску исламистов.

Сами же исламисты из ИГ пригрозили «потопить США в крови» и выложили в Интернете жуткую запись казни через отрезание головы американского журналиста Дж. Фоули, захваченного в Сирии еще два года назад (Первый канал. 20.08.14). Через несколько дней они задержали близ Алеппо еще четверых иностранцев: двух итальянок, датчанина и японца. Всего к концу августа у них в плену находилось 20 иностранцев (Первый канал. 22.08.14).

По заявлению официального представителя Б. Асада Б. аш-Шаабан, Дж. Фоули был убит еще в 2013 г. Вначале журналиста задержали боевики из покровительствуемой США «Свободной сирийской армии», которые

вскоре передали неудобного пленника на растерзание «Исламскому государству» (Звезда; РИАН. 26.08.14). Боевики придерживали видео расправы с ним до подходящего момента, чтобы выложить его в Интернет, и дождались. Оно вызвало на Западе настоящий шок.

В своем обращении прервавший летний отпуск Б. Обама назвал ИГ «раковой опухолью» и пообещал совместными усилиями не допустить ее разрастания. Об истинных причинах ее появления и о двойственных подходах американского руководства к ней в Сирии (там они считались оппозиционерами) и Ираке (где они вдруг стали отъявленными террористами) в выступлении не было сказано ни слова (Le Monde. 20.08.14).

Глава Пентагона Ч. Хейгл, развивая мысль своего шефа, объявил ИГ «самой опасной угрозой для США, главной террористической группой, поопаснее самой "Аль-Каиды" , но затем совсем нелогично заключил, что бороться с ней надо, свергая режим Б. Асада» (Le Monde. 22.08.14). «Они, — по его тревожной оценке, — не просто террористическая группировка. Они фанатично привержены конкретной идеологии, они разбираются в стратегии, они ловки в тактике, их чрезвычайно хорошо финансируют. Так что мы еще ничего подобного не видели» (Интерфакс; РИАН. 22.08.14).

В Москве убийство американского журналиста было воспринято резко отрицательно как дикость и варварство. «Мы видим, — заявил председатель Государственной Думы РФ С. Е. Нарышкин, — что ощущение безнаказанности в мире прогрессирует, как заразная болезнь, а в результате падает цена человеческого права на жизнь, я уже не говорю о других правах и свободах. При этом реакция части западных политиков на очевидные, казалось бы, преступления носят такой избирательный характер — здесь вижу, а здесь не вижу» (Россия I. 21.08.14).

Вскоре трагическая новость о казни журналиста стала обрастать весьма познавательными подробностями. Как оказалось, американский спецназ из группы «Дельта» летом 2014 г. в ходе секретной операции на сирийской территории при поддержке с воздуха истребителями и беспилотниками пытался освободить иностранных заложников, захваченных ИГ в САР. Но, как и в Иране в 1979 г., потерпел неудачу, так как на месте пленников не оказалось (а куда смотрела разведка?). Исламисты после начала американских ударов по своим позициям в Ираке предлагали США и семье Дж. Фоули освободить его за многомиллионный выкуп (бизнес есть бизнес), но получили отказ. В письме родным погибшего за неделю до его гибели экстремисты сообщили, что «не остановятся, пока не утолят жажду американской крови». Перед тем, как перерезать горло стоявшему перед видеокамерой на коленях Дж. Фоули, его палач провел перед ней другого американского заложника — С. Сотлоффа и объявил, что его ждала та же участь, если США не прекратят удары по позициям ИГ.

Палач, судя по говору «кокни», был жителем Лондона, а стражники, надзиравшие за заложниками, оказались англичанами, поэтому их исламистские дружки стали называть «битлами». По информации британской «The Sun», речь шла о принявшем ислам молодом британце, который с группой радикальных исламистов из лондонского квартала Тауэр Хэмлетс отправился некоторое время назад в Сирию. По данным издания, половина из 500 граждан Великобритании, находившихся в Сирии, Ираке и Ливане в составе исламистских террористических групп, были бывшими жителями Лондона

(ИТАР-ТАСС. 22.08.14). Такое тревожное открытие вызвало в Великобритании настоящий переполох. Премьер Д. Кэмерон, срочно вернувшийся из отпуска, тут же поспешил заявить, что Соединенное Королевство не позволит втянуть себя в очередную войну в Ираке (ИТАР-ТАСС; РИАН. 21.08.14).

Как стало известно, джихадисты переняли у американцев методы «жестких допросов», иными словами, пыток, и активно использовали их в обращении с несчастным журналистом и другим захваченными заложниками. Он, в частности, неоднократно подвергался излюбленной забаве американских мучителей — «симуляции утопления» (water boarding), активно применявшейся в Ираке и секретных тюрьмах США по всему миру (Die Frankfurter Allgemeine Zeitung. 29.08.14).

Лишь к середине 2014 г. Б. Обама под давлением фактов и общественных протестов робко признал, что «мы пытали некоторых ребят», да и то, оправдывался он, под «эмоциональным воздействием терактов 2001 г.» и из «благих побуждений» не допустить повторения этой трагедии (BBCRussian.com 05.08.14).

И, наконец, самое поучительное: в зачитанном с ножом у горла предсмертном обращении казненный вспомнил о своем брате, воевавшем в Ираке, прямо заявив, что это он своими действиями подготовил его гибель (EuroNews. 20.08.14; Россия I; Le Monde. 21.08.14).

Исходя из весьма запутанной и противоречивой ситуации в Ираке, Б. Обама признал, что начатая операция против джихадистов не будет краткосрочной и потребует усилий всего мирового сообщества (Die Frankfurter Allgemeine Zeitung. 10.08.14). К такому «долговременному подходу» США поспешили присоединиться и их британские союзники, заявившие о том, что от оказания гуманитарной помощи беженцам и поставок вооружения курдам (в том числе бывшего советского производства из стран Восточной Европы) они вместе с американцами переходят к борьбе с террористами (Газета.Ру. 18.08.14). В СМИ появились прогнозы о приближении новой сухопутной операции США в Ираке, без которой выполнить обещание Б. Обамы перед всем миром побороться с «раковой опухолью» ИГ было весьма не просто. К тому же союзники США по НАТО залезать в ближневосточное болото совсем не торопились, выражая с ними в основном лишь словесную солидарность.

Подобные «расширительные» заявления не могли не вызвать в Багдаде, как и Тегеране, настороженности.

Многие западные аналитики, размышляя о силовой стратегии американского президента в борьбе с международным терроризмом, отмечали ее главный недостаток: она не затрагивала глубинные корни этого опасного явления в мировой политике. США в противостоянии с террористической группировкой «Исламское государство», считал эксперт по вопросам национальной безопасности Б. Мосс, не стоило полагаться только на свои силы и действовать исключительно военными методами. Противостоять группировке и победить ее, прогнозировал он, потребует большего, чем просто военного ответа, хотя это должно быть сделано быстро и решительно. Чтобы подорвать источники вербовки и финансирования террористов, по его мнению, было необходимо последовательное развитие стабильных и представительных правительственных институтов по всему Ближнему Востоку,

что позволило бы решать социальные проблемы в рамках политического процесса, а не путем насилия (РИАН. 22.08.14). Американский опыт «демократизации» арабских стран убедительно показывал, что к подлинному развитию таких институтов в Вашингтоне не стремились и лишь использовали эту презентабельную вывеску для продвижения своих геостратегических и геополитических интересов.

«В нынешнем иракском кризисе, — отмечал в этой связи председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике Ф. А. Лукьянов, — президент США, кажется, уже выработал позицию. Добиться смены правительства, оказать ему помощь в борьбе с противниками, нанести авиаудары по их позициям, но ни при каких обстоятельствах не вмешиваться напрямую. Убийство американца (а оно может быть не последним) меняет ситуацию, врага надо уничтожить. Трагический абсурд в том, что все происходящее — продукт политики Соединенных Штатов. Справедливости ради, Обама всегда был против вторжения в Ирак и от этой линии не отступал. Однако он в данном случае — заложник общей логики американской политики… Безрассудная политика порождает замысловатые зигзаги. Обама, который не раз требовал ухода Асада и чуть было не начал против него войну прошлой осенью, сейчас оказывается с ним по одну сторону баррикад. Иран, страна откровенно враждебная Америке, — чуть ли не главный партнер по попыткам восстановить подобие порядка в Ираке. Россию, против которой вводят одни санкции за другими, призывают содействовать борьбе против ИГИЛ. Зато Саудовская Аравия и Катар — опорные союзники на Ближнем Востоке — почти открыто обвиняются в поддержке экстремистов. И чем глубже Соединенные Штаты вовлекаются в ближневосточные дела, тем больше возникает новых ловушек» (Российская газета. 27.08.14).

Такие ловушки давали о себе знать каждодневно: в самом начале сентября 2014 г. в Интернете исламисты, как и грозили, разместили новый видеоролик, озаглавленный «Наше второе послание Б. Обаме», с изображением казни все тем же палачом британского происхождения еще одного американского журналиста — С. Сотлоффа, попутно пригрозив расправой теперь уже с британским подданным. «Обама, я вернулся!», — издевательски обратился изувер к американскому президенту, поднеся нож к шее несчастного пленника. Отягчающим обстоятельством для джихадистов стало двойное американо-израильское гражданство обезглавленного.

Б. Обама отреагировал на этот очередной варварский акт экстремистов направлением в Ирак еще 350 спецназовцев для защиты американских граждан и объектов, доведя общее число охранников до 820 военнослужащих (EuroNews. 03.09.14).

Выработка же общей стратегии США в борьбе с исламистами в регионе шла трудно: ввязываться в затяжные бои с их отрядами в ближневосточных песках американцам и их партнерам, не забывшим печальный опыт Афганистана, Ливии, Сирии, Мали и того же Ирака, явно не хотелось. Да и рейтинг президента США к тому времени упал ниже уровня его предшественника (менее 32 %), что удерживало его от каких-либо решительных шагов на мировой арене. В связи с этим в ожидавшемся всеми телеобращении Б. Обамы к нации 10 сентября 2014 г. субстантивности явно не доставало. Он лишь в своей излюбленной риторической манере с гегемонистским пафосом, не гнушаясь явным искажением действительности, заявил о заглавной

роли США в борьбе с терроризмом, заодно уязвив Россию: «Лидерство США, — вещал он, — это постоянная величина в этом несовершенном мире. Это Америка имеет возможности и волю мобилизовать мир против террористической угрозы. Это Америка сплотила мир против российской агрессии и поддержала право украинского народа определять свое будущее… Это Америка спасла граждан Сирии от химического оружия [?]» (Россия I. 11.09.14).

Следуя такой же странной логике, Б. Обама подтвердил самовольно присвоенное США право наносить произвольные удары по позициям исламистов на территории суверенных государств, в частности Сирии, без их согласия и заверил в продолжении прежнего, к тому времени явно не оправдавшего себя курса на оказание содействия «умеренным оппозиционерам», которые теперь, по трудно объяснимым замыслам Белого дома, должны были воевать на «два фронта»: против «нелегитимного режима Б. Асада» и боевиков. Для тренировки и экипировки этих «надежных борцов с терроризмом» Б. Обама запросил у конгресса дополнительные полномочия и, разумеется, финансирование в полмиллиарда долл. (The Arab News. 11.09.14).

Конкретный же вклад США во всемирную антитеррористическую борьбу мыслился весьма скромным: вновь поспешив успокоить сограждан, что «наземной операции не будет», Б. Обама лишь обещал увеличить число американских советников в Ираке на 475 военнослужащих, которые, однако, не должны были участвовать в боях с исламистами, и оказать Ираку срочную помощь в 25 млн долл. Разъясняя логику новой тактики Вашингтона в борьбе с ИГ, вице-президент США Дж. Байден откровенно и в то же время весьма абстрактно заявил: «Америка не может вновь прийти к мусульманам в качестве агрессора. Войны должны вести сунниты для того, чтобы атаковать суннитскую организацию» (Независимая газета. 13.10.14).

«Сначала ударить, потом спросить разрешения, прямо как настоящий ковбой», — так британская «The Guardian» весьма иронично прокомментировала замыслы и действия американского президента в регионе и по всему миру.

Новая антитеррористическая «стратегия» Вашингтона, во многом нацеленная на подкрепление американского лидерства в мировой политике, была встречена союзниками США с явной прохладцей: на другой день после ее объявления министры иностранных дел Великобритании и ФРГ заявили, что их страны не будут участвовать в нанесении воздушных ударов по позициям ИГ (ИТАР-ТАСС. 11.09.14).

Такую же позицию на первых порах заняло и руководство Турции. В ответ исламисты во второй половине сентября освободили после трехмесячного заключения 46 турецких заложников, захваченных в Мосуле (The Arab News. 21.09.14). К началу октября Анкара объявила о присоединении к борьбе с исламистами из ИГ при своем неизменном желании свергнуть режим Б. Асада, что вносило в региональную обстановку дополнительный осложняющий элемент (Россия I. 03.10.14). Власти Сирии тут же предупредили турецкое правительство, что примут жесткие меры, если Анкара вздумает отправить свои войска на ее территорию. В Дамаске напомнили, что любое вторжение без мандата ООН однозначно расценивалось бы как агрессия против суверенного государства (Россия 24. 04.10.14). Глава МИД Ирана Д. Зариф в свою очередь предположил, что участие турецких вооруженных сил в операции против ИГ на территории Сирии и Ирака

могло возыметь опасные последствия для всего региона [Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (29 сентября — 5 октября 2014 года) // www.iimes.ru].

Напряженности в ситуацию добавило заявление президента Турции Р. Т. Эрдогана, который приравнял террористов из ИГ к активистам запрещенной Анкарой Курдской рабочей партии — КРП (РИАН. 04.10.14). А ведь курдские отряды были главной силой, сдерживавшей натиск исламистов в Ираке. Особую озабоченность и противодействие турецких властей вызывали бурные и неуправляемые потоки курдской молодежи, стремившейся отправиться в Сирию для участия в борьбе с ИГ и заодно поднабраться боевого опыта и снаряжения для последующего отстаивания с оружием в руках национальных прав своего народа в Турции. К началу октября 2014 г., когда ситуация вокруг сирийского г. Кобани (в километре от границы с Турцией) под натиском исламистов, которых воздушные удары коалиции сдерживали мало, стала критической, Анкару и всю страну захлестнула волна бурных демонстраций этнических курдов, которые требовали от властей принять действенные меры для защиты осажденного города и его населения. Аналогичные протестные выступления прокатились и по Западной Европе.

В ответ турецкие власти потребовали от США гарантий продолжения борьбы с «диктаторским режимом Б. Асада» (КоммерсантЪ. 08.10.14). Одновременно президент Р. Т. Эрдоган заявил, что власти страны не смогут одобрить возможные поставки американского оружия сирийским курдам для борьбы с ИГ в Кобани. «Были разговоры, — с тревогой отметил он, — о поставках оружия партии сирийских курдов — Демократический союз… Для нас этот союз то же самое, что и КРП — террористическая организация. Это было бы очень, очень неправильно ждать от нас, что мы открыто скажем “да” нашему союзнику по НАТО США и окажем поддержку такого рода. Исключено ожидать что-либо подобное от нас» (РИАН. 19.10.14).

По мере ухудшения ситуации вокруг Кобани Вашингтон был вынужден пренебречь мнением своего важного союзника в регионе и оказать помощь сражавшимся против ИГ курдам. Правда, эта операция, как нередко случалось и в прошлом, не обошлась без конфуза. Часть сброшенной с самолетов помощи оружием и продовольствием во многом из-за отсутствия координации с правительственными войсками Сирии попала не в те руки: исламисты, завладев ею, вовсю поиздевались над американцами в Интернете и социальных сетях (Интерфакс. 21.10.14).

Анкара, учитывая жесткую линию заокеанского партнера, была вынуждена несколько подкорректировать свои подходы, разрешив иракским (но не турецким) курдам пересекать границу для участия в обороне Кобани. Она также выразила готовность обучать в своих лагерях «умеренных» бойцов пресловутой «сирийской свободной армии», которые особым рвением в борьбе с исламистами, как и прежде, не отличались.

Со своей стороны генсек ООН Пан Ги Мун, выступая в Совбезе, выразил вполне обоснованное опасение, что исключительно военный ответ на угрозу со стороны группировки «Исламское государство» мог привести к радикализации других суннитских вооруженных движений в регионе и спровоцировать новую волну насилия (ТАСС. 22.10.14).

В Париже заявили о готовности участвовать в реализации планов Б. Обамы, а из арабских стран их поддержали по преимуществу суннитские — Саудовская Аравия, Бахрейн, ОАЭ, Кувейт, Катар, Оман, Египет, Иордания и Ливан (Интерфакс. 11.09.14). Американцы договорились с властями Саудовской Аравии о создании на территории королевства и финансировании тренировочной базы для пресловутых «умеренных боевиков».

В первой половине сентября 2014 г. в саудовской Джидде арабскими государствами в присутствии представителей США был подписан антитеррористический пакт, предусматривавший объединение их усилий в борьбе с исламским экстремизмом. Вскоре, однако, многие из них и Египет, прежде всего, заявили, что присоединение к этому документу не означало их непосредственного участия в боевых действиях против радикалов (ИТАР-ТАСС. 12.09.14).

Создание широкой и действенной международной антитеррористической коалиции серьезно тормозилось и сохранявшимся предвзятым отношением Вашингтона к Дамаску и Тегерану, без участия которых, в чем с самого начала убеждала своих партнеров Москва, ожидать эффективного сдерживания исламистских радикалов было бы мало реальным. Выступая на заседании СБ ООН по Ближнему Востоку во второй половине октября 2014 г. российский постпред В. И. Чуркин вновь отметил, что усилия по борьбе с ИГ стали бы более успешными, если бы велись под эгидой Совбеза и при взаимодействии с Дамаском и Тегераном. В этой связи он призвал участников коалиции преодолеть замшелые «идеологизированные комплексы» (ТАСС; РИАН. 21.10.14).

И здесь проявилось двуличие американской дипломатии: верховный лидер Ирана аятолла А. Хаменеи поведал о том, что США попросили его о сотрудничестве через американского посла в Ираке. «Но я отказался, потому что у них запятнаны руки», — пояснил иранский лидер, добавив, что США «ищут повод сделать в Ираке и Сирии то, что они уже делают в Пакистане, то есть бомбить в любом месте без всякого разрешения» (Независимая газета. 15.09.14). Позднее в «The Wall Street Journal» появились сообщения о целых четырех (!) секретных письмах Б. Обамы иранскому лидеру, в которых американский президент предлагал ему наладить сотрудничество против ИГ (Le Monde. 09.11.14).

Экстремисты ответили на замыслы Вашингтона в своей излюбленной манере: во время пребывания в Багдаде Дж. Керри, срочно направленного в регион для сколачивания антитеррористической коалиции, на воздух взлетели три заминированных автомобиля — 18 человек погибли и около 60 пострадали (Россия I. 11.09.14).

Через несколько дней головорезы из ИГ, в рядах которых к тому времени, по разным оценкам, бесчинствовало уже от 30 до 50 тыс. боевиков, осуществили свою угрозу, разместив в Интернете новое леденящее душу видео под заголовком: «Послание союзникам Америки», на котором была запечатлена казнь захваченного за год до того в Сирии британского заложника шотландского происхождения Д. Хейнса — сотрудника одной из гуманитарных организаций. Расправа с ним была учинена в отместку за согласие Великобритании помогать США и вооружать курдских бойцов «пешмерга» против исламистов. Стоя перед палачом на коленях в оранжевой робе, как

у узников американского концлагеря в Гуантанамо, несчастный в последнем слове всю вину за свой трагический конец возложил на Д. Кэмерона — «марионетку США». В и без того накаленной атмосфере приближавшегося референдума о независимости Шотландии убийство Д. Хейнса для Лондона было болезненным вдвойне. К тому же, сделав свое черное дело, палач с британским акцентом объявил, что такая же участь ожидала еще одного пленника — очередного подданного Соединенного Королевства (EuroNews. 13.09.14; The Arab News. 14.09.14).

На таком напряженном фоне в начале сентября 2014 г. в Багдаде было сформировано новое правительство, однако кандидатуры на ключевые посты министров обороны и внутренних дел полтора месяца оставались не согласованными (www.mid.ru 10.09.14). Лишь 18 октября парламент утвердил главой военного ведомства бывшего офицера ВВС времен С. Хусейна (без подготовленных кадров было не обойтись) суннита Х. аль-Обайди, а МВД возглавил шиит М. аль-Габбан [Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (13–19 октября 2014 года) // www.iimes.ru].

В Москве противоправные замыслы США в отношении не санкционированных мировым сообществом ударов по территории суверенной Сирии были восприняты с понятной тревогой и озабоченностью. «Президент Соединенных Штатов, — предупредил на брифинге официальный представитель МИД России А. К. Лукашевич, — прямо заявил о возможности нанесения американскими вооруженными силами ударов по позициям “Исламского государства” на территории Сирийской Арабской Республики без согласия на то законного правительства. Подобный шаг в отсутствие соответствующего решения Совета Безопасности ООН стал бы актом агрессии, грубым нарушением норм международного права. Есть основания предполагать, что под ударом в этом случае могут оказаться и сирийские правительственные силы с вытекающими тяжелыми последствиями в плане дальнейшей эскалации напряженности» (www.mid.ru 11.09.14).

Формирование широкой международной антитеррористической коалиции под предводительством США шло непросто: к концу сентября 2014 г. около 50 государств мира объявили о своем желании принять в ней участие, однако до его практической реализации было еще весьма далеко. Слишком велики были противоречия, разделявшие ее потенциальных участников, слишком разные интересы они преследовали, намереваясь вступить в борьбу с терроризмом. К тому же, западные лидеры во главе с Б. Обамой не смогли избавиться от своего прежнего двойственного подхода, от в очередной раз не оправдавшего себя в сирийском кризисе предвзятого деления террористов на «хороших и плохих».

Россия поддержала антитеррористический настрой западных партнеров, однако не без ограничителей, в значительной мере обусловленных их же действиями. В Москве, в частности, обратили внимание на то, что на сентябрьском саммите НАТО в Уэльсе, в статье Б. Обамы и Д. Кэмерона в журнале «Times», а также в других ситуациях западные государственные деятели по существу ставили знак равенства между мифической угрозой, якобы исходившей от России, и вполне реальной — от террористов ИГ. Такой же искаженный подход к оценке осложнившейся международной ситу-

ации просматривался и в выступлении Б. Обамы на заседании 69-ой сессии ГА ООН, в котором он выдвинул «агрессивные действия России в Европе» по степени опасности на второе место после лихорадки Эбола, а активизация исламистских экстремистов на Ближнем Востоке «удостоилась» лишь третьего (РИАН. 24.09.14).

Не помогла сплочению рядов выстраивавшейся американцами коалиции и международная конференция, экстренно созванная в середине сентября 2014 г. в Париже, на которую, по настоянию США, Сирия и Иран, несмотря на предложения России, приглашены не были.

«Стержнем международных усилий по противодействию терроризму, — твердо заявил с трибуны конференции С. В. Лавров, — неизменно была решимость бороться со всеми его формами и проявлениями, не разделяя террористов на “плохих” и “хороших”. К сожалению, в регионе Ближнего Востока и Северной Африки этот основополагающий принцип начал давать сбои, его неоднократно приносили в жертву чаяниям свержения режима в той или иной стране. Сейчас исключительно важно сделать правильные выводы из всех ошибок прошлого. Если мы хотим преуспеть, все наши действия должны быть основаны на твердом и четком понимании того, что подъем волны экстремизма является главной угрозой региону. Ее сдерживание должно быть ключевым приоритетом, невзирая на любые другие национальные планы каких-либо государств в регионе».

Для глубокого и комплексного исследования проблем экстремизма и терроризма на пространстве Ближнего Востока и Северной Африки российская сторона предложила к рассмотрению всех региональных и международных игроков идею созыва тщательно подготовленной международной конференции (Российская газета. 17.09.14).

Участники парижского форума ограничились подтверждением готовности своих стран внести посильный вклад в борьбу с ИГ, однако о конкретных шагах в этой сфере и совместных планах речи не заходило. А обстановка все более настойчиво требовала именно таких шагов. Нерешительность мирового сообщества, его явное нежелание повторять в регионе негативный опыт американцев побудили военные круги США заговорить о возможности «возвращения в Ирак», без которого справиться с распоясавшимися террористами одними ударами с воздуха было де нереально. При этом глава объединенного комитета начальников штабов ВС США генерал М. Демпси поспешил предупредить Белый дом, что новая сухопутная операция могла потребовать гораздо больше усилий и главное — жертв. По его оценке, несмотря на истраченные США с полсотни миллиардов долларов, половина иракских военнослужащих наждалась в «дополнительной подготовке и тренировках на специально подготовленных объектах» (Интерфакс. 15.09.14; КоммерсантЪ. 18.09.14).

Под утро 23 сентября 2014 г. американская авиация с кораблей в Красном море и Персидском заливе после уведомления, но без согласия Дамаска при содействии пяти арабских партнеров (Саудовская Аравия, Бахрейн, Иордания, Катар и ОАЭ), нанесла массированные ракетно-бомбовые удары по позициям исламистов в Ираке. В результате были разрушены многие объекты, погибло около 30 боевиков и 8 мирных граждан, в том числе

3 детей (Россия I. 23.09.14). По мере развития операции множилось число жертв среди мирного населения и разрушений объектов гражданской инфраструктуры, все новые сотни обездоленных людей пополняли и без того многочисленные ряды беженцев и внутренне перемещенных лиц. Не обходилось и без угрозы ударов по своим: в конце сентября коалиционная авиация чуть было не разбомбила командный пункт «умеренной» сирийской свободной армии, которую США лелеяли и опекали на протяжении всего кризиса в САР (ИТАР-ТАСС. 30.09.14).

Противоправный и самовольный характер антитеррористических действий США в Москве и в СБ ООН встретил непонимание. В состоявшемся телефонном разговоре с генсеком ООН Пан Ги Муном Президент России В. В. Путин заявил, что авиаудары по базам террористов ИГ в Сирии не должны были проводиться без согласия ее руководства (РИАН; Газета.Ру. 23.09.14).

«В связи с начатой США при поддержке ряда других стран операцией по нанесению ракетно-бомбовых ударов по позициям террористической группировки “Исламское государство” в Сирии, — четко отмечалось в Заявлении МИД РФ, — российская сторона напоминает, что подобные действия могут осуществляться исключительно в рамках международного права. Это предполагает не формальное одностороннее “уведомление” об ударах, а наличие четко выраженного согласия Правительства Сирии либо принятие соответствующего решения Совета Безопасности ООН…

Борьба с терроризмом на Ближнем Востоке и Севере Африки требует скоординированных усилий всего мирового сообщества под эгидой ООН. Попытки же решать собственные геополитические задачи, нарушая суверенитет государств региона, лишь усиливают напряженность и еще больше дестабилизируют ситуацию.

В Москве неоднократно предупреждали, что инициаторы односторонних силовых сценариев несут всю международно-правовую ответственность за их последствия» (www.mid.ru 23.09.14).

Европейские союзники США не горели желанием ввязываться в новую военную кампанию в регионе и тем более в Сирии. Лишь Франция, послушно следовавшая в фарватере политики Белого дома, даже после казни своего гражданина Э. Гурделя, захваченного исламистами в Алжире, подробности которой были выложены в Интернете под броским заголовком «Кровавое послание французскому правительству», не уклонилась от активного участия в этой операции. Позднее к Франции присоединились Австралия, Бельгия, Великобритания, Дания, Канада и Нидерланды. Резко против ударов по сирийской территории выступил Иран.

Показательной была и реакция «умеренных» оппозиционеров в Сирии: в начале они были против, считая борьбу с исламистами «подспорьем режиму Б. Асада», а затем не без совета извне «образумились» и поменяли свой подход на противоположный, аплодируя своим заокеанским и местным покровителям (Россия I. 23.09.14).

В ответ руководители ИГ призвали своих сторонников повсюду уничтожать граждан государств, вносивших вклад в борьбу с экстремистами. Б. Обама в видеообращении исламистов к своим сторонникам и последователям был назван «мулом евреев» (Российская газета. 24.09.14). Следуя этому

призыву, канадский экстремист, принявший ислам и собравшийся воевать в Сирии, 22 октября 2014 г. атаковал в Оттаве военный мемориал и парламент, лишив жизни одного из военнослужащих, стоявших в почетном карауле.

Алармистские настроения на Западе заметно усилились после оглашения на 69-й сессии ГА ООН иракским премьером Х. аль-Абади разведданных о готовившихся ИГ терактах в метро Нью-Йорка и Парижа. Во всех западных столицах были усилены меры безопасности, а в Голландии власти даже порекомендовали военным не появляться на транспорте в мундирах, дабы не спровоцировать атаки экстремистов. Мэр Нью-Йорка пессимистично спрогнозировал сохранение террористической опасности на все времена подобно угрозе климатических перемен. По его оценке, трагические теракты 11 сентября 2001 г. стали лишь «первой ласточкой» необратимых изменений в мировой политике (EuroNews. 26.09.14).

Еще большую тревогу, близкую к панике, на Западе вызвали сообщения СМИ о подготовке ИГ засылки в Европу и США своих террористов под видом беженцев с Ближнего Востока (РИАН. 05.10.14).

В конце сентября 2014 г. и сам Б. Обама был вынужден признать, что американцы недооценили позиции и влияние ИГ в Сирии и, наоборот, переоценили возможности иракской армии, но от сотрудничества с Дамаском в отражении исламистской угрозы он вновь наотрез отказался, повторив избитый тезис о том, что Б. Асад «давно потерял легитимность» (РТР I. 29.09.14). За налаживание оперативного боевого сотрудничества весьма убедительно говорила и сама практика: если сирийские ВВС работали по позициям террористов с интенсивностью, превышавшей 150 авиаударов в сутки, то «коалиция» с немалыми возможностями 22 государств — членов ограничивалась 10–15, а то и 5–7 ударами (www.mid.ru 23.10.14).

К началу октября она нанесла по позициям исламистов около 2000 ударов с воздуха, из них 90 % пришлось на долю американцев, которые к тому времени истратили на эти цели под миллиард долларов (The Arab News. 08.10.14). Коалиционерам удалось разрушить ряд захваченных боевиками объектов инфраструктуры, прежде всего в нефтедобывающей сфере, однако существенно ограничить их продвижение и захват все новых территорий не получалось. Одновременно от несанкционированных мировым сообществом ударов страдали мирные люди, вынужденные десятками тысяч покидать насиженные места, и гражданские объекты, что в конце октября с тревогой признал генсек ООН Пан Ги Мун в своем докладе СБ ООН (ТАСС. 29.1014). А конца противоборству видно не было: военные специалисты не только США, но и их партнеров по коалиции все громче говорили о том, что без наземной операции против ИГ было не обойтись. Представитель Пентагона Дж. Кирби на одном из брифингов прямо признал, что армия США была не в силах разгромить джихадистов ИГ ударами с воздуха, и призвал всех «проявить стратегическое терпение», конца которому не предвиделось (Time. 10.10.14).

Масла в огонь подлил и Израиль, впервые за 30 лет прекращения огня сбивший над захваченными им Голанскими высотами сирийский истребитель. «В Москве, — отмечалось в комментарий Департамента информации и печати МИД России, — с глубокой озабоченностью воспринимают данный инцидент, который усугубляет и без того напряженную обстановку в регионе. Призываем все страны региона и внерегиональные державы проявлять

максимум сдержанности. Перед лицом жесткого вызова международного терроризма, избравшего Ближний Восток одной из своих главных мишеней, сейчас необходимо не открывать новый "фронт" противостояния, а наоборот, сплачивать усилия всех заинтересованных сторон в противодействии этой угрозе» (www.mid.ru 23.09.14).

Следуя этим проверенным временем и практикой курсом, Москва поддержала единогласно принятую СБ ООН 24 сентября 2014 г. новую антитеррористическую резолюцию № 2178. Этот документ базировался на широком комплексном подходе и предусматривал дополнительные обязательства государств по борьбе иностранными террористами-боевиками. В нем шла речь о пресечении вербовки, подготовки таких лиц и их финансирования, недопущении их перемещения в места вооруженных конфликтов. Задачи пресечения исходивших от них угроз были увязаны с требованиями по противодействию распространению насильственного экстремизма, в том числе через Интернет и социальные сети (www.mid.ru 26.09.14).

Выступая на заседании Совета, С. В. Лавров призвал не ограничиваться борьбой с боевиками «Исламского государства» и для всеобъемлющего обсуждения проблемы терроризма созвать представительный форум под эгидой СБ ООН с участием стран ближневосточного региона, Афросоюза, Лиги арабских государств, «пятерки» постоянных членов СБ ООН и других заинтересованных сторон. Повестка дня форума, по мнению министра, должна была затрагивать и застарелые конфликты, главным из которых оставался арабо-израильский. По словам С. В. Лаврова, «именно неурегулированность палестинского вопроса на протяжении многих десятилетий является, по широко распространенному мнению, одной из основных причин, позволяющих террористам получать "моральную поддержку" и вербовать все новых и новых членов». Глава российского внешнеполитического ведомства призвал мировое сообщество обратить внимание на глубинные корни проблем региона, избегать реагирования исключительно на их симптомы (Интерфакс. 25.09.14).

Российский подход к поискам решений взрывоопасных проблем, порожденных подъемом радикальных настроений в исламском мире, был созвучен взглядам реалистично мысливших политических деятелей региона. Как со знанием дела отмечал в одной из своих статей премьер-министр ОАЭ шейх М. бен Рашид Аль Мактум, военная операция могла стать лишь частичным решением в борьбе с ИГ. По его обоснованному мнению, для победы над группировкой мировое сообщество должно было объединить усилия, чтобы дискредитировать идеологию исламского экстремизма и лишить его сторонников среди обездоленных слоев населения. Для достижения этих стратегических целей премьер назвал три необходимых условия: борьба с экстремистской риторикой при помощи «просвещения, открытости и терпимости», строительство стабильных государственных институтов в странах региона и ликвидация бедности, неграмотности и решение других социальных проблем (РИАН. 27.09.14).

По мере нанесения ударов по позициям боевиков стали сбываться пессимистичные прогнозы военных экспертов. Воздушные атаки не только не сдерживали террористов, но и поощряли их на новые преступления. Министерство обороны Ирака объявило о применении джихадистами, набравшимися опыта в Сирии, химического оружия и, в частности, при обстрелах

осажденного ими г. Кобани (Россия I. 24.10.14). Таким образом, регион постепенно превращался в полигон для обретения экстремистами навыков по синтезу, производству и применению боевых отравляющих веществ.

На этом мрачном фоне еще более наглядно проступали правовой волюнтаризм, нигилизм и избирательность в угоду собственным геополитическим интересам, характерные для региональной политики США, которые предпочитали не замечать установленное международными экспертами неоднократное применение токсичных химикатов в качестве боевых отравляющих веществ в Ираке и Сирии боевикам ИГ и других группировок исламистов, огульно сваливая вину на руководство САР и бездоказательно обвиняя его в якобы сокрытии части своего военно-химического арсенала.

В начале октября 2014 г. весь мир облетело новое жуткое видео кровавого обезглавливания четвертого западного заложника, волонтера одной из благотворительных организаций, бывшего таксиста, британца А. Хеннинга, захваченного в Сирии летом 2014 г. В предсмертном видеообращении он всю вину за свою гибель возложил на британское руководство, принявшее решение бомбить позиции ИГ. Своей трагической участи, как объявили террористы, ждал и американец П. Кэссиг, который был также захвачен в Сирии (РИАН. 04.10.14).

Одновременно исламисты, сменив тактику и разделившись на мелкие, трудно различимые с высоты группы, а также прикрываясь мирным населением на захваченных территориях как «живым щитом», продолжали наступление в сторону турецкой границы, стремясь сломить сопротивление и захватить г. Кобане, около 200 тыс. жителей которого были вынуждены спасаться бегством, усугубляя гуманитарную катастрофу, охватившую Сирию, и пополняя многотысячные потоки беженцев (свыше 1 млн человек), захлестнувшие Турцию и обошедшиеся ее казне к середине октября 2014 г. в 4,5 млрд долл. (Независимая газета. 13.10.14).

Таким образом, задуманная в Белом доме операция по сдерживанию боевиков ударами с воздуха все в большей мере оказывалась неэффективной. На очередное наземное вторжение в регионе американцы и их союзники по коалиции, которая без одобрения СБ ООН сама по себе была противоправной, отважиться не решались, власти Сирии и Ирака также не горели желанием видеть на своей территории иностранные войска. «Мы хотим внести ясность, — заявил в интервью ВВС иракский премьер Х. аль-Абади, — мы не нуждаемся ни в чьих наземных войсках, кроме иракских». Он также выступил категорически против ударов авиации арабских стран по территории своей страны (Интерфакс. 02.10.14). Такая позиция иракского руководства впервые за несколько лет нашла поддержку у великого аятоллы А. ас-Систани [Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (20–26 октября 2014 года) // www.iimes.ru].

После таких заявлений новый премьер Ирака с первым зарубежным визитом направился в Тегеран, где обсудил совместные действия против ИГ и развитие экономических связей со своим влиятельным восточным соседом (Независимая газета. 21.10.14). Верховный лидер ИРИ А. Хаменеи заверил его, что Иран рассматривал безопасность Ирака как свою собственную и был готов и в дальнейшем направлять ему своих военных советников и вооружение [Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (20–26 октября 2014 года) // www.iimes.ru].

Изолировать Иран от решения горящих проблем региона у американцев никак не получалось.

Боевики же, несмотря на коалиционные удары с воздуха, продолжали наступательные действия и обзаводились новым вооружением. К концу сентября они контролировали уже треть территории Ирака и столько же Сирии (Независимая газета. 29.09.14). Во второй половине октября 2014 г. они уже находились в нескольких километрах от Багдада, в котором продолжали грохотать взрывы: только 16 октября их жертвами стали более 40 мирных жителей и около 100 человек получили ранения (www.mid.ru 17.10.14.). Тогда же ливанская армия совместно с бойцами движения «Хизбулла», которое на Западе с подачи Израиля было отнесено к разряду террористических, сорвали попытку исламистов из ИГ захватить высоты аль-Мишрефа и Раас-Баальбек, рядом с сирийской границей (РИАН. 15.10.14). Одновременно в мировых СМИ прошли сообщения о захвате исламистами в Сирии трех истребителей, предположительно моделей МиГ-21 и МиГ-23, и начале тренировочных полетов на них с помощью бывших пилотов армии С. Хусейна, прибывших для этого из Ирака (Regnum. 18.10.14.). Позднее появились данные о наличии у джихадистов современных средств ПВО, которыми они могли сбивать летающие объекты, в том числе и гражданские самолеты. К середине октября 2014 г., по данным ветерана боевых действий США Г. Дафа, исламистам уже удалось уничтожить два американских боевых самолета — один над Сирией, другой над Ираком (http://ru.journal-neo.org/2014/10/17/isis-armed-with-patriot-missiles-but-by-whom-2/).

В середине октября 2014 г. на базе ВВС США Эндрюс вблизи Вашингтона прошло координационное совещание начальников генштабов 22 стран — участниц коалиции (Австралии, Бахрейна, Бельгии, Великобритании, Германии, Дании, Египта, Иордании, Ирака, Испании, Италии, Канады, Катара, Кувейта, Ливана, Нидерландов, Новой Зеландии, ОАЭ, Саудовской Аравии, США, Турции и Франции), участников которого принял Б. Обама, повторивший прежний пессимистичный прогноз о длительности начавшейся военной кампании против ИГ [Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (13–19 октября 2014 года) // www.iimes.ru]. В начале ноября 2014 г. он принял решение отправить в Ирак еще до 1500 американских военнослужащих, которые должны были лишь обучать солдат иракской армии и «пешмерга» для борьбы с боевиками ИГ (РИАН. 08.11.14). На эти цели администрация запросила у конгресса дополнительно 1,6 млрд долл. [Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (3–9 ноября 2014 года) // www.iimes.ru].

Ответ исламистов последовал незамедлительно: в середине ноября 2014 г. они выставили на показ в Интернете отрезанную голову П. Кэссига — еще одного американского гражданина, захваченного в Сирии 26-летнего основателя гуманитарной организации по оказанию медпомощи пострадавшим от изнурительного конфликта. Он был казнен, несмотря на то, что принял ислам и сменил имя на мусульманское. А в начале страшного ролика изуверы продемонстрировали хладнокровное убийство 15 пленных сирийских военнослужащих, пригрозив, что таким же зверским способом будут расправляться со всеми американцами, которые попадут к ним в руки (EuroNews. 16.11.14).

Ситуация все больше становилась патовой и из-за упрямого нежелания Вашингтона и его партнеров привлечь к борьбе с терроризмом таких важных и влиятельных региональных игроков, как Иран и Сирия. А их участие диктовала сама жизнь: в начале 2014 г. журналисты проведали о состоявшейся в одной из деревень на севере Сирии тайной встрече лидеров ИГ и «Аль-Каиды», на которой исламисты договорились сотрудничать против общих врагов — «евреев и новых крестоносцев» (Россия I. 14.11.14). О своей приверженности ИГ и почитании «халифа Ибрагима» заявила и весьма активная египетская террористическая группировка «Ансар Бейт аль-Макдис», действовавшая на неспокойном Синайском полуострове (The Arab News. 10.11.14).

Сам же «халиф», опровергая слухи о своем ранении и даже смерти, выступил с воинственным аудиообращением, пригрозил «дойти до Рима» и призвал правоверных «повсюду, от Канады до Австралии разжигать вулканы джихада и биться до последнего с врагами ислама» (The Arab News. 14.11.14).

И в такой осложнявшейся день ото дня обстановке совсем некстати выступил вице-президент США Дж. Байден, прямо заявивший (и видимо, не без оснований), что террористы, действовавшие в Сирии, в том числе и боевики «Аль-Каиды», получали финансирование и иную поддержку от союзников США в регионе. По его версии, эти страны (Турция и аравийские монархии) в конце концов осознали свою ошибку и согласились войти в возглавленную Вашингтоном международную антитеррористическую коалицию (ТАСС. 03.10.14). Такое неожиданное откровение внесло еще больший разлад в ее и без того нестройные ряды. Турция, ОАЭ и Саудовская Аравия даже потребовали официальных объяснений и извинений за необоснованные обвинения в их адрес (EuroNews. 04.10.14; РИАН; Газета. Ру. 05.10.14).

На столь турбулентном фоне не всегда ладились отношения США и со своим главным региональным союзником — Израилем. Во второй половине октября 2014 г. американские власти демонстративно отказались устраивать министру обороны М. Яалону в ходе его визита в Вашингтон встречи с некоторыми руководителями администрации США: с вице-президентом США Дж. Байденом, госсекретарем Дж. Керри и помощником президента США по национальной безопасности С. Райс. Это решение было принято в отместку за его резко критические оценки бесплодных «миротворческих» вояжей Дж. Керри на Ближний Восток. Более того, некоторые члены израильского кабинета даже обвинили госсекретаря в антисемитизме, когда тот публично указал на вполне очевидную связь между ростом террористической угрозы в регионе и многолетней неурегулированностью арабо-израильского конфликта (The Arab News. 20.10.14). Тем не менее, коренные геополитические интересы США в регионе и на сей раз не были забыты и израильский визитер имел беседы со своим американским коллегой Ч. Хейглом и постпредом США при ООН С. Пауэр [Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (20–26 октября 2014 года) // www.iimes.ru].

Тогда же случился еще один скандальный казус, когда один из американских чиновников за глаза обозвал Б. Нетаньяху трусом, сорвавшим из-за боязни раскола правящей коалиции переговорный процесс с палестинца-

ми. Республиканцы в предвыборном раже тут же потребовали от Б. Обамы официальных извинений, и они устами того же Дж. Керри были принесены (Независимая газета. 31.10.14).

Не желая окончательно испортить отношения с главным покровителем, Б. Нетаньяху направил послом в Вашингтон своего близкого соратника Р. Дермера, выросшего во Флориде. Однако вскоре обнаружилось, что он наладил связи лишь с оппозиционными республиканцами и ведущей сионистской организацией AIPAC, а в Белом доме его принимали как «персону нон грата» (Die Frankfurter Allgemeine Zeitung. 02.11.14).

Сама жизнь заставляла американское руководство, несмотря на санкционный режим, введенный против России по инициативе того же Вашингтона, обращаться к Москве за помощью в борьбе с террористами. Так, к примеру, на встрече С. В. Лаврова с Дж. Керри в Париже 14 октября 2014 г. американская сторона поставила вопрос об обмене разведданными и об участии России в обучении и консультировании иракских сил безопасности. Глава внешнеполитического ведомства РФ, в свою очередь, подчеркнул, что Россия давно и последовательно боролась с терроризмом и оказывала другим странам содействие перед лицом террористической угрозы, в том числе предоставляя значительную помощь Сирии, Ираку и другим странам региона в укреплении их боеспособности. С. В. Лавров заверил, что российская сторона продолжит эти усилия, но не будет вовлекаться в некие «коалиции», создаваемые в обход Совета Безопасности ООН и в нарушение международного права (www.mid.ru 16.10.14).

«Никакой договоренности, — пояснил позднее министр, — что мы будем обмениваться информацией в контексте деятельности созданной американцами так называемой коалиции для борьбы с “Исламским государством” не было, как не было и договоренности, что мы будем направлять своих инструкторов, готовить армию Ирака». Он сообщил, что напомнил своему американскому коллеге про действовавшую ранее Президентскую комиссию, в которой работала специальная группа по борьбе с терроризмом: «Это был канал диалога, в котором могли участвовать представители спецслужб, военные, дипломаты. Президентская комиссия и эта группа, в том числе, были (по американской инициативе. — *авт.*) закрыты… Поэтому я сказал Джону Керри: если хотите работать совместно, давайте это делать не выборочно, а в рамках согласованных механизмов» (РИАН. 25.10.14).

Наряду с оказанием Ираку действенной помощи в укреплении и оснащении его вооруженных сил российская сторона не оставляла без внимания и нужды его мирного населения. Во второй половине октября 2014 г. самолет МЧС доставил в Багдад 37 тонн гуманитарного груза (продукты питания, одеяла, палатки, мобильные генераторы) для удовлетворения насущных потребностей местных жителей и беженцев, число которых заметно возросло после начала военной операции сколоченной Вашингтоном коалиции против ИГ (НТВ. 22.10.14). Аналогичный груз через несколько дней был доставлен и в столицу иракского Курдистана г. Эрбиль (www.mid.ru 23.10.14).

Иракская сторона выразила России глубокую признательность и благодарность за щедрую гуманитарную помощь и эффективное содействие в борьбе против террористов, оказываемое в отличие от некоторых западных стран без каких-либо политических требований и условий (Интерфакс. 23.11.14).

Лариса БЕЛЕНЧУК

ШКОЛА И ПРОСВЕЩЕНИЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ МАЛОРОССИИ

Лариса Николаевна Беленчук — родилась в Москве, окончила историко-архивный институт. Работает в институте теории и истории педагогики РАО. Занимается проблемами истории отечественного просвещения XIX в. в контексте гуманитарной культуры России. Кандидат исторических наук. **Живет в Москве.**

Сегодняшние события на Украине вызывают много исторических ассоциаций. Историки, политологи, социологи пытаются разобраться в причинах происшедшего раскола страны на две части. Некоторые справедливо видят в случившемся итог политической борьбы и геополитического расклада сил, другие обосновывают раскол исторически и культурологически. И действительно, культурное и — шире — цивилизационное различие Востока и Запада Украины во многом продиктовало сегодняшнее противостояние официального Киева и Новороссии. Корни разногласий лежат в прошлом народов, населяющих эти земли. Война в головах, война идей дает импульс войне настоящей. Сейчас принято ссылаться на более чем двадцатилетнюю обработку голов с помощью украинских школьных учебников. И это совершенно верно. Но успех этой обработки имеет свои глубокие причины.

В статье рассматриваются идейные истоки этого противостояния, отразившиеся на рубеже XIX—XX вв. в попытках создания украинской национальной школы.

Киев в истории Малороссии и России всегда играл двойственную роль. С одной стороны, это был исторический центр объединения русских земель, великий культурный центр всей России. Киев — мать городов русских. Из Киево-Могилянской академии пришло в Москву книжное просвещение (в московском Андреевском монастыре над исправлением неточностей в переводах Священного Писания трудилась киевская монашеская «ученая дружина», создавая свою школу и обучая москвичей). Киевский университет был крупнейшим научным и культурным центром России. В Киеве работали видные русские культур-

ные деятели: писатели, государственные деятели, мыслители XIX–XX вв. Фамилии Булгаковых, Костомарова, Царевского, Юзефовича, Гогоцкого, Зеньковского являются украшением русской культуры. С другой — Киев был центром украинского сопротивления имперской власти. Именно в Киеве периодически возникали украинофильские кружки и общества, отстаивающие не только самобытность, но и полную независимость украинской культуры от России. Государственная политика и определенное крыло общественного сознания почти всю историю Малороссии находились если не в противоречии, то во взаимонепонимании.

На просвещение в Малороссии в общественном сознании и науке в течение XIX в. сформировались два противоположных взгляда. Эти взгляды в своем полнейшем выражении сконцентрировались в трудах двух крупных ученых рубежа XIX–XX вв.: И. А. Сикорского (1842–1919), и М. С. Грушевского (1866–1934). Оба киевляне, оба патриоты своего народа и представители его культуры. Один — известный психиатр и психолог, педагог, отец авиаконструктора и основателя вертолетостроения И. И. Сикорского; другой — историк и писатель. Один — скончался в 1919 г., — после допросов в киевской ЧК, другой — после пятилетней эмиграции в 1919–1924 гг., вернулся в СССР, был обласкан властью и избран академиком. С 1930 г. началась публичная критика его украинофильской позиции. Оба ученых происходили из духовного сословия: Сикорские — православная семья (отец ученого был священником), а Грушевские — греко-католики (отец Михаила Сергеевича — педагог, преподаватель русского языка и словесности).

И. А. Сикорский, знаменитый врач, психолог, профессор кафедры нервных и душевных болезней Киевского университета, основатель Врачебно-педагогического института для умственно отсталых детей и первого в мире Института детской психопатологии (1912) в Киеве, в начале XX в. стал известен тем, что, несмотря на травлю в прессе, поставил свою подпись под экспертным заключением по делу Бейлиса, которое квалифицировало убийство мальчика Андрея Ющинского как ритуальное.

В своей книге «Русские и украинцы» (Киев, 1913) ученый подверг критике концепцию Грушевского, противопоставляющего малороссов великороссам и видящего в них две разных нации. Сикорский писал, что разделение русского народа на три ветви (великороссов, белорусов, малорусов) связано с «несущественными лингвистическими признаками»[1]. По его мнению, в великорусском и малорусском наречиях существует полное психологическое и понятийное тождество, что свидетельствует о том, что это — один язык. В создании государства Киевская Русь идея о русском народе как этнической единице стала свершившимся фактом. Сикорский отмечал, что в своей книге «Киевская Русь» сам Грушевский в первой ее половине говорит исключительно о славянах и русских, и только во второй — об украинцах.

И. А. Сикорский приводит данные Всероссийской переписи населения 1897 г. и статистики 1911 г.:

	1897 г.	**1911 г.**
Великороссов	66 миллионов	74 миллионов
Малороссов	26 миллионов	37 миллионов

[1] *Сикорский И. А.* Русские и украинцы. Киев, 1913. С. 12.

«Почтенный профессор Грушевский предупреждает нас, что двадцать шесть миллионов малороссов по переписи 1897 или тридцать семь миллионов по расчетам на 1911 год нельзя считать русскими. Эти миллионы должны быть списаны с общей суммы русских, потому что они — не русские, а украинцы. Подведя итог всем украинцам, почтенный профессор исчисляет их в 1906 г. в сумме 31–32 миллионов, вводя сюда живущих в Австрии и выселенцев в Америку. Нас, впрочем, интересуют не статистические цифры, а существо дела — действительно ли из состава русского населения надобно исключить одну треть (численностью в 27 миллионов!) и перечислить эту крупную цифру к контингенту другой народности — украинцев. Это так неожиданно, так ново, так непривычно, что разум не хочет сдаться в плен и домогается доказательств»[1]. Таким образом, Сикорский подчеркивает, что такое отделение украинцев от русских — новый плод мысли, на уровне науки возникший совсем недавно. Требуя научных доказательств этому утверждению, он готов даже (если найдет их) сдаться в плен и отдать профессору Грушевскому всю свою библиотеку!

Ученый, чтобы выяснить происхождение народов, делает экскурс в глубь веков. До X века, пишет он, славянские народности сознавали себя только полянами, древлянами, северянами, новгородцами, но около этого момента уже возникло сознание всенародной общности. Для этого нового вида сознания создалось новое слово — Русь. Оставаясь «полянами» и «киевлянами» или «Киевской землей», поляне стали называть себя русью. Впервые это новое общеславянское имя появилось в Киеве. Оно, однако ж, бесспорно отвечало общей назревшей потребности и потому охотно было признано всеми славянами и стало охотно и любовно применяться в речи и на письме: ехать в Киев — в Русь — всюду говорилось и писалось.

С укреплением в сознании бывших славян нового термина: «русь», «русский», наименования эти стали прилагаться к рекам, горам, территориям даже в Карпатах и одновременно появились у иностранных писателей: арабов, греков, пользовавшихся до того времени терминами: скифы, славяне, сербы. Киев и Киевская Русь или Полянская земля, вообще — юг, были той территорией, тем локализированным пунктом, где впервые зародилась и впервые возвещена национальная идея, связанная с именем «русь», «русский» (Костомаров). Следовательно, то именно славянское племя, потомков которого проф. Грушевский называет «украинцами», было творцом русской национальной идеи и провозвестником русского этнического единства.

Сделав такой вывод, И. А. Сикорский переходит к Новому времени. XVIII век был периодом пробуждения русского народа. Был совершен огромный культурно-этнический шаг — создание общего литературного языка. В этой работе особенную роль играли представители Южной Руси, где работа мысли и письменность возникли несколько раньше (братства и их школы, Киево-Могилянская Коллегия, Мелетий Смотрицкий, Епифаний Славинецкий, Симеон Полоцкий, Стефан Яворский, Димитрий Ростовский просвещали и обучали народ). Участием южноруссов в создании общего всероссийского литературного языка в значительной степени предрешен вопрос в пользу великорусского наречия, так как южноруссы не поставили на очередь собственную племенную речь, но «присоединились к великорусским

[1] *Сикорский И. А.* Русские и украинцы. Киев, 1913. С. 4–5.

товарищам мысли и слова». В XVI–XVII веках великорусская и южнорусская письменности были еще близки к древнему церковно-славянскому или книжному языку и обе обладали приблизительно равными шансами на первенство, но в течение XVIII века и начале XIX века совершилось обычное в этнической истории событие — выбор одного из племенных наречий и возведение его в ранг общего языка.

Вероятными причинами этнического избрания великорусской речи и письменности, по мнению ученого, являются:

1) появление «четырех гениальных» (Ломоносова, Пушкина, Гоголя, Лермонтова) и «нескольких талантливых» людей (Жуковского, Тургенева, Аксаковых) и целой плеяды второстепенных деятелей (за исключением Гоголя все были великоруссы по рождению);

2) свойственный великоруссам перевес воли, дающей успех во всяком деле при прочих равных шансах.

Помимо этих условий, самая природа языка, т. е. его лингвистические свойства и его психология диктовали направление событий. Вообще, говоря о национальном характере велико- и малороссов, Сикорский подчеркивает их разницу, которая заключается не только в преобладании воли у великороссов, но и в наличии у малороссов таких несомненных черт, как идеализм, мечтательность (уж не эта ли черта заставляет людей сегодня, невзирая ни на что, грезить о европейской комфортной жизни?), романтизм. Великороссам же, по мысли ученого, более свойственны прагматизм, реалистичность, выдержка, внутренняя правдивость[1].

По мнению Сикорского, появление украинского (южнорусского) языка на этническом поле России около столетия тому назад уже не могло изменить судеб даже в тот момент, когда на горизонте засветилась яркая звезда Тараса Шевченко. С именем Т. Шевченко связано воссоздание украинского языка и самого термина «Украина», «украинцы». Этот термин появляется в истории впервые (по отношению к Южной Руси) в административном польском и московском обиходе около XVI–XVII веков наравне с другими терминами, обозначавшими территории: Псковская, Рязанская, Гетманская «Украина». В первой половине XIX века для Южной Руси этот термин освящен талантом Шевченко, с этого времени украинство становится не только литературным, но и политическим движением, особенно с момента основания Литературного товарищества имени Шевченко (1873), в 1892 году реорганизованного в Научное товарищество им. Шевченко) в Австрии, председателем которого, добавим мы, в 1897 года стал М. С. Грушевский. Профессор Киевского университета, историк и филолог-славист, Флоринский Т. Д. (1854–1919) в статье «“Наукове товариство імени Шевченка” и создаваемый им научный “україньско-руський” язык» писал о нем: «Поистине удивительно, каким образом русский образованный и ученый человек, имевший возможность в свои школьные годы (в противоположность некоторым галицким ученым сепаратистского толка) близко познакомиться с необъятной силой русской ученой литературы и мировым значением общерусского языка, явившись в Галичину, выступил горячим противником идеи распространения этого могучего языка и этой богатой литературы среди русского населения Австрии»[2].

---

[1] *Сикорский И. А.* Русские и украинцы. Киев, 1913. С. 22–23.

[2] http://www.edrus.org/content/view/192/63/1/5/.

Однако Грушевский хорошо подходил на роль связующего звена между галицийским украинством и населением русской Украины.

И. А. Сикорский развивает теорию языка, согласно которой «не звуками, не фонетикой, не лингвистикой характеризуются язык, речь и слово, а психологией и умственными процессами, лежащими в душе человека и народа»[1]. Сравнивая язык русский и украинский, продолжает ученый, легко усмотреть почти полное тождество психологии этих двух языков и лежащую в основе их совершенную близость душевных и умственных процессов, воззрений и приемов мысли. Это показывает с очевидностью, что русский и украинский языки — это не два языка, а один язык; в крайнем случае можно говорить о двух наречиях одного праязыка.

Именно в этом и лежит причина медленного распространения литературного украинского языка: его функции вполне замещаются русским.

Профессор Грушевский сам жалуется, что плохо распространяются украинские газеты и журналы, нет украинского министерства народного просвещения, которое завело бы общую грамматику, правописание и стилистику. «Это показывает, что украинцы-возражатели (против внедрения мовы. — *Л. Б.*) глубоко правы, но профессор Грушевский столько же неправ. Слабое сочувствие украинского народа с его интеллигенцией делу создания языка и работам по доведению украинской мови до ранга литературной высоты объясняется тем именно обстоятельством, что эта мова психологически весьма близка, если не тождественна в своих психологических основах с общерусской литературной речью»[2].

Сикорский много раз подчеркивает крайнюю политизированность взглядов Грушевского. «Может быть, кому-нибудь очень необходимо, чтобы Россия в своем прошлом была Украиной. А русские украинцами, но только этого никогда не было на самом деле. Хотя почтенный профессор и говорит нам об украинской колонизации по Днепру уже в X веке, а порогом исторических времен для украинского народа признает IV век, но такие утверждения совершенно произвольны». И далее: «Горько восплакалась бы Ярославна в Путивле на стене, когда услышала бы, что она “украинка”, а не русская женщина. Зарыдали бы все русские женщины и в чувстве возмущения и печали присоединились бы к Ярославне, отстаивая дорогое имя своей страны и своей души»[3].

Вообще, «Слово о полку Игореве» И. А. Сикорский считает главным доказательством глубокой неправды Грушевского. «Ведь те герои, которые описаны в Слове, называли себя “**русскими**”, они пали на Каяле на реке “за **русскую** землю”, как удостоверяет автор Слова, современник, а, вероятно, и участник похода Игоря, который называет их “русичами”. Восплакала Ярославна, обращаясь к “**русским** женам” со своими жалобными воплями и слезами. Восстонал Киев, Чернигов, Полоцк, тоска разлилась по всей “**русской** земле”, зарыдали “жены **русские**” над великим несчастием, которое почувствовалось во всех пределах широкой земли единого русского организма: тоска разлилась по “**русской** земле”, и густая печаль потекла посреди и омрачилось веселье, а великий Святослав ронял золотые слова,

[1] *Сикорский И. А.* Русские и украинцы. Киев, 1913. С. 45.

[2] Там же. С. 48.

[3] Там же. С. 54.

смешанные с печалью и слезами, и только за пределами “**русской** земли” готские девы весело запели и стали хвастать и звенеть “**русским** золотом”…

И после этих торжественных свидетельств всей этнически русской земли, при личном удостоверении современного бытописателя и поэта, русский ученый историк, вдохновленный закордонными течениями, уверяет нас в своих сочинениях, что события совершились не в русской земле, что Игорь и его воины, и даже поэт — бытописатель событий, были “украинцы”, что они боролись с половцами и пали не за русскую землю, как им показалось, а за Украину!.. Дальше нельзя идти в вольном переводе исторических документов с их подлинного языка на язык желаемых, но не существующих фактов!», — пишет Сикорский[1].

В подтверждение своего взгляда И. А. Сикорский ссылается на Н. И. Костомарова (ссылка эта не случайна: Костомаров сам «переболел» украинофильством, будучи одним из создателей тайного Кирилло-Мефодиевского общества, отстаивавшего украинскую культурно-национальную автономию; ученый являлся знатоком и собирателем украинского фольклора), который «в своей статье 50 лет назад говорит о двух русских народностях: великоруссах и южноруссах, то речь, ясно, идет только о подразделениях, как показывает и самое заглавие[2], притом историк делает это не на основании современной этнической психологии великоруссов и южноруссов, а скорее ввиду проявленных ими изначальных историко-политических тенденций, предопределивших политическую судьбу всей расы, именно — стремления создать общину и государство за счет индивидуальных свобод (великоруссы) и слабо проявленных государственных тенденций (южноруссы). За исключением этого специального политического пункта, обе поднародности проявляют общие этнические свойства. Итак, профессор Сикорский, опираясь на данные исторической науки, делает вывод о том, что малороссы — некоторая обособленная, но не самостоятельная культурная и этническая единица.

М. С. Грушевский, напротив, доказывал полное этническое различие великороссов и малороссов и культурную и политическую самостоятельность последних. Он утверждал, что вместо единой русской истории существуют две истории двух разных народностей: «История Украины-Руси» и «История Московии, или Великороссии», говоря при этом, что «только Иловайские»[3] могут верить в единство русского народа. Для обозначения Киевской Руси М. С. Грушевским был введен искусственный термин «Украина-Русь». Государства с таким названием никогда не существовало. «Украина-Русь» — гибрид, созданный М. С. Грушевским в политических целях, именно для оправдания смены этнонима при конструировании новой, украинской, идентичности в конце XIX — начале XX века.

Сегодня схема Грушевского получила новую жизнь. В докладе «Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории» (2009), подготовленном группой российских ученых,

---

[1] *Сикорский И. А.* Русские и украинцы. Киев, 1913. С. 48–49.

[2] Статья Н. И. Костомарова так и называлась — «Две русские народности». См.: *Костомаров Н.* Две русские народности // Основа. СПб., 1861, № 3. С. 33–80.

[3] Иловайский Д. И. (1832–1920), русский историк, автор пятитомной «Истории России» и множества гимназических учебников, по которым школьники учились вплоть до 1917 г.

на основании которого была написана монография[1], отмечается, что в современных украинских школьных учебниках излагается схема М. С. Грушевского, ключевым моментом которой является отрицание древнерусской народности и утверждение о параллельном существовании двух народностей: «украинско-русской» и «великорусской». Соответственно, по Грушевскому, Киевская Держава — государство «украинско-русской», а Владимиро-Суздальская — «великорусской» народности.

Здесь надо сделать небольшое отступление к биографии историка, чтобы объяснить складывание подобных взглядов. Политическое и культурное движение «украинофильство», о котором шла речь выше, зародилось в австрийской Галиции как реакция на притеснительную политику империи и властей польской автономии в составе Австро-Венгерской империи. Грушевский занял в нем видное место, став руководителем Научного общества им. Шевченко, субсидировавшегося австрийским правительством и русскими, близкими к народничеству, и пропагандировавшего идею культурной независимости украинского народа. За период своего проживания во Львове — центре украинофильства — М. С. Грушевский сменил несколько галицких партий, но в роли активного политика он не мог нигде долго выдержать. По своим взглядам он был близок к российским эсерам. Впоследствии идейно-политические взгляды Грушевского совпали с предположительными перспективами развития только что созданного СССР, началом украинизации и нэповской либерализации и стали решающим фактором его возвращения в СССР.

М. С. Грушевский настаивал на необходимости создания системы украинских школ от начальных до высших, по примеру австрийской Галичины. Их прототипом могли стать школы, возникавшие в Малороссии еще до разделов Польши. В то время на ее территории возникло активное религиозное противостояние, выразившееся в учреждении различных систем школьного образования. Здесь действовали иезуитские католические школы, братские православные школы, которым покровительствовал Константинополь. Это противостояние, по мнению Грушевского, и стало стимулом развития культуры Малороссии. Однако оно не ввело народного языка в литературу (в чем и состояла его слабость), довольствуясь церковно-славянским с примесью народных, украинских, белорусских и польских элементов[2].

К русским школам он относился скептически, полагая, что они «не в состоянии сообщить детям такое знание великорусского языка, чтобы он мог сделаться для них настоящим культурным орудием»[3]. При этом свой родной язык, пишет ученый, украинское население считает «мужицким». Кстати, свои взгляды он связывал с кружком «Киевская старина», участие в котором принимал Костомаров. Его деятельность он видел первым периодом развития украинофильства, когда Малороссии отводилась только культурная работа, а политическая и общественная полагалась общероссийским делом. Украино-

---

[1] *Данилов А. А.* Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории. М., 2009 г. См.: http://padabum.com/d.php?id=37884

[2] *Грушевский М. С.* Иллюстрированная история украинского народа. СПб., 1913. С. 149–150; 298.

[3] *Грушевский М. С.* Освобождение России и украинский вопрос. СПб., 1907. С. 35.

фильство же более позднее противопоставило русской стихии украинскую[1]. Россия теперь представала грозным соперником Малороссии. Чтобы уравнять в правах Украину и Россию придумывается целая теория украинской государственности, не имеющая никакого фактического основания.

Таким образом, Грушевский имел предшественников как в лице малороссийской древней Киево-Могилянской школы, которую он считал родоначальницей общерусского и украинского образования, так и в украинских просветительных обществах, возникавших на территории Малороссии в XIX веке. На рубеже веков Киев одновременно являлся центром общероссийской культурной и украинофильской мысли.

Посмотрим теперь, какую же политику в сфере просвещения проводило российское правительство в малороссийских землях.

Школа нерусских народов регулировалась и центральным, и местным законодательством. Однако белорусский и малорусский язык относили к наречиям русского и поэтому самые жесткие законы существовали по отношению к украинским и белорусским школам — там практически было запрещено преподавание на родном языке (кроме периода 1905–1907 гг.). Кроме тесного этнического и цивилизационного родства (русский язык многими считался родным) такая позиция правительства во многом объяснялась еще и политическим весом вопроса: великороссы составляли 43 % населения по переписи 1897 года, то есть меньше половины населения России. Три же народа в единстве составляли его подавляющее большинство.

Но если религиозные основания великороссов и белорусов были в основном едины, то украинский народ был разделен со времен Средневековья на католическую, униатскую и православную части.

Надо сказать, что школьные традиции Юго-Западной Руси были очень древними. Одними из наиболее распространенных миссионерских общественных организаций были братства, стихийно возникавшие при церквях, монастырях, приходах. Братства как форма объединения на религиозной (православной основе) зародились на малороссийских и белорусских землях в XVI–XVII веках как организации, противостоящие польскому диктату. Сначала братства были хозяйственными обществами, куда входили ремесленники, мелкие купцы, крестьяне, мещане, местная интеллигенция. Из хозяйственных задач постепенно выросли просвещенческие и образовательные, которые оформились в широкое движение против католицизма.

Школы братств были бессословны, бесплатны, обучали детей на церковно-славянском языке, кое-где допускались и местные языки. В них преподавался довольно широкий круг предметов, в том числе и естественные науки. Руководство осуществлялось общим собранием братства.

Со временем братства распространились по всей территории страны. Они учреждались при монастырях и храмах, существовали и епархиальные братства. Попечение о начальном народном образовании и просвещении стало одной из основных их задач[2].

В культуре украинского народа было много элементов как польского, так и русского культурного влияния, что отразилось на народном языке,

---

[1] *Грушевский М. С.* Освобождение России и украинский вопрос. СПб., 1907. С. 52–53.

[2] «Народное образование». 1896, № 6. С. 135.

вере, обычаях. Одной из задач украинофилов была организация украинской национальной народной, то есть сельской, школы. Но сельские школы (как земские, так и приходские) трудно было открыть без материальной помощи помещиков, которые принадлежали, в основном, к польской или русской национальности и не считали необходимым открывать малорусские школы. Министерские же (государственные) школы имелись только в волостных центрах.

Польская культура еще со времен Речи Посполитой заявляла серьезные претензии на влияние среди малороссийского населения. Католические школы существовали издавна практически при каждом приходе или монастыре и отличались хорошо налаженным преподаванием богословского цикла знаний, а также языков и ряда гуманитарных светских наук. Некоторые из них вели свое существование от древних иезуитских колледжей или монастырских школ. В XVIII веке орден иезуитов был запрещен папой римским и его представители оказались в основном в Восточной Европе, где сильно повлияли на образование и школу. В Российской империи католики появились при Петре I, к концу царствия которого их насчитывалось 2000 человек. После присоединения польских территорий (раздела Польши в конце XVIII века) католическое население составляло уже несколько миллионов, а к 1917 году — 10,5 млн человек. В России католические учебные заведения в основном концентрировались на северо-западе и западе страны — в том числе и на Украине. Имелись они также и в столицах. В конце XIX века римско-католической церкви принадлежали 2 гимназии в Санкт-Петербурге и одна в Москве[1]. Два университета давали католическое богословское образование (Варшавский и Виленский).

До восстания 1830-х голов польская школа развивалась на западе страны ничем не стесняемая со стороны властей и представляла собой самостоятельную систему. «Мечтательное полонофильство Александра I привело к тому, что православный народ Правобережной Украины и Белоруссии, имевший позади более чем двухсотлетнюю историю борьбы за Православие, …остался фактически без должной поддержки Государя и правительства Империи, в которой Православная Церковь официально имела статус господствующей… Организованный А. Чарторыйским Виленский учебный округ был… звеном в цепи его планов по реставрации Речи Посполитой»[2]. Российская история в польских школах не преподавалась, русский язык преподавался как иностранный. Так, даже в официальных документах Варшавского учебного округа родным языком всего населения Литвы, Белоруссии, Правобережной Украины, среди которого поляки составляли абсолютное меньшинство, именовался польский[3].

Польские территории в России имели особые права. Так, в Царстве Польском была своя национальная валюта, свое законодательное собрание (сейм), своя конституция и даже своя армия. Культурное влияние на соседние народы также было значительным. Тем не менее, польская шляхта в XIX веке организовала целую серию антиправительственных восстаний.

---

[1] РГИА, ф. 846, оп. 1, д. 165, л. 23–23 об.

[2] *Шевченко М. М.* Конец одного Величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003. С. 98.

[3] Там же. С. 99.

Причем очевидно, что чем либеральнее была государственная политика, тем сильнее развивались революционные настроения среди польского населения. Император Николай I счел польское восстание 1830 года личным оскорблением и вызовом всей Императорской фамилии, которая старалась ни в чем не ущемлять польское население, перешедшее к России после разделов Польши. Естественно, что после каждого такого выступления государство принимало меры ограничительного характера. Русское общество отозвалось на восстание с одной стороны — стихотворением А. С. Пушкина «Клеветникам России», осуждавшим предательство Польши и сочувственное отношение к ней Европы, с другой — статьями А. И. Герцена, всецело поддерживавшего бунтовщиков.

Польское вооруженное восстание против России начала 30-х годов вызвало ликвидацию польских школ. Польская печать после восстания 1830–1831 была подвергнута строгой цензуре, что оправдывалось необходимостью сохранения должного уважения к вере, неприкосновенности прав верховной власти, чистоты нравов и личной чести. Варшавское общество друзей наук было упразднено; библиотека его и музеи переведены в Петербург. Были закрыты Варшавский и Виленский университеты и Кременецкий лицей. Вместо Варшавского университета разрешено было открыть при варшавской гимназии добавочные курсы по педагогике и юриспруденции (1840), но спустя некоторое время ввиду возможности образования среди молодежи тайных обществ и они были закрыты.

Вновь открытый Киевский университет (1834) задумывался как место взаимодействия польского и русского юношества и подготовки педагогов для гимназий. Однако в 1839 году в нем созрел заговор польских студентов против власти. В том же году был образован Варшавский учебный округ, отданный в управление попечителю, непосредственно зависевшему от министра народного просвещения. Преподавание в средних учебных заведениях велось на русском языке. Правительство обратило внимание и на образование женской молодежи, как будущих матерей, от которых зависит воспитание последующих поколений. С этой целью в Варшаве был учрежден Александрийский институт.

Следующее польское восстание 1863 года стало причиной жестких мер, направленных против образования на польском языке. Вслед за усмирением мятежа последовало переустройство Царства Польского. Самое название Царства было уничтожено. Разделенное заново на 10 губерний, Царство получило наименование «Привислинского края». В польских губерниях была введена общерусская администрация с делопроизводством на русском языке. Русский язык стал обязательным и в школах. Привислинский край был занят большим количеством войск. Таким образом, результатом вооруженного мятежа стало уничтожение всех особенностей, отличавших Польшу в порядке самоуправления от прочих частей империи.

После подавления польского восстания 1863–1864 годов правительство начало принимать активные меры к усилению русского культурного влияния в крае. Указом 1869 года преподавание в Царстве Польском было переведено на русский язык, исключая католический Закон Божий. Были устроены русские православные школы в сельской местности для православных. Для католиков учреждались школы при костелах. Высшее духовное образование они получали в Краковской академии.

В западных губерниях, где коренное население подвергалось ополячиванию и отчасти было увлечено в мятеж, после подавления мятежа началась усиленная работа М. Н. Муравьева над уничтожением польского преобладания. С этой целью он желал «упрочить и возвысить русскую народность и православие» в крае, «поддержать русское духовенство». Ряд мер, проведенных в этом духе, подорвал силу польского влияния и уничтожил внешние признаки польского преобладания в западных и юго-западных губерниях. Преследование польских помещиков и польского духовенства за участие в мятеже, ограничение польского языка в школах и публичных местах создали Муравьеву репутацию деспота в польских и либеральных кругах. Русские же деятели, трудившиеся вместе с Муравьевым в Западном крае, сохранили уважение к его патриотизму, твердости и прямоте в деле управления вверенным ему краем.

Хотя школа на польском языке после восстания в 1863–1864 годов была официально запрещена, но практически все время существовала нелегально или полулегально в виде сети частных школ и просветительных обществ, устраиваемых польским духовенством и дворянством. Долгое время предметом дебатов было допущение ксендзов в общеобразовательную школу, министерство народного просвещения говорило об их русофобии. Однако все же в 1882 году преподавание польским духовенством Закона Божия было разрешено — но только по соглашению училищного (школьного) начальства с местной губернской властью[1]. Уже в 1905 году под давлением стремительно революционизировавшегося русского общества было разрешено преподавать в школах польский язык и Закон Божий по-польски, а в частных гимназиях — и другие предметы. Активно действовали в Западном крае и Прибалтике польские просветительные общества «Матица» и «Освяты», пропагандировавшие, по оценке современных исследователей, «политическую нетерпимость и культурное противостояние»[2].

Долгое время польским обществом игнорировались правительственные (министерские) школы, открытые в западных губерниях. Духовенство всемерно уклонялось от преподавания в них римско-католического вероучения, открывая альтернативные частные школы на польском языке и школы при костелах. Польские катехизационные собрания также выполняли несвойственные им широкие функции. В Тирасполе и Плоцке были открыты римско-католические семинарии, при которых епархиальные католические власти добивались разрешения организовать гимназии с польским языком преподавания, с курсом и правами правительственных гимназий, однако с подчинением католическому епископу и единым с семинариями преподавательским составом.

Украинофилы в этот период активизировали свои выступления в защиту украинской народной школы: Н. И. Костомаров в полемике с историком, археографом М. Ю. Юзефовичем отстаивал необходимость печатать на украинском языке учебную литературу. Были сделаны переводы духовной литературы (включая Евангелие) на украинский язык, однако они были почти сразу запрещены.

---

[1] Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 686.

[2] Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 70–71.

В 1875 году правительством было созвано особое совещание по делу об украинофильстве, а в 1876 и в 1881 годах были приняты два секретных высочайших повеления об ограничении печатания книг на малороссийском языке — дозволялось печатать исторические источники и беллетристику: театр и чтения на родном языке допускались с разрешения местного начальства. Решено было запретить ввоз украинских книг из-за границы, периодическую печать на украинском языке[1]. В то время правительство довольно решительно ставило заслон сепаратизму, подпитываемому из-за рубежа, что предотвращало раскол образованных слоев Малороссии. Процесс консолидации украинской нации, происходивший под влиянием двух культурно-исторических типов, в котором важную роль играла национальная школа, вызывал закономерное беспокойство правительства — от того, в какую сторону будет направлено развитие школы, культуры и украинской элиты, зависела судьба всего юго-западного региона. Противостояние России и Запада в лице польского католичества конкретно выливалось в противостояние разных школьных систем.

В конце XIX века в прессе развернулась полемика о том, какие начальные школы — церковно-приходские или министерские лучше открывать в Малороссии (Киевской, Волынской, Подольской губерниях). Попечитель Киевского учебного округа настаивал на дополнительном открытии министерских школ, где смогут учиться дети, независимо от религиозной принадлежности. Автор одной из статей в крупнейшем педагогическом журнале рубежа веков «Народное образование» отмечал, что министерские школы расположены только в волостных центрах, одна на целую волость, поэтому посещать ее могли только дети близлежащих сел. Крестьяне отказывались платить налог на строительство и содержание такой школы, предпочитая ей приходскую как более дешевую и близкую[2]. Таким образом, предпочтение сельским населением церковно-приходских школ основывалось на простом материальном расчете.

Ситуация с украинофильством резко меняется в 1905–1907 годах. Испытывая сильное давление общественности, правительство уже не действовало так решительно. Был принят целый ряд законов, более либеральных, чем прежние. «Общественное мнение» России, как это часто было в ее истории, явно поддерживало антигосударственные тенденции. Так, в период первой русской революции Академия наук России выступила против ограничений украинского языка, обосновывая это тем, что они способствуют росту украинской антирусской литературы в австро-венгерской Галиции, неграмотности крестьянства Украины, недовольству украинской интеллигенции. В докладе правительству комиссии под председательством видного филолога, академика Ф. Е. Корша указывалось, что язык не может быть подцензурным, поскольку является внешней формой культуры, за которой может скрываться разное содержание. Однако за призывами разрешить печатать литературу на малороссийском наречии скрывались чисто политические цели. Даже простая нехватка типографских мощностей служила причиной настоящего вала книг, приходящих из-за рубежа.

---

[1] Об отмене стеснений малорусского печатного слова. СПб., 1910. С. 22.

[2] *В. Ш.* Школы Юго-Западного края // Народное образование. 1896. № 3. С. 49–74.

Школьная проблема в западных губерниях приобрела политическую окраску. Советские исследователи проблем исторической демографии С. И. Брук и В. М. Кабузан отмечают факт «массовой полонизации литовского и белорусского населения», а также западноукраинских народов в начале XX века[1]. Дополнительным языком богослужения (кроме основного — латыни) и молитв у литовцев, западных белорусов и украинцев являлся польский язык. Соответственно, как язык вероучения, а значит, учебного предмета «Закон Божий» он проникал и в школу, завоевывая там все более важное место.

В 1905–1907 годах под давлением русских образованных слоев и части властных структур было разрешено печатать духовную литературу на украинском языке. Ряд депутатов Думы предложили разрешить и начальное обучение на украинском языке, однако правительство высказалось против такой меры, поскольку знало о контактах национальных украинских организаций, организовавших украинские школы, с правительством Австро-Венгрии. Особую записку с возражениями по этому поводу написал П. А. Столыпин.

В 1910 году вновь работало междуведомственное совещание по вопросам постановки начального преподавания среди иноверческого и инородческого населения. На нем прямо был поставлен вопрос о том, что практически повсеместно национальному образованию сообщается антигосударственная и узконациональная окраска. Одним из основных таких способов польское образование. В 1908 году было закрыто польское просветительское общество «Матица», непосредственно руководимое католическим духовенством. Впрочем, почти сразу в качестве нового школьного центра был открыт «Католический союз», развернувший обширную систему частных школ. Если по ходатайству Министерства народного просвещения какие-то школы и закрывались по причине нелояльности к власти, то сразу же открывалась школа при костеле, проводившая ту же политику[2]. При этом белорусам и малороссам внушалось, что родным языком для них является польский, для чего оказывалось всяческое давление на родителей и опекунов, определяющих, согласно правительственному указу от 22 февраля 1906 года, язык обучения ребенка[3]. При католических семинариях в Тирасполе и Плоцке польское духовенство добивалось разрешения на открытие общеобразовательных гимназий с обучением на польском языке. Эти гимназии должны были, в том числе, готовить педагогов для украинских школ. Видя такую борьбу за детей в западных областях России, можно понять, почему о. Иоанн Кронштадтский считал царский манифест «О свободе вероисповедания», в котором православным людям было разрешено переходить в другие конфессии, разрушительным для государства. Если принципам Православной Церкви был всегда чужд дух прозелитизма, агрессивное навязывание своей веры, она миссионерствовала исключительно проповедью, то римско-католическая церковь никогда не гнушалась такими приемами. Достаточно вспомнить завоевания конкистадоров, походы тевтонского ордена, крестоносцев, да и другие многочисленные примеры. Поэтому и силы были неравными.

---

[1] «Советская этнография», 1980, № 6. С. 30.

[2] РГИА; ф. 846, оп. 1, д. 165. Л. 2–2 об.

[3] Там же. Л. 3.

Таким образом, вопрос о школе на украинском и белорусском языках не мог быть положительно разрешен: государственные соображения были весомее «педагогических». Чем либеральнее была политика правительства, тем было меньше шансов сделать просвещение этого края частью общероссийской культуры. Школа являлась одним из важнейших интегрирующих российское общество элементов.

Культурная «пограничность» Малороссии, ее положение на стыке религий и цивилизаций диктовали и диктуют различное отношение к русскому просвещению разных этнических и социальных групп, разных людей. В этом ключе удачна метафора о. Андрея Ткачева, который сравнил взаимоотношения Малороссии со своими соседями с семьей Тараса Бульбы, где два сына одних и тех же родителей, одинаково воспитанные в семье и бурсе, сделали разный выбор. Один — в пользу красивой полячки («евроинтеграция»), другой — в пользу Отечества. Такой же выбор стоит и сегодня. Потому что есть вопросы из категории «вечных».

Вышла книга

Беленчук Л. Н.

Просвещение в России: взгляд западников и славянофилов. М.: Изд-во ПСТГУ, 2014. — 147 с.

Книга посвящена оформлению идей российского западничества и славянофильства в середине XIX века в сфере образования. В ней рассматриваются вопросы взаимодействия культурных традиций России и Европы (ключевая тема того времени), свободы личности, роли познания в воспитании и образовании человека, исторического воспитания народа, а также практическая педагогическая деятельность мыслителей, многие из которых были профессиональными преподавателями. Объектом анализа стали идеи В. Г. Белинского, Т. Н. Грановского, А. И. Герцена, А. С. Хомякова, И.В. Киреевского, Ю. Ф. Самарина и других.

Борис КЛЮЧНИКОВ

ВОЗРОЖДЕНИЕ ГОЛЛИЗМА

Борис Федорович Ключников — родился в г. Георгиевске Ставропольского края в 1935 г. Окончил с отличием МГИМО, Дипломатическую академию. В течение более 20 лет работал в ЮНЕСКО в Париже. В качестве эксперта ЮНЕСКО и Всемирного Банка работал в десятках стран Азии, Африки и Латинской Америки. Многие годы был директором программы политики и планирования образования ЮНЕСКО. Вернувшись на родину, стал главным научным сотрудником Института востоковедения РАН, профессором Восточного университета. Автор семи монографий. В течение 15 лет печатается в журнале «Наш современник». **Живет в Переделкино.**

История вновь ускоряет бег. И мир, затаив дыхание, следит за грандиозными событиями, за такими опасными протуберанцами в метаполитике, что они могут спалить мир в планетарной войне. Миражи нового халифата тревожат умы и сердца миллионов мусульман: они ненавидят Америку, презирают Европу, всех христиан, жаждут реванша. Исламистский джихад стоит ныне не только у ворот Вены, как это было в XVII веке, но у ворот всех столиц дряхлеющей Европы. А Европа, ее Евросоюз — гигантская безвольная медуза, вновь и вновь демонстрирует миру несамостоятельность во внешней политике, в отстаивании национальных интересов.

Кто виновен в удручающем состоянии Европы, о котором печалится Папа Франциск? Те политики, которые с 1945 года стоят у власти — имя им атлантисты. Атлантизм — англосаксонская доктрина, она основывается на каркасе двухсотлетней Британской империи. Атлантизм — это фундамент американоцентристской геополитики и геоэкономики. Первым бросил вызов атлантизму один из лучших сыновей великой Франции генерал де Голль. Он вывел вооруженные силы Франции из-под командования НАТО, потребовал соблюдать золотой стандарт доллара, протянул руку дружбы La Russie et en elle — вечной России. «Европа, — говорил он, — простирается через политические границы до Урала и далее до Тихого океана». «Западная Европа это всего лишь полуостров, атлантический фасад великого континента Евразии. Ее тихоокеанским фасадом является Россия. Так давайте достраивать евразийский ансамбль», — пророчески звал генерал де Голль. Звал, несмотря на кардинальные различия в общественном строе СССР и стран Западной Европы.

Деголлевская трактовка географии была смертельно опасна для Англии и для США. Они сделали все возможное и даже невозможное, чтобы голлизм сгинул, навсегда ушел в политическое небытие. Европейские атлантисты, казалось, искоренили голлизм навсегда!

Но нет! В проектировании будущего Европы в последние годы все заметнее и чаще проявляется самостоятельный антиатлантистский актор: корпорации и бизнесмены реального сектора европейской экономики, евроскептики, противники НАТО, национал-патриоты, популистские левые партии, даже финансовый олигархат и старая аристократия. Антиатлантисты устали от диктата и авантюр Вашингтона. Они ищут новых союзников.

Взоры обращаются в первую очередь к России, да и сама Россия ищет союзников. И не только на Востоке, но и в Европе. Союз с атлантистами, которые стоят у власти в странах Евросоюза, ныне исключен. Они безоговорочно и спешно исполняют заказы Вашингтона, в том числе заказ остановить наметившийся дрейф основных европейских государств к сотрудничеству с Россией, к созданию путинской «Большой Европы» от Лиссабона до Владивостока и оси Париж — Берлин — Москва. Для этого Вашингтон осуществил на Украине очередную цветную революцию и вверг братский наш народ в гражданскую войну. Для этого авантюрист Яценюк строит стену на границе с Россией, роет ров экскаваторами, завезенными из США!

Атлантисты засели на командных постах в Евросоюзе. Дело в том, что сам генетический код Евросоюза атлантистский. Отцом Евросоюза был вовсе не Роберт Шуман, вознесенный на Олимп, а госсекретарь США Дин Ачесон. Его целью была замаскированная оккупация европейских государств, постоянный надзор, присутствие в Европе власти и военной мощи США, конечно «в общих интересах европейцев и американцев». Генсек НАТО лорд Исмей кратко определил еще в 50-х годах задачу: «America in, Russia out, Germany down» («Америка в Европе, вон из нее Россию, пригнуть Германию»). Этот замысел распознал гениальный Шарль де Голль, метко назвав «федеративную Европу самоблокирующим ансамблем», управляемым «внешним федератором» — США. Де Голль выдвинул альтернативу: нет «отечеству Европа, вперед к Европе отечеств», т. е. не за федеративную, а конфедеративную Европу до Урала. Ныне — до Владивостока.

Украинский кризис высветил полную зависимость и брюссельской бюрократии, и канцлера Германии, и других политиков от диктата неоконов в Вашингтоне. В такой мере, что в Москве по поводу санкций официально было заявлено, что Россия примет во внимание несамостоятельность европейских властей. Гордые своим имперским прошлым, своими победами и научными достижениями европейцы глубоко оскорблены и унижены: американцы вновь показательно выкрутили им руки. На виду всего мира заталкивают европейский капитал в трансатлантическое сообщество, бесцеремонно заставляют порвать взаимовыгодное сотрудничество с Россией.

Европейцы, в первую очередь предприниматели в реальном секторе экономики Германии, Франции, Италии, уже два десятка лет с недоумением, а ныне с негодованием, наблюдают, как «национальные» правители часто действуют в угоду американцам, вопреки национальным интересам. Зачем, в чьих интересах было бомбить и дробить Югославию? Зачем европейцам в подбрюшье мусульманские государства Албания, Босния, Косово с 13 американскими военными базами? По первому зову они начнут джихад против стареющей Европы. В мусульманском мире, напротив, 40 % населе-

ния относится к возрастной группе менее 15 лет. Зачем «гениальные художники» американских разведывательных служб ляпают по всему Ближнему и Среднему Востоку, в странах на постсоветском пространстве цветные революций? Не потому ли, размышляют ныне европейцы, что Большой Брат, осуществляя геополитику нефти и газа, решил поставить жизненно важное снабжение Европы энергоресурсами под свой контроль?! Иначе Европа начнет закупать нефть только за евро, доллар будет все более хиреть. Помимо этого, американцы ищут рынки сбыта для своего сланцевого газа и нефти. Устранив поставки энергоресурсов из России, взорвав посредством украинских бандеровцев работы по Южному потоку, надавив на слабую Норвегию, Вашингтон готовит энергетическую зависимость Западной Европы, подрывает ее конкурентоспособность и кредитоспособность, ставит ее в зависимость от своего сланцевого газа и нефти. В итоге, мечтают в Вашингтоне, — США станут «сияющим градом на холме», единственной в мире тихой гаванью для капиталов, а доллар укрепится как единственный якорь спасения. Главное в этой стратегии не допустить возникновения центра сопротивления — оси Париж — Берлин — Москва. Цели и планы США в Европе медленно, но верно становятся ясными и неприемлемыми в общественном сознании европейцев.

Особенно болезненно воспринимаются непрекращающиеся титанические усилия Вашингтона остановить сближение с Россией. Об этом писал 12 мая 2012 г. в статье Г. Д. Геншер, 18 лет бывший министром иностранных дел ФРГ. Статья озаглавлена «Не конфронтация, а союзничество с Россией». Особо выделена как элемент новой метаполитики формула Геншера: «…Решение больших проблем нашего времени возможно совместно с Россией, но ни в коем случае вопреки ей». Статья была приурочена к конференции в Вене на тему «Европа отечеств или отечество Европа». Или, например, что писал еще пять лет тому назад главный редактор французского журнала «Revue de la Defence Nationale» Оливье Ведрин в книге «Идеи для единой Европы»: «Европа от Лиссабона до Владивостока — это единственное решение, приближающее нас к планетарному консенсусу». И далее прозорливая оценка личности Путина: «Путин единственный в Европе лидер, который излагает свои взгляды ясно и конструктивно»[1]. В. Путин вновь подтвердил это выступлением в Сочи 25 октября 2014 года.

ДОЛГОВАЯ БОМБА

Есть у Вашингтона и правящих там неоконов еще одна срочная, трудно решаемая задача: заставить весь мир, прежде всего богатую Европу, оплачивать государственный долг США. Он уже достиг 17,5 триллионов долларов, то есть превысил ВВП страны, и нарастает ежегодно на один триллион. Это беспрецедентное долговое бремя можно сбросить или во время всемирного кризиса путем объявления государственного банкротства, дефолта, или серией больших войн и хаоса, когда миру, прежде всего европейцам, можно будет сказать: мы вас защищаем от агрессии русского медведя или ислама! Так платите! В этом цель и смысл неслыханной русофобии и исламофобии, разжигаемых СМИ, десятками тысяч продажных европейских журналистов, подсаженных на иглу грантов спецслужб. В этом цель непристойной

[1] *Vedrine Oliver*. «Idees pour une Europe unies», Paris, 2009.

кампании «Вали Путина!». Медиасфера, где монопольно распоряжаются американцы, переполнена клеветой о Путине и России. Речь не об «украх». Те явные отморозки и временщики. Речь о таких типах как глава Евросоюза Ж. Баррозу, который лгал, будто Путин готовится за пару недель захватить Киев, о провокаторе и недавнем генсеке НАТО Андерсе Фог Расмуссене; о спикере польского сейма Сикорском, уверявшем мир, что Путин предложил ему раздел Украины. Такая геббельсовская низость в большой политике — признак бессилия и надвигающегося краха атлантистов.

Пугают европейцев Россией! Она, де, захватила Крым, а завтра возьмет Прибалтику, Финляндию и т. д. Скрывают, что подлинная грозная опасность исходит от бандеровцев, захвативших Украину, от ползучего неонацизма, штаммы которого живы в Европе. Вашингтон натравливает Европу на Россию потому, что считает ее главной виновницей своих поражений: именно Россия, спасая Сирию, отвела удар по Ирану, по Египту, по Йемену. Даже Саудовская Аравия и Эмираты, зная коварство американцев, меняют свое отношение к России: может, она поможет, когда неоконы начнут перекраивать границы государств на Ближнем Востоке. Не случайно лидеры арабских государств зачастили в Москву, просятся на прием к Путину.

Из-за множащихся неудач, очевидных провалов и скрытых язв США теряют уверенность, творят глупости. Почва уходит у них из-под ног. Это сумерки великой страны и виновники — неоконы. Вдруг внутренняя оппозиция оповещает мир, что бесконтрольная эмиссия долларов зарезервирована в основном для «параллельной экономики» — для наркобизнеса, для нелегальной торговли оружием, для черных рынков, где правит бал ЦРУ. Затем мир узнает, что США вовсе не самая большая экономика мира. Многие эксперты утверждают, что Вашингтон систематически фальсифицирует статистику: расходы на оборону, число безработных и др. занижает, доходы завышает. Полагают, что ВВП США завышен на 35 %. Китай, якобы, напротив, занижает свой ВВП чуть ли не на 50 %, так что реальный ВВП Китая — 17 триллионов долларов, что больше, чем ВВП США. Если это так, то госдолг США уже превышает их ВВП! А это катастрофа. В СМИ появились сообщения, что английская разведка МИ-6 уже разработала план «распила России» и оплаты долга англосаксов за счет России, как это они сделали в 90-е годы. Проблема госзадолженности США — это грозная опасность для всего мира. Она должна решаться без промедления, под надзором ООН. Это бомба, заложенная под мировыми финансами в целом. В метаполитике наших дней следует исходить из того, что уже идет мировая финансовая война. Можно уже сейчас сокрушить доллар, но по последствиям это сравнимо с применением ядерного оружия. Исход — война без победителя!

«Аннушка уже пролила масло»: оружие против доллара уже готово — Китай держит 4 триллиона долларов в казначейских билетах США; Япония и Саудовская Аравия по 2 триллиона. Среди крупных держателей Германия, Россия, Франция. Но Китай идет другим путем: за доллары-пустышки он скупает золото и реальные ценности — шахты, порты, заводы и прочую недвижимость. Когда ситуация позволит, он нажмет кнопку финансового взрыва. Китай и страны БРИКС как дамоклов меч нависают над США. Россия инициирует создание финансово-экономических структур альтернативных атлантизму. Это, бесспорно, новейший элемент метаполитики. Китай мог бы скупать ежегодно до 4 тысяч тонн золота. Но ему мешает «денежная НАТО» — США, Англия, Европейский центральный банк. Они сами сгреба-

ют золотые запасы и реальный сектор экономики задолжавших европейских стран, таких как Греция, Португалия, Ирландия, постсоветские страны.

Широко известно, что неоконовский банк Гольдман Сакс годами охотился за национальными богатствами Греции, довел ее до дефолта. Затем Германии и Франции пришлось спасать эту страну. У них не было выбора, ибо дефолт Греции ставил под угрозу в целом европейскую валюту евро. Спасение 9-миллионной Греции обошлось Евросоюзу, в основном Германии, в 231 млрд евро. Сколько потребуется для спасения 40-миллионной Украины? На что надеются киевские яценюки? Заметим, что в таких кризисных ситуациях вырисовывается еще один трюк новой политики Вашингтона: поставить немцев в такое положение, чтобы они платили за всех бедолаг Евросоюза плюс за его ассоциированных членов. «Украина це ж Европа!» — горланят майданщики. Это обескровливает Германию, озлобляет немцев. Среди них зреют гроздья гнева. А европейские атлантисты втуне пытаются устранять финансовые преступления, не смея даже назвать финансовых мошенников за океаном. Канцлер Меркель беспомощно жалуется: «возможности Германии не безграничны» (nicht unbegrenzt).

Немцы возмущены также тем, что Вашингтон отказывается выполнить договоренность возвратить Германии ее золотой запас в 1800 тонн золота. Все чаще высказываются подозрения, что этого запаса в хранилищах США давно нет, что он использован для покрытия американских долгов. В общественном сознании европейцев растет протест против Вашингтона и его тиранического управляющего — брюссельской бюрократии Евросоюза. Становится очевидным их стремление держать Европу в положении геополитической периферии. Несамостоятельность даже крупных европейских государств проявилась особенно отчетливо в украинском кризисе. В мире понимают, что, хотя Евросоюз экономический гигант, несмотря на то, что его ВВП уже превышает американский — 17,5 и 16 триллионов соответственно, в мировой политике он карлик, а в военном отношении червячок, полностью полагающийся на НАТО. Европейцам уже невмоготу слышать, что американцы освободили Европу от нацизма и 70 лет защищают от большевизма и русских, что для защиты европейцев они тратят в год триллион долларов, то есть 5 % ВВП (в сравнении с 1,7 % ВВП на оборону в Евросоюзе).

Старые банкирские дома Европы с тревогой наблюдают, как американцы шаг за шагом разрушают мировую финансовую систему, создают виртуальные «богатства», внедряют сомнительные финансовые продукты[1].

Уже давно высшие американские руководители позволяют себе весьма обидные, если не оскорбительные, для европейцев высказывания. Суть их примерно такая: как только мы уходим из Европы, там начинаются хаос, войны, беспорядки и потому нам приходится возвращаться и наводить порядок. Однако европейцы помнят, как США наживались на европейских войнах. Именно в результате двух мировых войн США стали сверхдержавой. И поэтому они, видимо, не прочь развязать новую большую войну в Европе и в ней сжечь свои долги. Украинский фитиль уже горит.

Из этого анализа, между прочим, следует, что какие бы сумерки не сгущались над Вашингтоном, пока в европейских странах у власти находятся недоговороспособные атлантисты, украинский кризис нам придется решать

[1] См. подробнее Fortune. Le blog economique de FDESOCHE. Guerre monetaire: l'Allemagne: estellel'idiote utile?Juine 2012 par HENRI.

с американцами. Европа у них на коротком поводке. Ситуация в корне изменилась бы, если бы во Франции к власти пришли подлинные голлисты, Национальный фронт, президент Марин Ле Пен.

ОХОТА НА ЛИДЕРОВ

Европейская общественность уже многие годы наблюдает за скандалами, возникающими вокруг тех политиков и общественных деятелей, которые, следуя идеям де Голля о «Европе до Урала», пытались сделать хотя бы несколько шагов для сближения с новой Россией, уменьшить степень зависимости, ограничить давление Вашингтона. Чтобы не допустить этого, сеть американских спецслужб ведет шпионаж и постоянную слежку за национальными лидерами, даже за такими лояльными, покорными атлантистами, как канцлер Меркель, президенты Франции, премьеры Италии. Организована была систематическая охота на не вполне лояльных лидеров.

Наблюдая эту нескончаемую череду довольно грязных скандалов, вспоминается древнегреческая легенда: тиран Сиракуз решил узнать секрет тирана Милета, которому тридцать лет удается оставаться у власти. Послал к нему посла за советом. Когда посол вернулся, тиран Сиракуз спросил его: так в чем секрет тирана Милета, что он посоветовал? Посол недоуменно пожал плечами: тиран Милета не дал совета, ни слова на мои четкие вопросы. Он молча шел по пшеничному полю и срывал попадавшиеся слишком высокие колоски. Посол не понял, но тиран Сиракуз уяснил безмолвный совет: убирай вождей, выдающихся личностей. Так и поступают спецслужбы США.

Недавний пример — уже упоминавшийся скандал с директором МВФ Стросс-Каном. В остатках еще свободных европейских СМИ все чаще вспоминают скандал, устроенный разведслужбами и оккультными силами против Гельмута Коля. Он был канцлером Германии в течение 17 лет (1982–1998 гг.) и получил у немецкого народа особое признание второго Бисмарка, «объединителя Германии». Но он стал явно склоняться к долговременной стратегии постепенного сближения с Россией. Как-то он сказал Путину: «Без России у Европы нет будущего». Это кошмар для атлантистов, для Вашингтона. Они привлекли Г. Коля к суду за мелкие нарушения во время выборов. В Германии многие знают, что в этом скандале неприглядную роль играла и Ангела Меркель[1]. В ноябре 2014 г., накануне 25-летия ликвидации берлинской стены, Г. Коль опубликовал книгу «В заботе о Европе» (Aus Sorge um Europa), в которой вновь призывает европейцев не портить добрых отношений с Россией, не поддаваться внешнему давлению, не участвовать в санкциях.

Убрали и другого канцлера — Г. Шрёдера, который осмелился дружить с Путиным и с Россией, поддержал строительство «Северного потока», то есть поставки газа в Европу в обход самого послушного сателлита США Польши по дну Балтийского моря. Сорвали венную реформу бундесвера, отправили в отставку, обвинив в плагиате, военного министра Гуттенберга (zu Guttenberg) — потомка Бисмарка и Вильгельма Завоевателя.

Есть признаки того, что выходят из пассива, из выжидания и подчинения США родовая европейская аристократия и сам Ватикан. Немцы отклик-

[1] См. об этом подробнее: Parvulescu Jean, Affaire Kohl: Allemagneattaqué del'interiere. А также его: Future Grand Europe et Conspirationmondialiste de EU.

нулись на гневное письмо нобелевского лауреата, писателя Гюнтера Грасса (Guenter Grass), озаглавленное «Что мы должны, наконец, высказать». В нем речь идет о фактической оккупации Германии. В Евросоюзе, как и в России, помнят заявление председателя Европарламента М. Шульца по поводу отказа в ноябре 2013 г. президента Украины Януковича подписать соглашение об ассоциации Украины с Евросоюзом: «Он не подпишет, так подпишет другой президент». Так и сделали, устроили путч, свергли законного президента, избрали нового. И вот новый, покорный Западу президент развязал на Украине гражданскую войну. Но в итоге попросил то же, что и Янукович: отложить экономическую часть соглашения на год.

Легко было начать травлю премьер-министра Италии Берлускони. Пытались привлечь к суду бывшего президента Франции Ж. Ширака. Французы удивлялись, почему президент Саркози пытается судить Ширака? Потребовали американцы: Ширак, Шрёдер и Путин в 2003 г. отказались участвовать в интервенции в Ираке. Французы считали, что надо Саркози судить: он получал на свои выборы миллионы долларов от ливийского лидера М. Каддафи.

Каддафи загнали в западню английские спецслужбы, отдав его на растерзание исламистам. Недавно была раскрыта тайна смерти в 60-е годы президента Конго Патриса Лумумбы: опять английские агенты, опять коварный Альбион. На словах свободолюбивые, заносчивые европейские атлантисты на деле покорно мирятся не только со слежкой и шпионажем, но и с программой «Эшелон», действующей только исключительно между разведками англосаксонских государств: США, Англия, Канада, Австралия, Новая Зеландия. Только между ними разрешено делится всей секретной информацией. Лидирует и наставляет во многих таких программах Англия.

Сейчас среди историков идет спор о том, почему Сталин до последнего дня все-таки сомневался в нападении гитлеровской Германии. Дело в том, что в Германии тех дней как катастрофу, как кошмар считали войну на два фронта. И тем не менее, Гитлер, не окончив «странную войну» на Западе, напал на СССР. Почему? По совокупности косвенных доказательств можно вполне обоснованно предположить, что Гитлер и его заместитель Гесс договорились с англичанами, а возможно и с американцами, что война на Западе будет «странной», вялотекущей, что Германии позволят основные силы бросить на разгром общего врага — социалистического Советского Союза. О возможности такого сговора говорят и следующие установки Гитлера: «Политику завоевания новых земель в Европе Германия могла бы вести только в союзе с Англией против России, но и наоборот: политику завоевания колоний и усиления своей мировой торговли могла бы вести только в союзе с Россией против Англии». В союзники фюрер выбрал Англию, патетически требуя: «Любые жертвы, чтобы добиться благосклонности Англии»[1]. Англичане скорее всего с самого начала обманывали немцев: им нужно было столкнуть русских и немцев, а потом разделаться с обоими, обескровленными и слабыми. Именно поэтому Черчилль добивался в мае-июне 1945 г. атомной бомбардировки Кремля.

В этом коварном замысле участвовал Гесс. Он много знал и потому никогда не должен был выйти из тюрьмы. Как только Гесс узнал, что Горбачев дал согласие его освободить, он сказал сыну по телефону: «Теперь

[1] *Гитлер А.* Моя борьба. Таллин: Ода. С. 118–120.

англичане меня убьют». И действительно, вскоре он «повесился». 90-летний старик, который уже не мог сам побриться! Вот с такими коварными партнерами-англосаксами приходится нам ныне иметь дело и на Украине. В Европе приходилось слышать мрачную шутку: что может быть хуже вражды с англосаксами. Ответ: только дружба с ними. Это знал де Голль.

Не потому ли В. Путин в речи в Сочи в октябре 2014 г. задал риторический вопрос: «комфортно» ли такое лидерство США для всех неанглосаксов?

ЖАЛО БУМЕРАНГА

Какие кренделя выписывает история! Кто мог предположить 30–35 лет тому назад, что Вашингтон и Москва поменяются местами, что США, Запад, все атлантисты начнут возводить новый железный занавес! Как в 70-е годы на Западе торжествовали, что диссиденты бегут из СССР, в том числе дочь Сталина, писатель Солженицын, поэты и художники. Все это подавалось как бесспорное свидетельство превосходства, уверенности в победе в холодной войне против «империи зла». Прошло всего четверть века и настроения в США, и особенно в Европе, и России стали меняться. Оказалось, что, хлебнув законов рынка и рыночной демократии, многие жители бывших социалистических стран не так критично, как некогда, стали вспоминать жизнь в социалистических обществах. Поразительно, что опрос в Германии накануне празднования 25-летия падения берлинской стены показал, что каждый шестой житель хотел бы, чтобы ее не сносили и, как многие высказались, сделали ее «на три метра выше». Запад сам теперь возводит стены — на юге США, в Северной Африке, на Украине. Там появились свои диссиденты. И не только Ассанж и его сторонники в Викиликсе. Особенно серьезный удар престижу Вашингтона нанес своими разоблачениями Сноуден. Он показал, что США ныне — это империя агрессии и лицемерия, попирающая ценности, заложенные отцами-основателями этой чудо-страны. Он способствовал разрушению мифов об Америке как светоче демократии, справедливости и всемирного защитника прав человека. И вот что, по-видимому, самое важное: американское общество разделилось в оценке личности и роли Сноудена. Для десятков миллионов американцев и для большинства европейцев — он подлинный патриот своей родины.

Последние 70 лет Вашингтон не только последовательно устранял независимых политиков, но и целенаправленно выращивал в Европе преданных сторонников-атлантистов. Для этого создавались особые фонды и клубы «молодых будущих лидеров». Американцы продвигали их по службе, контролировали назначение наиболее влиятельных чиновников и общественных деятелей. Все еврокомиссары — члены Бильдербергского клуба. Особое внимание уделяется также министрам иностранных дел и финансов стран Евросоюза. Продвижение на генеральские посты в европейских армиях контролируется в НАТО и посольствах США. После того, как канцлер Германии Шрёдер и президент Франции Ширак отказались в 2003 г. принять участие во второй войне Вашингтона против Ирака, спецслужбы США предприняли чрезвычайные меры, чтобы убрать их и назначить на эти ключевые посты своих людей. Не за горами тот день, когда европейцы узнают, кто и как приводит к власти личностей, которые так явно виляют, не хотят или не могут защищать национальны интересы. Может быть поэтому в Ев-

ропе нет и не было уже полвека личностей калибра де Голля или Аденауэра. У европейских лидеров нет собственных позиций, они все время оглядываются на Вашингтон, а там предостаточно своих бездарей, своя сумятица в принятии решений. Не видно лидеров с широким реалистичным видением будущего. Даже текущие финансовые, валютные и прочие экономические неурядицы решаются плохо или запоздало. Уже заметно, как европейские атлантисты начали перекрашиваться в националистов, в популистов, в евроскептиков и т. д. Враждебные элиты отступают. При множащихся провалах и неудачах огрызаются на вашингтонских и брюссельских поводырей. Сумерки сгущаются.

Особое внимание все послевоенные годы уделялось медиасфере. СМИ Европы почти полностью контролируются атлантистами. Они привыкли к монополии и не способны терпеть инакомыслия, иного освещения событий. И потому мы все чаще слышим слезливые жалобы атлантистов о необъективности и предвзятости сообщений то из России, то из Китая, то из Бразилии, то из Аргентины и Венесуэлы. Индийские СМИ тоже стали непокладисты. И, как некогда в СССР, Запад начинает защищаться от инакомыслия. Как и в торговле, он и в СМИ за свободу, за «free flow of information» (доктрина свободного распространения информации), но только для себя, а оппонентов, критиков всеми средствами пытается устранить и подавить. Негласная цензура всегда была, а скоро, видимо, появятся и глушилки.

Вашингтонская дипломатия следует установкам Британской империи, сформулированной 150 лет назад: у Великобритании нет постоянных друзей и союзников; есть и постоянно преследуются собственные интересы. Это, между прочим, значит, что Вашингтон не может рассчитывать на верность даже Лондона. Там с тревогой наблюдают рост влияния Германии и пытаются перетянуть на свою сторону Францию. По мере того, как слабеет империя доллара, все чаще наблюдаются отклонения и Банка Англии от все более авантюрного курса Вашингтона. У Виндзоров—Ротшильдов есть свои интересы, например, особая валютная зона фунта стерлингов. В Лондоне Америка все в меньшей мере представляется англосаксонской страной. Это новый «Рим в огне» — многонациональное, мультикультурное, многорасовое общество, покрытое сетью расовых гетто и городов-призраков, сотрясаемое расовыми бунтами то в Фергюсоне, то в Сан-Луисе, а в ноябре 2014 г. в 47 штатах.

В конце октября 2014 г. старинный рупор Виндзоров газета «Gardian» «пророчески» признала полезность и необходимость создать реальный противовес Америке! Для Вашингтона это чудовищная ересь. Будем надеяться, что в этот раз противовесом станет не Россия, что мы вместе со старой континенталистской, а не атлантистской Европой будем шаг за шагом реализовывать проект Большой Европы от Лиссабона до Владивостока. Грандиозное общее дело для нескольких поколений европейцев. Наш Дальний Восток, подобно Калифорнии в США, должен стать и уже становится вторым тихоокеанским лицом России и всей Большой Европы.

СУДЬБОНОСНАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Что касается демографии в США, то ясно, что межрасовые разногласия будут быстро нарастать, что идет взрывоопасное слияние расовых и социальных противоречий. Этот процесс ускоряется. Несмотря на предельные усилия правительственной пропаганды, черные, желтые, белые не питают

друг к другу ни родственных, ни дружеских чувств. Пять лет назад афроамериканцы, латинос и азиаты составляли даже согласно официальным данным уже 41,5 % трехсотмиллионного населения США. Фактических их доля много выше. К 2030 году, всего через 15 лет белые будут уже меньшинством, каким они уже являются в десятках штатов. А демография — это судьба наций. Вспомним, что еще сто лет назад, до Первой мировой войны, лица европейского происхождения составляли 25 % населения планеты, а вместе с переселенцами 36 %. В наше время их доля упала до 10–12 %. Некоторые демографы настаивают, что доля белых не более 7 %. Напомню также, что всего век назад русские и немцы имели самую высокую в мире рождаемость. На великолепной выставке 400-летия дома Романовых многие с изумлением узнали, что за четверть века царствования «Николая II Кровавого» население России выросло со 120 до 180 млн человек.

Уже многие десятилетия наблюдается процесс вымирания европейцев. Рекордно быстро он идет в Германии: здесь рождаемость составляет 1,3 %, тогда как даже для простого воспроизводства поколения необходимы 2,2 %. Причины, корни этой демографической трагедии европейцев, считают немецкие социологи, — в «либерализме — в этом коктейле из гуманистического, космополитического мессианизма и меркантилистского, утилитарного индивидуализма». Если в Европе есть прирост населения, то это обычно за счет иммигрантов из Азии и Африки. Они люди других цивилизаций, других культур, других рас, и им труднее ассимилироваться, чем «родичам по вере и расе». В США более 60 миллионов граждан немецкого происхождения, но они уже давно и легко ассимилировались. Иначе обстоит дело с мексиканцами и прочими латинос, еще сложнее с китайцами и прочими азиатами. США этнически лоскутное государство. Европейцы не хотят такой же участи.

Итак, перед нами осознанная грозная опасность цивилизационному воспроизводству европейцев, сохранению их цивилизационной идентичности и национального самосознания. Намечая пути развития будущих поколений, нельзя поэтому ставить, как это делают неолибералы, во главу угла экономику, ВВП, прочие «экономизмы». Они не более чем средства, инструменты сбережения наций, их культуры. История учит, что демография, рост и качество народонаселения, его образованность являются ключом к будущим успехам и победам потомков. Нет рождаемости, нет детей, если не поет душа.

ДУХ ШИЛЛЕРА

Итак, сумерки в Вашингтоне сгущаются и потому, что плавильный котел мультикультурализма все чаще дает сбои. Белые покидают «цветные» города. Футурологи рисуют все более мрачные сценарии. Г. Селенте (G. Celente), например, прогнозирует начало большой гражданской войны в США уже в ближайшие годы. В конце ноября 2014 г. Соединенные Штаты в целом явились миру как «протестующий Фергюсен». Селенте предсказал много свершившихся событий, и ему верят. Ему вторит известный ученый Г. Ковингтон (H. Covington): «ввиду неизбежного взрыва США (inevitable explosion) мы объявляем программу “Северо-Западный Императив”». Что же это за программа? Оказывается, это подготовка массового исхода белых американцев, которые запрутся в северо-западных штатах и на Аляске. «Мы создадим в тихоокеанском северо-западе новую Белую Родину», — оповещает американцев Грег Джонсон. Он главный редактор

журнала «Occidental Observer». Его обвиняют в расизме. Да, пока это голоса радикального меньшинства, но они первые капли из трещинок в мощной плотине американской государственности.

Готовясь к схватке с Китаем, Вашингтон вновь, как во времена холодной войны, впадает в «блокоманию», сколачивает торгово-экономические зоны, пространства, партнерства. Безуспешно пытается подорвать АТЕС, создать транстихоокеанское экономическое партнерство. Но Китай уверенно вытесняет США из Африки и из Латинской Америки. На очереди Европа. Безуспешными оказались и титанические усилия американской дипломатии заставить Китай принять участие в санкциях против России. Это отказались сделать и другие государства Азиатско-Тихоокеанского региона, даже такие близкие союзники, как Южная Корея. Поддалась давлению только крайне зависимая Япония, но участвует неохотно и мелко.

И здесь выявляется еще один новый элемент метаполитики: Вашингтон психологически не способен примириться с тем, что все больше государств и корпораций ускользают из сферы его диктата. Это воспринимается как национальное унижение. «Звездная болезнь» еще долго будет мешать Вашингтону примириться с более скромной ролью. В результате все чаще приходится слышать от европейских дипломатов и бизнесменов раздраженные замечания о том, что американцы не способны к переговорам, к адекватной оценке ситуации. Иначе быть и не может, если сам президент США заявляет об «исключительности Америки». В свете этого необходимо прогнозировать последствия украинского кризиса: удастся ли Вашингтону вырыть ров, установить железный занавес между Европой и Россией? Или, напротив, украинская катастрофа и выкручивание европейцам рук усилят сближение, взаимный дрейф Европы и России к более глубокому сотрудничеству, к строительству Большой Европы от Лиссабона до Владивостока.

Готовясь к столкновению с Китаем, Вашингтон будет делать все, чтобы еще прочнее привязать к себе Евросоюз, раздробить Россию и сделать русский народ, а вместе с ним и мусульман Востока пушечным мясом в предстоящей грандиозной схватке с проснувшимся и взлетевшим драконом. Англосаксонской дипломатии это много раз в истории удавалось, в том числе в двух мировых войнах. В Германии и во Франции помнят предостережение Бисмарка относительно Англии, которое ныне вполне относится к политике США: «Политика Англии всегда заключалась в том, чтобы найти такого дурака в Европе, который своими боками защищал английские интересы».

Разве не таким «дураком» выглядит ныне Евросоюз? Зачем Австрии, Германии, Италии с их штаммами фашизма фашиствующая бендеровская Украина? Ясно, что американцам нужен украинский крюк под ребро России. Но зачем европейцам старого каролинговского ядра Европы конфронтация с Россией? Не надо быть провидцем, чтобы уже сейчас предвидеть прочный союз с Россией в отражении огненной лавы джихада; в энергетическом сотрудничестве, в преодолении разных кризисов и катастроф. И это неизбежное сотрудничество не должно отвергать участие США, которые, наконец, избавятся от неоконов и гегемонистских амбиций.

Помнят немцы и военные лозунги «Господи, накажи Англию!» (Gott! Straffe England!). Помнят и речи Черчилля: в 1940 г. он звал англосаксов воевать не только против Гитлера, но искоренять дух великого поэта-идеалиста Шиллера (1759–1805), то есть убить саму душу великого народа. Не нравятся атлантистам и дух Жанны д'Арк во Франции, и Гарибальди

в Италии. Не нужны им ни национальные государства и культура, ни особая европейская цивилизация. Они не против канадского и американского мультикультурализма, их мало волнуют последствия иммиграции с Юга.

Кого атлантисты выдвинули на пост специального представителя ООН по проблемам миграции? Саусерлэнда (Soutterland) — президента банка Гольдман и Сакс, влиятельного члена Бильдербергского клуба, бескомпромиссного борца против всех проявлений особой европейской идентичности. В Европе помнят его наказ: «Евросоюз должен стирать национальную однородность и идентичность». То есть забудьте, что вы испанцы, французы, немцы, венгры и т. д., никакой деголлевской Европы отечеств! И это вопреки воле и более мелких этносов — шотландцев остаться шотландцами, басков басками, каталонцев каталонцами и т. д.

Однако, возможно нации действительно вредный консерватизм, реакционный атавизм?! Нет, богатство человечества в разнообразии, в особой идентичности, в неповторимости личности и этносов, как и отпечатков пальцев. Великий Гете так и писал: в человечестве высшая ценность личность (Die Persönlichkeit). Это не индивидуализм, не эгоизм. Смешение и однообразие — это склероз и смерть и личности, и нации. Защита этнической и культурной идентичности — это императив выживания этносов. Душа есть не только у отдельной человеческой личности, но и у этносов, народностей и наций. Наш Пушкин писал: «здесь русский дух, здесь Русью пахнет». Это героический дух былинных богатырей, неуемный дух поиска новгородских и псковских ушкуйников и вольных казаков, это музыка Мусоргского и Прокофьева. Дух Шиллера — это похожий дух свободы, дух вечного поиска идеального, дух воли, достоинства, героизма, музыка Вагнера и Шуберта.

По слову генерала-десантника В. Уманова, этот дух есть основа духовного суверенитета народов. А это ценность не меньшая, чем свобода, демократия, права человека. Государственная идеология в России, например, должна отражать «русский дух», дух Православия, способствовать в будущем формированию на основе русского космизма ноосферной матрицы российского суперэтноса. Дух Шиллера — это квинтэссенция духовно-нравственных основ народа Германии. Этот народ исторически идеальное тоже ставил выше материального. Свидетельством этому является великая немецкая философия, прекрасные поэзия и литература, несравненная музыка.

Дух Шиллера резко отличен от англосаксонского торгового духа, духа материализма, рационализма, меркантилизма. Знают в Европе и о духе превосходства, который издавна царит среди англосаксов. В головах у многих из них заложена иерархия народов и рас. Эта иерархия относится не только к «цветным» народам, но и к людям континентальной Европы. Эта по сути расовая иерархия ныне тщательно скрывается. О вирусе расизма среди «англоязычных покорителей морей» писал и великий англичанин, христианский мыслитель А. Тойнби. Так что Черчилль боролся не только с нацизмом и Гитлером. Он заглядывал глубже и дальше. Опасался, что после победы дух Шиллера станет основой для возрождения настоящей, исторической Германии, альтернативой англосаксонскому мировоззрению. В Германии и 70 лет спустя вспоминают ночь на 14 февраля 1945 г., когда сотни англо-американских самолетов подвергли Дрезден неслыханной бомбардировке. Прекрасный город, где не было военных объектов, сгорел в пламени, подобном атомному пожару в японских Хиросиме и Нагасаки.

Немцы считают, что жгли в Дрездене не нацизм, а именно дух Шиллера, символ величия немецкого народа.

Дух Шиллера мог стать основой для континентальной геополитики школы Карла Хаусхофера (Karl Haushofer), для сближения немцев, французов и русских. После капитуляции Германии в 1945 г. таинственно исчез архив К. Хаусхофера, он и жена покончили жизнь самоубийством, их сын Альберт погиб при загадочных обстоятельствах. Геополитические концепции весьма эффективное оружие. В геополитике отца и сына Хаусхоферов ключевым была доктрина «размежевания пространственно чуждых сил», в основе которой были взгляды философа Карла Шмита. Суть ее, цитирую, «добиться от англосаксов отказа от вмешательства в дела Европы». Разве не за это в XIV–XV веках в Столетней войне сражались против англичан французы?! Путеводная звезда Жанны д'Арк продвигает европейцев к этой же цели. Хаусхоферы делали ставку на сильные европейские государства, на «каролинговское ядро» Германии, Франции, Северной Италии. Прочих в Европе они называли «надзорными карликами».

Иначе, чем Черчилль, смотрел на будущее Германии Сталин: «Гитлеры приходят и уходят, а Германия и народ немецкий остаются». Проблема современной Германии и Европы, отчасти в том, что атлантисты исправно, под диктовку Вашингтона, подавляют дух Шиллера, дух Декарта, дух де Голля.

ЛИКИ НОВОЙ ЭЛИТЫ В ЕВРОПЕ

В дыму арьергардных боев атлантистов уже можно рассмотреть лики тех, кто должен составить новую элиту в Европе. Это лидеры, которые добьются независимости от США и будут последовательно отстаивать национальные интересы своих государств и народов. Для этого им придется покончить с тиранией бюрократии Евросоюза. В них чувствуется преданность традициям своих народов, неподдельный патриотизм. У них чувствуется дух служения, и он побеждает дух стяжательства. Атлантисты им повсеместно проигрывают, и потому они третируют патриотов как «крайне правых», «ультраправых». Объявляют, что это «маргиналы», словом, отщепенцы на цветущем атлантическом древе свободы и демократии. В действительности в рядах патриотов, составляющих будущую правящую элиту Европы, мы встречаем молодых, активных, хорошо образованных людей, обоснованно критикующих проамериканские «враждебные элиты».

В вихрях кризиса, на волнах массового протеста против мультикультурализма, гейкультуры и насаждаемых Содоме и Гоморре они объединяются в массовые национал-патриотические партии и движения. Упорно и довольно успешно они прокладывают путь к власти. Их объединяет протест против глобализации-американизации, против «рыночного общества», против приватизации, и, особенно, против исламизации Европы. Вот, например, выдержка из манифеста «Воззвание к молодым европейцам», автором которого является широко известный политик и ученый Г. Фей (Faye): «Для нас общим и главным врагом является конкретная, осязаемая колонизация наших земель, которая ведется под знаменем ислама. Что касается общего противника, который стремится ослабить и подавлять нас, то это США, которые объективно являются союзником [вышеназванного] врага».

Изучение программ оппозиционных атлантизму партий выявляет общее неприятие неолиберального мирового порядка. Они понимают, чем он

грозит. Это — перспектива всемирной диктатуры. Уже полным ходом идет перекодирование и манипуляция сознания народов; слом понятий добра и зла; превращение граждан в «идеальных потребителей», демонтаж национальных государств. Будет доведено до конца уничтожение семьи и традиционного брака; узаконивание десятков извращенческих браков и прочих атрибутов гейкультуры; смешение народов и этносов в закрытых мегаполисах, вокруг которых буйствуют десятки миллионов новых варваров типа современных джихадистов. Этот новый порядок будет знаменоваться полным отказом от христианства. Патриоты различных стран Европы уже начали объединяться для борьбы против ювенальной юстиции, в защиту традиционной семьи.

В бурном потоке националистов, популистов, евроскептиков, антиатлантистов и т. д. уже можно провести разграничительную линию: многие из этих партий вовсе не правые, не экстремисты, а скорее патриоты, популисты, традиционалисты, консерваторы. В программе многих партий и движений находим четкие установки против атлантического единства, которое является основой современной проамериканской геополитической конструкции мира. В программе Национального Фронта Франции (НФ), возглавляемого Марин Ле Пен, намечено создать тройственный альянс Парижа, Берлина и Москвы, который станет основой панъевропейского союза суверенных нейтральных государств. Среди 11 главных целей («осей») НФ — выход из НАТО, из Евросоюза, из зоны евро; военное и энергетическое партнерство с Россией. Во внутренней политике НФ тоже очень близок России. Это возрождение духа исторической Франции, укрепление семьи и государства. Марин Ле Пен в массовом сознании уже стала наследницей идей и проектов Шарля де Голля.

В апреле 2011 г. она заявила французам, что когда она возглавит страну (она собирает уже треть голосов избирателей) «Франция сделает Россию своим привилегированным партнером» («La France ferait de la Russie un partner privilege»). В ноябре 2014 г. основатель и почетный председатель НФ Жан Мари Ле Пен вел в Москве переговоры о расширении сотрудничества. НФ и близкие к нему партии в других странах Европы могут стать надежными союзниками российских государственников.

В Европе уже сейчас действуют десятки партий и движений, родственных НФ Франции. Они объединяются в интернационал национал-патриотов и отказываются от сотрудничества с крайне правыми партиями, с расистами, ксенофобами, антисемитами, с фашистами и нацистами, такими как, например, Casa Pound в Италии, которая называет себя «партией фашизма третьего тысячелетия».

Надо, конечно, иметь в виду, что границы между этими партиями весьма подвижны. Не случится ли с популистами-антиатлантистами то, что произошло с фашистами в 20–30-е годы? Не скатятся ли они под напором джихада к расизму? В XVII веке джихад османов был у ворот Вены! Теперь он у ворот всех европейских столиц. Опасность фашизации есть. Но до сих пор ни одна из крупных популистских партий не поддержала бандеровцев, «правый сектор» и прочих украинских националистов. Многие, напротив, одобряют взвешенную политику России. Это означает, что в их идеологии берет верх над расизмом христианское мировоззрение.

В Вашингтоне с тревогой наблюдают за тем, что в Европе среди правящих и деловых кругов начинают понимать бессмысленность и контрпро-

дуктивность санкций против России. Мало кто в Берлине, Париже, Риме стремится углублять конфронтацию с Россией. Понимают, что американцы, организовав очередную цветную революцию в Киеве, переступили красную черту обороны России. России более некуда отступать. Санкциями такую самодостаточную страну не сломить. И потому в европейских правительствах явные разногласия. В Германии об этом сообщают уже СМИ. Вот газета «Handelsblatt» писала, что «канцлерин Меркель за дальнейшую конфронтацию. Но министр иностранных дел Штайнмаер предупреждает, что это крайне опасно, и предлагает курс на единство Европы», имея в виду и Россию. Ястребиная позиция Меркель непонятна, непоследовательна: 25 августа 2014 г. пресс-центр канцлера заявил миру, что «Германии не нужна противоракетная оборона в Центральной и Восточной Европе». Она нужна только Вашингтону. Вашингтон покорно и бездумно поддерживают только мало уважаемые исторические флюгеры Польша, Болгария, Румыния, прибалтийские государства. А в сильных и уважаемых государствах, таких как Франция, известные политики и ученые типа Пьера Русселана (Pierre Rousselin) рассуждают так: «Зачем НАТО раздувает опасность, якобы исходящую из России? Может быть для того, чтобы обосновать необходимость своего существования или скрыть отсутствие у НАТО стратегии как действовать с Исламским государством?! Решение проблем Украины тем более безотлагательно, что нашей безопасности намного больше угрожает другой фронт: дестабилизация на Среднем Востоке»[1]. Фактор радикального исламизма, грозная опасность джихада в Европе становится все более влиятельным элементом метаполитики. Поражение Вашингтона на Украине вкупе с провалами на Ближнем Востоке способны ускорить взаимный дрейф главных европейских стран и России к сотрудничеству и к коллективной безопасности. Вот эта перспектива больше всего сгущает сумерки в Вашингтоне.

Европейцы прислушиваются к тому, что говорят и о чем широко оповещают СМИ такие мудрые политики, как Г. Д. Геншер, 18 лет возглавлявший министерство иностранных дел Германии. Он имеет высокую репутацию среди дипломатов всего мира как спокойный, рассудительный, объективный политик. Геншер внимательно следит за украинским кризисом и предупреждает европейцев об опасности войны. Словесная уже идет, — пишет он. И вновь, как несколько лет назад, определяет константу внешней политики Европы: «Стабильность в и для Европы возможна только с Россией и невозможна без России, особенно против России»[2]. Это он говорит европейцам в те дни, когда «укры» во главе с Яценюком американскими экскаваторами роют ров, разъединяющий два братских народа. Геншер предлагает путь примирения: «Почему мы не создаем общее экономическое пространство, в которое включилась бы и Россия?». Это то, что уже давно предлагает В. Путин. Геншер так же, как его коллега бывший канцлер Г. Коль, считает, что Запад должен бы вести себя умнее. Вот на этой удручающей ноте и закончу свой рассказ о все более сгущающихся сумерках, которые из Вашингтона опускаются на весь мир. Но на горизонте уже сияет путеводная звезда Жанны д'Арк.

---

[1] Le Figaro, 14 Septembre 2014.

[2] Handelsblatt, 21 November 2014.

Валерий ПАВЛОВ

УРОКИ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Валерий Федорович Павлов — родился в 1947 г. в Пскове. Окончил музыкальное училище, филологический факультет педагогического института. В настоящее время доцент кафедры культурологии Псковского государственного университета. Секретарь Общественной палаты Псковской обл. В 1991–2009 гг. работал директором Псковского академического театра драмы им. А. С. Пушкина. Член Союза театральных деятелей России, заслуженный работник культуры РФ. Почетный гражданин города Пскова. Автор книг «На рубеже тысячелетий», «Дни и ночи “Карусели”», многочисленных научно-популярных статей по истории провинциального театра. **Живет в Пскове.**

Холодная война — глобальная геополитическая, экономическая и идеологическая конфронтация между Советским Союзом и его союзниками с одной стороны, и США и их союзниками — с другой, длившаяся с середины 1940-х до начала 1990-х годов XX века.

Одной из главных составляющих конфронтации была идеология. Глубинное противоречие между капиталистической и социалистической моделями мироустройства являлось основной причиной холодной войны. Две сверхдержавы — победительницы во Второй мировой войне — пытались перестроить мир согласно своим идеологическим установкам. Со временем конфронтация стала элементом идеологии двух сторон и помогала лидерам военно-политических блоков консолидировать вокруг себя союзников «перед лицом внешнего врага».

Выражение «холодная война» впервые употребил 16 апреля 1947 года Бернард Барух, советник президента США Гарри Трумэна, в речи перед палатой представителей штата Южная Каролина[1].

Внутренняя логика противостояния требовала от сторон участия в конфликтах и вмешательства в развитие событий в любой части мира. Усилия США и СССР направлялись, прежде всего, на доминирование в военной сфере. С самого начала противостояния развернулся процесс милитаризации двух сверхдержав.

США и СССР создали свои сферы влияния, закрепив их военно-политическими блоками — НАТО и Варшавским договором.

[1] Bernard Baruch coins the term «Cold War» 16 April 1947 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.history.com

Хотя США и СССР никогда не вступали в прямое военное противостояние, их соперничество за влияние часто приводило к вспышкам локальных вооруженных конфликтов по всему миру.

Холодная война сопровождалась гонкой обычных и ядерных вооружений, то и дело угрожавшей привести к третьей мировой войне. Противоборство с переменным успехом проходило и в сфере освоения космического пространства. Формальным началом холодной войны считается 5 марта 1946 года, когда Уинстон Черчилль, премьер-министр Великобритании, произнес знаменитую речь в Фултоне (США, штат Миссури), в которой выдвинул идею создания военного союза англо-саксонских стран с целью борьбы с мировым коммунизмом. США и Великобритания были крайне озабочены усилением позиций и влияния СССР после окончания Второй мировой войны как в Европе, так и во всем мире. Они были напуганы появлением в европейских странах прокоммунистических правительств.

У. Черчилль заявил: «…Факты таковы: это, конечно, не та освобожденная Европа, за которую мы боролись. Это не то, что необходимо для постоянного мира»[1]. Неделей позже И. С. Сталин в интервью «Правде» поставил Черчилля в один ряд с Гитлером и заявил, что в своей речи тот призвал Запад к войне против СССР.

12 марта 1947 года президент США Гарри Трумэн выступил с доктриной, в которой содержание начинающегося соперничества США и СССР определил как конфликт демократии и тоталитаризма.

Если оставить без внимания привычную для Запада риторику, то причина начала и развертывания холодной войны в мировом масштабе состояла в том, что американская администрация осознала невозможность уничтожения России обычными военными методами. Тогда в недрах госаппарата США стали вырабатываться планы всеобщей психологической и пропагандистской войны против СССР, на которую выделялись многие миллиарды долларов.

Определяя характер этой войны, военно-теоретический журнал НАТО «Дженерал милитари ревью» откровенно писал: «Единственный способ выиграть третью мировую войну — это взорвать Советский Союз изнутри с помощью подрывных средств и разложения. Главный метод войны — противопоставление России всем остальным странам, русского народа — всему остальному миру, а внутри страны — стравливание одних групп населения с другими»[2]. Разрушение духовных ценностей русских, навязывание чуждых установок в жизни, экономическое изматывание СССР в гонке вооружений, массовая подготовка и внедрение агентов влияния — такая методика заокеанских спецов по развалу СССР была предложена странам Запада. Ее предельно четко и цинично изложил еще в последние месяцы Второй мировой войны будущий директор ЦРУ Аллен Даллес: «Окончится война, кое-как все утрясется, устроится. И мы бросим все, что имеем, все золото, всю материальную помощь или ресурсы на оболванивание и одурачивание людей. Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их

---

[1] *Черчилль У.* Вторая мировая война / Сокр. перевод с англ. Кн. 3, т. 5–6. М., 1991, С. 574.

[2] Секреты секретных служб, США. М., 1973. С. 293.

в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих помощников и союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства мы, например, постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением, исследованием тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театр, кино — все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства, словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху…

Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство, наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов — все это будем насаждать ловко и незаметно… Мы будем расшатывать, таким образом, поколение за поколением… Мы будем браться за людей с детских, юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них шпионов, космополитов. Вот так мы это и сделаем»[1].

4 апреля 1949 года США создает военно-политический блок НАТО. В ответ 14 мая 1955 года СССР организовал Варшавский договор. Следует отметить, что СССР и его союзники были вынуждены в ходе холодной войны постоянно принимать ответные меры, чтобы обезопасить себя, добиться военного и экономического паритета, удержать равновесие сил и тем самым обеспечить в течение нескольких десятилетий мир на земле. Главными проявлениями холодной войны стали:

— образование на долгие годы двуполярного мира;

— острое политическое и идеологическое противостояние между коммунистической и западной либеральной системами;

— создание каждой из сторон военных (НАТО, СЕАТО, СЕНТО, Варшавский договор и др.) и экономических (ЕЭС, АСЕАН, СЭВ и др.) союзов;

— организация по всему миру сети военных баз США и СССР на территории иностранных государств;

— форсирование гонки вооружений и военных приготовлений;

— постоянно возникающие международные кризисы (Берлинский, Карибский кризисы, войны в Корее, Вьетнаме, Афганистане);

— негласный раздел мира на «сферы влияния»;

— поддержка оппозиционных сил в странах идеологического противника. (СССР материально поддерживал коммунистические и некоторые левые партии Запада и развивающихся стран, стимулировал деколонизацию зависимых государств. В свою очередь спецслужбы США и Великобритании поддерживали антисоветские организации в СССР и в странах Восточной

[1] «Правда», 11.03.1994 г.

Европы (Народно-трудовой союз), помогали «Солидарности» в Польше, афганским моджахедам и «Контрас» в Никарагуа);

— информационная война в СМИ и радиоэфире.

Джозеф Най, профессор Гарвардского университета (США), выступая на конференции «От Фултона до Мальты: как начиналась и как закончилась холодная война» (Горбачев-фонд, март 2005 года) указал на уроки, которые следует извлечь Западу из холодной войны:

— кровопролитие как средство урегулирования глобальных или региональных конфликтов не является неизбежным;

— существенную сдерживающую роль сыграло наличие у противоборствующих сторон ядерного оружия и понимание того, каким может стать мир после ядерного конфликта;

— ход развития конфликтов тесно связан с личными качествами конкретных лидеров (Иосиф Сталин и Гарри Трумэн, Михаил Горбачев и Рональд Рейган);

— военная мощь имеет существенное, но не решающее значение (США потерпели поражение во Вьетнаме, а СССР — в Афганистане); в эпоху национализма и третьей индустриальной (информационной) революции управлять враждебно настроенным населением оккупированной станы невозможно;

— в этих условиях гораздо большую роль приобретает экономическая мощь государства и способность экономической системы приспосабливаться к требованиям современности, способность к постоянным инновациям.

Значительную роль играет использование мягких форм влияния, или soft power, то есть способности добиться от других желаемого, не принуждая (не запугивая) их и не покупая их согласие, а привлекая на свою сторону. Сразу же после разгрома нацизма СССР и коммунистические идеи обладали серьезным потенциалом soft power, но большая часть его была утрачена после событий в Венгрии и Чехословакии, и этот процесс продолжался по мере использования Советским Союзом своей военной мощи.

А какие выводы должны сделать россияне? На последнем этапе холодной войны, когда на сторону противника перешло почти все высшее руководство СССР и влиятельная часть интеллектуальной элиты, им удалось парализовать сознание и волю большинства граждан, молниеносно провести капитуляцию и разоружение СССР, а затем разделить доставшиеся баснословные трофеи. Это уже факт истории, а нам, если хотим выжить как народ, надо из этого факта извлечь урок.

По расчетам великого Д. И. Менделеева, к концу XX века в России должно было жить 400 миллионов граждан. Многие в прошлом веке прочили России величайшее будущее. Однако все сложилось иначе. Русские пережили две национальные катастрофы — 1917 и 1991 годов, а нынче подошли к третьей. Мы очень близки к точке невозврата. За один век на Россию выпало столько несчастий и испытаний, что хватило бы на десять народов.

Более двадцати лет, прошедших после окончания холодной войны, показали, что в однополярном мире место для России есть лишь на задворках, ей отводится роль сырьевой базы Запада, который последовательно готовится к расчленению Российской Федерации на карликовые, зависимые от него княжества.

В целом ряде основательных российских исследований показано, что далеко не все удалось воплотить из советского проекта. Наше общество не выдержало искусственно созданной гонки вооружений, измены высшего руководства СССР, организованных пятой колонной агентов влияния системных экономических кризисов. Все это усугубила многолетняя тяжелая и до сих пор плохо понятая нами холодная война с Западом. Советский проект был пресечен, а советский строй во многих своих проявлениях уничтожен[1].

Думается, что мы поднимем Россию с колен, если выработаем новую идеологию, новую сферу ценностей, воодушевляющую национальную идею, если сможем внедрить в сознание наших сограждан становые инновации: духовное выше материального; общее выше личного; справедливость выше закона; будущее выше настоящего и прошлого.

Мы возродимся, если сделаем серьезные выводы из опыта холодной войны, если будем помнить слова В. Ключевского: «История ничему не учит, а только наказывает за незнание своих уроков».

Стоит еще сказать о том, что холодная война, как война цивилизационная, с поражением СССР вовсе не закончилась в принципе. Она перешла лишь в новую стадию и прикрывается новой фразеологией. Теперь уже нет пугала коммунизма, говорят «русский медведь», «русский фашизм», «русская мафия». И реальные подрывные акции Запада против России, пожалуй, еще более жестоки, чем были во времена СССР. Об этом свидетельствуют события на Украине.

Прогнозы дело неблагодарное. Но обратимся к фактам. После избрания Петра Порошенко президентом Украины «антитеррористическая операция» на Юго-Востоке страны не прекращается, а вступает в новую фазу с использованием тяжелого оружия: танков и артиллерии. Поток беженцев в Россию растет.

Несмотря на катастрофическое развитие экономики и бюджета, украинское руководство взяло курс на милитаризацию страны. Объявлена всеобщая мобилизация, на полную мощь запущена военная промышленность. Харьковский и Львовский танковые заводы заняты изготовлением новых ББМ, ремонтируют 25 танков в неделю. Одесский и Чугуевский авиазаводы восстанавливают снятые с консервации самолеты. Вооруженный конфликт в Донбассе используется как полигон для создания боеспособной армии, численность которой с помощью американских инструкторов планируется уже до Нового года довести до полумиллиона человек. П. Порошенко сделал недвусмысленные заявления: «Нам стоит привыкнуть к жизни в условиях постоянной боевой готовности», «Армия и ее перевооружение — наш главный приоритет», «Россия оккупировала Крым, который был и есть украинский. Вчера я так и сказал на встрече в Нормандии Президенту Путину», «Мы — народ, который был оторван от своей великой Родины, Европы, возвращаемся к ней. Окончательно и бесповоротно».

Все это на фоне тотальной антироссийской пропаганды в украинском медиапространстве.

Мы видим полную зависимость марионеточного режима в Киеве от американских хозяев, когда на украинском языке провозглашается то, что диктуется на английском.

---

[1] *Кара-Мурза С. Г.* Советская цивилизация. От начала до наших дней. М.: Алгоритм, 2008.

Сегодня многие люди понимают, что американские стратеги пытаются развязать в Европе четвертую мировую войну для решения своих геополитических и финансово-экономических проблем.

Агрессивность США связана с геополитической традицией, с которой они за 250 лет прошли путь от британской колонии до единственной глобальной сверхдержавы.

Мир в последние годы переходит к новому, шестому глобальному технологическому укладу. Лидерам предыдущих укладов, таким как США, во время этих переходов трудно сохранить первенство, потому что они зависят от перенакопления капитала в устаревших производствах. Чтобы остановить быстро развивающиеся страны, США вынуждены прибегать к силовым приемам. Заметьте: все три мировые войны XX века (две «горячих» и одна «холодная») были развязаны как раз в связи со сменой глобальных технологических укладов.

Сопротивление Донбасса надо рассматривать не только как движение в защиту местного населения от фашистской хунты, но и в защиту России от американской агрессии, а также всего мира от четвертой мировой войны, которая, увы, уже несколько лет как началась.

Не надо думать, что Россия, сдав Донбасс, обретет спокойствие на своих границах и внутри страны. На очереди будет Крым, активизация российской пятой колонны, попытки организации российского «майдана».

Уместно вспомнить высказывание У. Черчилля: «Тот, кто между позором и войной выбирает позор, получает позор и войну».

США любой ценой будет втягивать Россию в боевые действия, побуждать ввести войска на Украину. Сегодня нашу страну обвиняют в агрессии против суверенного государства, применяют финансовые санкции с целью списания американских обязательств перед российскими структурами в несколько сотен миллиардов долларов и смягчат свое запредельное долговое бремя.

Санкции против РФ нанесут странам ЕС ущерб на сумму около триллиона евро, что серьезно ухудшит состояние европейской экономики, ослабит европейских конкурентов США и усилит их зависимость от американцев. США надеются, что при этом возникнет непосильная для России перегрузка, в условиях которой она капитулирует перед американским давлением и пойдет на полную сдачу своих национальных интересов, что приведет к распаду Российской Федерации.

Словом, США на практике осуществляют классическую формулу гуру американской геополитики Збигнева Бжезинского: «Против России, за счет России и на обломках России».

Думается, при всем этом и США не смогут обойтись без потерь в схватке с Китаем за глобальное лидерство.

Что же делать? Надо максимально выходить из доллара во внешней торговле и в системе международных расчетов. Нужно полностью ликвидировать российские вложения в американские ценные бумаги. Надо менять налоговую систему, снижая те налоги, которые препятствуют развитию высокотехнологичного производства внутри страны. Надо решительно и четко расставить акценты во взаимоотношениях с нынешним киевским правительством, которое обеспечивает не интересы народа Украины, а интересы олигархов и госдепа США. Нужно развивать и углублять процессы ев-

разийской интеграции, стратегического сотрудничества с Китаем, Индией, странами БРИКС. Следует также активно работать по созданию широкой международной коалиции государств, способных согласованными действиями прекратить американскую агрессию.

Общественная палата Псковской области на Пленарном заседании 27 июня 2014 года приняла Обращение «Прекратить кровопролитие на Украине!», в котором призывает решать возникшие проблемы мирным путем, сесть за стол переговоров, на международном уровне расследовать совершенные против мирных жителей преступления, оказать населению юго-востока Украины моральную поддержку и гуманитарную помощь.

Вышла книга

Шорохов А. Л.

Россия в предстоянии Богу. Загадка литературы и трагедия истории / Алексей Шорохов. — М.: Вече, 2014. — 256 с.

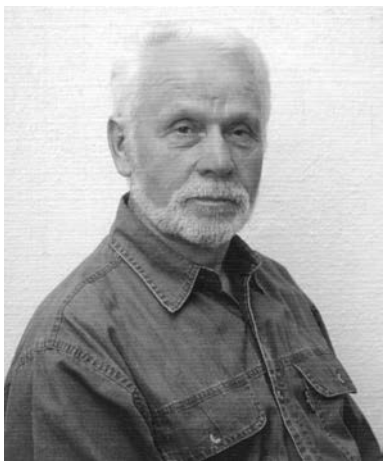

Книга известного современного поэта и публициста Алексея Шорохова «Россия в предстоянии Богу. Загадка литературы и трагедия истории» является своего рода итоговой, венчающей двадцатилетие активной публицистической деятельности ее автора. За это время литературно-критические и историко-философские статьи, вошедшие в книгу, были опубликованы и перепечатаны ведущими периодическими изданиями в России и странах православного мира (Сербии, Болгарии, Латвии), среди этих изданий «Литературная газета», «День литературы», «Российский писатель», журналы «Москва», «Литературная учеба», «Наш современник»…

Как отмечает автор предисловия к книге современный духоносный батюшка и проповедник протоиерей Александр Шаргунов: «Алексей Шорохов с любовью прослеживает путь русской литературы. Выявляет ее христианские корни. Вслед за немецким писателем Томасом Манном восклицает: “О, святая русская литература!” Писатели, ставящие перед собой высокие нравственные задачи, ищущие смысл жизни. При любом режиме воздействие на душу таких произведений — пробуждающее».

Книга будет интересна всем, кто хотя бы один раз в жизни в раздумьях остановился перед загадкой по имени «Россия».

Точка зрения

Алексей ШВЕЧИКОВ

ТОТАЛИТАРНАЯ СЕКТА ПО ИМЕНИ США

Алексей Николаевич Швечиков — религиовед, доктор философских наук, член Совета Собора православной интеллигенции, автор нескольких книг по религиоведению. Им опубликовано более 60 научно-философских работ. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Совершенный под непосредственным руководством США на Украине профашистский государственный переворот с последующим развязыванием гражданской войны и геноцидом населения Донецкой и Луганской областей, по всей вероятности, окончательно убедил мир в том, что во имя достижения своих корыстных целей США не гнушаются попрания всех норм международного права и готовы идти на любые преступления. Под знаменем защиты так называемых «национальных интересов» творится беззаконие и произвол, любая часть земного мира может быть объявлена зоной американских национальных интересов и подвергнута силовому давлению с последующим установлением порядка по рецептам США.

В последнее время политическое руководство США во главе с их президентом активно навязывают мировому сообществу идею призванности и права (якобы данного Богом) на единоличное управление Соединенными Штатами всем миром, а по существу — господства над миром. В сознании американских идеологов и политиков эта идея возникла не вчера, но в силу определенных исторических причин так громогласно, как сегодня, она не декларировалась. Есть и еще один существенный момент в современной гегемонистской доктрине США. Под идею своего владычества над миром они пытаются подвести духовную основу, поэтому объявляют США самой верующей страной христианского мира. Претензии этой молодой страны на политическое и духовное владычество над миром заставляют нас заняться выяснением истоков и корней этой гегемонистской, псевдомессианской идеологии и тех

катастрофических последствий, которые она может породить. При таких реальных угрозах миру, какие создают сегодня США своей агрессивной внешней политикой, мы должны хорошо представлять, с кем имеем дело, и что можем ожидать в дальнейшем от этого претендента на мировое господство.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ УСТАНОВКА

В 1492 г. Х. Колумб открыл Америку. В Европе это событие не могло не вызвать неподдельного интереса потому, что в ней к этому времени стала ощущаться явная нехватка земли для наделения ею всех желающих, и борьба за нее стала приобретать все более жестокие и разнообразные формы. Началась вдохновенная колонизация Америки европейскими народами. В 1614 г. было создано некое государственное образование под общим названием — Новая Англия, куда вошло шесть штатов. Так зарождались будущие Соединенные Штаты Америки, хотя эти штаты находились тогда полностью под контролем Англии и считались собственностью английской короны.

Исследовать более или менее обстоятельно все стороны возникновения и развития США в рамках одной статьи невозможно, поэтому мы ограничимся только духовной стороной этого процесса, исходя из того, что именно она является определяющей в развитии любой социальной системы. Мы исходим также из того, что сущностной основой духовной стороны всякого развития является религия, а также разделяем позицию тех философов и историков, которые считают религию основой формирования, развития и умирания цивилизаций. Выдающийся британский историк XX века Арнольд Тойнби называл религию «куколкой цивилизации». Он считал, что формирование новой цивилизации происходит на базе уже сформировавшихся религиозных идей, покоривших умы и сердца основной массы населения данного региона, готовой биться за торжество этих идей и положить, если потребуется, за них свою жизнь. В последующем эта религия становится духовной основой этой цивилизации, обеспечивая ее функционирование и развитие. Когда же в силу внешних или внутренних причин (или тех и других одновременно) позиции религии начинают ослабевать, начинает разрушаться и цивилизация.

Джон Блэк утверждал: «Сколь далеко бы вы ни заглянули, основой любого великого государства, любого общества всегда служила религия. Будь то Индия, Китай, Палестина, Греция, Карфаген, Африка или цивилизации Южной и Центральной Америки, везде происходило одно и то же: цивилизации возникали из религии, а когда традиционные верования по тем или иным причинам перестали оказывать влияние на общество, нации погибали»[1].

Исходя из исторического опыта возникновения, развития и гибели мировых цивилизаций, мы можем, с высокой степенью объективности, утверждать, что продолжительность жизни мировых цивилизаций напрямую зависела от качества их духовной жизни, т. е., прежде всего, от состояния их религиозности. Попытаемся определить роль и место религиозного фактора

[1] Цит. по кн.: *Бьюкенен П. Дж.* Смерть Запада. М., 2003. С. 273.

в становлении и развитии США — современного лидера Западной цивилизации, а также понять то, как он повлиял на формирование знаменитого, благоденствующего «американского образа жизни» и как подвел сегодня США к тоталитаризму и фашизму.

ЯВЛЕНИЕ АМЕРИКАНСКОГО МЕССИАНИЗМА

Мессианизм — явление религиозное. Он возник внутри иудаизма на базе сопротивления еврейского народа римской оккупации. Главным смыслом его бытия и национальной целью стало освобождение от власти завоевателей. Они упорно просили своего Бога послать им Мессию (второго царя Давида), под мудрым руководством которого сбросят чужеземное иго и обретут желанную свободу. Самыми активными проводниками этой идеи были *фарисеи* — секта, образовавшаяся внутри иудаизма. Когда же на земле иудейской появился посланец Бога — Иисус Христос, т. е. желаемый иудеями Мессия, и начал вместо призывов к борьбе с оккупантами проповедовать новую религию, они отвергли Христа и уничтожили Его.

Нельзя проигнорировать тот факт, что болезнью фарисейства страдали **пуритане**, составившие духовное ядро первых переселенцев из Европы в Америку. Они, как и фарисеи, верили в свою богоизбранность и в свою мессианскую роль на «новой земле» и под «новым небом», будучи убеждены, что Бог открыл им эту землю и поселил их в ней для того, чтобы создать здесь земное царство Божие — «город на холме». «Пуритане, — писал американский историк Артур Шлезингер-младший, — не просто отправлялись за океан, чтобы поселиться на необжитых землях. Они отправлялись за океан, ведомые высочайшей, с их точки зрения, идеей создания “града на холме”, нового общества, создаваемого “с чистого листа” на основе единственно верного учения. Пуритане сплошь и рядом были настроены весьма фанатично, но именно эта узость взгляда обеспечивала им бешеную энергию, невиданный напор в достижении поставленной цели»[1]. Главную и конечную цель своей божественной миссии они видели в спасении человечества, развращенного грехом и идущего к неотвратимой гибели.

Святую цель поставили перед собой пуритане. Но святая цель может достигаться только праведными средствами. Именно здесь и начинались серьезные перекосы в обеспечении единства и соответствия цели и средств. Пуритане убедили себя в том, что святость и величие целей и задач, поставленных перед ними самим Богом, позволяет им использовать любые средства для их достижения. Они посчитали, что во имя достижения святой и великой цели Сам Бог благословил их на вседозволенность. И здесь вольно или невольно напрашиваются вопросы. Мог ли, например, Бог благословить пуритан, и вообще пришлых европейцев, на зверское уничтожение коренных жителей Северной Америки — индейцев или изуверское отношение к рабам, вывезенным из Африки, когда для христианского Бога нет «ни елина, ни иудея» и все народы — его дети, и все равны перед Ним. Все люди — братья. Вот христианский принцип устроения отношений между народами независимо от их положения в мире и цвета кожи. Возникает также вопрос и о том, с чего взяли пуритане свою убежденность о возложен-

[1] *Шлезингер-младший А. М.* Циклы американской истории. М., 1992. С. 632.

ной на них Богом миссии строителей земного рая, когда никогда и никому христианский Бог этого земного рая не обещал, а говорил только о Царстве Небесном. И, наконец, самое главное: когда, где и при каких обстоятельствах, через каких святых или пророков Бог назвал пуритан «избранным народом» и уполномочил их на строительство Царства Небесного на земле и управление другими народами земли? Это все — не более чем бредовые мечтания протестантских проповедников и учителей, которые недопустимы, ибо они противоречат христианской эсхатологии. Уравнивать эти мечтания с пророчествами Ветхого и Нового Заветов — кощунство. Поэтому мессианизм и богоизбранность, которые приписали себе пуритане, есть элементарное самозванство и богохульство, присущее всякому сектантству, а пуритане — одна из сект кальвинизма. Отсюда идет их агрессивность и напористость.

Трагедия США как самостоятельной цивилизации заключается именно в том, что она стала строиться на ложной духовной основе. Этой основой стало извращенное христианское учение одной из протестантских сект под названием пуританство (или пуритантизм). Почти два столетия оно господствовало на духовном поле США, пока не распалось на множество дочерних сект, как правило, еще более обманных и амбициозных, чем оно само. Это пагубно повлияло на развитие американской национальной культуры, христианской теологии, философской и политической мысли США. В духовном плане длительное духовное лидерство пуританства с его сектантской идеологизированной и политизированной теологией привело к духовной национальной деградации и превращению США в самую сектантскую страну христианского мира. Оно закрепило и гипертрофировало в сознании американцев обманную и авантюрную идею мессианской роли США в мире и права США не только на мировое лидерство, но и на господство над всем земным миром. Особенно прочно две эти идеи закрепились в сознании американских политиков и общественных деятелей.

Воистину нет числа высказываниям по этим вопросам различных американских деятелей в разные эпохи. Отношение к нему стало неким мерилом американского патриотизма. Приведем хотя бы некоторую часть из них, но сначала заметим: уже пуритане были убеждены, что Новая Англия — «это то место, где Господь сотворит новое небо и новую землю», что в процессе этого сотворения людям, верующим во Христа, предстоит выдержать величайшие страдания во имя великой цели. Они были убеждены в том, что Бог хранил эту землю до тех пор, пока ветер религиозной Реформации не очистил Церковь, а Господь не указал путь к истинной вере. На этот путь и встали избранные Богом люди-пуритане.

Здесь мы наблюдаем, как идея мессианизма плавно переходит в идею богоизбранности определенной части людей, которые отмечены Божией благодатью. Заметим также, что на основе мессианизма и богоизбранности рождается идея водительства (лидерства) американского народа по отношению к другим народам мира, которая постепенно перерастает в идею единоличного руководства Соединенными Штатами Америки всеми странами и народами мира, т. е. в идею мирового господства этой страны.

Пуританские идеи о мессианизме и богоизбранности Америки и ее народа из религиозной (духовной) сферы постепенно перешли в область политики и идеологии. В результате чуть ли не каждый американский прези-

дент считал необходимым высказаться по этой проблеме. Первый президент США Д. Вашингтон утверждал, что сохранение в мире священного огня свободы и справедливости, а также республиканской формы правления «справедливо считаются… зависящими от эксперимента, доверенного рукам американского народа». Нельзя не обратить внимание на то, что по мере того, как Америка набирала силу и свое влияние в мире, мессионизм и богоизбранность Америки и ее народа начинают переходить в идею ее безусловного лидерства в мире, а потом и в идею мирового господства.

Президент США начала XX в. В. Вильсон был однозначно категоричен в вопросе видения исторической роли и предназначения США: «Мы пришли, — заявлял он, — спасти мир, дав ему свободу и справедливость». В его понимании, стало быть, речь должна идти о США не просто как о неком мировом лидере, а как уже о спасителе мира. Ему вторит президент Г. Трумэн: после окончания Второй мировой войны, как заявляет он, судьба «возложила на американский народ бремя ответственности за дальнейшее руководство миром». В конце XX столетия идею американского руководства миром, несколько приглушенную периодом «холодной войны», стал активно возрождать президент США Р. Рейган. Он настойчиво навязывал мировому сообществу веру в то, что США не случайно оказались на американском континенте, а по Божьему Промыслу. Поэтому на США «лежит ответственность гаранта свободы и мира». Америка и ее народ, по мнению Рейгана, это источник и воплощение добра, которому противостоит «империя зла». Этой империей зла Рейган провозгласил существующий тогда СССР.

Идеей освященного Богом права Америки на руководство миром были заражены не только президенты, но и все слои американского общества. Этот дух мессианизма, господствующий в американском обществе, знаменитый американский писатель XX в. Герман Мелвилл выразил так: «Мы, американцы, особые, избранные люди, мы — Израиль нашего времени; мы несем ковчег свободы миру… Бог предопределил, а человечество ожидает, что мы свершим нечто великое; и это великое мы ощущаем в своих душах. Остальные нации должны вскоре оказаться позади нас… Мы достаточно долго скептически относились к себе и сомневались, действительно ли пришел политический мессия. Но он пришел в нас»[1].

Необходимо заметить, что в последние десятилетия мессианские настроения в американском обществе значительно активизировались и нашли выражение в публичных выступлениях политических и общественных деятелей США. Претендент на пост президента США на выборах 2012 г. от Республиканской партии Митт Ромни (член секты мормонов) в одном из своих предвыборных выступлений заявил: «Бог создал эту страну не для того, чтобы наша нация следовала за другими. Судьба Америки не в том, чтобы быть одной из нескольких одинаково сбалансированных мировых держав. Америка должна возглавлять мир, или это сделает кто-то другой. Без американского руководства, без ясности американских целей и решимости мир станет более опасным местом, а свобода и процветание, несомненно, падут одними из первых»[2].

---

[1] Цит. по кн.: *Шлезингер-младший А. М.* Циклы американской истории. М., 1992. С. 31.

[2] Газета «Русский вестник», № 22, 2011.

Одновременно с этим усилился и агрессивный характер мессианских настроений. Так, гуру американской внешней политики Генри Киссинджер в одном из своих интервью для печати выступил с угрожающим заявлением: «Мы построим новый мировой порядок; останется лишь одна супердержава, и она будет мировым правительством. Не забывайте, у Соединенных Штатов лучшее оружие, у нас есть такие штуки, которых больше нет ни у одного государства, и мы познакомим мир с этим оружием, когда наступит время…»[1]

Вот чем заканчивается религиозная идея мессианизма и богоизбранности. Сектантски обработанная и доведенная до абсурда, она теряет всякий религиозный смысл и становится чисто светской политической идеей, опасной для человечества. К сказанному надо добавить то, что на формирование американского мессианизма оказало большое влияние американское масонство, которое расцветало пышным цветом уже при отцах-основателях США, а сегодня стало неотъемлемым элементом американской внутриполитической и духовной жизни. Как сообщает О. А. Платонов в своей книге «Россия и мировое зло», к середине XX в. число членов масонских лож и организаций в США составило около 50 млн человек. Внешнюю и внутреннюю политику США делают сегодня люди, принадлежность которых к масонству обязательна. Американские масоны считают США «масонским государством», «великой масонской сверхдержавой».

ПУРИТАНИЗМ И ПРОВИНЦИАЛИЗМ

Мы рассмотрели пуританизм и масонство как методологическую основу духовной жизни США от ее начала до современности. Теперь возникает необходимость исследования его сущности. Пуританизм (от лат. *purity* — чистота) — одна из тоталитарных протестантских сект. Она возникла в Англии во второй половине XVI века. В 1603 г., в связи с конфликтом, возникшим между руководством секты и английским королем Яковом I по вопросу отношения к папизму, была изгнана из страны в Новую Англию, бывшую тогда колонией английского королевства. Базовой религиозной основой пуританизма стал кальвинизм, поэтому, естественно, основные положения теории и практики пуританизма были взяты из учения Жана Кальвина — второй по значимости (после Лютера) фигуры религиозной европейской Реформации XVI–XVII веков. Обозначим наиболее значимые положения идей кальвинизма, которые были взяты на вооружение пуританизмом. К ним необходимо отнести в сфере **религиозной**: безусловное и точное следование требованиям Библии; непримиримая вражда к католицизму; бескомпромиссная борьба с суеверием и язычеством; отказ от епископата; выборность клира; нетерпимость к инаковерию; отделение церкви от государства, свобода церкви; устранение церковных привилегий и т. д. В сфере **нравственной**: моральные принципы и нормы кальвинизма вытекают из учения Кальвина о Божественном предопределении. Кальвин считал, что папизм умалил силу Божию и исказил истинное понятие о Боге. Воля же Божия господствует во всем и везде. Бог Сам определяет тот узкий круг людей, которые предназначены к спасению, но знать об этом они не могут.

[1] Газета «Завтра», № 36, 2013.

По каким принципам Бог определяет эту группу людей, нам неизвестно, поэтому любой верующий может оказаться в этой группе. В то же время несомненно, что творящий зло будет наказан Богом и исключен из списка спасаемых, если он в нем раньше состоял. Но и добрые земные дела не гарантируют спасения, потому что добрые и злые дела людей служат только для исполнения Божиих предначертаний.

Мораль кальвинизма аскетична и рационалистична. Воин Христа, по мнению одного из проповедников пуританизма Джона Мильтона, должен быть человеком строгим и важным, он должен остерегаться легкомыслия и болтливости, стремиться к полному самообладанию, проявлять воздержание во всем. Он должен ненавидеть роскошь и лень, быть прямолинейным, жестоким и нетерпимым к своим врагам. В своей жизни пуритане руководствовались и другими кальвинистскими принципами и нормами: осуждением праздности и расточительности, культом трудолюбия и трудового успеха, упорством в осуществлении поставленной цели, стоическим отношением к жизненным трудностям и неудачам, надеждой на поддержку Провидением веры и земных дел пуритан. Однако вместе с этими позитивными принципами утверждались и поощрялись и иные жизненные установки: стяжательство и стремление к обогащению; вседозволенность действий сильного и богатого, т. е. господства грубой силы и денег; лицемерие, прикрываемое рассуждениями о свободе, демократии и справедливости; понимание культуры как товара, который покупается за деньги; презрение к европейской культуре как культуре не народа, а аристократии; отвержение аристократии как класса бездельников и тунеядцев (отсюда следовал вывод — нам нечему у них учиться и незачем им подражать).

В сфере **политической** пуритане, следуя кальвинистским установкам, осуждающим папизм, выступали за отделение Церкви от государства и категорическое невмешательство государства в дела Церкви. Столь же категорически пуритане отвергали монархическую форму правления и отдавали предпочтение республике. В выборе формы правления в США позиции пуритан вполне совпадали с позициями отцов-основателей Америки, хотя последние пуританами не были и вообще особых симпатий к религии не испытывали. Томас Пейн, например, считал, что религия, независимо от ее учения, служит средством угнетения и орудием деспотизма. На аналогичных антирелигиозных (а точнее сказать, антицерковных) позициях стоял и другой отец-основатель — Томас Джефферсон. Будучи страстными сторонниками естественного права и противниками всякого насилия, они считали религию орудием духовного насилия над человеком, хотя наличие Бога и не отвергали. В отличии от Кальвина, делившего людей на предназначенных к спасению и не предназначенных к нему, отцы-основатели считали всех сотворенных Богом людей равными в правах. Их идея равноправия, на реализации которой они так яростно настаивали, нашла отражение в Декларации независимости, принятой конгрессом США в 1776 году. В ней, в частности, было сказано: «Мы считаем очевидными следующие истины: все люди сотворены равными, и все они одарены своим Создателем некоторыми неотчуждаемыми правами, к числу которых принадлежат: жизнь, свобода и стремление к счастью». Наверное, Пейн и Джефферсон пришли бы в ужас при виде того, что творят сегодня их одичавшие потомки под сенью этой Декларации.

Пуритантизм стал духовной основой многих изъянов в американском мировоззрении. Он породил, в частности, специфический американский *провинциализм*, который существенно повлиял и влияет до сих пор на все основные сферы жизни США. В Древнем Риме провинциями назывались удаленные от столицы (Рима) территории, завоеванные Римом. Каждая из этих провинций имела свою специфику и претендовала на особое к себе отношение митрополии. В этом мы можем убедиться на примере Древней Иудеи, провинциализм которой проявлялся наиболее наглядно и приводил к напряженным отношениям с Римом. Провинциализм — это местечковая идеология, рожденная удалением от главного ценностного центра и претендующая на свою оригинальность и самостоятельность в религии и культуре. В Древнем Египте, например, в каждой из сорока провинций (номов) была своя столица, свой местный фараон (номарх), свой главный храм и свои боги. По пути провинциализма и изоляционизма пошли сначала Новая Англия, а затем и США.

В области *духовной* пуританизм выступил с претензией на роль главного защитника чистоты и истинности христианства. Главным врагом истинного и непорочного христианства пуритане объявили католицизм (папизм), развративший и разложивший, по их мнению, христианство изнутри. Поэтому одной из основных жизненных задач пуританина объявляется жесткая и непримиримая борьба с католицизмом. Кроме ненависти к католицизму пуританин должен формировать внутри себя неприязнь ко всему чужому. Призванный строить «новую землю под новым небом», пуританин не может использовать старые нормы и принципы жизни, заведшие человечество в тупик. Пуританин должен помнить, что он принадлежит к «избранному народу», выполняющему определенную Богом миссию по строительству Царства Божьего на «новой земле». Он не обычный человек, а избранник Божий, Его верный слуга и защитник, проводник Его воли. На старой земле, где он жил прежде, все было неправильно и греховно. На новой земле все должно твориться только по воле Божьей и под Покровом Божиим. Все, что мешает осуществлению этой воли, должно быть безжалостно отброшено: погрязший в грехе европейский мир должен быть отвергнут и забыт, дикие племена индейцев-язычников, занимающих «священную землю», должны быть уничтожены, тяжелую и грязную работу, унижающую «избранников Божьих», должны выполнять вывезенные из Африки рабы-язычники. Новое христианство должно быть очищено от всякой грязи и приведено в соответствие с Божественным замыслом.

Пуританские идеи вышли за рамки религии и оказали значительное влияние на формирование государственной идеологии США и ее провинциализма. Вслед за пуританизмом она отвергла монархическую форму устроения государственной жизни, которая была принята в то время в большинстве европейских государств. Но, даже избрав республиканскую форму правления, отцы-основатели США и здесь проявили присущий пуританизму провинциализм. Они объявили о том, что их республика не будет копировать своих исторических предшественников, а пойдет своим путем и будет строить лучшее в истории государство. Сегодня мы имеем возможность убедиться в «совершенстве» этой «лучшей» республики. О. А. Платонов вынес ей такой приговор: современная «Америка — это не государство и не нация. Это просто большая территория, где временно проживают выходцы

из разных стран. Главное в том, что Америка лишена фундаментальной основы прочной государственности — национального ядра, государственного народа»[1]. Возможно, отцы-основатели США именно отсутствие этого ядра и посчитали главной новизной в истории республиканизма, или же они просто проигнорировали основополагающие принципы государственного строительства. Но, так или иначе, мы видим сегодня, как Америка ведет себя во внешней политике: не как ответственное государство, а как взбунтовавшаяся и неуправляемая провинция. Если представить земной мир как одно большое государство, то современная Америка очень похожа на эту неуправляемую провинцию.

Пуританский провинциализм, перешедший в государственную идеологию Америки, оказал пагубное влияние на формирование и развитие американской культуры. Игнорируя католицизм, он неизбежно игнорировал европейскую культуру, развившуюся на христианских ценностях. Испытывая откровенное пренебрежение ко всему чужому, протестантизм проявил острую неприязнь к европейским элитам, а особенно к аристократии, которую он посчитал паразитическим классом, тунеядцами и бездельниками. Между прочим, один из таких «бездельников и тунеядцев» французский аристократ Алексис Токвиль в середине XIX в. побывал в США, а потом написал книгу «О демократии в Америке». Сегодня является общепризнанным фактом, никто ни до него, ни после него не проник так глубоко в суть явления американской демократии, ее плюсов и огрехов, ее состояния и перспектив.

Сегодня ни один маститый американский политолог или социолог не обходится без того, чтобы не процитировать мысли этого аристократа о неаристократической Америке, в которой аристократию заменили денежные мешки и голливудские «звезды».

Ясно одно: провинциализм и здесь сыграл над Америкой злую шутку — не позволил создать культуру, достойную великой страны, которой она стала в XX столетии. Святое слово «культура» американцы превратили в бранное слово «масскульт». Здесь они преуспели и задают тон, доказывая миру еще раз, что истинной культурой может быть только национальная культура, а не ее суррогат. И еще: культура не товар, она не покупается за деньги, как посчитали американцы, а создается веками силой народного духа, горячего сердца и творческого порыва. Этого процесса Америка не прошла, не выстрадала. Став великой страной в области экономической, социально-политической и военной, Америка не стала страной великой культуры, а ограничилась лишь отдельными прорывами в ее различных направлениях. Повинна в ограниченности американской культуры и та духовная среда, которая формировалась под воздействием сектантской религиозности и сектантского провинциализма, а также потребительской идеологии.

Негативное воздействие на развитие культуры оказала и та система образования и воспитания, которая сложилась в США. «Американская система воспитания и образования, — пишет О. А. Платонов, — плодит духовных идиотов. Ни в одной другой стране не увидишь столько тупых, бессмысленных лиц, как в США… Американцы — самые скучные собеседники, их интересы почти всегда вертятся вокруг четырех вещей: деньги, покупки,

[1] *Платонов О. А.* Россия и мировое зло. М., 2014. С. 260.

машины и секс. Почти половина американцев, окончивших среднюю школу, функционально неграмотны, т. е. не умеют нормально читать и писать»[1]. Таковы плоды той провинциальной установки, которая гласит: «Мы — американцы лучше и выше всех по определению, потому что мы — граждане самой лучшей, самой успешной и самой могучей страны земного мира, и нам все позволено». Но с такой идеологией можно сломать себе шею, что, очевидно, и произойдет с Америкой в обозримом будущем.

ХРИСТИАНСТВО ИЛИ АНТИХРИСТИАНСТВО?

Основатели американской религиозности — пуритане были убеждены, что они утверждают на земле Америки самое чистое, неизвращенное, истинное христианство. Эта убежденность в непорочности и совершенстве своего учения и благочестии религиозной практики пуританизированного христианства глубоко вошла в религиозное сознание сначала первых переселенцев, а затем и граждан образовавшегося здесь государства по имени Соединенные Штаты Америки. Убежденность в том, что американское христианство есть самое правильное и совершенное на планете, сомнению со стороны американцев не подвергалось никогда и держится до сих пор, как и то, что американцы — самый религиозный в христианском мире народ. В начале наступившего XXI в. знаменитый американский социолог и политолог Самюэль Хантингтон писал:

«…Американцы — один из самых набожных народов на Земле; уж во всяком случае они значительно превосходят в этом отношении жителей других промышленно развитых стран»[2]. Здесь же он сообщает, что от 80 до 85 процентов американцев идентифицируют себя как сторонников христианства. Все это, считает Хантингтон, дает основания для того, чтобы считать США самой верующей страной христианского мира.

Сначала христианской была объявлена Новая Англия, а затем и США. Для того чтобы христианский характер этого государства имел не только религиозный смысл, но и правовую основу, в 1892 г. Верховный суд США объявил: «США — это христианская страна». В последующем американские президенты считали своим долгом подтвердить этот факт. В 1911 г. президент США Вудро Вильсон заявил, что Америка родилась христианской страной и ее задача — подавать пример ревностного соблюдения заповедей, изложенных в Священном Писании. Америка, утверждал Франклин Рузвельт, зиждется на христианских принципах. Гарри Трумэн считал, что американский народ — это христианский народ. Рональд Рейган был убежден, что Бог создал Америку самой благородной страной на свете, потому что в ней живут самые свободолюбивые люди.

Даже проницательный и глубокий мыслитель Алексис Токвиль, который в середине XIX в. побывал в США, был немало удивлен религиозностью американцев. «Первым, что меня поразило по прибытии в Соединенные Штаты, — писал он, — была религиозность страны; и чем дольше я здесь находился, тем более отчетливо виделись мне грандиозные полити-

---

[1] *Платонов О. А.* Россия и мировое зло. М., 2014. С. 268–269.

[2] *Хантингтон С.* Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. С. 137.

ческие последствия подобного положения вещей». К сожалению, Токвиль не уточнил, что он имел в виду под грандиозными последствиями. Мы же видим сегодня эти последствия воочию, и они не внушают ни восторга, ни оптимизма.

Образ США, как самой христианской страны в мире, и американского народа, как самого религиозного народа христианского мира, навязчиво рекламируется и пропагандируется американскими средствами массовой информации в целях создания видимости глубокой религиозности современного американского общества и, следовательно, его высоких нравственных принципов и шкалы жизненных ценностей. Для подтверждения и удержания этого «религиозного образа» в глазах мирового сообщества, а также собственного народа, в США регулярно различными исследовательскими центрами проводится замер состояния религиозности среди населения. Исследования, проведенные в начале этого века, выявили следующую картину: 90 % американцев верят в существование Бога, около 60 % признают религию основой жизни, более 60 % верят в загробную жизнь, 65 % — прихожане различных церквей и синагог, 37 % бывают в церкви не менее одного раза в неделю, около 30 % посещают церковь только несколько раз в году, около 20 % церковь вообще не посещают, 10 % населения США объявляют себя атеистами[1].

Но все ли так безоблачно в этой «религиозно-образцовой» христианской стране с христианской религиозностью? Многие консервативно настроенные американцы бьют тревогу по поводу того, что Америка расхристианивается пугающими темпами. Показательна в этом отношении книга бывшего советника президентов США Никсона и Рейгана, кандидата в президенты США от Республиканской партии на выборах 1992 и 1996 гг. Патрика Дж. Бьюкенена. Он считает очень тревожным, что опрос, проведенный в США на стыке XX и XXI вв., показал: 62 % молодых людей признали, что религия теряет влияние на американское общество. Еще более неутешительным стало то, что только 42 % опрошенных считают христианство единственно истинной религией. И еще один очень важный показатель: 62 % протестантов и 74 % католиков заявили, что для них все религии одинаково значимы. Тревожным, по мнению Бьюкенена, является и то, что набирает темпы стремление протестантских и католических священнослужителей соединить христианство с массовой культурой. В своей книге Бьюкенен приводит массу фактов выдавливания религии (христианства) из сферы образования, правового поля и культуры. Он считает, что особую активность по расхристианиванию Америки враждебные религии силы стали проявлять после выхода в свет в 1973 г. так называемого «Гуманитарного манифеста», сочиненного либералами. Одной из главных причин торжества творцов «Гуманитарного манифеста» Бьюкенен считает возникшую в американском обществе тенденцию уступать без боя религиозное поле врагам христианства во имя достижения каких-то узко практических целей и задач.

И здесь возникает вопрос: а, собственно, что защищать-то? Да и вообще христианскую ли веру призывает защищать П. Бьюкинен? Не подделкой ли под христианство является то, что в течение нескольких веков исповедова-

[1] См. *Хантингтон С.* Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. С. 143–144.

ли американцы? Поэтому вначале необходимо выяснить, что представляет собой современное «американское христианство», каковы его сущностные основы, а затем посмотреть на реальные плоды реализации этих основ. Тогда мы и получим более или менее объективную картину религиозного состояния современного американского общества и сможем судить о том, насколько она соответствует провозглашаемым лозунгам, что Соединенные Штаты — самая верующая страна в христианском мире. Во что же и как верит эта, самая верующая в мире страна и ее народ?

Исследователи американской идентичности едины в том, что Америка — это протестантская страна от первого до сегодняшнего дня, ибо и сегодня более 60 % населения идентифицируют себя с протестантством. Что же такое протестантизм? Это отколовшееся от католической церкви в процессе религиозной Реформации в Европе в XVI—XVII вв. течение, извратившее основы христианства и представляющее собой конгломерат многочисленных сектантских объединений, объявляющих себя христианскими. Большинство этих сект по своему характеру, целям и задачам имеет деструктивный, тоталитарный характер и опасно для общества. В мае 2001 г. во Франции был принят новый закон о религиозных сектах, в котором перечислены основные признаки этих «псевдохристианских» организаций и суть их деятельности; согласно этому закону для них характерны следующие признаки:

- дестабилизация сознания вовлеченных в организацию людей;
- навязывание своим адептам необходимости разрыва всех связей с прежним окружением;
- покушение организации на физическое здоровье своих членов;
- вербовка и вовлечение в свою организацию людей детского возраста;
- антиобщественные призывы, обращенные к своим адептам;
- нарушение существующего общественного порядка;
- нарушение правовых и этических норм, установленных в обществе;
- финансовые махинации, уход от налогов;
- попытки проникновения во властные структуры.

Я бы добавил к перечисленным в этом законе признакам деструктивных, тоталитарных сект еще такие существенные признаки как: формирование рабской преданности секте и ее руководству; удушение любых попыток проявления инициативы без одобрения руководства секты; полное выключение членов секты из процесса общественной жизни; воинственная неприязнь к другим аналогичным организациям и их адептам; полное изменение сознания и поведения своих членов и превращение их в верных рабов секты.

Если наложить перечисленные признаки деструктивных тоталитарных сект (а это вполне логично, учитывая то, что США — протестантская страна, а протестантизм есть конгломерат многочисленных сектантских объединений) на внутреннюю и внешнюю деятельность государства, именуемого Соединенные Штаты Америки, то мы обнаружим их безусловное сходство. Их объединяет фактическое тождество методологии, основополагающих принципов и используемых методов обработки как отдельных субъектов, так и целых обществ. Методы подготовки и осуществления так называемых «цветных революций» один к одному повторяют методы вербовки и обработки сознания людей в тоталитарных религиозных сектах. Методы те же,

разница только в масштабах их применения. Едины и их цели: изменение сознания адептов (или целых сообществ), полное отторжение их от порядка и ценностей прежней жизни и социальной среды, формирование враждебного отношения к прошлому и фанатической преданности к сектантскому настоящему, как единственно верному и достойному образу жизни. Приложите все это к современным трагическим событиям на Украине, организованным и руководимым Америкой, и вы убедитесь в их сектантско-провинциальном характере.

Большая тоталитарная секта по имени США попыталась сделать такую же секту из Украины, но наткнулась в ней на активное и упорное сопротивление православного русскоязычного населения и спасовала перед ним, и отступила. Этот факт говорит о том, что США не извлекают уроков из своих прежних просчетов. В лихие 90-е годы прошлого века они попытались сделать нечто подобное с Россией. На нас были брошены сотни и тысячи закордонных религиозных миссионеров, многие десятки всевозможных сект американского и восточного происхождения. Их цель была совершенно понятна — разрушить, растащить по бесчисленным сектам духовное поле России. Продажная российская власть того времени делала все, чтобы помочь духовным оккупантам России осуществить эти цели. Однако русский православный народ, ведомый своим духовным наставником — Русской Православной Церковью не позволил осуществить эти преступные планы. Духовная атака на Россию была отбита, а вместе с ней была похоронена и идея «цветной революции» в России. Расколотая украинская Церковь оказалась не в состоянии остановить процесс нагнетания антиправославных тенденций и оголтелой русофобии в украинском обществе, что и привело сначала к военному перевороту, а затем и к гражданской войне на Украине.

Анализ духовного состояния современного американского общества и трагедия Украины еще раз подтверждают веками и тысячелетиями проверенный духовным и историческим опытом человечества факт: какова религия, такова и цивилизация, каково состояние национально-государственной религии, таково состояние общества и человека. Духовно-религиозное состояние современного американского общества, без всяких натяжек, можно назвать катастрофическим и опасным не только для него самого, но с учетом того, какую роль в современном мире играет США, оно опасно для всего мира. Оно вдвойне опасно потому, что американская элита на словах неколебимо убеждена в святости своих политических целей и задач и непорочности своей плюралистической религиозности. Верить в искренность этой убежденности невозможно, ибо лицемерие и обманная духовность заложены в сами основы религиозной жизни Америки пуританизмом, одной из наиболее воинственных и непримиримых протестантских сект. Главным фактором и причиной духовной трагедии США стал **протестантизм**.

Рождение протестантизма нанесло поистине нокаутирующий удар по западному христианству, который привел к опротестаниванию и либерализации католицизма. Протестантизм — не христианство. В лучшем случае — это лишь его тень, его внешняя сторона, да и то не вся, а лишь какая-то ее часть. Что касается души христианства, т. е. его внутреннего устроения, его сокровенных глубин, его культа, то здесь протестантизм произвел революционные изменения. Под маркой бескомпромиссной борьбы с папизмом и превращением им католической церкви в земного бога протестантизм от-

казался от церковного Священного Предания, от монашества и почитания святых и икон, от постов, от преемственности христианской традиции, от многих других составляющих христианского культа, т. е. обескровил христианскую веру, убил ее душу, опустошил христианский культ, который есть основа всякой религии.

Знаменитый русский ученый, философ и богослов П. А. Флоренский дал такое определение религиозного культа: «Культ есть совокупность святынь, т. е. вещей священных, таковых же действий и слов, — включая сюда реликвии, обряды, таинства и т. д., — вообще всего, что служит к установлению связи нашей с иными мирами — с мирами духовными»[1]. Протестантское оскопление христианского культа Флоренский назвал актом враждебным христианству. «Нет ничего враждебнее религии, как протестантствующие попытки подстричь ее орлиные когти, отрезать орльи крылья и загримировать под добрую старушку…»[2].

Стремление протестантства радикально реформировать христианский культ и сделать из воинствующего христианства «добрую старушку» привело к изгнанию из него религиозного чувства и утвердило безраздельную монополию разума в религиозной вере. Но рационализированная, бесчувственная религия есть уже не религия, а идеология. Одним разумом Бог не постигается. Об этом предупреждал А. С. Хомяков в своем знаменитом сочинении «Церковь одна». «Дух Божий, — писал он, — глаголящий Священными Писаниями, поучающий и освещающий священным преданием вселенской Церкви, не может быть постигнут одним разумом. Он доступен только полноте человеческого духа, под наитием благодати. Попытки проникнуть в область веры и в ее тайны, преднося перед собою один светильник разума, есть дерзость в глазах христианина, не только преступная, но в то же время безумная. Только свет, с неба сходящий и проникающий всю душу человека, может указать ему путь, только сила, даруемая Духом Божиим, может вознести его в те неприступные высоты, где является Божество»[3].

Не только путь человека к Богу извратили протестанты, но и смысл его христианской жизни. Великий православный святой Серафим Саровский провозгласил, что главной целью жизни христианина является стяжание Духа Святого Божьего. Для протестанта этой целью является достижение делового успеха. Бесчувственный, рационализированный протестантизм, толкающий человека на достижение делового успеха, формирует в нем индивидуалиста. Он порождает затем, на базе индивидуализма, чувство исключительности, а за ним — и вседозволенности. На базе двух последних чувств формируется убежденность в особой ценности своей личности и умалении ценности других личностей. Раздутое представление о самоценности порождает безжалостность к другим. Перечисленные чувства и убеждения при единстве веры могут приобретать национальный характер и становиться опасными для других народов и стран.

Именно этой болезнью, привитой протестантизмом, и болеют претенденты на мировое господство — Соединенные Штаты Америки. На почве

---

[1] *Флоренский П. А.* Философия культа. М.: Мысль, 2004. С. 62.

[2] Там же. С. 72.

[3] *Хомяков А. С.* О старом и новом; Церковь одна… М., 2007. С. 269.

протестантской секты она родилась, укрепилась и стала национальной идеей Америки — страны, которая, обладая огромной экономической и военной мощью, а также большим политическим весом, сегодня попирает все нормы международного права, сметает неугодные ей политические режимы, безжалостно душит своих конкурентов экономически.

Под непосредственным руководством администрации США был совершен государственный переворот на Украине и развязана гражданская война. Мир еще раз смог убедиться в том, что там, где появляется антихристианская сектантская Америка, там начинается разрушение традиционных устоев жизни, литься большая кровь под циничным лозунгом установления свободы, демократии и прав человека. Ложь, фарисейство, двойные стандарты и безжалостное насилие стали визитной карточкой современной Америки, претендующей на мировое господство.

ЧТО ДАЛЬШЕ?

А дальше — полный отказ от лицемерно провозглашаемого христианства — сатанизм и фашизм. Уже сегодня, считает известный политический деятель США Патрик Бьюкенен, «Америка швырнула за борт этический компас, по которому республика держала путь в течение двухсот лет, и теперь плывет наугад. Курс прокладывает только разум — Божественным откровением мы пренебрегаем. Отцы-основатели предупреждали, что это — мост в никуда. Ни одна страна не может оставаться свободной, если она лишается добродетели, а добродетель не может существовать в отсутствие веры»[1]. Дополним Бьюкенена в том, что она уже швырнула за борт не только этический компас, ни и международное право, а завтра может объявить об окончательном разрыве с христианством, как с религией, не отвечающей требованиям времени. Тревожит Бьюкенена и то, что духовное поле США давно утратило целостность и единство и представляет собой сегодня конгломерат протестантских сект, а вместе с ними: католиков, иудеев, мусульман, индуистов, буддистов, даосистов, синтоистов, сторонников «нью-эйдж», вуду, агностиков, атеистов, гуманистов и сатанистов. При такой духовной полифонии невозможно вести речь о каком-то духовном единстве нации, которой по большому счету и нет. В Америке не было и нет государствообразующего народа, духовно сплоченного единой религиозной верой.

Правящая элита США не может не понимать ущербность социальной и моральной консолидации общества в отсутствие или слабости ее религиозной (духовной) составляющей и пытается решить эту проблему, опираясь на духовный опыт Востока, т. е. создать некое учение религиозное по форме, но безрелигиозное по содержанию, такое, например, как буддизм или даосизм. Созданием именно такой религии занимался, начиная с 60-х годов прошлого, века профессор-социолог Калифорнийского университета США Роберт Белла. Плодом его трудов стала идея создания в США так называемой «Гражданской религии». Вот как понимает эту религию сам Р. Белла: «Гражданская религия — это религия, объединяющая всех членов американского общества, независимо от их вероисповедания и конфессиональной принадлежности на основе институционализированных символов

[1] *Бьюкенен П. Дж.* Смерть Запада, С. 271–272.

и ритуалов, в которых нашли выражение как публичные, так и частные взгляды. Это религиозное изменение американского образа жизни, проявляющееся в "системе верований, символов и ритуалов", в богоизбранности американской нации и "укреплении национальной солидарности", утверждении общенациональных ценностей»[1]. Белла претендует на то, что в этой религии ему удалось объединить библейскую и республиканскую традиции.

Другой американский социолог, симпатизирующий идее Гражданской религии — С. Хантингтон, утверждает, что ее несомненным достоинством является то, что она соединяет религиозность с американским патриотизмом, что придает ей особую силу. «Гражданская религия, — пишет он, — позволяет американцам совмещать секулярную политику и религиозное общество, "бракосочетаться с Богом и страной", придает религиозную святость патриотизму и национальную легитимность вере и тем самым примиряет потенциально конфликтные лояльности и преобразует их в лояльность религиозной стране. Этой религии придерживаются все американцы без исключения, вне зависимости от того, какую веру они исповедуют, христиане они или нехристиане, или агностики, как некоторые из отцов-основателей»[2].

Эта новая для американцев религия зиждется на четырех основных принципах: во-первых, на том, что американская система управления основана на религии и аппелирует к Высшему Существу; во-вторых, американцы — богоизбранный народ, «новый Израиль», обладающий боговдохновленной миссией творить добро среди людей, ибо судьба Америки отмечена Божественным перстом; в-третьих, в политической жизни Америки, в ее ритуалах и церемониях доминируют религиозные аллюзии и религиозные символы; в-четвертых, национальные праздники США обладают «религиозной аурой» и выступают, отчасти, как праздники религиозные. Одним словом, все в Америке пронизано религиозным духом, и вся жизнь наполнена религиозностью. Более изощренного фарисейства, воистину, не сыщешь в целом мире. Но даже фарисейство не есть окончательная оценка «Гражданской религии». Она должна быть названа откровенным кощунством, порочащим религию в ее классическом понимании.

Поскольку «Гражданская религия» по замыслу ее творцов надконфессиональна, то она, естественно, стоит и над христианством, но сохраняет якобы его содержание, идеологию и смысл, но при этом «не использует в своих церемониях, символике и атрибутах двух слов — Иисус Христос». И все становится понятным: Гражданская религия — это «высшая форма» протестантизма, которая открыто отвергает присутствие Бога в религии, а в христианстве — Христа.

Если учесть тот факт, что Белла творил новую безбожную религию не по личной инициативе, а по заказу правящего класса США, то становится понятным, чего хочет добиться этот класс в области духовной жизни современной Америки. Его главной, публично не объявленной, но тайно решаемой задачей является изгнание Бога из духовной жизни современного американского общества. Эта цель обнаруживается не только в поисках

---

[1] Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии. М.,1996. С. 712.

[2] *Хантингтон С.* Кто мы?: Вызов американской национальной идентичности. М., 2004. С. 166–167.

неких новых, якобы более совершенных и современных религий типа Гражданской религии или «нью-эйдж», но и в повышении внимания со стороны правящего класса Америки к деятельности всевозможных оккультных организаций, враждебных религии. Это проявляется, прежде всего, по отношению к тайным обществам и сатанизму. Политика открытой поддержки этих враждебных христианству сил особенно активно стала осуществляться, начиная с 60-х годов прошлого века. В эти годы начинает активную легальную деятельность «церковь сатаны». В 1970 г. ее принимают на правах полноправного члена в Национальный совет церквей США. Это дало ей возможность не только получить официальную государственную поддержку своей деятельности, но также право открытой пропаганды своей идеологии и ее принципов.

Трагично и опасно то, что сатанизм стал пользоваться особой популярностью у молодежи США. Она стала ударной силой американского сатанизма в проведении ритуальных убийств и прочих уголовных преступлений, творимых сатанистами. Однако, несмотря на тяжелые уголовные преступления сатанистов, власть США даже на уровне президента продолжает оказывать поддержку этой преступной организации, мотивируя эту поддержку тем, что значительная часть населения симпатизирует сатанизму. Очевидно, что это не случайно. Современная идеология и политика США по своему духу и практике не имеет ничего общего с христианством. Это идеология и политика сатанизма, обернутого в тоталитаризм и фашизм. Кровавая бойня на Украине, организованная под непосредственным руководством США, убедительно подтверждает это. Они отвергли Бога и хотят занять Его место, но мы знаем, чем заканчивали подобного рода претенденты. Подобным же образом закончат и эти, ибо Бог поругаем не бывает.

Что показал наш анализ процесса становления и развития, а также современного состояния духовной жизни США? Он показал, что страна, претендующая в настоящее время на роль управителя всей земной цивилизацией, представляет собой духовно и нравственно ущербное государство с угасающей экономикой, но огромной вооруженной силой и ядерным оружием. Эта военная мощь и, безусловно, серьезное влияние на мировую политику создало у правящего класса Америки иллюзию ее всемогущества и вседозволенности. Причины этой иллюзорности сами они не осознают и осознать не могут, ибо оскудели духовно и нравственно и погрузились в идеологию сатанизма, сионизма и масонства, идеологию человеконенавистничества, злобы, жестокости и страха. Вывести их из этого состояния, как показывают события на Украине, невозможно. Они сегодня не слышат и не понимают слова правды, ибо их истиной стала ложь, ей они и служат. Борьба с ними есть борьба с Антихристом, и эта борьба будет нелегкой, жестокой, не скорой будет наша победа. Но Бог с нами, и мы победим!

Иржи ОПРШАЛ

ВЕХИ ЧЕШСКОГО АНТИФАШИСТА

Иржи Опршал — родился в 1932 г. в городе Гавличкув Брод (Чехословакия). Первый чехословацкий выпускник МГИМО МИД СССР — выпуск 1958 г. Ответственный сотрудник Министерства иностранных дел Чехословакии (1958–1990) — специалист по Франции и западноевропейской интеграции. С 1969 по 1989 гг. — непосредственный участник СБСЕ и всех последующих встреч хельсинского процесса. С 1990 г. — бизнес-советник по экономическому сотрудничеству и контактам Восток–Запад. С 2002 по 2012 гг. — председатель Клуба чешских и словацких выпускников МГИМО. **Живет в Праге, Чехия.**

В мае 2015 года весь мир будет праздновать 70-ю годовщину Победы Советского Союза и его союзников по антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне.

«СТАЛИНГРАДЕЦ»

В феврале 1943 года мне исполнилось 11 лет. Наша семья жила в городе Немецкий Брод (после войны переименованный в Гавличкув Брод) на моравско-чешской возвышенности на полпути между Прагой и Брно. Как и все чешские семьи в условиях четвертого года гитлеровской оккупации, жили мы в нужде и лишениях, так как все, что можно было забрать, фашисты отнимали для нужд немецкой армии. Однако чешские патриоты не сдавались, сопротивлялись, немногие герои активно, с оружием в руках. Большинство населения пассивно. В начале 1945 года возникла новая форма сопротивления: население чешских сел и деревень в массовом порядке стало укрывать советских военнопленных, совершивших побеги из гитлеровских концлагерей. Ярким примером подобных самоотверженных действий стали действия жителей села Тршештина в жупе Судеты. Спустя многие годы большую изыскательскую работу провел наш коллега-мгимовец Милош Фреборт, установивший имена этих скромных чешских героев. Ведь каждому из них грозила немедленная смертная казнь. Среди них были не только мужчины, но и женщины. Это Алена Голинкова из семьи Мертовых, Антонин Фреборт и его сыновья Доброслав и Антонин, Франтишек Лаштувка, Мария Тиха, Ян Замыкал, Антонин Крейчи, Ярослав Фейта, Ян Тихи, Индржих Гавличек, Йозеф Роллер, Франтишек Фукс, Йозеф Крейчир и многие другие.

В эти трудные годы в нашем городе, как и по всей стране, немцы расклеили афиши или сделали краской надписи с единственной большой латинской буквой «В» — что означало по-чешски: «Витязство», «Виктория» — «Победа». Геббельсовская пропаганда этим хотела показать, что германские войска побеждают на всех фронтах. Даже то, что произошло с ними под Сталинградом, когда они потерпели катастрофическое поражение, они обозначили, как «победу», так как будто бы нужно было сократить слишком большую протяженность Восточного фронта. Эта пропаганда, однако, не смогла обмануть большинство чехов.

Почти все семьи, у которых были радиоприемники, слушали известия из Москвы и Лондона. Весь народ знал о великой победе Красной армии в Сталинграде.

В эти дни я решил вести дневник, в котором почти ежедневно помечал названия городов, которые освободила на востоке Красная армия и союзники на Западном фронте. Мой дед назвал этот дневник «сталинградским», а меня, автора, «юным сталинградцем» в знак симпатии к героическому Сталинграду. Наша семья игнорировала угрозы гестапо, когда тех, кто слушал известия из Москвы и Лондона, наказывали тюрьмой или даже казнью. Дед мой в те дни нашел где-то карту «великой германской империи» и сказал мне, что надо на ней отмечать, как она уменьшается. Все это было опасно, но после Сталинграда всем нам было не страшно, так как мы почувствовали приближающуюся победу. В нашем пригороде не нашлось ни одного предателя, и все мы жили на патриотическом подъеме. Не удивительно, что на родине Франца Кафки и Ярослава Гашека после Сталинграда из уст в уста передавались такие оптимистические народные поговорки: «На новый рок — от Москвы крок» (в Новый год — от Москвы на шаг) (имелось в виду — на Запад); «На три крале — от Киева далее» (в день трех королей — 6 января — от Киева далеко — т. е. близко к западной границе СССР); «На громнице — на польские границы» (в день громницы, т. е. 2 февраля, — будем на польской границе); «И пак в мае добьем немцев в берлинской стае» (и затем в мае добьем немцев в берлинском логове).

На этой оптимистической ноте никто из нас даже не думал о том, что кровавая война продлится еще полных два года.

«КРАСНОАРМЕЕЦ»

В начале мая 1945 года весна была уже в полном разгаре, и не только на полях и лугах, но и в наших сердцах. С востока от Брно мы уже слышали пушечные выстрелы приближающихся освободителей, в Праге вспыхнуло народное восстание. Однако люди вокруг нас тревожились, боялись жертв среди населения.

9 мая 1945 года в 5 часов утра отец всех нас разбудил и велел переместиться в погреб, так как фронт уже приближался. Наш небольшой дом находился прямо при дороге национального значения между Прагой и Брно, и, понятно, что все основные войска — немецкие и советские — должны были передвигаться по этой дороге. После 6 часов утра движение немецких машин на восток остановилось и воцарилась тишина. Отец, который все контролировал из окошка погреба, сказал: «Сейчас придет освобождение». В полвосьмого утра нам послышался грохот танковых моторов, промчав-

шихся на большой скорости. Только после 8 часов, когда появились грузовики с советскими воинами, сидящими в открытую, отец сказал: «А сейчас давайте приветствовать освободителей».

Мы подняли на высокое дерево чехословацкий флаг и с букетами сирени в руках стали приветствовать усталых, но счастливых воинов. Когда первые машины остановились и солдаты сели для отдыха, наши мамы их угощали всем, что у нас в то время осталось, — липовым чаем, буковым кофе, козьим молоком, картофельным супом. Первым русским солдатом, с которым я лично встретился, был водитель большой военной машины «студебекер». Он мне жестом показал, чтобы я поднялся в кабину. Я никогда до тех пор не видел такую аппаратуру. Настоящим праздником для меня стало, когда солдат мне разрешил сесть за руль стоящего грузовика. Мы с ребятами с ним подружились еще и потому, что у него где-то в России был сын нашего возраста.

Я тогда желал, чтобы стоянка его «студебекера» неподалеку от нашего дома продлилась как можно дольше. Постепенно я стал понимать первые русские слова, а солдат, наоборот, сказал по-чешски: «Добрый день, мамаша, спасибо за все хлопоты и за вкусную чешскую еду, которой мы не знали до сих пор». Мы с ним делились кусками хлеба с салом, супом и всем, что мать приготовила в тот день. Однажды он откуда-то принес мешочек с монетами и сказал: «Вот тебе мой подарок».

Это была смесь мелких румынских лей, венгерских пэнгэ, польских злотых, словацких крон, которые ему были больше не нужны, а мне показались прямым сокровищем. Эти мелкие монеты стали зародышем коллекции, которую я храню до сих пор.

Однажды утром, когда я с дедом в очередной раз принес хлеб с салом и чай, около «студебекера» было оживленно. Среди всех солдат находился и командир водителя машины — капитан. Старшина, который представился именем Николай, обратился к своему капитану и, показав на меня, сказал: «Это молодой красноармеец». Вдруг поднялся шум со стороны шоссе, где патруль Красной армии отводил сотни пленных немецких солдат в сборный лагерь. Когда мы подошли ближе, чтобы посмотреть пленных немцев, советский командир заметил среди пленных немецкого офицера в хороших кожаных сапогах. Он посмотрел на моего деда, который вышел только в деревянных туфлях, и велел немецкому офицеру снять сапоги. Он их отдал деду в обмен на деревянные туфли. Когда дед постеснялся такого неадекватного обмена, капитан категорически сказал: «Принимайте, это — долг немецкой армии чешскому народу».

Четыре месяца моих «каникул освобождения» пролетели как один день. Нашей школой стало повседневное общение с солдатами Красной армии. Старшина Николай с нами распрощался, его перевели в австрийский город Штоккерау, куда он уехал на своем «студебекере». Всех наших чешских мальчишек с 1 сентября 1945 года усадили за школьные парты, но счастливых минут общения с солдатами Красной армии и первых уроков русского языка моему поколению не забыть никогда.

«МГИМОВЕЦ»

Годы послевоенной учебы и работы пронеслись очень быстро. После успешного окончания лицея в 1951 году я поступил на первый курс Высшей

школы политических и экономических наук в Праге. Во время летних каникул тогда мы работали в молодежных бригадах на строительстве железных дорог в Чехии и Словакии, а также на строительстве металлургического комбината в Остраве. Летом 1952 года я неожиданно для себя получил телеграмму, где прочитал, что отобран для учебы в Московском государственном институте международных отношений. Какой невероятный сюрприз! Итак, в конце сентября 1952 года мы трое первых чехословацких студентов — выходцев из скромных семей очутились в знаменитом «старом доме у Москвы-реки», где затем проучились долгих 6 лет. Приказ из Праги был строг: «Учитесь, не покладая рук, только на отлично, иначе — отзовем домой!»

Нас кроме учебы, естественно, интересовали культура, спорт и самодеятельность. Москва нас очаровала своим величием и невероятным созидательным энтузиазмом. Неожиданным для нас было, например, наблюдать за группами женщин на строительных работах с лопатами в руках. Мы, конечно, знали о том, что много молодых советских солдат погибли на фронтах войны, но только сейчас увидели и женщин, которые также совершали героические подвиги.

В июле 1953 года группа чехословацких студентов пожелала посетить Сталинград. Мы шли по городу с огромным трепетом, посетили все еще разрушенный тракторный завод, поднялись на Мамаев курган. Здесь я нашел кусок танковой брони, который храню в своем «музее» до сих пор. Самое большое впечатление на нас тогда произвело строительство новых домов и очень быстрое обновление города. Более того, мы смогли проехать на пароходе по недавно построенному Волго-Донскому каналу вплоть до Калача, где в годы войны завершилось окружение немецко-фашистских войск. Везде мы наблюдали за удивительными подвигами созидательного труда советских людей.

На следующий год нам удалось посетить Крым. Благодаря местным комсомольцам мы смогли восхититься не только его природными красотами, но и посетили исторический дворец в Ливадии. Здесь еще раз мы прошли по следам недавней победы, познакомились с местами, где проходила Ялтинская конференция. В парке перед дворцом мы сфотографировались на скамье, известной по знаменитому фото — Сталина, Рузвельта и Черчилля.

Студенческие годы пролетели, и я в 1958 году вернулся на родину. Стал работать в чехословацком МИДе, где оставался на протяжении последующих 32 лет. Самым интересным для меня было активное участие в Хельсинской конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе, в последующих мероприятиях, в которых я участвовал в течение 20 лет.

«ЛАДОЖЕЦ»

Нелегкой была обстановка в начале 90-х годов, все вдруг рухнуло. Наш социализм оказался без правителей, и затем произошла «бархатная революция». Погиб Советский Союз. Американский образ жизни всех в Европе как будто бы очаровал, и либералы взялись за новое мировое устройство. Они провозгласили себя победителями в холодной войне, обещали создать настоящую свободу и установить капиталистический рай на земле. Чешские либералы обрушились на наше поколение, которое, по их беспочвенным обвинениям, якобы, сначала склонилось перед Гитлером, а затем поддалось

Сталину. Тот факт, что большинство населения после войны с энтузиазмом обновляло и строило новые предприятия, созидало социализм, либералы воспринимали с насмешкой. Тот факт, что в Европе в послевоенную эпоху не произошло никаких военных столкновений, и что это заслуга нашего поколения, они называли коммунистической чепухой. Их наглая пропаганда продолжается и по сей день, оправдывая развязанные ими войны в бывшей Югославии, в Косово, в Ираке, Афганистане, Ливии, Сирии, а теперь и на Украине. Вот как выглядит их новое мироустройство!

Я лично старался в эти годы, будучи специалистом в области экономических отношений Восток–Запад, активно работать. Представлял некоторые фирмы в Средней и Восточной Европе. Организовал миссии чешских и словацких предприятий во Франции, в России, Азербайджане, Китае. Помогал, таким образом, возобновлять полезные связи. Никогда при этом не забывал упомянуть, что я выпускник МГИМО.

В 2002 году, т. е. через 50 лет после нашего приезда в Москву, я решил создать Клуб чешских и словацких выпускников МГИМО и был его председателем на протяжении последующих 10 лет.

В последние годы произошло еще одно очень знаменательное событие. В Санкт-Петербурге стал издаваться журнал-книга «Родная Ладога», с редакцией которого мы со словацким другом Ижо Початеком сблизились. Председатель Совета директоров издательского дома «Родная Ладога» профессор Владимир Заир-Бек, также мгимовец, — наш давний и самый близкий соратник. Благодаря журналу и его авторам, мы стали яснее понимать, что эпохи капитализма, социализма, либерализма и других «-измов» — это не вечные, а, скорее, переходные общественные устройства. Есть кое-что более прочное, длительное и объединяющее — это, конечно, семья, общество, друзья и затем более широкие сообщества — славянские, европейские и т. д. Сближение происходит и по другим признакам, например, заинтересованность в охране природных ресурсов — лесов, воздуха, водных запасов, или любовь к сбору грибов и других лесных плодов, к охоте, рыбалке…

Я умышленно только кратко упомяну роль Церкви. Конечно, знаю и уважаю духовное значение Православной Церкви для «Родной Ладоги». Ее роль во время Отечественной войны, а также в борьбе чехословацкого народа против фашизма была великой. Причина для моей сдержанности, как потомка участника Гуситского восстания, — это глубокое недоверие к католической церкви, верхушка которой сотрудничала во время войны с гитлеровским фашизмом. В настоящее время в Чехии католическая церковь не стесняется требовать десятки миллиардов крон реституций, в то время, когда многие жители страдают от нехватки средств, а правое правительство отменяет последние пособия для инвалидов, больных и престарелых.

Важным событием в литературной жизни Праги стала презентация журнала «Родная Ладога» осенью 2012 года. В Российском центре науки и культуры собралось более 200 выпускников МГИМО и других советских и российских вузов. С докладом о «Родной Ладоге» выступил Владимир Заир-Бек. После него слово брали благодарные читатели. Каждый номер журнала передается из рук в руки и зачитывается буквально до дыр. Тех скромных 2–3 экземпляров, которые мы получаем, явно недостаточно.

Когда я стал в 2012 году корреспондентом «Родной Ладоги» в Праге, то благодаря руководству издательского дома смог посетить Санкт-Петербург

и познакомиться лично с редакционным коллективом журнала. Творческие дебаты, которые у нас имелись, затрагивали самые жгучие вопросы мира, не столько об угрозах новых войн, а о том, как нам достойно и культурно жить сегодня. Я воспользовался случаем и помог группе ленинградских блокадников, проживающих в Праге, возобновить контакты со всемирной ассоциацией блокадников. Очень рад был вновь встретить моего пожизненного друга и товарища по учебе в МГИМО Леонида Селезнева, который долгие годы работал в качестве проректора Ленинградского университета. Он и его жена Элла пережили тяжелое время блокады Ленинграда. Отдаю себе отчет, что мои военные приключения маловажны и незначительны по сравнению с героическими подвигами моих сталинградских и ленинградских ровесников.

Историки многое написали о том, сколько жизней удалось спасти во время войны, используя Дорогу Жизни через Ладогу. Однако история Ладоги намного древней, равно как и других мест, где мы и наши предки родились. Этой мыслью я возвращаюсь к моему дружескому спору с Ижо Початеком, который несколько лет был членом редакционного совета «Родной Ладоги», перед его кончиной три года тому назад. Оба мы много на своем веку поработали и посетили много стран мира, а однажды поспорили о том, где нам легче закончить свой жизненный путь. Он обожал свою любимую Индонезию, где был даже послом Чехословакии, и, как он говорил, хитро прищуриваясь, предпочел бы обрести вечный покой где-то там на Яве у теплого моря в окружении индонезийских девушек. А я, рыбак северных морей и рек, отдавал предпочтение холодным водам Ладоги, где все еще мечтаю порыбачить. Вопреки нашим старческим снам и спорам, мы оба чувствовали, что судьба может все устроить по-другому. Так, мой друг Ижо уже закончил свой жизненный путь на берегу Дуная в Братиславе, а я, может быть, засну и не проснусь на рыбалке, но не на Ладоге, а на родной речке Сазаве, недалеко от Праги.

ПОЭЗИЯ

Татьяна МАРУГОВА

«И ЗВЕЗДЫ ПЕЛИ ГИМНЫ В НЕБЕ МЛЕЧНОМ…»

Татьяна Владимировна Маругова — родилась в городе Подольске Московской области, окончила Российскую экономическую академию им. Плеханова, Высшие литературные курсы Литературного института им. А. М. Горького, автор четырех поэтических сборников — «Вслед земли» (2011), «Песнь венчальная» (2012), «В тебе мое произволенье…» (2013), «Дай мне воспеть тебя, Боже…» (2014). Лауреат V Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь». Член Союза писателей России. **Живет в Москве.**

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

Днесь рождает Дева Бога!
В мир пришел Христос-малыш,
У небесного порога
Херувимы собрались.

Машут белыми крылами
И поют так сладко в раз:
«Слава! Слава! Небесами
Был прославлен этот час!»

Изменился мир, и ново
Засиял весь белый свет,
И пришел отсчет иного
Времени — Христовых лет.

Времени, когда спасенье
Станет всем важней всего!
И Христово Воскресенье
Увенчает Рождество!

КРЕЩЕНСКОЕ КУПАНИЕ

В студеную водицу
В Крещенье окунусь.
Пусть прочь бежит-умчится
От сердца злая грусть.

Пусть все мои печали
Останутся в воде,
Иду почти в отчаянье —
Лежит вода во льде…

Я в прорубь окунаюсь,
Водица жжет меня,
И сердце замирает,
До пяток уходя.

Отсчитаны мгновенья,
Я выбегаю вон,
Кладу с самозабвеньем
В душе земной поклон.

Теперь бегу что мочи,
Одеться тороплюсь,
Ну, холодно мне очень!
Но я уж не боюсь!

С минуты погруженья,
Как с чистого листа,
Не может быть сомненья —
Умыла все вода!

Крещенская водица,
Ты силой хороша,
Добро с тобой водиться,
Чтобы спаслась душа.

Ну что ж, не в Палестине
Крещенье на Руси.
Не в тепленькой пустыни —
В заснеженной веси.

Бояться я не стану,
В Крещенье каждый год
Бегу ко Иордану,
Где пробивают лед!

БОГОЯВЛЕНИЕ

Явилась миру Троица Святая…
На Иордане лазурилась синь,
И Господа водица омывая,
Предвосхищала голос: «Ты — Мой Сын…»
И Дух Святой под видом голубиным
Сходил с небес на Господа Христа,
Творилась Божья Сила перед миром,
И воплощалась Троица проста,
Единосущна, истинна, предвечна…
Святое воцарилось Божество!
И звезды пели гимны в небе млечном
О том, что время истины пришло!

В УПОВАНИИ

Спокойно… и тепло… и тихо…
И в уповании — светло…
И не страшит любое лихо,
Мне в этой жизни все легко.

Мне хорошо, что рядом с Богом
Иду по жизни не страшась.
Идущему — всегда дорога.
И воля — праведному власть.

* * *

Не лиши меня, Бог мой,
До скончания жизни
Той молитвы глубокой,
Где и сердце, и мысли.
Чтоб стояла я в храме
И усердно молилась,
Чтоб не мучили раны,
Чтоб от бед не клонилась.

Не лиши меня, Боже,
Той молитвы чудесной,
Что поднять меня может
До чертогов небесных,
Чтоб и там я молилась
Всей душою смиренной,
Чтоб Тебе я склонилась
Перед всею Вселенной…

* * *

Есть ли прошлое у ветра?
Есть ли будущее?

Жизнь промчится незаметно,
А я буду еще…

* * *

Я шла по улице пустой,
Шурша осеннею листвой,

И одиноко фонари
Клонили головы свои.

Кругом царила тишина,
И только бледная луна
Все бормотала среди туч,
Что ей приснился солнца луч.

Шептались звезды меж собой
И насмехались над луной:
Дневные чужды им мечты,
Ведь солнце — враг их красоты.

И я внимала их словам,
Вдыхая воздух пополам
С осенним запахом листвы
Среди уснувшей суеты…

* * *

День мне на плечо склонил главу,
Ночь встречает ласковой улыбкой…
А вдали церковную главу
Тонкий лучик освещает ниткой.

Глажу по кудрявой голове
То ли старика, то ли мальчишку…
Он родится снова — на заре —
И к закату побежит вприпрыжку…

* * *

Я озером стану — пристанищем рек,
Найдет утешенье во мне человек.
В палящей пустыне,
средь знойного дня,
Я путника встречу, прохладой маня.

Ему я прибежищем буду в жару,
Его напою… и покой подарю…
И звезды, как свечи, зажгутся во мгле,
И ангелы крылья омоют во мне…

* * *

Кавказ. Я здесь. С тобою рядом.
Пришла подругой иль сестрой.
Ты смотришь добродушным взглядом,
Приветлив горный твой покой.

Здесь дышится мне так свободно,
Здесь радостно моей душе,
И пусть болтают сколь угодно:
«Кавказ не тот… Не тот уже…»

Меня ты кормишь спелой вишней,
Купаешь в чистых родниках…
Ни тени в думах твоих вышних,
Ни пятен на твоих снегах.

Он, как отец, как старец древний,
Заветы прошлого храня,
С теплом и лаской сокровенной
Встречал и миловал меня…

ТРИПТИХ

400-летию Дома Романовых

1

Весна страны моей бушует,
И повернулось время вспять,
И мою Родину большую
Великой вновь хочу назвать!

И держит лик свой величаво,
И грозно смотрит на врагов —
Самодержавия начало
Вернулось к ней в конце веков!

Она воспряла от забвенья,
Она сняла проклятья власть
И вновь рукою провиденья
За царский скипетр взялась!

И что поругано врагами,
Сегодня над Москвой — венцом,
Великой славой Православья —
Великой верой праотцов!

2

Нет, не Питер сегодня стоит на коленях,
На коленях сегодня пред Богом — Москва!
На коленях за вся и за все поколенья,
Все народы России и все племена!

На коленях стоят пред Царем и Царицей,
Перед Царской жестоко убитой семьей,
В сокрушенье глубоком, склонив свои лица,
Омывая свой грех покаянной слезой.

В этом действии света, любви и прозренья —
Просиявшая вера и истины весть.
В этом действии — русской души воскресенье.
Значит, Бог нас простил, оказав эту честь!

3

Я запомню и год этот, и этот час,
Я сегодняшний день не забуду.
Небо хмуро смотрело на Кремль и нас,
Как потомков народа — Иуды.

Может, жестко звучит это — пусть, ну и что?
Но потомки мы тех, кто когда-то
С равнодушием принял известье о том,
Что Царя расстреляли солдаты.

Но сегодня Манеж полон, полон людей,
День Романовых чествует славно.
Пронеслось время злобы и красных идей,
И задумались люди о главном.

И идет нескончаем поток, и идет,
Зовом сердца и зовом надежды,
Что воспрянет душой весь наш русский народ,
Будет Богом избран — как и прежде.

Чуждым — нет, не понять, где зарделась заря,
В чем стоит покаяния сила.
Да, потомки мы тех, что убили Царя,
Но в Царе и воскреснет Россия!

МАМАМ О ПЕЛЕНАНИИ

Мамам я хочу сказать:
Деток нужно пеленать,
Не растить из них мартышек,
Драчунов и шалунишек,

Чтоб ходили ходуном
Ручки, ножки, а потом
Вся свобода их движений
Превратилась в несмиренье.

Как обвила тельце мать,
Чтоб движение сковать, —
Вам такой малыш послушен,
Учится смотреть и слушать.

Митрополит Калужский и Боровский КЛИМЕНТ

«ВОПРОС ДУХОВНОГО ВЫБОРА»

Доклад на круглом столе «Русская культура и вера: от Пушкина до интернета»

Тема духовного выбора, «богоискательства» на протяжении последних двух столетий была одной из ключевых в творчестве русских писателей. Это вызвано отрывом от своих духовных корней — Православия.

Стремление интеллигенции к просвещению в конце XVIII — начале XIX века привело к увлечению «вольтерьянством» и всем французским, позднее развилось «западничество» и нигилизм, затем наступила эпоха революционных потрясений и жесткого соцреализма. Все эти социальные и политические брожения влияли на сферу культуры и искусства, в особенности на литературное творчество. Но, несмотря на изменения в политической и социальной сфере, вопрос духовного выбора становится все более острым. Общество давно утратило сословные деления и от этого конфликты, которые лежат в основе литературных произве-

---

Митрополит Калужский и Боровский Климент (Капалин) — родился в п. Удельная Раменского района Московской обл. В 1978 г. окончил МДА со степенью кандидата богословия, пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона. Год спустя рукоположен во иеромонаха и назначен преподавателем в МДС. 1981 г. — возведение в сан игумена, 1982 г. — возведение в сан архимандрита, хиротонисан во епископа Серпуховского, викария Московской епархии и назначен управляющим патриаршими приходами в Канаде и временно в США (с 1987 г. только США). В 1989 г. возведен в сан архиепископа. С 1990 г. — архиепископ Калужский и Боровский. 1993–1996 гг. — член Общественной Палаты при Президенте РФ. В 2003 г. назначен Управляющим делами Московской Патриархии и постоянным членом Священного Синода. 2004 г. — возведение в сан митрополита. С 2006 г. — Председатель Комиссии по сохранению духовного и культурного наследия Общественной Палаты РФ. Имеет церковные и государственные награды. **В настоящее время правящий архиерей Калужской и Боровской епархии.**

дений, становятся актуальными и близкими все бóльшему числу людей. А нравственный критерий практически не изменился — это евангельские заповеди. В том или ином виде они всегда являются мерилом человечности героя, его нравственной чистоты и искренности.

Последние два десятилетия как будто бы сняли «оковы цензуры» с писателей и художников, но стало ли это импульсом к появлению новой яркой, искренней, глубоко нравственной и талантливой литературы? Писателей много, премий вручается тоже много, а читатели все больше обращаются к проверенной и излюбленной классике в поисках глубокого смысла и настоящего творчества. Потому что сама по себе свобода слова не является причиной появления ярких талантливых писателей. Для развития настоящего творчества необходимо прочное основание духовной и культурной традиции. Именно поэтому мы помним и любим замечательных писателей советского периода — Шолохова, Астафьева, Распутина и др. Они прочно стояли на фундаменте русской культурной традиции. Сформировалось целое направление «почвенников», так называемой «деревенской прозы». Это название, имевшее ироничный оттенок в советский период, в наше время является символом неразрывности традиции русской классической литературы.

Интернет сам по себе не является олицетворением некоего абсолютного зла — это просто технология аккумулирования и передачи информации. Всего лишь средство, как до этого — глиняные таблички, берестяные грамоты, папирус, пергамент, египетские каменные стелы и прочие технологии передачи информации. Его главное свойство в том, что он очень быстрый, а значит, все плохое в нем появляется и распространяется также быстро. Другое дело — что-то хорошее, талантливое, глубокое — для создания таких произведений, даже с учетом использования современных технологий, нужны усилия, нужно время, нужен определенный настрой, а также наличие кругозора и общего культурного развития. А современный писатель, художник, журналист, особенно молодой, не всегда готов терпеть, трудиться, кропотливо работать над произведением. К тому же слишком высок соблазн прибегнуть к компиляции, плагиату, пусть не текста, но даже чужой мысли. Вот и переполнен весь Интернет одними и теми же приземленными, убогими мыслями и их бесконечными вариациями. Слишком мало по-настоящему ярких и талантливых терпеливых тружеников на ниве отечественной литературы.

Одним из шагов, которые предпринимает Русская Православная Церковь в этом направлении, является учреждение Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. С 2009 года по инициативе Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла началась подготовка к проведению премии и в 2011 году первая премия была вручена выдающемуся писателю Владимиру Николаевичу Крупину. В наступающем году премия будет вручаться уже в пятый раз, и мы видим, что интерес к этому событию в литературном мире с каждым годом все больше возрастает. Задача премии — поддержать писателей, которые в своем литературном творчестве значительное внимание уделяют укреплению нравственных устоев общества и сохранению духовной традиции отечественной культуры. Писатель, который трудится в творческом пространстве русской истории и культуры и при этом внимательно относится к их духовным истокам, заслуживает поддержки всего общества, поскольку своим творчеством он способствует укреплению основ общественного единства на основе евангельской заповеди любви.

Патриаршая литературная премия уникальна еще и тем, что Издательский совет Русской Православной Церкви прилагает значительные усилия для популяризации премии и организации как можно бóльшего числа творческих встреч писателей-лауреатов и номинантов премии с читателями. Это происходит на выставках, телепередачах, различных мероприятиях Издательского совета, благодаря чему писатели оказываются вовлечены в постоянную общественную деятельность, направленную на укрепление нравственных и духовных ценностей в обществе. И в то же время это способствует их собственному творческому развитию.

В этом году Издательский совет проводит также Международный детско-юношеский литературный конкурс имени Ивана Сергеевича Шмелева, который посвящен 700-летию преподобного Сергия Радонежского, 1000-летию со времени преставления святого равноапостольного Великого князя Владимира, а также творчеству писателей-лауреатов Патриаршей литературной премии. Духовная основа русской литературы — главная тема конкурса. Это позволит пробудить интерес значительного числа молодых талантливых ребят к творческой деятельности по исследованию духовных основ отечественной культурной традиции.

Русская классическая литература воспитана на основах Православия, она несет в себе свет евангельских заповедей. В диалоге с Православием происходило становление многих писателей и литературных критиков. Как справедливо считал Иван Ильин, наша литература «вместила в себя глубочайшие идеи русской религиозности и сама стала органом национального самосознания». К сожалению, у современного читателя имена таких духовных писателей как святитель Феофан Затворник, святитель Игнатий Брянчанинов, святитель Иннокентий Вениаминов не ассоциируются с понятием «русская классическая литература». Хотя эти авторы являются создателями целого литературного направления и во всем православном мире считаются признанными классиками духовной литературы. В значительной степени русские духовные писатели отразили в своем творчестве ту аскетическую традицию, которая сформировалась под влиянием образа преподобного Сергия Радонежского, 700-летие которого мы празднуем в текущем году. Преподобный Сергий воспринял основы восточно-христианской аскезы и собственной жизнью, подвигом молитвы и общественного служения явил образ для подражания, а также стал возобновителем монашеской традиции исихазма на Руси. Хотя мы не имеем литературных трудов, принадлежащих непосредственно перу преподобного Сергия, но заветы, которые он оставил своим ученикам, оказались настолько важными и глубокими, что мы не найдем, наверное, ни одного русского писателя и художника, который в своем творчестве не обращался бы к теме духовного наследия преподобного Сергия хотя бы однажды.

То внимание, которое уделяет издательство «Никея» реализации проекта издания серии «Классика русской духовной прозы», достойно высокой оценки. Это является хорошим примером для многих других православных издательств. Мы должны помнить, что миссия духовного просвещения не должна ограничиваться только изданием молитвословов, акафистов и сборников рецептов православной кулинарии. Издательская работа с серьезными классическими произведениями подразумевает высокую ответственность и постоянное развитие уровня квалификации редакторов, художников, корректоров и верстальщиков, но без этой работы мы не сможем повлиять на духовно-нравственное развитие нашего общества.

Наталья МИХАЙЛОВА

А. С. ПУШКИН И ФИЛАРЕТ, МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ И КОЛОМЕНСКИЙ

Наталья Ивановна Михайлова — доктор филологических наук, профессор, академик Российской академии образования, автор книг и статей о А. С. Пушкине, В. Л. Пушкине, литературе и культуре пушкинского времени. Заместитель директора Государственного музея А. С. Пушкина по научной работе, заслуженный работник культуры Российской Федерации, лауреат Государственной премии Российской Федерации. **Живет в Москве.**

В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.

Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.

Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Серафима
В священном ужасе поэт.

[9. Т. 3. С. 212][1]

Это стихотворение Пушкина было напечатано в «Литературной газете» в № 12, 25 февраля 1830 года с пометой «19 января 1830, СПб». Поводом же к его созданию явились стихи, написанные Филаретом как отклик на стихотворение Пушкина «Дар напрасный, дар случайный».

В 1828 году в день своего рождения поэт написал строки, исполненные тоски и отчаяния:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем волновал?..

[1] См. список литературы в конце статьи.

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

[9. Т. 3. С. 104]

Е. М. Хитрово познакомила митрополита Филарета с этим стихотворением. Почувствовав безысходность, которой пронизано каждое пушкинское слово, боль его души, духовный пастырь обратился к Пушкину, переиначив его текст:

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана;
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.

Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомненьем взволновал.

Вспомнись мне, забвенный мною,
Просияй сквозь сумрак дум —
И созиждется тобою
Сердце чисто, светел ум.

[Цит. по: 10. С. 18]

Узнав о стихотворении митрополита Филарета от Е. М. Хитрово, Пушкин писал ей в первой половине января 1830 года: «Стихи христианина, русского епископа в ответ на скептические куплеты! — это право большая удача» [9. Т. 14. С. 57, 398, подлинник по-франц.]. Когда же поэт прочитал стихи Святителя, вдумался в заключенный в них смысл, то они, в свою очередь, вызвали его поэтический отклик — стихотворение «В часы забав иль праздной скуки». Пушкин написал о духовном наставнике, врачующем уязвленную совесть, своим словом пробуждающем душу поэта. При этом мысли и чувства Пушкина оказались созвучными мыслям и чувствам многих слушателей, читателей и почитателей московского пастыря.

«Российский Златоуст» — так называли митрополита Филарета его современники. Его речи, проповеди, пастырские наставления и надгробные слова исторгали слезы и вызывали восторг. Их стремились услышать, их читали и переписывали, выучивали наизусть.

«Еще в детстве я много слышал от отца моего о Филарете как знаменитом проповеднике, — писал граф М. В. Толстой. — Две отдельно напечатанные его проповеди — одна надгробная по князе Кутузове, а другая при вступлении его на Московскую паству, лежали постоянно на письменном столе у моего отца; он по нескольку раз читал их и меня заставлял читать, так что я десять лет отроду рассказывал наизусть по целым страницам…» [14. С. 52]

Слушатели высоко ценили ораторское мастерство митрополита Филарета, который, как никто другой умел «искриться своей блестящею, светлою как

солнце, речью». [7. С. 7] Благоговея перед его знанием и красноречием, И. В. Сушков восклицал:

«А сколько в этих “словах и речах”, при движении пламенного чувства любви к Богу, при глубине вероисповедальных мыслей, сколько высокой, достойной бессмертного псалмопевца поэзии, какая в них стройность, ясность, сила, сжатость, величавость!» [13. С. 99]

«Находя истинное услаждение в его проповедях, — вспоминал М. М. Евреинов, я редкий раз пропускал случай слушать их, разве тогда только, когда не знал, что он будет говорить. Особенно нравились мне делаемые им уподобления, например в одной из своих проповедей он так рассуждает: “Когда горит дом, толпы народа бегут сражаться с огнем за бревна и доски часто неизвестного хозяина. Но когда душа горит огнем злой страсти, похоти, ярости, злобы, отчаяния, так же ли легко находятся люди, которые поспешили бы живою водою слова правды и любви угасить смертоносный огонь, прежде нежели он обнял все силы души, распространился до слияния с огнем геенским?”» [2. С. 33]

Святитель Филарет Московский

«Он говорил не больше часа, — писал М. П. Погодин, — но мне показалось, что я прослушал… целый семестр Божественной науки в каком-то высшем университете на горе Хориве или в Сионе. Отходя от кафедры Златоустовой, тяжело было от возбужденных мыслей и легко было сердцу от сладких чувствований». [5. С. 47–48]

Таким образом, можно говорить о том, что стихотворение Пушкина «В часы забав иль праздной скуки» сохранило для нас поэтический портрет митрополита Филарета — проповедника, «величавым голосом» поражающего слушателей, дающего отраду их душам своими «благоуханными речами». И портрет этот, при всей условности его литературной формы, исторически достоверен.

Впервые Пушкин увидел Святителя Филарета (тогда архимандрита, ректора Петербургской Духовной академии) 4 января 1815 года в Царскосельском Лицее на переводном экзамене по Закону Божьему. Присутство-

вал Святитель и на выпускном экзамене в 1817 году. Позже, в 1833 и 1836 годах Пушкин и митрополит Филарет встречались на заседаниях Российской академии. Возможно, были и другие встречи и в Петербурге, и в Москве, о которых мы пока не знаем. Это тем более вероятно потому, что и у Пушкина, и у митрополита Филарета были общие знакомые. Среди них — Е. М. Хитрово (она была духовной дочерью Святителя и близким, преданным другом Пушкина). Любопытно ее письмо к Пушкину от 20 марта 1830 года. «Я сейчас вернулась от Филарета, — писала Е. М. Хитрово, — он рассказал мне о происшествии, недавно случившемся в Москве, о котором ему только что доложили. Он прибавил — расскажите это Пушкину» [Цит. по: 9. Т. 14. С. 71, 402, подлинник по-франц.] На наш взгляд, просьба Святителя передать его рассказ о московском происшествии Пушкину может быть расценена как свидетельство о его личном знакомстве с поэтом. Известно, что вечера в гостиной попечителя Московского учебного округа, председателя Московского цензурного комитета, князя С. М. Голицына посещали и Пушкин, и Святитель Филарет. Венчание Пушкина с Н. Н. Гончаровой вначале предполагалось в домовой церкви С. М. Голицына, однако этому воспротивился митрополит Филарет, о чем сообщал в письме к брату от 18 февраля 1831 года А. Я. Булгаков, заметив, что видно, в домовых церквях нельзя венчать [см. 11. С. 53]. Как знать, может быть это обсуждалось поэтом в личной беседе с церковным иерархом.

К сожалению, мы не располагаем сведениями о том, слушал ли Пушкин проповеди митрополита Филарета. Это вполне могло быть в петербургских и московских храмах. Но, независимо от того слышал или не слышал Пушкин проповеди, речи, надгробные слова Святителя, он мог читать и читал их — они выходили отдельными изданиями, печатались в журналах, альманахах, газетах. Цитаты и реминисценции из речей митрополита встречаются в произведениях Пушкина разных лет: в послании «В Сибирь», стихотворении «Перед гробницею святой», романе «Евгений Онегин» [см. 4]. В черновой рукописи седьмого примечания к поэме «Полтава» Пушкин сослался на «прекрасную речь преосвященного Филарета», имея в виду его «Рассуждение о нравственных причинах успехов русских в войне 1812 года». Поразительно сходство отдельных мотивов и образов «Пира во время чумы» и речей, сказанных митрополитом Филаретом в Москве во время холеры 1830 года.

Особый интерес представляет поэтический диалог поэта и проповедника, вызванный стихотворением Пушкина «Дар напрасный, дар случайный» (об этом мы уже рассказали) и продолжение этого диалога, поводом к которому послужила речь митрополита Филарета на приезд Николая I в холерную Москву осенью 1830 года — об этом нам предстоит рассказать.

6 сентября 1830 года в газете «Московские ведомости» появилось первое официальное извещение о холере, которая к этому времени уже свирепствовала в России около двух месяцев.

Правительство принимало меры, направленные на борьбу с эпидемией. Была создана Центральная комиссия и при ней Медицинский совет во главе с известным врачом, профессором М. Я. Мудровым. Издавались «Наставления для народа», разъясняющие, как уберечься от холеры. Но страшная болезнь продолжала распространяться. В течение 1830 года в России эпидемия поразила 31 губернию, холерой заболели более 68 тысяч человек, и более

половины из них унесла смерть. В Москве и Московской губернии с сентября 1830 года по март 1831 года переболело 8798 и умерло 4846 человек.

Москву охватил страх. Москвичи спешили покинуть холерный город. На границе Московской губернии появились карантинные заставы. Правительство опасалось народных волнений.

Николай I предписал митрополиту Филарету уехать из Москвы. Однако Святитель остался в холерном городе. Он обращался к Богу с молитвами об избавлении от заразительной болезни, к московской пастве со словами утешения и надежды. Слово Святителя отзывалось в сердцах его слушателей, спасало их от страха и отчаяния. Сохранились выписки из «Слова» митрополита Филарета, говоренного 1830 года сентября 21 дня в Москве в Успенском соборе, которые сделала в своем альбоме дочь известной мемуаристки Е. П. Яньковой А. Д. Янькова:

«Отложим гордость, тщеславие и самонадеяние… Исторгнем из сердец наших корень зол — сребролюбие. Возрастим милостыню, правду, человеколюбие. Прекратим роскошь, облачимся если не во вретище, то в простоту. Презрим забавы суетные, убивающие время, данное для делания добра». [Цит. по: 8. С. 359]

29 сентября 1830 года в холерную Москву приехал Николай I. В Успенском соборе Кремля его встретил митрополит Филарет, обратился к Императору с речью:

«Благочестивый Государь! Цари обыкновенные любят являться Царями славы, чтобы окружать себя блеском торжественности, чтобы принимать почести. Ты являешься среди нас, как Царь подвигов, чтобы опасности с народом твоим разделять, чтобы трудности препобеждать. Такое Царское дело выше славы человеческой, поелику основано на добродетели христианской. Царь небесный провидит сию жертву сердца Твоего, и милосердно хранит Тебя, и долготерпеливо щадит нас. С крестом сретаем Тебя, Государь, да идет с Тобою воскресение и жизнь». [6]

«Речь Благочестивейшему Государю Императору Николаю Павловичу пред Высочайшим вшествием в Большой Успенский Собор в 29 день сентября 1830 года, говоренная Синодальным Членом, Филаретом, Митрополитом Московским», была напечатана 4 октября 1830 года в восьмом номере «Московских ведомостей». Она, как и поступок Царя, произвела большое впечатление на современников. 6 октября 1830 года П. А. Вяземский писал в записной книжке:

«Приезд Государя в Москву есть точно прекраснейшая черта. Тут не только не боязнь смерти, но есть и вдохновение, и преданность, и какое-то христианское и царское рыцарство, которое очень к лицу владыке. Странное дело, мы встретились мыслями с Филаретом в речи его Государю. На днях, в письме к Муханову, я говорил, что из этой мысли можно было бы написать прекрасную статью журнальную. Мы видали царей и в сражении. Моро был убит при Александре, это хорошо, но тут есть военная слава, есть pointd'honneur (дело чести, франц. — *Н. М.*), нося военный мундир и не скидывая его никогда, показать себя иногда военным лицом. Здесь нет никакого упоения, нет славолюбия, нет обязанности: выезд Царя из города, объятого заразой, был бы, напротив, естествен и не подлежал бы осуждению! Следовательно, приезд Царя в такой город есть точно подвиг героический. Тут уже не близ Царя близ смерти, а близ народа близ смерти». [1. С. 196]

В Москве на речь Святителя стихами откликнулся Н. М. Шатров, в Петербурге — И. И. Козлов. В поэтической хронике осени 1830 года (его стихи назывались «Осень 1830 года», они были напечатаны отдельной брошюрой в Москве в 1831 году) Н. М. Шатров написал о холере в первопрестольной, о приезде в Москву Николая I и о речах московского митрополита. И. И. Козлов в стихотворении «Высокопреосвященному Филарету», которое увидело свет на страницах «Литературной газеты» в 1830 году, цитировал речь Святителя, обращенную к Николаю I:

Когда долг страшный, долг священный
Наш Царь так свято совершал,
А ты, наш Пастырь вдохновенный,
С крестом в руках Его встречал, —

Ему Небес благословенье
Изрек ты именем Творца,
Пред ним и жизнь и воскресенье
Текут и радуют сердца;

Да вновь дни светлые проглянут,
По вере пламенной даны:
И полумертвые восстанут
Любовью Царской спасены.

[3. С. 23]

Митрополит Филарет ответил И. И. Козлову стихотворением, автограф которого хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства в Москве. На голубоватом листе, испещренном проколами (письма во время холеры для предотвращения распространения эпидемии прокалывали иголками и окуривали серой), рукой Святителя написано:

Петербургскому Поэту,
в ответ, из Москвы.
Ноября 1. 1830

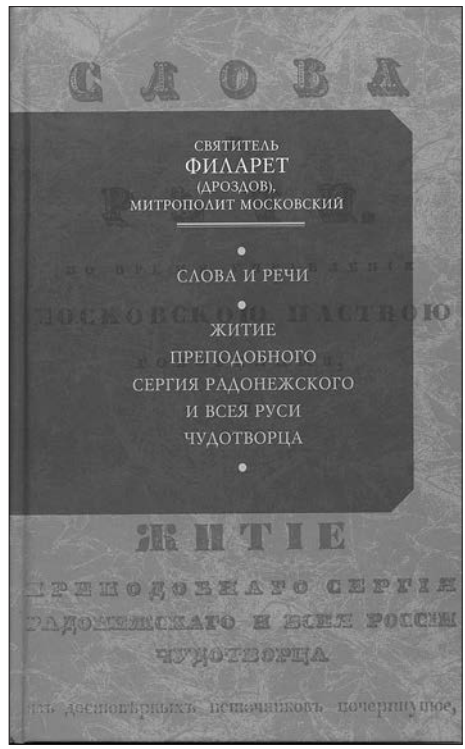
Злостраждет ли кто в вас
Да молитву деет. Благодушествует ли кто?
Да поет.
Jak.V.13

В день безопасности, в час мирного досуга
— Да, — хорошо — Царя петь доблества его;
Другое больше нужно нам:
Молиться за Него, молиться друг за друга.

[Цит. по: 10. С. 228]

Во время этих событий Пушкина не было в Москве. 1 сентября 1830 года он выехал из первопрестольной в Болдино Лукояновского уезда Нижегородской губернии. Перед женитьбой Пушкина отец выделил ему часть этого

родового имения, во владение которой должен был вступить. Едва поэт успел приехать в Болдино, как оказался отрезанным от Москвы карантинами и санитарными кордонами. Все его попытки прорваться сквозь них и вернуться в родной город остались безуспешными. Томясь тревогой за оставшуюся в Москве невесту, близких ему людей, Пушкин принужден был задержаться в Болдине до глубокой осени. В знаменитую болдинскую осень он, по его собственному признанию, писал так, как давно не писал: создано около тридцати стихотворений, среди которых такие шедевры как стихотворения «Бесы», «Заклинание», «Труд», завершен, в основном, роман «Евгений Онегин», написаны «Повести Белкина», «Маленькие трагедии». Еще — критические статьи, письма. Но не только творчество занимало Пушкина. В начале октября, получив предписание Министерства внутренних дел, он принял должность надзирателя участка, проводил с болдинскими крестьянами беседы о холере.

В Болдине Пушкин прочитал в «Московских ведомостях» речь митрополита Филарета к Николаю I. Эта речь нашла отражение в пушкинском стихотворении «Герой», где встречаются те же мотивы. Здесь и слава, и превышающий человеческую славу подвиг Государя, разделившего смертельную опасность со своим народом, и сердце Государя, на подвиг его вдохновившее, и воздаяние неба за содеянное. В стихотворении «Герой» поэт с помощью пометы «29 сентября 1830. Москва» (напомним, что эта дата приезда Николая I в холерную Москву) проецирует событие московской жизни на предание о Наполеоне, посетившем во время египетского похода в 1799 году чумной госпиталь в Яффе. В речи митрополита Филарета сказано о появлении Царя среди народа в минуту опасности, дана оценка этого поступка как подвига. У Пушкина событие (независимо от того, принадлежит ли оно подлинной истории или легенде) показано, оно живописуется, становится картиной, сами подробности которой свидетельствуют о высоком подвиге героя:

Нет, не у счастия на лоне
Его я вижу, не в бою,
Не зятем кесаря на троне,
Не там, где на скалу свою
Сев, мучим казнию покоя,
Осмеян прозвищем героя,
Он угасает недвижим,
Плащом закрывшись боевым:
Не та картина предо мною!

Одров я вижу длинный строй,
Лежит на каждом труп живой,
Клейменый мощною чумою,
Царицею болезней… он,
Не бранной смертью окружен,
Нахмурясь ходит меж одрами,
И хладно руку жмет чуме,
И в погибающем уме
Рождает бодрость…

[9. Т. 3. С. 252]

Святитель Филарет назвал подвиг Николая I «жертвой сердца». Пушкин наполнил этот мотив не только нравственным, но и политическим смыслом:

Оставь герою сердце… Что же
Он будет без него? Тиран…

[9. Т. 3. С. 253]

И именно за этими словами Поэта (стихотворение построено как диалог Поэта и Друга) следует заключительная реплика Друга «Утешься…», а затем помета «29 сентября 1830. Москва» (дата приезда Николая I в холерную Москву). Пушкин таким образом напоминает читателям и венценосному читателю Николаю I, что если подвиг милосердия, совершенный французским императором в чумном госпитале, — возможно, всего лишь легенда, то подвиг русского Царя в холерной Москве — подлинное событие, и это позволяет надеяться: коль скоро у Николая I есть сердце, то он не будет тираном. Недаром через несколько дней после окончания «Героя» Пушкин написал П. А. Вяземскому: «Каков государь? Молодец! Только и гляди, что наших каторжников (имеются в виду сосланные на каторгу декабристы. — *Н. М.*) простит…» [9. Т. 13. С. 122]

Стихотворению «Герой» предпослан евангельский эпиграф «Что есть истина?» «Посылаю вам из моего Пафмоса Апокалипсическую песнь» [9. Т. 14. С. 122], — писал А. С. Пушкин в начале ноября 1830 года из Болдина в Москву М. П. Погодину, который в 1831 году напечатал «Героя» в журнале «Телескоп» без имени автора (анонимность публикации была условием Пушкина, его авторство стало известным только после его смерти).

Речь митрополита Филарета на приезд Николая I в холерную Москву продолжала оставаться в творческом сознании Пушкина и после публикации стихотворения «Герой».

В первом томе пушкинского журнала «Современник» была напечатана статья Пушкина о «Собрании сочинений Георгия Конисского, архиепископа Белорусского». В ней Пушкин писал и о запомнившейся ему речи митрополита Филарета, и о том событии, которому посвящена речь:

«Георгий Конисский известен у нас краткой речью, которую произнес он в Мстиславле Императрице Екатерине во время ее путешествия в 1787 году: “Оставим астрономам”… и проч. Речь сия, прославленная во всех наших реториках, не что иное, как остроумное приветствие, и заключает игру выражений, может быть, слишком затейливую: по нашему мнению, приветствие, коим высокопреосвященный Филарет встретил Государя Императора,

приехавшего в Москву в конце 1830 года, в своей умилительной простоте заключает гораздо больше истинного красноречия. Впрочем, различие обстоятельств изъясняет и различие чувств, выражаемых обоими ораторами. Императрица путешествовала, окруженная всею пышностью двора своего, встречаемая всюду торжествами и празднествами; Государь посетил Москву, опустошаемую заразой, пораженную скорбью и ужасом». [9. Т. 12. С. 12]

Во втором томе «Современника» в разделе «Новые русские книги» названы «Слова и речи, во время управления Московской паствою говоренные, и житие преподобного Сергия Радонежского и всея Руси чудотворца из достоверных источников почерпнутые, синодальным членом Филаретом, Митрополитом Московским». Эта книга вышла в свет в Москве в 1835 году. В нее была включена и речь на приезд Николая I в первопрестольную во время холеры. Книга была в библиотеке Пушкина. Пушкин ее читал, перелистывал ее страницы. Теперь и вам предоставлена эта возможность. В ваших руках — драгоценный памятник духовной культуры пушкинской эпохи. Вчитываясь в «Слова и речи» митрополита Филарета, вы познакомились с неотъемлемой частью бытия Москвы того далекого уже теперь от нас времени, с тем, что слышали москвичи в московских храмах во дни торжеств и бед народных. А главное — вы могли приобщиться к востребованным сегодня истинам христианской религии, которые проповедовал Святитель Филарет, побуждая свою паству к деланию добра.

Литература

1. *Вяземский П. А.* Записные книжки (1813–1848). М., 1963.

2. *Евреинов М. М.* Некоторые воспоминания о митрополите Филарете. М., 1873.

3. «Литературная газета, издаваемая бароном Дельвигом». СПб., 1830. Т. 2. № 65.

4. *Михайлова Н. И.* «Витийства грозный дар»: А. С. Пушкин и ораторская культура его времени. М., 1999.

5. «Москвитянин». 1850. Январь. Кн. 2.

6. «Московские ведомости». № 80. 4 октября 1830.

7. *Никодим*. О Филарете, митрополите Московском моя память. М., 1877.

8. *Орнатская Т. И.* Рассказы Е. П. Яньковой, записанные Д. Д. Благово // Рассказы бабушки: из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1989.

9. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 17 т. М.; Л., 1935–1953.

10. Пушкин и Филарет, митрополит Московский и Коломенский. М., 2003.

11. «Русский архив». 1902.

12. «Русский архив». 1911. № 8.

13. *Сушков И. В.* Записки о жизни и времени Святителя Филарета, митрополита Московского. М., 1868.

14. *Толстой М. В.* Письмо к М. М. Евреинову в дополнение к его воспоминаниям о митрополите Филарете // Некоторые воспоминания о митрополите Филарете М. М. Евреинова. М., 1873.

Великая ПРОВИНЦИЯ

Виктор ЛИХОНОСОВ

ХРАНИТЕЛЬНИЦА БАБА ЗИНА

Виктор Иванович Лихоносов — родился в 1936 г. на ст. Топки Кемеровской обл. Окончил Краснодарский государственный педагогический институт. Работал учителем. Автор многих книг прозы. Лауреат премии СП СССР и Государственной премии РФ. Член Высшего творческого совета при правлении СП России. Почетный гражданин города Краснодара. Гл. редактор журнала «Родная Кубань». **Живет в Краснодаре**.

Любезный господин Новосельцев, вспоминаете ли Вы в своем купеческом Ельце, как возили меня в местечко Кропотово?

Медленно приближается двухсотлетие Лермонтова, уже астрологи предостерегают, что его круглые даты связывают Россию несчастьем, и это несчастье опять, кажется, приспело: устроилась междоусобная война на земле Киевской Руси. Я как раз живу вторую неделю в той Тмутаракани (в Тамани), в которой Лермонтов проскучал три дня. Музейщики (милые женщины) пустили меня в выходной день в хату Царицыхи, в ту самую лачужку, в которой ночевал Печорин (а вернее всего — сам Лермонтов), и я в комнатке с сундуком и столиком у куриного окошечка сижу при свечке и в толстой тетради пишу сочинение «Тамань после Лермонтова» и, отрываясь, накидываю Вам записку. В оцеплении интернета и сотовых связей хорошо к полуночи вдруг затеряться в иллюзии старины и обрадовать душу доверием, что все эти побеленные стены и окошечко такие же, как в 1837 году.

Вечером я стоял на круче (где раскопки) и в легком сне устремлялся на север, в Елецкий уезд, в деревню за станцией Бабарыкино.

Немало посетил я дворянских усадеб и священных литературных рощ, но отчего так щемит в душе Кропотово?

Пока музейщики и литературоведы готовятся к выставкам и поэтическим вечерам, я потихоньку тоскую по бывшей деревне на холме, а точнее — по имению, давно пропавшему, где мы с Вами долго стояли возле коренастого вяза. Я смотрю на рисунок барского дома, который якобы разрушили немцы, и вспоминаю, как мы задержались на месте его обитания и от него перешли к не-

что такому, что изображает почтение «благодарных потомков», к очерченному кругу с мраморной стоячей доской.

Прости! увидимся ль мы снова?
И смерть захочет ли свести
Две жертвы жребия земного,
Как знать! итак, прости, прости!
Ты дал мне жизнь, но счастья не дал;
Ты сам на свете был гоним,
Ты в людях только зло изведал…
Но понимаем был одним.
И тот один, когда рыдая
Толпа склонилась над тобой,
Стоял, очей не обтирая,
Недвижный, хладный и немой.
И все, не ведая причины,
Винили дерзостно его,
Как будто миг твоей кончины
Был мигом счастья для него.
Но что ему их восклицанья?
Безумцы! Не могли понять,
Что легче плакать, чем страдать
Без всяких признаков страданья.

Невидимый фундамент дома, деревья, точно сброшенные в овраг, край глухого поля, где еще недавно пахали колхозники, вечное небо с тучами и звездами по ночам, в глубине остатки аллеи, какие-то дачные домики, которые в заветном углу кажутся лишними, поближе к горизонту подозреваемая старая московская дорога — вот что вижу я издалека в теперешней тоске. Редкое сочувствие всему погибшему дается в такие мгновения, и мы тогда помолчали, пожалели, что не уцелел отцовский дом, а я поворчал на Бунина, который в «Жизни Арсеньева» поскупился и написал о посещении имения как-то лениво, чуть-чуть, никого из старых жителей не опросил, в покинутый господский дом не зашел. «Проехал Шипово, потом въехал в ту самую Кропотовку…»

И мы с Вами тоже мало побыли в скрытой усадьбе, пробежали как будто, и теперь не пойму — куда же мы торопились? Ах, нас выгоняли тучи, и мы скоренько подались в Шипово.

Пожалуюсь Вам с таманской кручи, что сколько бы ни глядел я отсюда в елецкую сторону и ни мечтал потрогать кору вяза в усадьбе, побывать еще раз в Кропотово не смогу никак. А как тянет! Не поверите — словно не подобрал я там что-то в овраге или на холмике, чего-то не досмотрел.

Прошу Вас, выберите свободный денек и поезжайте туда, отыщите бабу Зину, которая провожала нас на низ дороги, поговорите с ней подольше, расспросите обо всем позабытом и затем поднимитесь в Шипово. Сколько я ни искал в сборниках, географических фолиантах, в настольной дорожной книге Семенова-Тян-Шанского, ничего не вычитал занимательного о поместьях, которые интересны мне больше других. Постойте там, поглядите на купол, поснимайте окрестность и напишите мне, я это напечатаю в

журнале к дню рождения Лермонтова. Я не могу забыть сиротство храма, оставленного нами (словно наказанного) на ночь под звездами, не могу забыть своего чувства, того, как было жалко его, лишенного послушания, без живых молитв, запаха ладана, звона колоколов. Если бы я жил в Ельце, чуть ли не пешком ходил бы туда весной и осенью. Поезжайте. А я смогу только погоревать вдалеке. Не знаю даже, приеду ли в Тамань в октябре, когда тут соберутся у памятника «представители культуры» и прослушают романс «Выхожу один я на дорогу», местные поэты почитают свои гениальные стихи, приезжий оплаченный оркестрик сыграет сонату №..., согнанные школьники редкими хлопками поблагодарят всех, а потом в ресторане (в греческом стиле) кто-то скажет «Ну, давайте выпьем за Лермонтова...» Ни одной книжки о поэте не преподнесут. «Денег в бюджете нет».

А в Кропотово в тот день баба Зина (если она еще жива) будет сторожить брошенную деревню...

Поезжайте...

Дорогой мой таманский отшельник, Вы уже не в хате Царицыхи, а наверно, в Пересыпи, в хате матушкиной, за круглым письменным столом. Получил я Ваше настойчивое задание и сижу как раз подле вотчины Юрия Петровича Лермонтова, в сельце Польском (что в двадцати верстах от Кропотова и в двух от бунинских Озерок). Ночь. Новолуние. Июль — макушка лета. Вышел на крыльцо своего домишки со стаканом красного вина, добытого нынче в Тамани. Стою... думаю... Как же все перемешалось волею Господнею: Лермонтов, Бунин, Кропотовка, Озерки, Тамань... Все — за какие-то три недели. Вот стоял на крыльце, вглядывался в ночь, за пруды, что рыли еще крепостные предков бунинской бабки — Чубаровой. На севере небо еще теплеется, дни эти — последние свидетели двух зорь: вечерней и утренней, двух летних месяцев, не желавших расставаться друг с другом. Пахнет травяной сыростью — первородной, извечной, волнующей. Тишина — до звона в ушах. Лишь булькнет в пруду карп да прошуршит в саду невидимая глазу мелкая живность.

Михаил Юрьевич все похожее застал в младенчестве да и по пути на Кавказ и обратно, когда заезжал в Кропотово к отцу.

Были мы с Вами ровно два года назад, когда Вы гостили у меня в Польском. Вот что сохранил мой дневник.

«31 августа. Обсудив, решили ехать в самую дальнюю точку — в Кропотово.

Едем через Злобино. Останавливаемся у храма, где венчались предки Бунина, и где они похоронены. Ясный пронзительный день с ветром.

В Кропотовке остался один житель — 80-летняя старушка, баба Зина. Жилой вид деревне придают корова, стадо гусей и козы, пасущиеся у речной запруды, веселит крик петуха. Вся запруда речки Любашевки, согласно расставленным через каждые сто метров плакатам, является частным объектом, рыбалка и даже ночевка здесь — платные. Кругом пестрят красные стрелки с надписью: "Оплата рыбалки" и показывают они на домик-вагончик на берегу, в нем охрана.

В усадьбе, которую я ожидал увидеть совершенно заросшей (как это было лет десять назад), аллея теперь прочищена, а на месте господского дома, на разровненной бульдозером площадке, поставлен камень с

прикрепленной на нем памятной доской. Чуть подальше, на поляне, стоят еще два плаката и скамейки. На одном из плакатов нарисован подлинный дом Лермонтовых (я узнал свой рисунок-реконструкцию, публиковавшийся в "Липецкой газете" четверть века назад), а на другом — стихотворение Лермонтова, посвященное покойному отцу ("Прости! увидимся ль мы снова?"). В. И. прочитал его вслух и воскликнул:

— Тысяча восемьсот тридцать второй год! В восемнадцать лет написал. Всего восемнадцать лет, а какие стихи. О-ёй.

Он долго ходил вокруг старых вязов, обозначавших начало аллеи, и все снимал самый старый из них, уже пустой изнутри, и приглядывался к каждой его веточке, трогал пальцами, гладил синеватую кору. Из нескольких небольших веточек составил букет.

— Буду в Краснодаре вспоминать Кропотово…

Запруда на неприметной прежде речке Любашовке сильно изменила пейзаж. Теперь вода, как сказала старушка, в собственности главы района.

Баба Зина подсказала нам дорогу в Шипово. У нее двенадцать детей, живут "кто где".

— Боюсь, помру, а скотину ни подоить, ни покормить будет некому…

Попетляли дорогой вдоль посадок, огибающих поля. Еще издали заметилась Шиповская церковь, словно выглядывала нас пустыми глазницами восьмерика из-за разросшихся кустов сирени. Окна нижнего яруса заколочены, но вход в широкой арке с западной стороны свободен. Где-то здесь, среди зарослей сирени у стен храма, схоронены дед и отец Лермонтова. В 80-е годы искали его могилу, чтобы перевезти к сыну в Тарханы, во владение не любившей его тещи. Из нескольких безымянных могил выбрали тогда одну, самую, как показалось, "подходящую". Бренные останки и были увезены в Тарханы. Но был ли то прах Юрия Петровича?

В храме подчищено, стоит в центре, под куполом, дубовый крест с повязанным расшитым рушником и надписью, что до 30-х годов в нем "служил священник Григорий Афонасьевич Оболенский". А поставили крест "соболезнующие родственники и внук Владимир".

Долго мы стояли перед крестом, глядя из сумрака храма в окно на яркий свет.

Вокруг храма ни деревни, ни домика вдали. Лишь через дорогу както весело, словно замещая следы утраченной жизни, голубеет крестами кладбище. Есть и свежие могилы и венки совсем недавние. За кладбищем начинаются тульские земли.

В. И. крестился на пустой купол храма и с сожалением говорил:

— Конечно… не мне советовать, но Патриарху можно бы один раз в год прибывать в такие вот глухие места и служить поминальные молебны… Все бы видели и роднее, может, прочувствовали, какую Россию мы до сих пор не оплакиваем и не бережем в душе.

И когда отъехали далеко, а храм верхушкой все не скрывался и задерживался в небе, В. И. вздыхал и чуть слышно молвил: «Как жалко его… Как жалко царскую Россию… И косточки… Будет осень, дожди польют… потом снег, морозы… И звезды с небес будут глядеть на это

горькое одиночество… Они только и посветят кропотовским вязам и дырявой кровле храма в Шипове. И, может, поскорбят… А нынешние люди… Им скучно поминать Россию…»

…И у меня тоже засушенная веточка вяза грустно ласкает воспоминание о поездке в Кропотово. Года полтора назад нашел я в архивах «дело» о строительстве дома в Кропотовке, строил дед поэта Петр Юрьевич Лермантов. В 1797 году. Интересное описание, вплоть до того, в какой роще и какие деревья рубились на постройку усадьбы.

Недавно я побывал там опять, и докладываю, что изменений никаких. Разве что не видно бабы Зины, что зимовала в усадьбе все годы — со стадом гусей, с курами да коровой. Спросить о ней не у кого. Дачники с московскими номерами нам не помощники.

На самой усадьбе — ни следа по траве, что выросла по пояс, и даже не верится, что в этот юбилейный год не дрогнуло ни одно русское сердце, знатока Лермонтова или просто его почитателя, никого не позвало чувство к запустевшим бугоркам и старому вязу, Вас привлекшего.

Но так называемая общественность и ведомства наметили несколько пунктов мероприятий, экскурсий, вечеров, конкурсов и 14-м пунктом обязуются приступить к «благоустройству территории в Кропотово-Лермонтово». А вот о Шипово ни слова. И речи нет о возрождении храма. А он все-таки XVIII века… Правы вы были: увидеть бы здесь Патриарха!

К чтениям траву на месте дома обкосили. Будут ее, как сказано в официальной бумаге, косить ежегодно. Но возрожденного отцовского дома мы, наверное, не увидим никогда.

Увы, в прискорбном нынче уголочке не суждено будет переступать ров, огибавший всю усадьбу, мечтательно пройтись мимо кухни, ткацкой, конюшни, каретного сарая и двух дубовых амбаров (все крыто соломой), построенных недалеко от жилого дома («…в западной стороне, на границе с полем», как писал некто Вырыпаев больше века назад). Спуститься бы и в погреб, в ледник, постоять в тенечке скотного сарая… «На выгоне располагалось гумно, там скирдовали снопы, молотили». Обок два плетневых овина. Все это кто-то видел в какое-то последнее мгновение, когда-то, в какой-то срок. Почему же сюда изволил заехать Вырыпаев и не показался во времена колхозов какой-нибудь …Андроников?! А еще да будет известно всем участникам всяких телешоу (апокрифов и игр в бисер), что где-то здесь росла яблоня, завещанная в стихотворении «К гению». О чем просил пятнадцатилетний Миша, влюбившийся в кузину? Загляните в 1-й том. Неужели черствым дачникам расскажет затерянная в деревне баба Зина? «Мы на балконе там сидели». Отыщите фотографию дома, игроки в бисер. Он стоял еще в 1927 году. Поднимите, краеведы, все бумаги научных экспедиций вокруг Ельца. Вдруг чудом явится Кропотово. Обыщите …амбары колхозных «дел», перероЙте все письменные отчеты. Нет никого. Некому прислонить душу к заветной летописи.

«Мы на балконе там сидели».

«И месяц был один свидетель молчаливый».

Кузину звали Софья Сабурова.

Пишу, а там на бугре сейчас пусто, и сама тишина обвиняет всех нас.

А все же приехали бы, помолились бы вместе за раба Божия Михаила…

Вышел на улицу. Полночь. Едва светлея, в той стороне где Кропотовка, различается небо. Нет в нашем Польском, притаевшимся за прудами, ни огонька, не слышно и собачьего лая. Зарастают березовым и кленовым молодняком берега прудов, брошенные дороги и деревенские выгоны. И в Польском доживает свой век восьмидесятичетырехлетний старик.

Не развеял мои грустные мысли даже стакан таманского вина, допитый в темноте у берез над прудом.

Может, все-таки соберетесь к юбилейным дням в октябре да приедете?

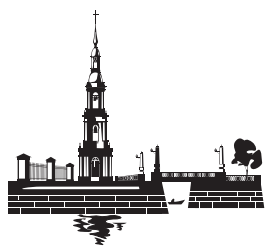
Соблазняю Вас: размашистая Русь в Шипово, корявые вязы в Кропотовке… Великая тонкая горькая красота русской печали… И, может быть, старенькая баба Зина, которую придержал здесь домовой для истории усадьбы как последнюю жительницу…

Подожду.

В ночь на 25 июля 2014 года.

…В декабре месяце меня вызвали невзначай в Петербург, и ехал я через Елец. Вы, мой любезный Новосельцев, охотились в сибирской тайге с Тарковским и к моему вагону подойти не могли. Окажись Вы дома, то стянули бы меня с поезда силою и через сутки повезли бы по снежному полю в Кропотово. Я погрустил на перроне, купил местную газету. Стройная девушка в шубке, прикрывая рукою в перчатке личико от мороза, кого-то безнадежно ожидала, искала вдоль вагонов и потом провожала обиженным взглядом утекающие окна.

Прощально расставались с проезжими окрестности Ельца, до узкого черного ручейка посреди — река Сосна, дальний храм на горе, возникали и пропадали домики, и вскоре проехали мы станцию Бабарыкино. Только я и вздрогнул, посетовал, что не соблюли остановку в самом приметном для меня местечке. Всего в двух-трех верстах пряталось в снегах сиротливое Кропотово. И я, как-то по-детски горюя, обижаясь на кого-то, на саму судьбу, подумал о бабе Зине, пожалел ее и вопросил душой: где она, бедная? все там ли с курочками и козами? или забрали ее дети к себе? или… или… или она уже там, где все вековые жители Кропотово?

Великая ПРОВИНЦИЯ

Никита ШЕВЦОВ

ЛЕРМОНТ ИЗ ЧУХЛОМЫ

Елена НАУМОВА

Впервые мы оказались в монастыре много лет назад. Спустившись с крутого холма, где когда-то размещалось древнее городище, наняли лодку и отправились в путь по озерной глади к видневшемуся на противоположном берегу примерно в восьми километрах Авраамиеву монастырю. Он был еле заметен в дымке восходящего солнца. Плыли несколько часов. Останавливались, ныряли в теплую озерную воду, а потом вновь брались за весла. Но вот и обитель. Поднялись по крутому берегу и увидели остатки разрушенных лихолетьем храмов. Монастырские стены вообще не сохранились.

В памяти остался вид огромного пролома, грозившего обрушением древнего Покровского храма, сооруженного еще в XVII веке. Казалось, уцелевшие части стен не смогут удержать на себе купола. В церк-

---

Никита Всеволодович Шевцов — родился в 1951 г. в Москве, окончил факультет международной журналистики МГИМО. Длительное время работал соб. корр. газеты «Труд» в Праге и Брюсселе. Автор книг «От вашего собственного корреспондента» (2002) и «От вашего специального корреспондента» (2010). Зав. кафедрой Международной журналистики МГИМО — Университета МИД РФ. Кандидат исторических наук. Награжден памятной медалью «100-летие А. Т. Твардовского». Член Союза писателей России. **Живет в Москве.**

Елена Евгеньевна Наумова — родилась в 1964 г. в Потсдаме, окончила с отличием факультет русского языка и литературы МГПИ. Координатор международных культурных проектов (фестиваль «Цюрих—Москва 2007», фестиваль немецкоязычной литературы «Три страны — один язык» в Москве и Екатеринбурге, 2010). Преподает в РГГУ и МГИМО. Регулярно публикует (в соавторстве с Н. В. Шевцовым) материалы по истории и культуре в различных периодических изданиях. **Живет в Москве.**

ви размещалась машинно-тракторная станция, о чем мы догадались, увидев несколько полуразобранных комбайнов. Пролом сделали для того, чтобы через него трактора могли свободно въезжать в храм. Монастырь, вернее, его остатки, производили удручающее впечатление. Вид разрушений дополнялся страшной картиной надругательства над христианскими святынями.

Лермонтовская часовня

Но уже тогда монастырю пытались помочь. Рядом с собором стояли люди. Из их разговоров можно было понять, что они обсуждали начало реставрационных работ. Побродив среди развалин, отправились в обратный путь. Вернулись в Чухлому часам к шести вечера, к закрытию станции. Перепуганный лодочник обругал нас. Он подумал, что мы утонули. Ведь наша прогулка затянулась часов на десять. Но увидев нас живыми и здоровыми, быстро сменил гнев на милость, сказав, что завтра готов отправить нас в новое путешествие по озеру. Однако мы отказались, потому что собирались попасть на следующий день в древний Солигалич.

Прошли годы. И вот мы снова в Чухломе. Стоял ноябрь. Озеро уже покрылось первой, пока еще тонкой корочкой льда. Ни о каком путешествии на лодке не могло быть и речи. Да если бы погода и позволила, все равно наше плавание по озеру вряд ли состоялось бы, ведь лодочная станция исчезла. Постояв на том же месте, где и много лет назад, отправились в городской музей, разместившийся в одном из купеческих особняков. Мы надеялись узнать там что-нибудь о древнем дворянском роде, самым известным представителем которого является великий русский поэт М. Ю. Лермонтов. В музее нам подтвердили факты, послужившие поводом новой поездки в Чухлому. В монастыре, по всей вероятности, похоронен некто Лермонт, тот самый шотландец, который, покинув родину в XVII веке, в конце концов оказался на службе у русского Царя. От него-то и берет начало род Лермонтовых.

Покинув Чухлому, мы вновь, но на этот раз на автомобиле, отправились в монастырь. Перед нами стояла конкретная цель увидеть там захоронения либо архитектурные памятники, имеющие отношение к Георгу Лермонту. На сей раз поездка заняла менее получаса. Через отреставри-

Могила Николая Петровича Лермонтова

рованные ворота вошли на территорию обители, но не встретили ни монахов, ни даже трудников. Ни одной души. Стало даже как-то не по себе. Решили зайти в собор. Но прежде подошли к деревянной часовне. На прикрепленной к ней табличке прочитали, что часовню освятили в 1997 году в честь четырехсотлетия со дня рождения Георга (Юрия), основавшего русский род Лермонтовых. Ныне часовню так и называют — Лермонтовская. Но почему шотландский дворянин обрел вечный покой на монастырском кладбище древней костромской земли?

Чтобы ответить на этот вопрос, перенесемся в тот далекий день, когда Георг Лермонт получил в дар от Царя Михаила Романова земли в Костромском краю. Он верно служил московскому Государю до самой своей гибели. Согласно одной из версий, его похоронили на территории Свято-Покровского Авраамиево-Городецкого монастыря. Могила не сохранилась. Но в память о нем и его потомках рядом с колокольней среди древних захоронений срубили часовню. Инициатором ее возведения явилась ассоциация «Лермонтовское наследие», которая объединяет ныне здравствующих представителей рода Лермонтовых, проживающих в самых разных странах. Часовню освятил наместник монастыря архимандрит Никандр. Рядом с часовней расположены древние захоронения. Надпись одного из надгробий гласит, что здесь покоится прах одного из представителей рода Лермонтовых — жившего в XIX веке смотрителя Чухломских училищ Николая Петровича Лермонтова.

В советское время все захоронения XVIII–XIX веков были уничтожены. Но разве можно уничтожить человеческую память, забыть, что несколько поколений предков великого поэта находило вечный покой внутри стен чухломского монастыря. Сама обитель была основана примерно в 1360 году преподобным Авраамием Городецким. Сравнительно быстро обитель превращается в крупный духовный и культурный центр костромской земли. Во второй половине XV века Великий князь московский Иван III Васильевич выдал монастырю жалованную грамоту, даровавшую исключительное право рыбной ловли в реках, которые «исстари к тому монастырю тянут». Каменные постройки появились в обители только в первой половине XVII века.

В 1632 году состоялось освящение Покровского собора. А спустя два года у его стен похоронили Георга Лермонта.

Кем он был и как попал в Россию? Георг Лермонт происходил из знатного шотландского рода, который восходит к 1057 году. Говорят, что его предки еще в XI веке помогли королю Малькольму III, сыну короля Дункана, разгромить войска печально известного Макбета. Кстати, замок Макбета находился недалеко от города Инвернесс, откуда совсем близко до легендарного озера Лохнесс. Победив Макбета, Малькольм пожаловал графские титулы всем своим ближайшим соратникам. Шекспир в своей великой трагедии упоминает имена шести из них. В число названных Лермонт не попал.

К роду Лермонтов принадлежал знаменитый Томас Рифмач или Честный Томас, прославившийся своими поэтическими пророчествами, эдакий шотландский Нострадамус. Согласно древней шотландской балладе, Томас Рифмач был возлюбленным королевы эльфов, провел в ее волшебной стране семь лет и вернулся оттуда с пророческим даром. В городке Эрлстоуне сохранились остатки замка, где жил поэт. Эти руины теперь называют «Башней Рифмача». Удивительно, но спустя столетия поэти-

Свято-Покровский Авраамиево-Городецкий монастырь

Покровский собор в Авраамиево-Городецком монастыре

Собор Иконы Божией Матери Умиление в Авраамиево-Городецком монастыре

ческий дар шотландского барда унаследовал его потомок, ставший гордостью русской поэзии.

Что же касается Георга Лермонта, то после поражения шотландцев от англичан в борьбе за независимость он оставил родину. Став наемником, в составе «шотской» роты поступил в польское войско. Но в 1613 году гарнизон крепости Белая, находившейся неподалеку от Смоленска, сдался русским войскам. В числе прекративших сопротивление находился и Георг Лермонт, решивший, раз уж так сложилась судьба, перейти на русскую службу. Наемники долго не колебались в выборе работодателя. Поэтому неудивительно, что вместе с Лермонтом на стороне Царя Михаила Романова стали воевать все воины шотской, а заодно и ирландской роты. Георг храбро сражался, дослужившись сначала до прапорщика, а затем и до ротмистра рейтарского полка. Правда, на сей раз он уже воевал против поляков. Царь Михаил, кстати, сверстник Георга, пожаловал шотландцу за заслуги земли в Костромском краю. Но, судя по всему, новоиспеченный землевладелец так и не успел обжиться в своем поместье. В начале 1634 года он сложил свою голову в бою под Смоленском. Однако, несмотря на бесконечные военные походы, Георг успел жениться и обзавестись потомством. Один из его сыновей, Петр, принял в 1653 году Православие. С тех пор род Лермонтовых становится православным. Другой сын, Евпатий, стал царским стольником. Праправнук Евпатия, Юрий Петрович — отец великого поэта. Интересно, что сам М. Ю. Лермонтов поначалу не располагал доказательствами того, что принадлежит к знатному шотландскому роду. Лишь в 1837 году в одной из шотландских газет появилась статья «Шотландец за границей», где рассказывалось об одиссее Георга Лермонта.

В 1799 году герб Лермонтовых включили в «Общий дворянских родов гербовник». Символика на гербе мало чем отличается от того герба, который принадлежал шотландским Лермонтам: на щите с золотым полем — черное стропило как символ силы рода; щит увенчан рыцарским шлемом с короной, внизу — девиз на латыни «SORS MEA IESVS» («Судьба моя — Иисус»). Единственное отличие русского герба от шотландского — черный шестилепестковый цветок, символизирующий память Лермонтовых о родине предков.

Но вернемся в Авраамиев монастырь. В 1991 году его передали церкви, и он сравнительно быстро возродился. Мы пришли в восхищение, увидев,

Вид на город Чухлому

в каком великолепном состоянии находились монастырские постройки, как была ухожена территория обители, в том числе и кладбище. Но, так и не встретив тогда ни одного человека, мы покинули монастырь. Но нам, конечно же, хотелось узнать как можно больше подробностей о жизни Лермонта и его потомков на костромской земле. Наше желание исполнилось благодаря встрече с… Михаилом Юрьевичем Лермонтовым. Впрочем, спиритизм здесь не причем. Полный тезка поэта ныне возглавляет ассоциацию

«Лермонтовское наследие» и живет в подмосковной усадьбе Середниково, где с 1829 по 1832 год четыре лета подряд провел юный поэт. Нынешний обитатель усадьбы арендует ее, а не является собственником. Удивительно, но, как и у его великого предшественника, то же имя и отчество. Особое же впечатление на нас произвел тот факт, что Михаил Юрьевич родился в Пятигорске. «Сразу же хочу уточнить, — сказал Михаил Юрьевич, — не надо называть меня потомком. Я считаю себя членом рода Лермонтовых, 950-летие которого отмечалось в 2007 году.

Русские ветви рода получили свои имена от названий поместий, которые были распределены между потомками Георга Лермонта. Одни получили усадьбу Кузнецово, другие — Острожниково, третьи — Колотилово, наконец, четвертая ветвь, к которой принадлежал поэт, связана с поместьем Измайлово. Она оборвалась с гибелью поэта. Остальные ветви продолжают существовать. Михаил Юрьевич относится к колотиловским Лермонтовым. Кстати, все усадьбы располагались на территории нынешних Чухломского и Галичского районов Костромской области. Вотчина Измайлово находилась в Галичском районе. «Остатки некоторых из этих усадеб, — продолжил свой рассказ Михаил Юрьевич, — мы посетили в прошлом году, когда отмечалось 400-летие появления Лермонта на Руси. Впрочем, остатки — это громко сказано. О расположении некоторых из них можно только догадываться. Например, по фрагментам фундамента. Да и добраться до этих мест можно разве что на вездеходе. Но не подумайте, что следы пребывания Лермонтовых совсем исчезли на костромской земле. В деревне Воскресенское сохранились развалины храма, где крестили отца поэта. Наконец, в этих местах живет немало людей с фамилией Лермонтовы. Например, в Чухломе, если спуститься с городища, у самого озера стоит домик, в котором живут Лермонтовы». Услышав эти слова, мы вспомнили, как много лет назад, во время своего приезда в Чухлому, садились в лодку на пристани, расположенной совсем рядом с этим домиком.

Одно из стихотворений Лермонтова называется «Нет, я не Байрон, я другой…». Он конечно же прав, но не совсем. Ведь предки обоих великих поэтов родились и жили на Британских островах.

Иван ЛЫКОШИН

ЖАЖДА ЕСТЕСТВА

Краткий очерк литературного творчества

Иван Сергеевич Лыкошин — родился в подмосковном городе Сходня, учился в мастерской Виктора Голышева в Литературном институте, член Союза писателей России, публицист и прозаик. Общественно-публицистические и литературные материалы публиковались в «Независимой газете», «Литературной газете», изданиях Союза писателей России. Постоянный автор и участник издательских проектов «Ближневосточная командировка», «Тобольск и вся Сибирь». Автор литературной биографии автора Генерального плана реконструкции Москвы 1935 г. Сергея Чернышева. В настоящее время — сотрудник общественного проекта «За сбережение народа». **Живет в подмосковном городе Сходня.**

Юбилей Константина Скворцова — это прекрасный повод для обстоятельного разговора об уникальности этого автора, любимого и по-настоящему знаменитого на своей малой родине и незаслуженно обойденного актуальным вниманием столичного литературоведения.

Наверное, за словосочетание «малая родина» изрядно досталось бы автору этого текста от самого Константина Васильевича.

Это кто же назвал
нашу Родину малой,
Словно выстрелил
черною пулей в меня?

Однако посетовать на неравноправие в оценках творческих заслуг выдающегося поэта в родном Челябинске и в московских салонах все же придется.

Коммерциализацию книжного рынка и отсылки к «низкому вкусу» читательской аудитории вряд ли возможно считать серьезным аргументом в дискуссии, тем более, что сухим языком статистики книжных продаж и издательских рейтингов можно, при желании, убедительно доказать устойчивый рост популярности литературы русских и русскоязычных авторов. Качество ее — разговор особый. Не один литературовед посетует в разговоре, что уровень прозы «топовых» по цифрам продаж литераторов, претендующих на звание «русских писателей», с трудом дотягивает до ученически-начинающего уровня советского журнала «Юность», что не мешает, впрочем, всеми доступными медиасредствами лепить из небесталанных и перспективных авторов интеллектуальных пророков и классиков непоколебимо-бронзового отлива.

О таких, наверное, говорит Скворцов в шестом венке своих сонетов:

Как я устал от суетной игры
Седой литературной детворы,
Их правоты, дешевой, как капуста!

Дефицит публичных литераторов налицо. То ли некогда «самая читающая» аудитория остро нуждается в вожаках от литературы, то ли инерционный ход идеологического маятника требует обязательного присутствия «литератора» на уличных оппозиционных митингах и блестящих раутах «властей предержащих», однако стремительное заполнение опустевшей ниши качественной и профессиональной литературы печатной продукцией издательских функционеров — факт, к сожалению, очевидный и непреложный.

Берущиеся праздно за перо,
О, как обжечься можно об него!
Предостеречь Вас должно, как ни грустно…

Удручающим обстоятельством выглядит то, что копья и пики критиков и обозревателей литературного рынка современной России ломаются на полях сражений прозаиков. Лирическая поэзия и драматургия очевидно отходят даже не на второй — скорее на третий план, и причин тому очевидное множество. Прежде всего, пресловутый спрос — лирику продать не в пример труднее, чем, скажем, сатирические постановки на тему «поэт и гражданин», заботливо выпестованною советской средней школой. Промоутировать лирика — это даже звучит парадоксом для современных издателей. С драматургией еще сложнее — литменеджер с трудом отличит драматурга от сценариста, а жаждущий экспериментов театральный режиссер предпочтет реализовать набор постмодернистских аллюзий на темы Шекспира и Гоголя, чем попытается донести до зрителя реалистичную постановку нового, пусть даже очень хорошего, но нераскрученного драматургического произведения.

Я презираю праздное искусство.
Людей высоких, словно фейерверк.
И, задирая голову наверх,
Гляжу им в души — там темно и пусто!

Сказать точнее о фасаде литературной в частности, и культурной в целом жизни современной России выйдет вряд ли. О скрытой от поверхностного взора оборотной стороне — чуть позже.

Весь невеселый анализ общего положения дел служит единственно одной цели — стать обязательным фоновым предисловием к разговору о феномене Константина Скворцова. Это громкое слово требует обоснований, а обосновать уникальность явления без описания текущих условий — дело неблагодарное.

Литература в России жила во все времена и живет особенной жизнью. Ее сильная сторона, как ни парадоксально, не в формировании «трендов», а в их постоянном разрушении. Причем в очень странном, своего рода «созидательном разрушении». На сломе искусственного и вычурного теперь языка великих стихотворцев эпохи Державина и Сумарокова появился

Пушкин, на обломках непоколебимых, казалось, канонов классицистической драмы возник Грибоедов.

И, в то же время, вопреки разрушительным экспериментам начала XX века, отрицанию не только образа, но и самого слова, появился могучий пласт подлинной классики русского слова.

Впрочем, подозревать продуманность конструкций и стратегий в творчестве — дело неблагодарное. Доступное разве что изощренным в анализе структуралистам. Словами Скворцова —

Ищу не слово — жажду естества.
Борьбы, Любви и Самоутвержденья!

Процессы бесконечного возрождения целостности и гармонизма — будь то целостность и гармония слова, или визуального образа, развивались во всех видах искусства и во все времена. Из-под пыльных руин камышовых бетонов конструктивизма встала в полный рост архитектурная неоклассика, летящего по живописному небу шагаловского козла вытеснили могучие футболисты Дейнеки, на смену сложным музыкальным конструкциям Стравинского пришли внятные аккорды Прокофьева.

Таким было начало минувшего века. Начало нынешнего плавно вступает в схожую фазу, с одним только, весьма печальным отличием.

Советские академики живописи и архитектуры прямо или опосредованно вышли из Петербургской академии живописи, ваяния и зодчества. Максим Горький еще успел пообщаться с Чеховым.

Кого возьмут в наставники и учителя будущие литераторы — вопрос открытый. И если проза и публицистика допускают возможность дистанционного обучения у классиков жанра, то поэзия и драматургия требуют, как говорят студенты, обязательного присутствия. И педагогов, способных донести до ученика непреложную истину о том, что в лирическом стихотворении форма отнюдь не довлеет над содержанием, сегодня, увы, осталось крайне и крайне мало.

И я не знаю, сколько дней
Стояли мы на этом мысе…
Быть может, друг, тебе видней?
Смешалось всё: и дни и мысли.
Но в этом не моя вина.
Мне и полжизни не потеря.
Зато я знаю, что есть Время,
Еще неведомое нам.

Неведомое нам время обязательного возрождения русской поэзии и русского слова, конечно, не предопределено и неизвестно. Но ясно то, что носителей великой традиции остается все меньше и меньше — вычурность форм, погоня за оригинальностью образа и сравнения поглощают без следа то, что принято называть «прозрачной» лирикой, то, чего так много в стихах Константина Скворцова.

На первый взгляд профессионального окололитературного классификатора велик соблазн причислить поэта к обширному и разновеликому полку деревенщиков-традиционалистов. Тому способствуют и точные, прочувствованные пассажи о природе, изученной до мелочей и любимой до глубины души, той природы, о которой в «Венках сонетов», ставших своего рода авторской исповедью, Скворцов напишет, что

Проселками, ольхою, снегирями
Я пользовался, словно словарями.
Листал снега и доверял ветрам.

Найдутся в его творчестве и закопченные печи, и избы, и плачущие березы, но за образами привычными и знакомыми, располагающими к томной грусти или плавным раздумьям в есенинском духе, вдруг выплывают образы совершенно иного, космического масштаба и смысла. Безымянное стихотворение о поющих на завалинке старухах, глядящих на закат, завершается почти космогоническими картинами:

В глубинке над деревней робко
Вставало солнце алой пеленой,
Старушки пели песню неторопко,
И медленно вращался шар земной…

Граница Слова и звука, ритма стиха и музыкальной ноты размыты в стихах поэта, как и должно быть в подлинной, звучной и гармоничной поэзии. Его стихи наполнены звуком чуть меньше, чем заполнены цветом и светом. Здесь «*скрипят вороны*», и «*заливаются щеглы*», и «*верещит пророчески сойка*», «*молчит обессиленный Ай*», и «*воркует в горах Громатуха*», а «*у перекрестка вечный шарманщик плачет и крутит свое колесо*». Здесь поют и плачут:

Горло выдано курскому
Соловью, чтобы петь,
А душа — люду русскому,
Чтоб болеть и болеть.

Именно через пение, через мелодическое преломление слов раскрываются герои скворцовской лирики. Уже упомянутые старухи, как древние мойры или парки, вращают планету и судьбы своим старческим хором. Песней шарманщика и пением птиц, звучанием студеных синих рек и ручьев, грохотом колесных пар по рельсам и шорохом и шепотом листвы наполнен мир, и над ним, напитанный жгучей сыновней любовью, несется мелодический и напевный плавный ритм скворцовских стихов.

Наверное «потому что певуньей была моя мама» неразрывно связаны в его лирике образ мамы и образ песни, образ самой искренней и настоящей любви и тягучая мелодичность напевного слова. Песней, любимой многими, стала до боли пронзительная «Матушка пела», ее поют огромное количество исполнителей. Многочисленные песенники относят эту песню к категории «народных», а электронные поисковые системы зачастую приписывают ав-

торство тем, кто поет под гитару или в сопровождении хора бьющие куда-то под дых эмоций и чувств слова:

Больше она ничего не имела,
Только свой голос. Свой — ножевой,
Не было хлеба. Матушка пела,
И оттого я остался живой…
…Минуло время, память немела,
Но без войны я не прожил и дня.
Все эти годы матушка пела.
Это, должно, сохранило меня.

Память и отношение к войне давно стали лакмусовой бумажкой русской литературы. За семь десятков лет, минувших со дня Победы, русскими буквами и русскими словами о том времени написано бесчисленное количество страниц поэзии и прозы. Официально-патетической и кощунственно-ернической, до боли прочувствованной и поверхностно фальшивой, плохой и хорошей, талантливой и бездарной литературы. Кто-то смотрел на войну, как на «историческое событие чрезвычайной важности», кто-то — как на кошмарный ад, оставшийся в прошлом.

Из пучины исторического водоворота, из темной мглы военных лет, из лютых морозов уральских военных зим и жаркого пламени сталеплавильных цехов челябинской индустрии вышел талант Константина Скворцова. Суровые картины кузницы фронта остались в его лирике выразительными и фотографическими образами:

Я помню, мать у прокопченной печки,
Усталая, сбирая нас ко сну,
Ножом сточенным, при мерцаньи свечки
Делила хлеб в прошедшую войну.
И почитаю за большое счастье
Воды студеной из реки испить,
Где, замерзая, на четыре части
Сумели люди спичку расщепить.

Суровым, мужским и сильным ритмом Урала наполнена вся его лирика. Спроси любого русского мужика, из тех, кто ходит на охоту, любит настоящую, с обильным уловом, рыбалку, кто способен, если не разделить на четыре части спичку, то уж точно разжечь с одной спички костер, что такое «Златоуст», и первое, что вам ответят, — «это сталь». Это сверкающие пружинистые клинки уральских ножей и матово вороненые винтовочные стволы, это блеск офицерского кортика и мягкая тяжесть охотничьего топора.

А русская женщина, та, что сама выпекает пасхальный кулич и в воскресное утро отводит детей или внуков к Причастию, вспомнит, конечно же, Святителя Иоанна, «Мир всем!» провозгласившего из гроба в Константинополе спустя тридцать лет после смерти и получившего прозвище «Златоуста» и звание одного из трех вселенских святителей и учителей за особенный дар проповеди. «Столько же создать может слово, сколько разрушить страх» — одно из самых известных его высказываний.

А для Константина Скворцова Златоуст — это Родина во всех ее ипостасях.

Долина детства — город Златоуст,
Твои огни я помню наизусть,
Здесь ждут меня с друзьями в старом доме,
В твоих горах начало всех начал…

А еще Златоуст Скворцова — это величественная и одновременно легкая, ритмичная и живая драма, драма как жанровое определение произведения. «Иоанн Златоуст. Крестный путь святителя» — это одна из самых заметных вершин его творчества, событие уникальное не только для современной России, но и для всей великой русской литературы в целом.

В эпоху довлеющего господства театрального эксперимента и условных реалий, игривой условности сценических диалогов и повсеместной боязни хорошего академического пафоса, почти утратившего в наши дни возвышенный смысл аристотелевой риторической категории и ставшего красной тряпкой для «креативного класса», Скворцов не побоялся взяться за создание классического монумента.

Если бы в наши дни художник создал действительно уникальную академическую работу в духе Генриха Семирадского, если бы Александр Иванов написал в наши дни свое «Явление Христа народу», это не выглядело бы столь дерзким вызовом сообществу живописцев, каким выглядит создание академической драмы, разворачивающейся в античных реалиях раннехристианского периода, для сообщества литературного. Это не просто вызов — это невероятная смелость и невероятный талант, учитывая бесспорный литературный и театральный успех произведения.

Требуется невероятное мастерство художника, чтобы избежать перенесения бронзовых форм исторической личности на живую душу и плоть сценического персонажа, глубокий внутренний свет веры и христианского духа, чтобы, не превращая драматическое произведение в инсценировку жития, избежать впадения в ересь и соблазн апокрифа. Требуется пройти по лезвию бритвы, чтобы не оскорбить, выражаясь языком прокурорского протокола, «чувства верующих» и избежать обвинения в кощунственном лицедействе на священную тему.

Тем более отрадно констатировать тот факт, что постановки «Иоанна Златоуста» и других драматических произведений Скворцова были удостоены Всероссийской премии литературы и искусства «Святитель Иоанн Златоуст», учрежденной, в том числе, Всемирным Русским Народным Собором под председательством Святейшего Патриарха.

Лестные оценки уважаемых собратьев по цеху приводятся почти во всех работах, посвященных творчеству Скворцова. «Драматург милостию Божией» Петра Проскурина и «Суровое веселье взгляда» Новеллы Матвеевой вошли в традиционный набор определений и цитат, когда речь заходит о драматургии Скворцова. Стоит добавить сюда слова мнения явных антагонистов — Валерия Ганичева и Евгения Евтушенко. Последнему «личное знакомство с Константином Скворцовым прибавило поэтическую жадность к Уралу», а по мнению Валерия Ганичева, Скворцов «достоин выдвижения на Государственную премию».

«Иоанн Златоуст» — лишь одно из величественного цикла драматических произведений, посвященных раннехристианскому периоду. Вместе с «Георгием Победоносцем», «Константином Великим» и «Юлианом Отступником» они составляют монументальную тетралогию «Сим победиши!». Этот образец традиционной в хорошем смысле драматургии видится крайне востребованным и актуальным в свете программ возрождения традиционного классического театра, с помпой анонсированных в качестве приоритета национальной политики в сфере культуры и, к сожалению, пока так и не реализованных в заметном обычному зрителю объеме.

«Сим победиши!» — отнюдь не случайный успешный эксперимент поэта, замахнувшегося на драматургию, как может казаться на первый взгляд читателю, не знакомому со сценическими произведениями Константина Скворцова. Не стоит и впадать в соблазн его трактовки как академического драматурга-монументалиста. «Пока есть музыка и память» представляет академика Курчатова современным Фаустом, разрывающимся между Сталиным и Мефистофелем. Еще более неожиданно выглядят в роли ведущих диалоги шекспировскими ямбами американские физики, во главе с Энрико Ферми готовящие эпохальный эксперимент по проведению первой самоподдерживающейся цепной реакции в самодельной лаборатории чикагского стадиона Стаггфилд в пьесе «Западная трибуна». Разнообразие тем и персонажей присуще Скворцову-драматургу в той же, если не в большей степени, чем Скворцову-лирику, и доказательство тому — четырнадцать драматических произведений самой широкой тематики.

Упомянутые в начале статьи законы рынка непостижимым образом не затрагивают огромный и ценный массив скворцовской драматургии. Удивительным образом крупные кинопродюсеры и антрепренеры предпочитают не замечать ценнейшего материала, востребованного и успешно реализуемого провинциальным театром. Возможно — время еще не пришло. Возможно — это время настанет не скоро. В любом случае, это потеря для зрителя и читателя, но никоим образом не для автора. Его признание свершилось, его мастерство достигнуто, если мерилом его считать слова самого Константина Скворцова:

…Чуть дальше, чем вчера,
Вкусил я унижения и славы,
Теперь они явились для расправы
И громогласно требуют: — Пора!

Душа моя, я знаю, не черства.
Я презираю праздное искусство.
И стискиваю голову до хруста,

Ищу не слова — жажду естества.
Поэт тогда достигнет мастерства,
Когда постигнет в совершенстве Чувство!

ПРОЗА

Михаил ЗАРУБИН

ДОЛГАЯ ДОРОГА К МАМЕ

Повесть

Михаил Константинович Зарубин — родился в 1946 г. в деревне Кеуль Нижнеилимского района Иркутской области. После окончания строительного института работал мастером, начальником участка на строительстве комплекса зданий Сибирского отделения АН СССР. Более 20 лет возглавляет 47-ой строительный трест. Заслуженный строитель России, Почетный архитектор России, Почетный гражданин Кировского района Санкт-Петербурга. Действительный член трех международных академий. Награжден орденами и медалями РФ. Член Общественного Совета Санкт-Петербурга. Член-корреспондент Академии Российской словесности. Член СП России. Автор многих книг прозы и публицистики. **Живет в Санкт-Петербурге.**

1

В доме Анны Карнауховой проснулись рано. Кроме четырнадцатилетнего Мишки, который спал на сеновале.

Сама Анна уже и не помнила, когда нормально отдыхала. Сильнейшие боли не давали покоя ни днем, ни ночью. Иногда, в промежутках между приступами, ей удавалось забыться, но это случалось все реже и реже. Жила вдвоем с сыном, дочери вышли замуж и разлетелись из дома, счастливые, даже не от замужества, а от возможности освободиться от колхозного крепостного права и получить в сельсовете паспорт, который многие деревенские жители никогда не видели.

Деревня Погодаева стояла на берегу Илима. Сорок домов вытянулись цепочкой вдоль реки, и только два или три стояли на отшибе. У Карнауховых собственного жилья не было, ютились в прирубленной части к добротному дому Харитины Перетолчиной. Но Мишка не испытывал неудобства от этого. Он любил свой дом, стоящий на краю деревни. Летом прямо из окон любовался трепетным полем золотой пшеницы, которое переливалось на солнце и от малейшего ветерка становилось похожим на ослепительное море. В своей недолгой четырнадцатилетней жизни Мишка, единственный из деревни, уже побывал на море: его, как лучшего ученика в районе, в прошлом году посылали в Артек.

Зимой он прямо со двора убегал на лыжах к Кулиге. Лыжню делал прямой, без изгибов и крутых поворотов, и почти каждый день нарезал по ней круги, тренируя тело и воспитывая волю. Знал окрестности своей деревни на десятки километров вокруг: где в изобилии водятся груздди и рыжики, где растет крупная и

сладкая малина, а куда и вовсе соваться не следует — можно встретиться с «хозяином тайги», и не факт, что сумеешь от него убежать.

Особенно он любил речку. Илим, веками бежавший к Ангаре, делавший столько поворотов, петель, зигзагов, что вряд ли сосчитаешь, перед Погодаевой выравнивался, становился широким и полноводным, а уже за деревней, ударившись в лоб Красного Яра, поворачивал почти под девяносто градусов, и дальше вновь начинал петлять.

— Мила! — позвала Анна дочь.

— Что, мама?

— Разбуди Мишаню, пора.

Но Мишка уже входил в дом, успев умыться под умывальником во дворе.

— Здравствуйте всем, — степенно сказал он сестрам и матери, которую уже привели в порядок: умыли, причесали, надели новую кофту и, усадив на кровать, пододвинули к ней стол, где стоял нехитрый деревенский завтрак.

Мать таяла на глазах. Сестры приехали, чтобы ухаживать за ней, и, как говорили в деревне, «проводить по-людски». Чем-то страшным, необратимым веяло от этих слов, и Мишкино сердце сжималось от тоски и безнадежности. Мила, родившая два месяца назад дочку, приехала из Иркутска, а Капа добралась из низовьев Ангары, где ее муж работал в экспедиции.

Завтракали молча, украдкой поглядывая на мать, не желая даже взглядом напоминать ей о страшной болезни. Все, в том числе и она, знали, что болезнь эту не победить, но все равно каждый надеялся на чудо.

Медсестра, которая приходила делать матери уколы, под большим секретом сообщила Мишке, что его мама умирает, и ему надо набраться мужества и терпения. От неожиданности он выронил стакан чая, который подавал медсестре. Он хотел закричать на нее, оскорбить ее, обозвать последними словами, но сдержался. Не поверил ее словам. Сын видел, что мать с каждым днем слабела, черты лица ее заострялись. Синие большие глаза побледнели, светлые густые волосы, которые она заплетала в косу, поредели и почему-то потемнели. Ей было трудно говорить, чистый, как родник, голос, который он так любил слушать, стал слабым, надтреснутым. Из груди вырывались не слова, а хрипы, она долго прокашливалась, вытирая губы платком. Маленькие руки с длинными тонкими пальцами пожелтели и стали прозрачными, как пергамент.

Мать никогда не была дородной, как большинство деревенских женщин. Для Мишки она была эталоном красоты. Среднего роста, худощавая, с правильными чертами лица: прямой нос с чуть заметной горбинкой, голубые глаза, роскошные пшеничные волосы. В колхозе она не отказывалась ни от какой работы: была дояркой, жала хлеб, ухаживала за курами на ферме, пасла коров. Все домашнее хозяйство, разумеется, было на ней. И при этом каторжном труде у нее были удивительно красивые руки, стройная фигура, которую не портили даже телогрейка и сапоги. Наоборот, они только подчеркивали ее красоту.

Взгляд ее буквально светился добротой, рядом с ней было уютно и тепло. Некоторые деревенские бабы побаивались ее. Вероятно, оттого, что она никогда не ругалась, как они, грязно, с криками и матом.

Мишка видел, как мужики заглядывались на нее, и тогда его охватывал страх. Он боялся, что в ее взгляде промелькнет какая-то заинтересо-

ванность — в глазах сына это было равносильно предательству. Некоторые приходили свататься, но мать всем отказывала, чему он был несказанно рад.

Она говорила ему: «Ты у меня самый лучший мужчина…» — и прижимала его большую голову к своей груди, и он вдыхал такой родной, вкусный, привычный запах, исходивший от ее тела. Это же была его мама! Как она могла умереть? Одна мысль о том, что он может остаться без нее, приводила его в отчаяние. Пытаясь во всем угодить больной матери, Мишка наивно надеялся, что однажды утром он проснется, и все будет, как прежде.

Он не понимал еще чувства любви, но неодолимая тяга к матери была первым ростком в его душе. Он учился у нее, как держать себя в присутствии старших, как отвечать, не быть злым, хотя иногда так хотелось крикнуть тяжелые слова в лицо обидчику, чтобы они задели его за живое, и ему было бы так же больно. Улица всегда имеет влияние на детскую психику, улица — это образец подражания, это узнавание всего того, что вокруг и хорошего, и плохого. Конечно, встречи с ребятами оставляли след. След не всегда хороший.

Но, получая заряд негативной энергии, он всегда усмирялся рядом с мамой, она находила слова, которые удивительным образом действовали успокаивающе и гасили возникшие страсти. Дом был местом, куда всегда хотелось придти, там было душевное тепло, согревающее и вылечивающее. Он так много разговаривал с ней, обычно это было по вечерам, когда они гасили керосиновую лампу и под свет луны вели долгие разговоры о жизни. Он даже не задумывался о том, как может неграмотная женщина знать столько, знаний ее хватало, чтобы полюбить мир вокруг, землю, свою деревню. Рассказы ее были образны, слова сочны. Если шел разговор о людях, он по едва уловимым приметам узнавал их, если о местности, ей хватало несколько образов, и он видел Тушаму или Россоху. Он не удивлялся этому, для него и не могло быть иначе. Материнские рассказы были для него открытием мира, в котором ему предстояло жить, без них бы жизнь вокруг становилась тусклой. Мишка постоянно испытывал радость от узнавания, нет не удивление, а радость. Это становилось нормой жизни. Конечно, он понимал, что сестры приехали не зря. Если бы мама могла выкарабкаться из когтей ненавистной болезни, вряд ли бы они бросили своих мужей. Как сказала соседка, приехали, чтоб проводить мать в последний путь по-людски.

А сейчас пришла пора расставания. Мишку отправляли на областной пионерский слет в Иркутск. Вот мать и уговорила его воспользоваться оказией и навестить старшего брата, что жил в Черемхово, шахтерском городке, в ста километрах от областного центра. Ранней весной брат приезжал в Погодаеву, тогда они с матерью решили судьбу Мишки. Ехать в Иркутск и Черемхово он не возражал, однако хотелось вернуться назад. Ему не представлялось своей жизни без мамы. Она просила хотя бы лето прожить у брата, а там будет видно. На том и порешили, каждый думая о своем. Мишка считал себя взрослым парнем, способным выполнить любую работу, и рассчитывал вернуться к осени, чтобы учиться, ухаживать за матерью, доить корову и делать другие дела по хозяйству. Мать же надеялась, пока жива, устроить его, так как не стань ее, думать о нем будет некому, и попадет парень в детдом.

Завтрак закончился, сестры собрали посуду, поставили стол на место. Мама, устав находиться в неудобной позе, прилегла, попросив его присесть рядом с ней. Он сел, взял ее руку, положив ладошки сверху и снизу, чтобы ей не было больно держать свою. Мишка смотрел на родное лицо, говорить не было сил, к горлу накатывал комок, на глазах неудержимо выступала горькая влага. Понимая, что сейчас разревется, он осторожно положил мамину руку на одеяло и встал у окна.

Перед ним во всю свою могучую ширь красовалось зеленое погодаевское поле, пройдет месяца два, и заколосится пшеница на нем, сияя солнечной красотой и восхищая всех урожаем. Чуть впереди стена леса, который на сотни километров простирается в радужную даль, сначала к Качинской сопке, затем к Шальновскому хребту, а потом еще дальше и дальше, где Мишка никогда не бывал.

Слева навис Красный Яр, почти вертикальная стена над рекой, он прикрывал деревню от северных ветров, был ее защитой.

— Миша, — позвала мама.

Он быстро сел, взглянув на мать, погладил ее руку.

— Прости меня, мама.

— Это ты меня прости, сынок, что не вырастила тебя.

— Опять ты, мама, не надо. Уверен, что ты поправишься, и я вернусь, только зря расстаюсь с тобой.

Мать посмотрела и улыбнулась.

— Отправляю тебя в такую даль, береги себя по дороге, не выскакивай на станциях.

— Мама, ты ведь знаешь, что я уже всю страну объехал, когда добирался в Крым.

— Тогда ты был не один, у вас старшие были.

— Не бойся, мама, я буду внимателен.

Она погладила его руку, прижалась к ней щекой, и слезы полились ручьем из ее глаз. Миша осторожно высвободил ладонь, взял платок и обтер ее лицо.

— Спасибо, — и слезы вновь полились из маминых глаз.

Он молчал, смотрел на мокрое родное лицо, на покрасневшие глаза, понимая, что слова не успокоят ее. Ему самому захотелось закричать от нестерпимой боли, возникшей у него в груди. Он встал на колени, положил голову на грудь матери, она гладила ее тонкими холодными пальцами, пытаясь дотянуться поцеловать, но сил не хватило, и еле слышно звучали ее слова, как заклинания:

— Прости меня, прости.

В дом вошла Мила.

— Миша, нужно идти, самолет ждать не будет.

Он поднял голову, посмотрел в лицо матери, ее глаза смотрели прямо в его глаза. Потом она улыбнулась, улыбка была как и прежде, украсившая все ее лицо.

— Пора, сынок. Береги себя, как приедешь, сразу напиши мне письмо, я буду ждать весточки.

Он попытался что-то сказать, не смог и вдруг неожиданно для себя расплакался, ему стало стыдно, он выбежал в сени, прижался к стене за кадушкой с водой. Сестра обняла его:

— Не плачь, Миша, матери будет тяжело, иди попрощайся, — она вытерла ему слезы. Он снова вошел в дом, подошел к матери, поцеловал ее в губы, потом прижался к рукам, целуя их:

— До свидания, мама!

— До свидания, — тихо ответила мать, — будь осторожен, береги себя.

Мила взяла его за плечи, но он не дал ей развернуть себя спиной к матери, неловко ступая до самой двери, все смотрел на родное лицо, на чуть приподнятую руку, на добрую родную улыбку.

Уже во дворе он немного успокоился, прошел в огород, дошел до межи, отделяющий огород от колхозного поля, обратил внимание, что на дороге, ведущей в лес, появились столбы пыли. «Значит, люди выехали работать», — мелькнула мысль. Солнце поднялось над высокой Ждановской сопкой и стало пригревать. Все вокруг было знакомо. Каждая тропинка и дорожка вели в заповедные места, где он рос, собирая ягоды и грибы, возил копны сена на сенокосе, рыбачил, пас коров, с ребятами ездил в ночное, где у костра велись долгие разговоры, пока звездное небо не успокаивало их, и они мгновенно отрубались, порой засыпая в тех же позах, в которых еще сидели минуту назад. Все уходило от него, впереди ждал мир незнакомый, его хотелось увидеть, побывать в нем. Не в кино, а наяву увидеть паровоз, трамвай, троллейбус, высокие дома, красивые улицы. Но одна мысль, что рядом не будет мамы, нагнетала тоску, и ему уже никуда не хотелось. Нить, связывающая их, была настолько прочной, что обрыв ее для обоих был, казалось, смертельным.

— Мишаня, нужно ехать.

Мила взяла его за руку и повела по проулку к реке.

Его любимая лодка покачивалась у лавницы. Сестра положила вещи, сама села посередине, а Мишка, отталкиваясь длинным веслом, повел лодку против течения. У берега течение было слабым, и лодка быстро побежала вперед. Мила молчала, Мишка тоже, сил для разговора не было, мысли путались в голове, хаотично сменяя одна другую. То он с жалостью думал о матери, и тут же радовался, что полетит на самолете. Жалел, что не поедет в этом году на сенокос. Сейчас он бы косил наравне с мужиками! Он даже представлял, как свежая, сочная трава под его косой ложится ровным рядком на зеленом покрывале, расположенном вдоль берега таежной речки Тушамы. И тут же в голове возникала другая картина: в городе он пойдет в цирк и увидит настоящего слона. Он гнал от себя эти мысли, возвращая думы о матери, о ее болезни. Как она там сейчас? Наверное, плачет. И опять перед ним рисовались соблазнительные картины города, куда он едет. Все крутилось и вертелось, как на городской карусели, и было трудно думать о чем-то одном.

Переплыли Илим, пристали к берегу у скобяного магазина.

— Не забывай нас, Мишаня, осенью встретимся. Смотри там, в городе… И письма пиши, мать будет ждать…

Взяв свой маленький фибровый чемоданчик, Мишка пошел в школу, где собиралась вся группа для поездки на областной слет. Он шел по центральной улице, такой знакомой и родной. Вот красивый двухэтажный дом, где располагался райисполком. Вот небольшое здание почты, в зимние дни они с приятелем отогревались здесь перед окончательным броском к дому. Рядом с почтой, чуть в глубине, чайная. Она притягивала к себе необыкно-

венно вкусным запахом выпечки, столами, покрытыми вышитыми белыми скатертями, и макаронами, экономно политыми ложечкой сливочного масла. За чайной, в самом центре села — Дом культуры. Это был, без преувеличения, центр мироздания. Все самое значимое, дорогое и радостное в жизни селян проходило именно здесь. Праздничные концерты и театральные постановки, в которых Мишка непременно участвовал, кинокартины, танцы, собрания… Каждый день сюда стремились люди.

Мишкины ботинки стучали по деревянному тротуару. Все оставалось позади: мама, река Илим, село и деревня, где прошли детские годы.

Самолет Ли-2, разбежавшись по грунтовой полосе, взлетел и сделал круг над деревней. Мишка в иллюминатор увидел свой дом. Отсюда, с высоты, все казалось маленьким, игрушечным. Дом стоял на краю деревни, справа пылила дорога, и он хорошо видел несколько повозок, едущих на Малую речку. Да и вся деревня — как на ладони. От домов к реке спускались тропинки. В воде стояли лавницы, к каждой из них была привязана лодка. Он разглядел и свою лодку. «Мила уже дома», — подумал он. У Малой речки Илим совершает крутой поворот и мимо высокого песчаного берега бежит к Ангаре. Вот еще раз самолет сделал круг над селом и деревней. Мишка смотрел в иллюминатор, стараясь запомнить в мельчайших подробностях картины родных мест.

Наконец, самолет выровнялся, и на сотни километров потянулась тайга с редкими зимовьями. Она казалась такой огромной и бесконечной, что не верилось в то, что рано или поздно она закончится, расступится, и большой, красивый город Иркутск встретит Мишку.

Он еще некоторое время смотрел вниз, а потом стал прислушиваться к своим сверстникам. Несмотря на шум мотора, все громко разговаривали, стараясь перекричать гул двигателя, радостно делились впечатлениями. Вскоре и это прошло. Все сидели тихо, каждый думал о чем-то своем…

2

Месяц жил Мишка у брата в маленьком шахтерском городке под Иркутском. Городок, объединивший несколько шахтерских поселков в одно целое, был уютным, украшенным множеством деревьев и клумбами с цветами. Деревья росли между бывшими населенными пунктами, деля их на микрорайоны с многоэтажными домами. Частный сектор казался издали зеленым морем, за которым не видно было даже крыш домов. Бывшие поселки объединяла асфальтированная дорога, она же — центральная улица города. Она же была частью Московского тракта; в праздники колонны демонстрантов шли по ней к площади, где стоял памятник Ленину, а по вечерам улица служила любимым местом прогулок местной молодежи. Здесь знакомились, влюблялись, демонстрировали обновки, сплетничали, дрались — словом, шла обычная уличная провинциальная жизнь.

Каждый квартал-поселок мог существовать автономно, там была собственная, как сказали бы сейчас, инфраструктура: больница, кинотеатр, школа, магазин. В центральной части города стояли общегородские постройки: горком партии, техникум, филиал института.

Транссибирская магистраль не разрезала город надвое, как часто бывало в сибирских городах, а проходила сбоку. Электрички останавливались в

каждом поселке, что являлось большим благом для местных жителей. Шахт в городе было много, все они соединялись друг с другом и с центральным вокзалом железнодорожными путями, по которым беспрерывно сновали паровозы: пыхтящие, чумазые, изрыгающие клубы черного дыма. Да что там дым, из труб паровозов вылетали вместе с искрами и кусочки горящего угля. Все железнодорожные пути и окрестности всегда были покрыты слоем угольной копоти, и даже ливневые дожди не могли смыть ее.

Переулочки, ведущие к центральной дороге, всегда пересекали подъездные пути, и человек, уходящий из дома в белой рубашке, возвращался уже в серой. Особенно трудно было пережить это девчонкам, бегающим в клуб на танцы.

Удивляло большое количество стадионов. Не просто спортплощадок, а настоящих стадионов с трибунами для зрителей и хорошим покрытием. В Черемхово их было несколько, в каждой шахте и разрезе. Они никогда не пустовали. Мишка участвовал в спортивных баталиях с первого дня приезда. Чаще всего гонял мяч. Успехи в основном были в футболе, но и в городках, и в волейболе он не был последним.

Самое большое впечатление на молодого человека произвел городской парк. Ему, таежному жителю, привыкшему к дикой, естественной природе, было странно видеть среди лесного массива аккуратные, посыпанные песком дорожки, лодочную станцию на пруду, концертную площадку со сценой-раковиной и скамейками. Но больше всего его поразили качели. Деревенские по сравнению с этими были игрушечными.

Не было такого дня, чтобы Мишка не побывал в парке, не посидел бы на скамейке, не покатался на качелях. У него уже появились любимые места: большая беседка, где он наблюдал шахматные баталии, любил бывать на концертах местных артистов-любителей. Бывало, заезжали и столичные гастролеры.

Иногда он вспоминал деревню, но жизнь его стала такой насыщенной, что часто забывал о ней совершенно, и только перед сном виделся родной двор, сеновал, огород, который в этом году стоял пустой, не вскопанный, и, наверно, уже весь зарос сорняками и крапивой. Вспоминал маму, ее исхудавшие руки и добрые глаза. Каждую неделю он писал домой письма, рассказывал о своей новой городской жизни, спрашивал о здоровье, но ответов не получал. Каждый день он подбегал к почтовому ящику, но кроме газет и разных официальных писем для брата там ничего не было.

Брата Мишка видел редко. Тот работал бригадиром навалоотбойщиков и одновременно был депутатом и членом горкома партии, и еще куда-то входил, и обязан был где-то присутствовать.

В доме хозяйничала жена брата. Мишка удивлялся, как эту некрасивую, шипящую, словно гусыня, женщину, мог выбрать Николай? Все в ней было отвратительным: выпученные глаза и белесые ресницы, толстый мясистый нос и слюнявый, никогда не закрывающийся рот. Говорила она громко и непрерывно, слова вылетали каркающие и пронзительные, однако понять, о чем она говорит, было затруднительно. Мишка давно заметил: у некрасивых людей почти всегда паршивый характер, они злы, недовольны всем, завистливы. Все это в полной мере относилось и к жене брата. Профессии у нее не было, она никогда и нигде не работала. Приехала из Москвы в Сибирь, к своим дальним родственникам, чтобы найти себе мужа. Нашла.

Но почему же этим мужем оказался его брат Николай?! Мишка с первых же минут общения почувствовал жгучую ненависть свояченицы к себе. Он пытался не обращать на это внимания, болтаясь с новыми друзьями по бесконечно длинным улицам городка, придумывая себе занятия и развлечения, чтобы реже бывать дома. В жаркие дни они убегали на карьеры, где были удивительно чистые озера с родниковой водой, и купались до посинения. Никогда еще Мишка не купался так много — в холодных сибирских реках, таких как Илим, не очень-то покупаешься. Вечером в его адрес звучала отборная брань. Каждое утро свояченица давала ему кучу заданий и поручений, выполнить которые было практически невозможно. Выйти из дома разрешалось только после выполнения всех заданий.

Он убегал, не обращая внимания на крики свояченицы, — он быстро привык к ее ругани, относился к этому терпеливо-презрительно, чем приводил хозяйку в бешенство. Но жизнь вокруг была настолько хороша, что даже злобная свояченица не могла ее испортить. Оставаясь один, Мишка философски говорил сам себе:

— Ну, не может же все быть хорошо…

Пятнадцатого июля (он навсегда запомнил эту дату!), в пять часов утра его подняла с постели неведомая сила. Никогда, даже в деревне, Мишка не поднимался в такую рань, а уж если возникала такая необходимость, то его будили всей семьей, даже брызгали на него холодной водой. А здесь он сам открыл глаза, сон как рукой сняло. Не одеваясь, вышел на крыльцо.

Уже розовел горизонт. Над деревней плыла тонкая, прозрачная вуаль утреннего тумана. Мишка сел на крылечке, положил голову на резные перильца и задремал. Он не видел, как первые лучи солнца осветили сонный городок, проникая в просторные дома и тесные бараки. Солнце поднималось все выше и, наконец, засверкало, отражаясь в стеклах многоэтажных домов и слюдяных прожилках породы, выброшенной в огромные горы — терриконы.

Сладко пахли цветы, их приторный запах пропитал все вокруг. Где-то вдалеке еще выводил свою трель соловей. Теплые лучи разбудили спящего голубя, тихо дремавшего на веточке старого тополя. Облака растворились, за легкой линией горизонта уже показался огненный шар.

Солнце светило все ярче и ярче, постепенно выплывая из-за горизонта, птичий гомон усиливался.

Во сне Мишка не слышал начала дня: криков петухов, гулких ударов копра, забивающего сваи около центральной электростанции. Днем шума стройки не было слышно из-за бегающих туда-сюда кричащих паровозов, но по утрам удары копра разносились окрест на несколько километров.

Он спал, обняв перила крылечка, не испытывая неудобств, как вдруг почувствовал, что кто-то рядом присел на ступеньку, обнял его за плечи и поцеловал в висок. Мишка удивился — кто бы это мог быть? Он открыл глаза. Никого не было. Теплые лучи согревали его, он прикрыл веки и снова провалился в дремоту. И снова кто-то поцеловал его в висок. «Может это сон? — подумал Мишка. — Ну, конечно, я сплю и чувствую все это. Разве может быть здесь мама? Она так далеко». Но тут он почувствовал на своих плечах чьи-то теплые руки, услышал легкое дыхание.

— Мама, это ты? — спросил Мишка.

— Здравствуй, Мишаня, — голос прозвучал тихо, но настолько явственно, что он перестал сомневаться. Этот голос он узнал бы из миллионов других.

— Мама! — тихо откликнулся подросток.

— Я здесь, Миша, здесь…

— Но я не вижу тебя.

— А ты и не можешь меня увидеть.

— Почему?

— Потому что я уже умерла, и сейчас нахожусь очень далеко, на том свете. Но я так просила Всевышнего повидаться с тобой, что Он смилостивился. И вот я здесь. Я тебя вижу, а ты меня — нет…

— Да что ты, мама, все это сказки. Нет никакого того света, и никакого Всевышнего нет.

— Давай не будем об этом. Какое счастье, что я тебя увидела! Я чувствую себя виноватой, что не сумела поставить тебя на ноги, оставила беспомощным мальчишкой. Болезнь оказалась сильнее. Но ты знай — в трудные минуты жизни я буду рядом.

— Я не верю в сказки, мама.

— Как тебе живется у брата, Миша?

— Не могу привыкнуть. Вхожу в дом, а тебя в нем нет. Только эта гадюка, свояченица. Днем еще ничего, когда убегаю из дома, а по вечерам крики, ругань. Не знаю, как мне жить.

— А что же Николай? Неужели он не может укорить свою жену? Он-то хоть знает, как она к тебе относится?

— Я его почти не вижу. Я так решил: закончу восемь классов, поступлю в строительный техникум, в Иркутске. Закончу, буду работать, а потом в институт. Ты же знаешь, в школе я был лучшим учеником…

— Знаю, сынок. Я всегда тобой гордилась. Береги себя, и меня не забывай…

Мишка открыл глаза и сразу закрыл их, настолько ослепительным было солнце. Он встал, держась за перильца и, повернувшись спиной к солнцу, внимательно осмотрел крыльцо. Ничего необычного не было в этом крыльце. Тогда он тихо позвал:

— Мама!

Тишина. Но ведь только что, мгновение назад он разговаривал с ней. Растерянно он прошел по дорожке к летней кухне и там несколько раз позвал маму. Никакого ответа. Он вошел в дом, разбудил брата.

— Коля, мама умерла.

Брат спросонья переспросил:

— Какая мама?

— А у нас что, две мамы?

— Что это ты придумал?

— Она только что была здесь.

Николай с изумлением и тревогой вглядывался в лицо младшего брата, вероятно, пытаясь разглядеть в нем признаки безумия.

— Она была здесь. Мы сидели на крыльце, разговаривали, но я не видел ее. Узнал ее по голосу. Она сказала, что всех, кто на том свете, увидеть невозможно.

— Может, тебе это приснилось?

— Я разговаривал с мамой, — упрямо повторил Мишка.

Невестка тоже проснулась, при последних Мишкиных словах повертела пальцем у виска. Мишка вернулся к себе в комнату.

В полдень почтальон принес телеграмму, в ней было три слова: «Мама умерла ночью».

3

Тридцать лет он прожил в Санкт-Петербурге, носящем и другое имя. Совершенно случайно оказавшись в этом европейском городе, он прижился в нем. И хотя работа занимала большую часть суток, Михаил находил время полюбоваться этим вдохновенным созданием архитектурной мысли, его улицами и площадями. Он гулял по Английской и Дворцовой набережным, ходил по площадям, расположенным вдоль Невы и окруженным царскими дворцами, государственными учреждениями, и не переставал удивляться пышности и великолепию «Северной Венеции», как принято было называть этот город.

Жить в Петербурге, особенно в первые годы, было трудно. Он скучал по яркому сибирскому солнцу, по своим землякам-сибирякам, общительным и понятным, по чистым сибирским рекам. Низкие темные облака, сырость, постоянные дожди — все это давило, заставляло вспоминать солнечный край своего детства и юности. Да и люди здесь были более замкнутые, обособленные, ревниво оберегающие свой внутренний мир.

Санкт-Петербург — это два города. Исторический и обыкновенный, типовой, каких сотни. Типовые для простоты называют «спальными районами». Вначале и он жил в таком районе, а через несколько лет переехал в центр, в настоящий Петербург. Жить в исторической части города тоже нелегко, как будто живешь в музее, всегда на обозрении. В спальных районах — большая скученность и масса неудобств. Чего стоит одна дорога до дому! Однако он не задумывался об этом — не было времени. Главным смыслом его жизни стала работа.

В Сибири он выучился на строителя и своим упорством и настойчивостью многого добился в профессии. Ему стали поручать все более ответственные объекты. Они хоть и находились в городской черте, но были прикрыты от людского взгляда. Все они строились для того, чтобы выпускать продукцию оборонного назначения. Он гордился подобным доверием, хотя мало кто знал, какой ценой достаются ему эти успехи… Дома его не видели сутками. Но это сверхнапряжение делало его сильным, выносливым и уверенным в себе человеком. Михаил поднимался по служебной лестнице, но каждая последующая ступенька давалась все тяжелее. Пришло время, когда ему доверили руководить крупнейшим коллективом, выполнявшим самые ответственные задачи. Жить он стал на работе, а с родными встречался по большим праздникам. Надо отдать должное его любимой жене Нине, которая понимала его и заботились о нем.

Он не заметил, как две дочки окончили школу, потом стали невестами, вышли замуж и подарили ему четырех внуков. Только тогда он понял, что большая часть жизни прожита, ему уже за пятьдесят. Но он не смог остановиться и уйти на отдых. Да и как уйдешь? Общество стало новым, к власти пришли другие правители. Прежние мало заботились о людях, все

больше на словах, а новые и про слова забыли, занимались собой. Пенсии стали такими убогими, что жить на них было невозможно, и умереть нельзя — денег не хватит на простенький гроб и могилу. Какой уж тут отдых, тяни лямку, пока не упадешь. На улице падать не рекомендуется — никто не заметит.

Он поседел, постарел, набрался жизненного опыта, научился думать и анализировать. Вместе с этим приобрел множество возрастных болезней, от которых, увы, никуда не деться. Человеческий организм, как и любой механизм, имеет свойство изнашиваться: какие-то детали выходят из строя, что-то требует регулировки.

Религия в его жизни занимала едва ли не последнее место. Сказать точнее, вообще никакого места не занимала. Он не был убежденным атеистом, иногда и в церковь захаживал, но к церковным обрядам был равнодушен.

В Санкт-Петербурге церквей построили великое множество и, несмотря на лихолетье советских времен, многие из них уцелели. Он любил заходить в собор Петра и Павла, который был почти ровесником города, здесь хоронили русских царей, начиная с Петра Великого. Часто бывал в Казанском соборе, когда-то главном общегородском храме, поражавшем своим величием и монументальностью, множеством колонн из розового гранита, бронзовыми скульптурами. И все равно эта роскошь не трогала его душу.

После свержения советской власти набожность возросла в бóльшей мере, скорее всего по моде, среди российского чиновничества. Эта мода его не затронула, и не потому, что он верил в коммунистические идеалы. Он был далек и от них. В их деревне не было церкви, а это чрезвычайно много значит в воспитании ребенка. Церковь могла воздействовать на детский ум, несмотря на оголтелую атеистическую пропаганду, которую вели в школе, в клубе, в газетах, журналах и книгах. Он стал атеистом, потому что атеистами были все вокруг.

У него не было желания покреститься, стать воцерковленным человеком, православным, посещать богослужения. Он никогда об этом не думал. Но однажды, неизвестно почему, он захотел посетить Валаам. Лет двадцать пять назад ему неоднократно предлагали профсоюзную путевку на этот остров в Ладожском озере, но он предпочитал на выходные дни оставаться дома и отдохнуть. В России об этом архипелаге, что разбросал свои острова по центральной части Ладоги, знают многие. Утверждают, что нигде нет такой природы, как на Валааме, а хвойного леса, что растет на чудо-островах, не встретишь во всей Европе.

Желание было настолько необычным, что жена с удивлением сказала:

— Ты же столько раз отказывался от этой поездки!

— А сейчас захотел. Не знаю, почему. Давай съездим.

Жена обрадовалась. Она тоже не была верующей, не соблюдала постов и обрядов Православной Церкви. Однако она давно хотела побывать на Валааме, потому что много читала о нем и своими глазами хотела посмотреть на тамошние чудеса.

Купили билеты на круизный теплоход и отправились в плавание. Ночью теплоход плыл по Ладоге, которая встретила их неприветливо. Какая-то неведомая сила раскачивала судно, скрипели и стонали перегородки и корпус. Ночью он не спал, поэтому уставший, разбитый, с больной головой ступил на землю Северного Афона. Несколько часов экскурсии добили его окончатель-

но. Он остановился у краснокирпичного Воскресенского скита, воодушевляющего ансамбля, состоящего из храма, двухэтажного келейного корпуса с мезонином и подсобного здания с баней. Сказал жене, что подождет группу здесь, по словам экскурсовода, они скоро вернутся к этому же месту.

Присел на лавочку, опершись спиной на холодную кирпичную стену, ограждавшую скит. Вытянул ноги, прикрыл глаза. Задремал. Тишина на острове стояла такая, что было слышно, как шелестят литья. В воздухе витал тонкий, едва уловимый запах, такой родной, знакомый, но вспомнить его он так и не мог. Неожиданно увидел монаха, который возник, словно бы из воздуха. Это был высокий мужчина, с хорошо ухоженной бородой, синими, как васильки, глазами. Монашеская одежда сидела на нем ладно и аккуратно, можно сказать, она шла ему. Он был еще молод, на лице ни единой морщинки, выправкой напоминал бывшего военного. В левой руке монах держал четки, сделанные из деревянных брусочков, обшитых кожей. Подрясник прикрывала длинная, без рукавов, накидка с застежкой на вороте. Мантия, как заметил Михаил, была из простой и грубой ткани. Все одеяние было черным, как и положено. Однако в нем он не выглядел смиренным и безропотным. Наоборот, фигура его была статной, величественной, а взгляд проницательных глаз — спокойным и строгим.

«Почему он сел рядом?» — подумал Михаил. По словам экскурсовода, местные монахи крайне редко общаются с мирскими. Он улыбнулся, вспомнив свои детские представления о монахах и вообще о церковнослужителях. Он был твердо убежден, что скит — это нечто, похожее на пещеру, где сидят монахи, никуда не выходят и фанатично молятся днем и ночью, без перерывов на сон и обед. Здесь он увидел совершенные в своей целесообразной целостности комплексы зданий, жилых и производственных — это и были скиты, самые настоящие. Вот тебе и остров! Таких зданий и в городе-то редко встретишь.

— Здравствуйте, Михаил.

— Здравствуйте, святой отец, — автоматически ответил он и встал со скамейки.

«Господи, откуда он знает мое имя?»

— Знаю, — словно читая его мысли, сказал монах. — Жду Вас уже с утра.

— Меня? — еле слышно пролепетал он, потому что в горле моментально пересохло. Повинуясь жесту монаха, он присел рядом.

— Нет, вы не бойтесь и ни о чем плохом не думайте. Я ни с кем Вас не перепутал, а ждал, чтобы передать следующее: Вам пора побывать на могиле у матери.

Михаил смотрел на монаха, как будто ничего не соображая. Слова и мысли вихрем крутились в голове, но зацепиться за что-то и остановиться не могли. Он был удивлен и напуган. Его, прожившего такую длинную и непростую жизнь, трудно было чем-то удивить. Особенно сегодня, в новой стране с ее абсурдными реальностями. Он был материалистом и вполне доверял авторитету науки. Он не понимал и не принимал мистики, хотя бы потому, что достаточно насмотрелся на жуликов и шарлатанов, исцеляющих от всех болезней, на всех этих черных и белых магов, кашпировских, чумаков и гробовых. Он с улыбкой читал в бесконечных газетных «таблоидах» объявления «потомственных ведьм» и «колдунов в пятом поколении»,

обещающих снять венец безбрачия, родовое проклятье, в общем, избавить от любых недугов.

Но чтобы такое случилось с ним?

«…А может быть, так называемый потусторонний мир существует? Возможно, это реальность высшего плана, где в той или иной форме запечатлен каждый миг бытия, и где одновременно пересекаются прошлое, настоящее и будущее? В этой реальности хранится информация о людях с момента их появления на свет. Там известно обо всех перенесенных болезнях, травмах, причинах смерти человека. Все хранится, что некогда происходило, что происходит сейчас и что произойдет в будущем…».

Он украдкой дернул себя за ухо. Не снится ли ему все это? Боль была реальной, значит, это не сон. А может быть, это розыгрыш, шутка, мистификация? Но кто же может так зло и неостроумно шутить?

— Побывайте у матери до сентября. Она об этом очень просила, она будет ждать Вас, — монах встал и направился к скиту.

— А если не успею, что случится? Путь ведь неблизкий. Вы встречались с ней?

Монах покачал головой и через мгновение скрылся, вернее сказать, исчез — так же мгновенно и таинственно, как и появился. Послышались голоса, это группа, где была жена, возвращалась с осмотра.

— Что с тобой? — спросила Нина, с беспокойством вглядываясь в его лицо. — Ты весь побледнел. Сердце не болит?

— Все в порядке. Пока вы ходили, я посидел здесь на лавочке и неплохо отдохнул. Ты знаешь, я познакомился и поговорил с интересным человеком, монахом. Такой высокий, осанистый, с большой бородой, а глаза, как у ребенка — синие и доверчивые. Ты не встретила его?

— Нет, я никого не видела.

— Странно, он шел навстречу к вам.

Михаил шел рядом с женой и понимал, что не может рассказать ей того, что с ним приключилось — она, чего доброго, подумает, что он тронулся умом. Все произошло вопреки его понятиям, его разуму, его воспитанию. Он мучился тем, что никому не сможет поведать о странной просьбе монаха, о его невероятной осведомленности. Откуда монах знает его имя? Откуда он знает, где могила его матери?..

…Теплоход дал прощальный гудок и медленно отошел от причала. Михаил мысленно прощался с Монастырской бухтой, узкой полоской, глубоко врезанной в сушу. Поклонился изящному и простому храму Николая Чудотворца. Когда-то Александр Дюма, посетивший Валаам во время своего путешествия по России, сравнил эту церковку с драгоценностью, только что вынутой из бархатной шкатулки.

Долго стоял на корме. Остров удалялся вместе с Поклонным крестом, установленным апостолом Андреем Первозванным. Вот он скрылся в вечерней мгле, чудесный Валаам, «предивный остров, древний и святой», оставляя по себе тревожную память и мучительные, неразрешимые вопросы.

4

У каждого человека есть малая родина. Не большая страна, великая и могучая, со своими законами и народом, а маленький клочок земли, где он

родился, произнес первые слова, научился ходить. И куда бы в дальнейшем не бросала его судьба, в памяти навсегда осталась лесная тропинка, сенокосные поляны, шум могучих сосен, раскачивающихся от сильного ветра, езда на лошадях, походы с одноклассниками по заповедным местам, уборка урожая.

Михаил никогда не забывал родные места: реку Илим, Красный Яр, Качинскую сопку, речку Тушаму, Кулигу, единственную деревенскую улицу, вытянувшуюся вдоль крутого берега Илима. И, разумеется, знаменитую поляну. Ни в одном краю, да и во всем мире, пожалуй, не было такой поляны, как перед деревней Погодаевой. Место встреч, игр, праздников, собраний и гуляний по самым разным поводам. Поляна была большой, место красивое. По традиции, идущей из глубины веков, осенью и весной на ней жгли костры. Первобытная, какая-то языческая радость охватывала людей, они приплясывали, прихлопывали и пританцовывали, словно северно-американские индейцы. Здесь давали клятвы, уезжая в другие края, сюда приходили прощаться. Но все это осталось только в памяти.

В действительности у него нет малой родины. Нет кусочка земли, где была деревня Погодаева с длинной улицей вдоль реки, цветущей черемухой, белизна которой, словно платья невест, ярко выделялась на зеленом фоне. Нет деревенских палисадников с цветниками, нет и самих домов — добротных, рубленых по большей части из лиственницы, а значит — вечных. Нет той самой поляны, что была на краю деревни, доброй предвестницы жилья. Вышел из тайги, добрался до поляны, и ты уже дома: слышны звуки жизни, душа поет от радости.

Все исчезло в один миг, словно легендарная Атлантида. Кому это понадобилось? Безумцам. Горе той стране, во главе которой стоят безумные люди. Сколько бед вершат они, не ведая об этом. Илимская пашня, отвоеванная у тайги за триста лет по кусочку, по капельке, осталась под водой.

Да что для безумцев чужой край, они уничтожат и свою собственную малую родину, прикрываясь заботой о людях и «высших целях». Какие это цели, люди знают на своем собственном горьком опыте. Советская власть приобрела большой опыт в деле переселения не только отдельных граждан, но и целых народов.

Слова монаха, сказанные на Валааме, глубоко запали в душу Михаила. Анализируя, раскладывая все по полочкам, он был почти уверен, что все это ему приснилось. Не могло такого случиться наяву. С другой стороны, он знал, что не засыпал ни на секунду и все время контролировал себя. Но что это за странный монах, который знал о могиле матери на Красном Яру? Может, это материализовались его собственные мысли? Он не верил в мистику, но объяснить ничего не мог. Наконец, он принял решение: надо ехать! Отбросил сомнения, возражения жены, приступы болезни. В голове стучало: надо ехать! надо ехать! надо ехать!

От Петербурга до Красного Яра напрямик пять тысяч километров. Но это по карте. В реальности путь туда значительно длиннее, потому что идет кругами. Сначала нужно добраться до Москвы. Самолет из Петербурга в Иркутск стал редкостью, билет на этот рейс стоит в два раза дороже, чем через Москву. Почему и от чего это происходит, никто не станет объяснять. А если уж попадется слишком любознательный и настырный, ему ответят: во всем виноват рынок.

От Иркутска до Железногорска-Илимского самолеты нынче не летают: не стало малой авиации. Видимо, тоже рынок причиной. Все самолеты и аэропорты уничтожены, они не нужны бедным людям в бедной стране. Осталась железная дорога, слава Богу, на металл ее пока не сдали. Да еще автодорога, что была пробита среди тайги нашими предками. Как не крути, чтобы добраться до деревни Погодаевой, нужно преодолеть семь тысяч километров. В один конец.

Сестра Мила из родных мест никуда не уезжала. Когда пришел потоп, она перебралась в Новую Игирму, за сто километров от Погодаевой. Она сумела перезахоронить мамины останки. Кладбище безумцы устроили на вершине Красного Яра, хорошо понимая, что добраться к нему можно двумя путями: на вертолете или на катере. И то и другое простому народу недоступно. Вот потому среди огромной водной глади пристроилось кладбище на Красном Яру. Люди наведывались сюда по великим праздникам: когда мочи не было терпеть и душа просила поговорить с родным человеком.

А когда-то эта вершина Красного Яра, где стоит кладбище, была самым любимым местом сельчан. Отсюда можно было увидеть далекий мир, на десятки километров окрест, поговорить со знакомыми земляками, родственниками, выпить стопку-другую, спеть песню. Но не звучат нынче песни, место это — место скорби, памятник безумию и жестокости.

Михаил был у сестры только один раз, в марте восемьдесят девятого. Но тогда из-за непогоды и большого количества снега ему не удалось побывать на могиле матери. В тот приезд все отталкивало его, все было чужим, неприветливым, неузнаваемым. Да и о чем говорить: расчистили делянку в тайге, поставили дома, свезли людей с затопленных деревень и сказали — это будет ваша родина, любите ее. Возможно, для тех, кто здесь появился на свет, это и станет малой родиной, но как быть с теми, кто еще жив и хорошо помнит «Илимскую Атлантиду»?

Семь тысяч километров остались позади. Он добрался до поселка Брусничное. Теперь — на катер, и по знакомым местам. Он стоял на берегу в ожидании катера и смотрел на воду. Вдали виднелись знакомые очертания Красного Яра. Одиннадцать километров разделяли их. Где он сейчас находится? Нет, не в теперешнем красивом поселке, который построили уже без него, а в той, прошлой жизни. До Кулиги — три километра, до Малой речки — четыре, значит, сейчас он ближе к Россохе. Он ведь часто бывал здесь! Ходил за грибами и ягодами. Но где знакомые ориентиры? Справа — Качинская сопка, она вечная, ей никакая вода не страшна, но уж если и она уйдет под воду, Сибири не будет.

Катер тяжело преодолевал волны, в свое время на Илиме их называли валами. Михаил крепко держался за поручень, даже пальцы побелели. Странное ощущение испытывал он: когда-то мальчишкой, переплывая на лодке Илим, он смотрел на воду, в которой отражались облака. Было ощущение, что суденышко плывет не по воде, а по облакам.

Вот знакомый распадок. Весной они пилили здесь сухостой на дрова и везли домой. Вот Малая речка, здесь он пас коров, рыбачил, мечтая о дальних краях. От Малой речки рукой подать до большого погодаевского поля. Он часто вспоминал колосящиеся рожь и пшеницу, а посредине — большой зеленый луг, где они с мамой заготавливали сено для своей коровы Зорьки. Он с косой идет впереди, она за ним. Жужжит «литовка», эти звуки поют в

его душе: наконец-то он помощник! Недолгая передышка, и он, как взрослый мужик, протирает лезвие травой и профессионально, легкими небрежными движениями точильного камня поправляет косу. И вновь жужжит коса, и вновь поет душа…

А вот здесь, возможно, их огород. Он посмотрел на воду, ничего не видать. Все скрыто водой и темнотой. Грустно, печально, жалко той давней детской жизни, когда тебя любили, и ты любил, когда и хлеб был вкуснее, и чай слаще, а впереди — долгая-долгая интересная жизнь…

Вот и Красный Яр. Нет уже здесь праздничной поляны, все заросло молодым лесом. Чуть заметная тропинка вела к кладбищу. Он шел по ней, все вокруг было незнакомо. Одна мысль, что он на Красном Яру, заставляла сердце учащенно биться. В просветах между соснами мелькала глубокая синь воды, по которой бегали белые барашки волн. На небе ни облачка. Его больные легкие расправились, принимая целебный воздух, напоенный благодатным хвойным ароматом, кружившим голову. Михаил присел на теплое поваленное дерево.

Мамину могилку он увидел во втором ряду от центральной дорожки. Встал на колени, обнял холмик, прижался к нему.

— Здравствуй, мама.

— Здравствуй, сынок, — голос у матери был тихий, еле слышный. — Я знала, что ты придешь.

— Прости меня, мама.

— За что?

— Я очень долго у тебя не был. Все собирался, и никак не мог собраться.

— Ну ты же здесь! Я просила Всевышнего о нашей встрече, и Он меня услышал.

— Да, мама, твою просьбу мне передал один монах на Валааме.

— Как ты живешь, сынок?

— Живу, как многие. У меня хорошая жена, двое детей, внуки. Я им рассказываю о тебе, о нашей деревне. А ты как живешь?

— Скучно здесь, Миша. Очень редко здесь бывают люди.

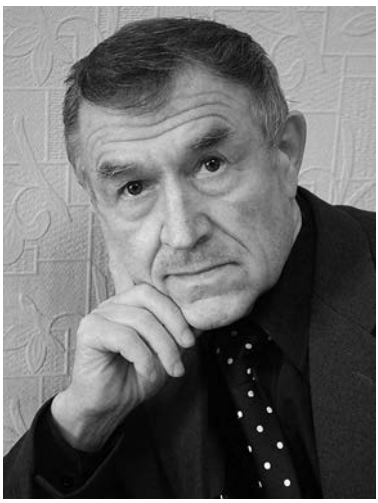
— А зачем они тебе?

— А как же, сынок, с людьми-то веселее… Ты береги себя, Мишаня, не простудись. Одет ты уж больно легко, не по погоде…

Он еще долго лежал на могиле, поглаживая ладонью землю, словно это была голова матери. Потом встал, подошел к краю обрыва, обнял молодую сосну и долго смотрел на то место, где была его деревня: пристально, до рези в глазах, словно хотел навсегда запомнить и унести с собой то, что было ему дороже всего на свете.

ПОЭЗИЯ

Евгений ПРАСОЛОВ

«ТИШИНА НАД ПРОХОРОВСКИМ ПОЛЕМ…»

Евгений Васильевич Прасолов — родился в деревне Лебеди (ныне город Губкин) на Белгородчине в 1941 г. Окончил Старооскольский геологоразведочный техникум и московский институт ВЗПИ. Работал геологом в Якутии, научным сотрудником в области открытых и подземных горных работ в НИИ по проблемам КМА, в других отраслях. Был также председателем Губкинской ТРК, директором Губкинского краеведческого музея. Выпустил четыре сборника со стихами и рассказами. Член Союза писателей и Союза журналистов. **Живет в Губкине Белгородской области.**

* * *

Памяти Ю. М. Шестакова

Был Шестаков
представлен мне по-свойски:
Мол, вот поэт
из северной столицы.
Он наш земляк,
он родом — богословский.
Что ж, я таким знакомством
рад гордиться!
Но чужд был он
каких-либо отличий,
И питерского
был лишен он лоску,
И вскоре я забыл,
что он — «столичный»,
Мы через день
свои с ним были в доску.
Но был союз наш с ним
недолговечен —
Мой друг ушел,
откуда нет возврата.
И понял я,
что в дружбе чем беспечней,
Тем друга ощутимее утрата.
А те, кто знал его,
теперь о нем толкуют
И сходятся
во мнении едином:
Он верил в Русь,
любил ее, святую,
И был России
преданным он сыном.

НА ПРОХОРОВСКОМ ПОЛЕ

К 70-летию танкового сражения под Прохоровкой

1

Я тебя не неволю
Разбирать по слогам,
Ты прочти мою долю
По глубоким снегам,
По трескучим морозам,
Завыванью пурги,
По болотистым тропам
Якутинской тайги.

Я тебя не неволю
Детства память дробить,

Мне досталось на долю
«Безотцовщиной» слыть.
Но отцовской победой
Был я горд, как своей…
Прах его заповедан
Мне с российских полей.

2

Прохоровское поле!
Прохоровское поле!
Гордость России и боль россиян!
Сколько полегло их
На Прохоровском поле,
В славе посмертной навек воссияв!

Вызолотилось звонницей
Прохоровское поле.
Колокол по павшим
скорбит и скорбит…
Мать наша — Заступница,
Утоли наше горе!
Сохрани только память
о тех, кто тут «спит».

3

Вспахан клин, и дышится раздольем.
Брошены в землицу семена.
Тишина над Прохоровским полем,
Тишина.

Только — песня жаворонка в небе,
Да гудит в траве шмелиный рой.
Будто бы он вовсе здесь и не был
Этот бой.

Но лишь гром над Прохоровским полем
Громыхнет предвестником дождей,
Содрогнется поле вдруг от боли
Прошлых дней.

В МАЙСКИЙ ДЕНЬ

Я не помню, не помню войны той начала,
Как отец уходил, и как мать провожала,
Как потом «похоронка» пришла моей маме,
Я не помню, не помню — не вышел годами.

Только помню стук бешеный в раму и — следом —
Крик соседки в окошко: «Победа!», «Победа!»
Майский день разгорался. И было нас трое.
Горько плакала мама, обняв нас с сестрою.

* * *

Смотрю на живых ветеранов:
В награду ль им жизнь эта долгая?
Иль то — боевое задание
От самого «Верховного» —
Служить чтобы напоминанием
Потомкам о мужестве павших?
Смотрю на живых ветеранов:
Их боевые награды
Уже их к земле пригибают.
Но слава — все выше возносит…

А Я КУПЛЮ ВЕЛОСИПЕД

Пускай твердят:
«Спасенья нет!»
Что мир — в греховной бездне.
А я куплю велосипед
И буду ездить.
И будут мне все беды — нуль.
И прочь уйдут печали.
Сиди себе, держись за руль,
Крути педали.
То меж хлебов, то меж цветов,

То полем, а то лугом,
Средь хора птичьих голосов
Я — с моим другом.
Шмыгнет ли суслик меж колес,
Вспорхнет ли куропатка,
Душе томительно до слез,
И сердцу — сладко.
И что гроза, и что мне зной —
Качу себе — кочую.
И, может, где-то под скирдой
Я заночую.
И буду счастлив я вполне
Дождаться ночи поздней
И долго, лежа на спине,
Смотреть на звезды.
А если очень повезет,
То в метре или ближе
Звезда, сгорая, упадет,
И я — увижу.
Так пусть твердят:
«Спасенья нет!»
Что мир — в греховной бездне.
А я куплю велосипед
И буду ездить.

«Я ПОМНЮ УЛЫБКУ МАТЕРИ...»

Я помню улыбку матери —
Я был молодой и сильный, —
Она на меня смотрела,
В ней столько было надежды!

Я помню глаза любимой,
Как звонко она хохотала!
И так безутешно рыдала,
Когда я ее покинул.

Друзей своих старых помню.
Из них уже многих нету...
Любви их ко мне — незаслуженной —
Ищу теперь оправдание.

* * *

На осеннем ветру
Горячил свою кровь, как на битву.
Тесен отчий был край —
я в леса уходил и в поля.
Так хотелось любить!..
А потом уходил я в молитву...
Отзвучал благовест.
И теперь ухожу я — в себя.

МОЛЬБА

Живу я под вечным небом,
И светит мне вечное солнце,
И верю я в то, что вечна
Земля, на которой живу,
Что будут мои потомки
Над чистым склоняться колодцем,
И пить родниковую влагу,
И падать устало в траву.
Но если не вечно солнце!
Но если и вправду небо
Свернется обугленным свитком
И звезды на землю падут...
Прости им, прости, о, Боже!..
Потомкам моим, что не был
Я сыном тебе послушным,
Приблизив Твой Страшный Суд!

* * *

Поздно просить у судьбы вдохновения:
Голос не тот, да и силы не те.
Все ж допою, допою, тем не менее,
Песню свою на последней версте.
Песня моя! Моя вера горячая.

Поздно играть мне с тобой в поддавки.
Поздно теперь уже переиначивать
То, что писалось мне с легкой руки.
Ветры вовсю зашумят над широтами,
Дали осенние вновь позовут…
Поздно!
Глухими таежными тропами
Уж не проляжет мой новый маршрут.
Волны забьются в веселии яростном.
Что ли и мне — загадать на «орла»?
Поздно!
Без весел,
с изломанным парусом
К пристани лодка моя подплыла.

В ПОЛЕ

Синее небо. Поле зеленое.
Ветер — сам-друг с колосящейся нивою.
На проводах — две кукушки влюбленные.
Он и она. И, наверно, — счастливые.

Колос — в томленьи поры созревающей —
Полон предчувствий грядущего таинства.
Коршун, неспешно круги нарезающий, —
Выше и выше и полон достоинства.

Белые облачки — агнцы небесные,
В синем просторе смиренно плывущие.
Поле зеленое, синь поднебесная…
Я, одиноко по полю идущий.

ПОЭЗИЯ

Сергей АНАНЬИН

«РОССИЮ ВОСКРЕШАТЬ ПОРА!»

Сергей Вадимович Ананьин — родился в 1983 г. в Ленинграде. Выпускник Академии гражданской авиации. Является автором и ведущим программ «Спектр» и «Отражение» на интернет-телеканале «Мир жизни». Член Международной Евро-Азиатской федерации айкидо. Исполнительный директор «Спортивной федерации айкидо Санкт-Петербурга». Вице-президент по связям с общественностью филиала Российского союза боевых искусств по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. **Живет в Санкт-Петербурге.**

* * *

Как жаль, что я не видел деда,
Он рассказал бы про войну:
Ему пришлось ковать Победу,
Спасал он тех, кто был в плену.

Но так судьба моя сложилась:
Я опоздал на пару лет…
Я знаю, мы бы подружились,
Как жаль, что рядом деда нет!

СЛУЖБА ЧЕКИСТА

В честь дня образования органов государственной безопасности

Сильна офицера рука!
В прицел он увидел врага,
Здесь он — и боец, и кремень,
Удача сразила мишень.
Лишь верные служат в ЧК.
К Отчизне любовь глубока!
Но, помня о доме родном,
Мы долг свой сполна отдаем!
Работа у нас нелегка,
Но дружбой отвага крепка!
Как ни был бы труден наш путь,
Чекисту с пути не свернуть!

* * *

Нет того, что не может Путин!
В этом убежден любой из нас!
Мы любому «классику» прокрутим,
Где Россию он спасал не раз!

* * *

Путин смотрит из окна,
Как живет его страна,
А она растет тихонько,
Развивается легонько…

Бизнесмены строят бизнес,
Открывают новый фитнес,
Подняли врачам зарплату —
Не сказали только дату!

Олигархов распустили,
Чтобы в кланы не входили,
Прокуроры приуныли —
Их от взяток отделили!

Казнокрадов посажали,
Этого — в народе ждали,
Новые куют законы,
Чтоб не крали миллионы.

Часть мигалок сократили,
Чтоб народ свой не давили,
Генералов всех «подшили», —
Форму новую им сшили!

И о Сочи все мечтают:
— Как там наши побеждают?
Стало лучше жить в России,
Появились с Богом силы!

О ДЕНЬГАХ

Не измеряются деньгами
Здоровье, счастье и уют,
И понимаем мы с годами:
Любви они не принесут!

Порою олигарх не знает,
Зачем рубли идут к нему?
Он всюду роскошью играет,
Да вот — ни сердцу, ни уму!

* * *

Сейчас такие времена,
Что только связи все решают,
Но настоящие друзья
В мирских делах нам помогают.

По жизни вместе мы идем,
Дорогу к солнцу пробиваем,
И каждый день их в гости ждем,
А без друзей всегда скучаем!

* * *

Все смотрят нынче на подарок
И ищут ценник — он каков?
С надеждой ждут в конверте «бабок»,
Не слыша теплых слов!

Зачем страна так изменилась?
И чем живет ее народ?

Нам в мысли ерунда забилась —
Что жить нормально не дает.

Мы можем быть намного выше —
Культуры ценности храня,
Друг друга надо сердцем слышать,
Россию воскрешать пора!

* * *

Поэты — Божье назначенье!
Они живут, чтобы писать,
Сейчас им трудно, к сожаленью,
Судьбу их сложно предсказать!

Их путь не легкий и не долгий,
И было так во все века…
Их понимают только боги,
А жизнь, как быстрая река!

С РОССИЕЙ — НАВЕКИ!

Россия, с тобой я навеки
Единой дорогой иду.
Пусть счастье несут твои реки,
Минуя любую беду!

Чужих берегов мне не надо!
Не надо мне Ниццы и Канн,
Россия, ты только — отрада.
За счастье твое — все отдам!

ПУСТЬ СТИХИ НАШИ ПОМНИТ РОССИЯ

Мы вчера хорошо посидели…
Завели от души разговор,
И о Родине песню пропели,
Про российской Отчизны простор.

Нам почаще бы нужно встречаться,
Чтобы песни свои не забыть,

Чтобы, грусть позабыв, улыбаться,
Чтоб смеяться, шутить и любить!

Песни — молодость наша и сила,
Чтобы было, что вспомнить потом…
Пусть стихи наши помнит Россия,
Может быть, даже в веке другом!

Владимир ОРЛОВ

«ВЕРНУТЬ СЛОВЕСНОСТЬ В ЕЕ НРАВСТВЕННОЕ И ДУХОВНОЕ ЛОНО»

О Международном Славянском литературном форуме «Золотой Витязь»

Владимир Евгеньевич Орлов — родился в 1941 г. в Смоленске, окончил МВТУ им. Баумана и Военный институт иностранных языков, служил военным инженером и переводчиком, работал журналистом, кандидат филологических наук. Автор нескольких работ по пушкиноведению, сценарист (телефильм «Имею честь… Пушкин» и, совместно с Николаем Бурляевым, — художественный фильм «Пушкин»). Член Пушкинской комиссии Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Награжден медалью равноапостольных Кирилла и Мефодия. **Живет в Москве.**

Мысль организовать и провести смотр лучших писательских сил Славянского мира зародилась у президента Славянского Творческого союза Николая Петровича Бурляева в 2009 году. В октябре этого года в Москве состоялось открытие VII Международного театрального форума «Золотой Витязь». За 10 дней три международных жюри (по номинациям: «Большая сценическая форма», «Малая сценическая форма» и «Спектакли для детей») просмотрели 34 постановки артистов России, Украины, Белоруссии, Сербии, Болгарии, Польши, Эстонии, Армении.

Событием форума стал спектакль Иркутского драматического театра имени Н. Охлопкова «Последний срок» по повести Валентина Распутина, на котором присутствовал и сам автор. Николай Бурляев вспоминает:

«Зал театра был забит до отказа. Замечательный актерский ансамбль бережно воплощал на сцене мысли и образы, созданные писателем тридцать лет тому назад. Уже нет той, “распутинской России”, нет тех простых русских людей, о которых писал автор. Но спустя три десятилетия они восстали из небытия в великом русском слове Валентина Григорьевича Распутина. И слово это — стало памятником тем замечательным людям, той, навсегда ушедшей от нас, России. И в Малой форме жюри присудило своего “Золотого Витязя” питерцу Владимиру Борисову за “Пять рассказов Шукшина”.

“Деревенщики” Шукшин и Распутин сегодня вышли на передовую борьбы за душу человека. Их слово приобрело значение русского литературного абсолюта. Их осмысление своего времени, поступков и чаяний своих современников, их любовь к русскому человеку и к России обрели значение истины, стали не-

преложным свидетельством о правде Русской жизни, о сердцевине святой и грешной Руси-России. Сегодня на основе той великой литературы, не уступающей ни по глубине смыслов, ни по художественному воплощению сюжетов традиционной русской классике, произведениям Островского, Достоевского, Чехова, выкристаллизовалась выдающаяся театральная драматургия. Несмотря на то, что в современном обществе уже не встретишь мужиков Шукшина или Распутина, как и интеллигентов Островского или Чехова, остался мощный литературный памятник простому русскому человеку ушедшей эпохи.

Мы объявили о начале подготовки широкомасштабного общероссийского проекта "I Славянский форум искусств", составной частью которого и должен стать "Славянский литературный форум"».

Председатель Союза писателей России В. Н. Ганичев поддержал идею проведения Международного литературного форума «Золотой Витязь». Было решено учредить как главную награду МСЛФ Золотую медаль им. А. С. Пушкина «За выдающийся вклад в литературу». Вице-президент «Золотого Витязя», видный сербский кинодраматург Йован Маркович предложил вручить главную награду великому сербскому писателю, экс-президенту Югославии Добрице Чосичу.

В первом заседании Международного Оргкомитета I СФИ приняли участие: писатель В. Г. Распутин, дирижер В. И. Федосеев, художник А. М. Шилов. Его почтили своим присутствием послы Сербии и Белоруссии, советник по культуре посольства Болгарии Бисер Киров, председатель Комитета по культуре ГД РФ Г. П. Ивлиев, представитель Патриарха о. Всеволод Чаплин и духовник «Золотого Витязя» о. Владимир Волгин. Участвовали в заседании также президент Славянского фонда России Г. В. Боголюбова и президент Международного фонда Славянской письменности и культуры А. Н. Крутов.

Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям (Роспечать) отказалось поддержать Славянский литературный форум по причине, как сказал его руководитель М. Сеславинский, «тридцати-процентного сокращения бюджета».

Невзирая на все препятствия, 5 мая 2010 года по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, в России, в Москве стартовал первый Славянский форум искусств «Золотой Витязь».

Почетными попечителями Славянского Форума искусств «Золотой Витязь» стали Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл и председатель Российского фонда культуры и Союза кинематографистов РФ — народный артист России Никита Сергеевич Михалков.

На открытие Форума прибыл Добрица Чосич — ветеран, партизан Второй мировой войны, великий славянский писатель, прозванный на родине «Сербский Толстой». Его книги переведены на 20 языков мира. Французская критика писала, что в XX веке в европейской литературе были две равновеликие, эпические фигуры: в начале века — Томас Манн, в конце века — Добрица Чосич.

Вечером 18 мая в Доме Русского Зарубежья имени А. И. Солженицына состоялось открытие I Славянского литературного форума «Золотой Витязь». 300-местный зал был полон. Собрались около 100 лучших писателей России, Украины, Сербии, Болгарии. Николай Петрович Бурляев,

Валентин Григорьевич Распутин

Валентин Григорьевич Распутин и Валерий Николаевич Ганичев провели награждение лауреатов. Добрице Чосичу была вручена первая Золотая медаль имени А. С. Пушкина «За выдающийся вклад в литературу» и членский билет Союза писателей России. Лауреат произнес замечательную речь о Пушкине и о русской литературе.

Чосич сказал: «Хорошо, что в новой России есть люди, размышляющие о духовности, культурных традициях, и их концепция культуры ориентирована на сотрудничество со славянскими народами, а особенно на сотрудничество с сербской литературой и искусством. Я благодарен за то, что меня пригласили в Москву, вручили столь высокую награду. Наверное, это моя последняя литературная награда, и я принимаю ее с особыми ощущениями — конечно, с грустью и с радостью… Думаю, “Золотой Витязь” — это уже не фестиваль, а движение по возрождению духовных, нравственных ценностей славянских народов. Деятели литературы и искусства не только представляют здесь свои лучшие работы, они общаются, ведут важный диалог о судьбах славянства и всего мира. И это — самое главное».

«Золотой Витязь» I Международного Славянского литературного форума был вручен Виктору Лихоносову за повесть «На долгую память». «Серебряного Витязя» получил украинский писатель Борис Олейник, «Бронзового» — Николай Петев, председатель Союза писателей Болгарии, за сборник эссе «Маяк, его смотритель и ветер».

Валентин Григорьевич Распутин обратился к гостям и участникам I Славянского литературного форума «Золотой Витязь» с приветственным словом:

«Дорогие братья-славяне! Уважаемые труженики пера! Конечно, вы теперь работаете не теми перьями, какие были в мою бытность полвека назад. Но ведь и мы тоже, хоть и с великим почтением, смотрели на гусиные перья, которыми пользовались Пушкин и Гоголь, но уже перешли на шариковые ручки. А вы пошли дальше. Конечно, все это естественно, и не так уж важно, какими перьями писать, если есть талант. И все-таки смею утверждать, что чем большее время занимало выведение слова, строки, страницы, тем эти строки и страницы были точнее, красивей и художественней.

Но это к слову.

Главное то, о чем хочется напомнить вам, дорогие авторы и ценители современной литературы, — это крайняя необходимость **вернуть словес-**

ность в ее нравственное и духовное лоно, отказаться от дешевой и нередко неприличной развлекательности. “Художественная” наркомания, наверное, пока еще меньшее зло, чем марихуана, но направление то же самое, и первое легко может вызвать второе. Положение усугубляется еще и тем, что российская школа отодвинула письменность и литературу на последнее место в своем обучении, зато одним из обязательных предметов становится наука “сексуального просвещения” и “безопасного секса”.

Не ведают, что творят? Да нет, прекрасно ведают. Проводится в практику и жизнь то, что сознательно замышлено, и проводится без перерыва уже второе десятилетие. Поэтому и хватаются за голову в лучших российских вузах, таких как Московский государственный университет, когда начинается набор первокурсников и они являют ужасающую безграмотность и в русском языке, и в литературе.

Говорить сейчас, в юбилейные дни победы в Великой Отечественной войне, что Родина снова в опасности, не совсем уместно. Это, конечно, несопоставимые опасности. Но сегодняшняя, потайная, вязкая, не имеющая определенного фронта война, маскирующаяся под благо, — это уже не просто временное заблуждение, а сознательное наступление против культуры, нравственности и духовности России.

Едва ли можно сомневаться, что подобная же работа ведется и против славянских народов. Как не вспомнить по этому случаю бессмертные слова И. С. Тургенева, которые мы заучивали в послевоенной школе, сразу после Победы, наизусть, и которые не стерлись из памяти во всю жизнь: “Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей Родины — ты одна мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!”

С этой верой в свои богоданные и родственные языки и будем держаться вместе, дорогие братья-славяне!»

Это выступление выдающегося русского писателя, лауреата Государственных премий СССР и Российской Федерации, многих литературных премий, члена Патриаршего совета по культуре Валентина Григорьевича Распутина, ставшего почетным председателем Международного Славянского литературного форума, послужило добрым напутствием на годы вперед всем славянским литераторам.

Со II Форума к призам «Золотого Витязя» добавился специальный приз Издательского совета Русской Православной Церкви «Дорога к Храму» — за лучшее произведение, привлекающее позитивный интерес к церковной жизни. Произведения на конкурс стали приниматься и в номинации «Дебют» — от студентов и аспирантов творческих вузов.

III Международный Славянский литературный форум прошел в Туле. На предшествовавшей форуму пресс-конференции Николай Петрович Бурляев отметил: «Каждый художник, поэт, музыкант — это целая Вселенная, и в обычной жизни такие личности в силу своей самодостаточности очень редко и трудно идут на сближение. И цель нашего форума — способствовать общению и объединению людей творческих профессий. “Золотой Витязь” собирает литераторов со всех концов славянского мира, чтобы мы могли поглядеть друг другу в глаза, чтобы мы осознали простую мысль:

нас — много! Тех, кто не разменивается на эфемерный успех книжного доходного промысла, кто возделывает свою, данную ему Богом, ниву».

Высшей наградой Форума — Золотой медалью имени А. С. Пушкина был награжден Валентин Григорьевич Распутин, обладателями «Золотых Витязей» стали известные писатели Лилиана Хабьянович-Джурович из Сербии (в номинации «Проза»), Михаил Лобанов («Публицистика») и Константин Скворцов («Поэзия»).

За прошедшие пять лет Международный Славянский литературный форум прочно занял свое место под солнцем славянского мира, зарекомендовав себя как полномасштабное мероприятие по собиранию и объединению творческих сил, пишущих на русском языке литераторов не только России, но и всех славянских стран и народов.

В Форуме за минувшие годы приняли участие лучшие славянские поэты и писатели: Добрица Чосич, Лилиана Хабьянович-Джурович и Даница Маркович (Сербия), Михаил Шелихов, Иван Чарота, Чеслав Кирвель (Белоруссия), Борис Олейник, Станислав и Анна Минаковы (Украина), Николай Петев, Найден Велчев и Иван Брегов (Болгария), Заряна Луговая-Чеботарь (Грузия), Владислав Бахревский, Дмитрий Володихин, Вера Галактионова, Николай Зиновьев, Виктор Лихоносов, Михаил Лобанов, Валентин Сорокин, Лидия Сычева, Виталий Третьяков, Сергей Шаргунов (Россия) и многие другие известные писатели, продолжающие лучшие традиции русской классической литературы.

С 15 по 19 октября 2014 года в городе Пятигорске прошел V МСЛФ, посвященный двум памятным датам русской истории и культуры, — 700-летию Преподобного Сергия Радонежского и 200-летию со дня рождения Михаила Юрьевича Лермонтова.

В адрес Форума поступили поздравления и приветствия: от Президента Российской Федерации В. В. Путина, Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации В. И. Матвиенко, председателя Государственной Думы Российской Федерации С. Е. Нарышкина, Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, а также губернатора Ставропольского края, главы Ставропольской митрополии Русской Православной Церкви, главы города Пятигорска, министра информации Республики Беларусь, председателя Российского фонда культуры и правления Союза кинематографистов России Н. С. Михалкова.

Президент России Владимир Владимирович Путин в своем приветствии участникам отметил, что форум «Золотой Витязь» «…по праву считается ярким, заметным событием в культурной жизни нашей страны и других государств. За прошедшие годы форум обрел свои традиции, завоевал преданность поклонников».

Творческий конкурс V Литературного форума проводился по пяти номинациям: «Проза», «Поэзия», «Публицистика», «Литература для юношества», «Дебют» (для студентов творческих вузов) и впервые — «Литература по истории славянских народов». Переведена из конкурса Международного кинофорума «Золотой Витязь» в конкурс Литературного форума номинация «Киносценарии». Принять участие в конкурсе были приглашены как начинающие литераторы, так и признанные мастера слова. С 2013 года на

конкурс принимаются как опубликованные произведения, так и рукописи — в отпечатанном варианте и в электронном виде.

Всего были заявлены 108 произведений разных жанров из Республики Беларусь, из Украины, Сербии, Болгарии, Грузии, Армении, Латвии, Израиля, Кении, Греции и 16 регионов России. Международное жюри Форума, которое возглавил писатель, публицист, сопредседатель Союза писателей России, первый лауреат Патриаршей литературной премии Владимир Николаевич Крупин, определило победителей и лауреатов Форума.

Высшая награда V Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь» — Золотая медаль имени А. С. Пушкина «За выдающийся вклад в литературу» — была вручена выдающемуся русскому писателю и публицисту Александру Андреевичу Проханову.

Победителями V МСЛФ стали:

В номинации «Поэзия» — Ольга Фокина (за сборник стихов «Маятник»); Андрей Ребров (за сборник стихов «Зоркая свеча»); Любовь Баева (за книгу стихов «Перекати-поле») и Владимир Воробьев (за поэму «Евдокия»).

В номинации «Проза» — Елена Крюкова (за альбом «Старые фотографии»); Сергей Михеенков (за роман «Солдатский маршал»); Ирина Ордынская (за роман «Отречение») и Сергей Заплавный (за роман «Мужайтесь и вооружайтесь!»).

В номинации «Публицистика» — Михаил Чванов (за книгу «Русский крест. Очерки русского самосознания»); Владимир Бондаренко (за книгу «Лермонтов. Мистический гений»); Елена Тулушева (за серию публикаций в журнале «Наш современник» о борьбе с наркоманией) и Николай Лалакин (за книгу «Земляки»).

В номинации «Литература для детей и юношества» — Валентина Соловьева (за сборник стихов «От Аза до Ижицы». Славянская азбука-кириллица); Арсен Титов (за роман-трилогию «Тень Бехистунга»); Владимир Одноралов (за повесть «Злата и подсолнух»); Наталия Филимошкина (за сборник статей и очерков «Украина известная и не очень») и Идиллия Дедусенко (за повесть «Приключения Альки Руднева»).

В номинации «История славянских народов» — Елена Гуськова (за монографию «Агрессия НАТО против Югославии и процесс мирного урегулирования»); Михаил Якушев (за монографию «Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской Империи. 1830-е — начало XX века»); Галина Шевцова (за монографию «Русский гуманный поход на Балканы») и Николай Переяслов (за книгу «Не по замышлению Бояню»: Разгадка «темных мест» поэмы «Слово о полку Игореве» и анализ соответствующих им событий XII века).

В номинации «Киносценарии» — Йован Маркович («Вронский»); Алексей Владиславов («Герой»); Денис Касперов («Глаза вечности») и Татьяна Катаева — Полинская («Русь единая»).

В рамках Литературного форума в библиотеках Москвы и Пятигорска прошли творческие встречи читателей с литераторами — писателями и поэтами — участниками нынешнего и лауреатами прошлых форумов.

Приведенный перечень имен всех лауреатов Форума и названий их произведений, обладающих духовно-нравственными смыслами, распространяющимися не только на дни сегодняшние, но освещающие минувшие дни

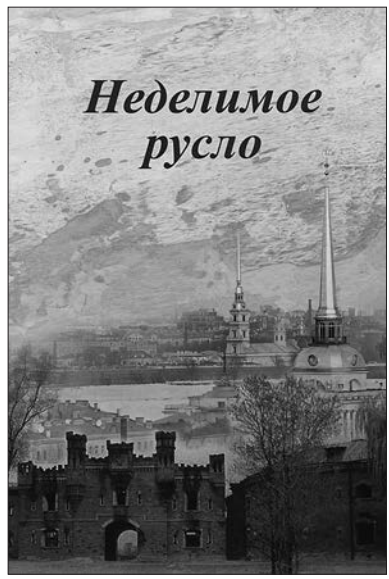
в логике русской истории, свидетельствует о неколебимой позиции «Золотого Витязя» на рубежах духовности, на границах славянского мира, который сегодня нуждается в дополнительной защите, где слово как категория не менее боеспособно, чем военные наступательные средства. Мировая и всероссийская популярность нашего конкурса растет год от года, поэтому, осознавая сегодняшнюю победу «Золотого Витязя», мы можем надеяться и на его грядущую победу в сражении за умы и сердца наших соотечественников и людей всего доброго мира.

Вышла книга

Книга издана при поддержке Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации Санкт-Петербурга.

Издатель: Санкт-Петербургское отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России».

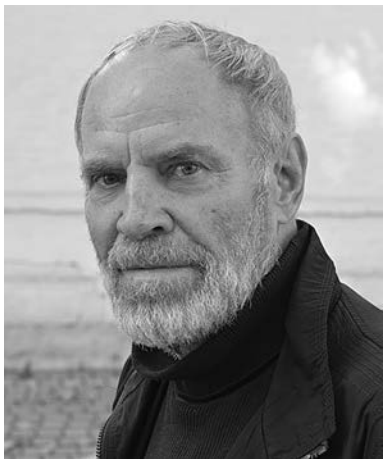
Редакционный совет:
Сопредседатели редакционного совета — *Борис Орлов* (Россия), *Николай Чергинец* (Беларусь).
Члены редакционного совета:
Андрей Антонов, Игорь Кравченко, Алина Мальцева, Николай Петров (все — Россия);
Дмитрий Демидович, Казимир Камейша, Геннадий Пашков, Никола Шабович (все — Беларусь).

Сборник стихов поэтов Союза писателей России (Санкт-Петербургское и Ленинградское областное отделения) и Союза писателей Беларуси «Неделимое русло» знакомит читателей с произведениями более 90 авторов. Впервые на страницах одной книги представлены поэтические произведения столь большого числа поэтов Санкт-Петербурга, Ленинградской области и Республики Беларусь. Это известные и менее известные поэты, лауреаты престижных литературных премий, в том числе Государственных премий России, Беларуси, и их молодые коллеги по творческому цеху.

Не многие события литературной жизни наших государств за последние годы могут сравниться с изданием данной книги. Став ярким явлением в культурной жизни братских стран, сборник стихов «Неделимое русло» еще раз подчеркивает стремление народов России и Беларуси быть вместе и крепить созданное в 1999 году Союзное государство Беларуси и России.

Беседа

Анатолий
ЗАБОЛОЦКИЙ

«МОИ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ НАСТАВНИКИ: ШУКШИН, СОЛОУХИН, БЕЛОВ, АСТАФЬЕВ»*

Беседу задумал и вел
Анатолий Николаевич
Грешневиков

У нас в гостях Анатолий Дмитриевич Заболоцкий — известный кинооператор, публицист, фотограф. Именно он снимал знаменитые фильмы Василия Макаровича Шукшина — «Калина красная», «Печки-лавочки». Наш разговор посвящен неизвестным страницам жизни и творчества великих русских писателей Шукшина, Солоухина, Белова, Астафьева и др.

* *Публикуется в сокращении.*

— Анатолий Дмитриевич, Вы счастливый человек, Вам выпала судьба работать и дружить со знаменитым режиссером Василием Шукшиным. В число Ваших друзей входили и другие выдающиеся деятели культуры — патриоты России, например, писатели Василий Белов, Виктор Астафьев, Владимир Короткевич, Федор Абрамов, Владимир Солоухин. Либеральная литературная критика называла их всех одним условным термином «деревенщики». Скажите, а как сами писатели относились к этому званию? Конечно, мало кто воспринимал тогда так остро боль деревни, как они. Но кто лучше Виктора Астафьева спел гимн природе, кто более глубоко, чем Василий Белов, вскрыл нравственные болезни города?!

— Сначала они воспринимали название «деревенщики» сдержанно. Но потом, когда пообщались с народом, этот термин стал им льстить. Хотя я согласен с Вами, какие они деревенщики? Достаточно почитать их книги, и станет ясно — они патриоты, подвижники русской культуры. Любому здравомыслящему человеку видно, что герои их книг обладали таким нравственным и житейским потенциалом, который критики и авторы городской прозы дружно не принимали. Иные из критиков либерального толка считали, что писателям-деревенщикам недостает образованности, интеллигентности, я думаю, это пыл соперничества. Приведу пример. Вскоре после смерти Шукшина состоялось обсуждение его творчества в кинотеатре «Уран» на Сретенке (сегодня его и в помине нет). Одним из первых взял микрофон критик Лев Анненский и сразу жарко определил: «Шукшин — ненавистник интеллигенции». И завершая свое слово, опять лозунгово

подчеркнул: «Шукшин — враг интеллигенции». Тут из зала кто-то крикнул: «Ты сам враг!» И интеллигентный Лев Анненский тотчас в ответ закричал, не сдержавшись: «Кто сказал!?» Мужчина встал. Критик ленинским жестом руки указал на дверь: «Вон из зала!» Я заметил сидевшему рядом со мной критику: «Вот вы победили человека, выгнали его из зала, а ведь он Вам всего лишь возразил». С тех далеких дней мы с критиком обмениваемся неприязненными взглядами, без слов… Позже мало знающая произведения своего мужа Лидия Федосеева пригласила либерального критика Анненского быть составителем и автором лестных предисловий к нескольким изданиям Василия Макаровича. И что уж совсем недопустимо, он взялся за редактирование романа «Любавины». Легко предположить, как представил взгляды Шукшина Лев Анненский. А мы все помалкиваем…

— *Почему Вы считаете Шукшина интеллигентным человеком?*

— До 70-х годов поезда из Сибири шли пять суток. Мы ездили в общих вагонах, паровозы чадили сажей. Но люди были добрее сегодняшних. Шукшин наблюдал общение людей, никогда не задавая вопросов, запоминая разговорную речь, приучал себя запоминать диалоги, потому они в его сочинениях так убедительны. Речь определяет характер человека. Еще в институтские годы он утвердился во мнении, что среди хлебопашцев больше истинных интеллигентов, чем среди образованных горожан. Тогда же возникла убежденность Шукшина: «Нравственность есть правда». На мой взгляд, некорректна сама постановка вопроса об интеллигентности Василия Макаровича! Да, он выходец из народа, однако к концу жизни по отзывам признанных авторитетов стал энциклопедически эрудированной личностью. Так считали Л. М. Леонов, С. П. Залыгин, Г. В. Свиридов.

— *От образа Шукшина перейдем к образам героев его книг. Среди литературных критиков было принято считать героев Шукшина — чудиками. Однако ни в одной мемуарной книге я не встречал того, чтобы сам Василий Макарович называл своих героев чудиками. Стоит, например, прочитать рассказ «Срезал», чтобы понять, что главный герой Капустин — не пустой человек, но интересный, содержательный, грамотный. Где Василий Шукшин находил прототипов своих героев?*

— Все герои произведений Шукшина — люди хара́ктерные. И высматривал писатель характеры своих героев в жизни. А раскрывались его герои в основном через диалоги. Шукшин потрясающе писал диалоги. Конечно, цензура была на страже всегда. Это сейчас, слава Богу, многие его рассказы вернулись в первозданном виде. А тогда Шукшин, чтобы быть напечатанным, обязан был перехитрить цензуру. Помню свой с ним разговор, который состоялся после того, как художник получил премию за фильм «Живет такой парень». Он считал, что народ любит героев его фильма такими, какой он есть сам — простой, романтичный, чудаковатый. И цензура никогда не трогала текст рассказа, если видела, что герой немножко чудаком показан. В беседе с писателем Юрием Скопой он как-то сказал: «Тысячи должны писать, чтобы родился один Достоевский. Я не надеюсь, что я добуду истину, бо́льшую, чем Достоевский, но писать, жить, смотреть я буду так, как делает это народ».

— *Некоторые критики называли героев Шукшина не чудаками, а «энергичными людьми». Откуда этот термин появился?*

— В промежутках между съемками в роли маршала Конева в фильме «Освобождение», пробами на роль в фильме Глеба Панфилова «Прошу слова» Шукшин написал пьесу «Энергичные люди» о жизни городской торговой мафии. Режиссер БДТ Георгий Товстоногов попросил его прочитать пьесу труппе театра, и вскоре пьеса была поставлена Товстоноговым. В ней узнаваемо показаны дефицитная торговля и характеры советских буржуа. Шукшин был доволен своей пьесой, говорил, что «подступился к теме "героя нашего времени"». «Герой нашего времени — демагог! — повторял он несколько раз эту фразу, продолжая дальше эту тему-откровение, — и я его достану, скорее всего, в кино… В литературе его достать трудно, жди, пока люди книги-«кирпичи» прочитают… А вот в кино я его достану».

— В чем безоговорочный успех фильма «Калина красная»?

— В том, что Шукшин припечатал к пленке свою душу. А это так редко случается. Самое великое кино снимается только душой…

— Как родилась идея создать кинокартину «Калина красная»? Был ли у образа Егора Прокудина прототип?

— Образ Прокудина биографичен для самого писателя. Отец Шукшина был репрессирован и погиб. Тяжело переживал Василий Шукшин безотцовщину. Посетив однажды колонию для малолетних преступников, вспомнил там он вдруг себя в детстве и своего отца. В то время он не знал подробностей его судьбы, но именно в колонии родилась идея снять этот фильм. Уже после смерти Василия Макаровича его земляк кинооператор Саша Саранцев получил доступ к документам о репрессированном отце Шукшина, опубликовал их в своих воспоминаниях. Разыщите, прочитайте.

— Анатолий Дмитриевич, а какой Вам запомнилась первая встреча с Шукшиным?

— Как сибиряки, в институте мы встречались по-родственному. К концу учебы я неодобрительно относился к партийным выступлениям Шукшина. Прошли годы, я уже самостоятельно снимал фильмы, когда на киностудии «Беларусь-фильм» встретил Василия Макаровича, приехавшего на актерские пробы. Его публикации к тому времени в «Новом мире», в «Смене» и другой периодике грели мне душу, а он лестно отозвался о моей съемке фильма «Последний хлеб». Тогда же он предложил: «Давай, земеля, поработаем вместе».

Шукшин был распределен на Свердловскую киностудию, и только благодаря писательству избавился от направления. Он считал: настоящая работа в кино — только в Москве, в столице меньше инстанций цензурируют содержание. Шукшин приступил к подготовке «Степана Разина» на студии им. Горького. Оператор Валентин Гинзбург, снимавший до того все его фильмы, оказался на съемках не единственным. С моего согласия Шукшин заявил в дирекции киностудии, что снимать этот фильм будут два оператора на равных. Тут и началось: все творцы ополчились против меня, ну, естественно, и против Василия Макаровича. Как мы тогда выжили?! В итоге Худсовет закрыл производство фильма «Степан Разин» с формулировкой неподъемной дороговизны проекта — 15 миллионов рублей… Шукшину в утешение Госкино разрешило снять фильм по его сценарию, который лежал в портфеле Госкино несколько лет, с нелестной характеристикой его худо-

жественности. Шукшин согласился с одним условием — сельские сцены снимать на Алтае.

— Чиновники Госкино, видимо, не ожидали, что фильм «Печки-лавочки» будет иметь большой успех у зрителей. Фильм, на мой взгляд, замечательный.

— Конечно. В Госкино никто не ожидал такого успеха. Но чиновникам и тут было наплевать на успех, они дали картине третью категорию. Фильм был зарублен. Он лежал на полке до самой смерти Шукшина, нигде не показывался. А когда фильм вернулся из небытия, то был изрезан до неузнаваемости. Он и сейчас демонстрируется в изрезанном виде. Мы его 4 месяца снимали, а чиновники 6 месяцев резали.

— При каких обстоятельствах фильм был поднят с полки и его увидели зрители?

— Умер Василий Шукшин, и фильм подняли. Дали ему 2 категорию. Но и после этого он на широкий экран не вышел. Засел в Госкино. В широкий прокат, в кинотеатры его так и не пустили.

— Вернемся к фильму о Степане Разине. Критики отмечают, что Шукшин увидел в Разине национальные черты, мощь русского характера. Почему для Шукшина так важен был Разин?

— Публикацией романа он путал карты критикам. Вася писал роман «Я пришел дать вам волю» с прицелом, что в перспективе обязательно переделает его в киносценарий. Он понимал, что когда есть книга, то и от редакторов легче отбиться. При написании сценария Шукшин убрал многие сцены — для «проходимости», чтобы цензура не зарубила фильм. Некоторые сцены он, наоборот, добавил, они ему не нравились, но устраивали цензоров. Он хотел сделать этот фильм для того, чтобы русские поверили в вождя хорошего, своего, а вождь чтобы не предавал народ.

— Одна из главных программных статей Шукшина — статья «Нравственность есть правда». Прочтя ее, я сделал вывод, что правдоискательство — характерная черта всего творчества Шукшина. Это так?

— Шукшин уважал человека, если он был нравственным, не отступал от своих принципов. Когда он видел в человеке нравственную, духовную силу, то приникал к нему со всей своей душевной силой. К себе он тоже был строг. Как-то мне признался: «Я обманул только одну женщину, а все остальные — обманывали меня». Он часто вспоминал первую жену, учительницу, она жива до сих пор.

— Какая черта характера больше всего Вам нравилась в Шукшине?

— Ранимость, он не мог выносить, когда врут, особенно близкие.

— Какое слово или поговорку он часто употреблял в беседе?

— Их много было. Запомнилась его любимая поговорка: «На свете счастья нет, но есть покой и воля». Когда Шукшин произносил ее, то задавался вопросом, а что это такое — покой и воля? Затем расшифровывал: «Покой — это смерть, а воля — это неповиновение начальству, особенно тупому».

— А мне нравятся слова Шукшина: «Нам бы про душу не забыть, нам бы немножко добрее быть». С чем связаны его призывы быть добрее?

— Часто его окружали люди двойственные, безнравственные. А он, будучи генетически православным, жаждал всем добра и любви. Порой спра-

шивал у меня: «Что такое “тот свет”? Есть же он»? Он чувствовал приближение смерти, особенно в последние месяцы жизни. Потому часто призывал быть добрее друг к другу.

— Назовите самых близких друзей Шукшина.

— Я не знаю, кто мог быть ближе его душе, чем писатель Василий Белов. Шукшин познакомил меня с ним, и я понял, — они родственные души. У них даже были думы одинаковые. Одинаково близко все воспринимали. Правда, бывали и сиюминутные вспышки эмоций.

— Анатолий Дмитриевич, из-под Вашего пера вышла замечательная книга воспоминаний о Василии Шукшине, одна из немногих, где рассказывается не только о творческой лаборатории этого великого художника, но и о его сложной биографии. Скажите, а как к Вам пришла благая мысль написать книгу о Шукшине?

— Вася Белов заставил. Он меня все время убеждал: «Ты больше нас знаешь Шукшина, возьми и запиши все воспоминания. Через неделю встретит и опять говорит: «Пиши, пиши, пиши!» Раньше он меня заставлял писать о моем друге Владимире Семеновиче Короткевиче, сегодня классике белорусской литературы. Белов Короткевича знал, видел в общежитии. Короткевич, кстати, на литературных курсах учился вместе с Астафьевым. Он слыл хорошим полемистом, грамотным филологом. Однажды, расспорившись с кем-то, он выпрыгнул в окошко со второго этажа и пошел по снегу. Однако Белов не смог меня заставить написать о Короткевиче, зато убедил написать о Шукшине.

— У Белова было хорошее качество поддерживать словом и поступком верных друзей. Мне лично он протягивал руку помощи в самые трудные времена. Что заставило Вас уступить Белову, сесть за стол и написать о Шукшине? Может, Вы решили оставить потомкам свои воспоминания? Может, Вас захлестнуло желание разоблачить какие-то мифы о великом подвижнике?

— Нет правды о Шукшине. Критики сочиняли, а фактов не приводили. А ведь факты важнее, чем всякие вымыслы. Я ценю литературу факта, мемориальную, вспоминальческую. Она читается людьми с бóльшим интересом, чем вымысел. Мне сочинять ничего не надо было, я записывал лишь наши беседы, встречи, думы, переживания.

— Василий Белов, конечно же, читал Вашу книгу. Интересно, что он о ней сказал?

— Я вначале отрывки из книги опубликовал. Он прочел и посоветовал: «Пиши дальше!» И добавил: «Давай продолжай, расцарапал тему, после этого лучше пишется». Вскоре я издал книгу, в которой обнаружил 87 ошибок. Корректоры были недруги, и редакторы тоже.

— Шукшин и Белов — два классика, два гения. Какие у них были взаимоотношения? Великие люди, как известно, редко контактируют, с трудом находят общий язык.

— Мы с Шукшиным, когда у нас зарубили картину «Печки-лавочки», поехали к Белову в деревню Тимониха залечивать раны. Зима стояла морозная. Дата на календаре была знаменательной — 45-я годовщина Советской армии. В деревянной избе мы целую неделю жили втроем. Натопим

печку, сварим обед и душевно ведем долгие разговоры о судьбе России. В свободное время шли в Лобаниху в местный клуб слушать доклад библиотекарши Раисы Мартьяновой.

Я замечал, что у Белова и Шукшина есть понимание друг друга, хотя они разные по темпераменту, по отношению к искусству, к женщинам. Не все, например, могут жить одной любовью, как Белов. В Тимонихе мы печку топили все вместе. Белов затоплял, он умел это делать беспроблемно. Я на печке лежал и слушал, как Шукшин и Белов разговаривали, судили о творчестве Солженицына. Говорили разное, но сходились во мнении, что тот пытается писать лучше, чем Лев Толстой, но все равно у него выходит хуже. Шукшин звал друга к себе в Сибирь, звал настойчиво, напоминая Белову, что сам и раньше приезжал в Тимониху, а Василий Иванович не был у него ни разу.

— Расскажите о вашей совместной поездке на Валаам. В одной откровенной беседе со мной Василий Иванович Белов признался, что часто задавался вопросом, — не уйти ли ему в монастырь. И тут же отвечал, что это невозможно, так как вера в нем не так сильна.

— Василий Белов заядлый путешественник, любитель походов за грибами. Он очень любил бродить по лесу. В одной из последних поездок на Валаам я вместе с ним гулял по лесу. И вдруг он решил пройти полюбившийся ему остров поперек. Решить-то решил, но никому об этом не сказал. Ушел тихо и потерялся… Мы его долго искали, конечно же, нашли, пожурили.

Он старался привить веру мне. Возил на Валаам, дарил книги священников. Иной раз Белов был слишком настойчив. Помнится, мы едем с похорон писателя Владимира Солоухина в автобусе, все разговаривают друг с другом. А Володя Крупин на каждый храм, который попадется на пути, крестится. Я говорю коллегам: «Что-то он перебарщивает». Белов услышал мою реплику и спрашивает: «А ты хоть на один храм перекрестился?» Я ответил: «Нет», и тут он хватает какую-то железяку и грозит меня убить. Я не отпрянул, и он опустил руку, потом долго извинялся. Такой у него был характер — бескомпромиссный, суровый, в то же время добрый, всепрощающий.

— Узнаю Василия Ивановича. Характер — кремень. Но в последние годы жизни он, действительно, много задумывался о смысле жизни, о своем православном пути.

— Помню одно его откровенное признание: «Если бы я в юности имел возможность прочитать столько святоотеческой, духовной литературы, сколько прочел сейчас, то я бы был совсем другим писателем». Это точно. Он был бы абсолютно другим. Только мне он дорог таким, какой есть.

— Мне тем более. Я боготворю его за «Лад», благодарю за «Плотницкие рассказы», за «Кануны». Ему дано было написать то, что не могли сочинить другие. Анатолий Дмитриевич, а что Вы вынесли для себя из дружбы с Беловым? По крайней мере, он считал Вас большим другом.

— Из продолжительного общения с ним я сделал вывод: с Беловым надо говорить всегда откровенно, искренне, как на духу. Нельзя ничего при-

украшивать. Он сразу распознавал неправду и преувеличения. У него было редкое чутье жизни. Мне кажется, он знал, зачем человеку дана жизнь. Я столько раз хотел бросить деревенский дом, подаренный Беловым, но он не давал это сделать. Семь лет я его восстанавливал. Много времени ездил в деревню, много денег в ремонт дома вложил, не один раз крышу перебирал. И только сейчас понял, почему Белов был прав. Этот дом продлевает мне жизнь. Я теперь по-другому на жизнь смотрю. Больше не могу отдыхать в санатории. В деревне — чистый воздух, тишина, покой. Я там по-другому сосредотачиваюсь на творческой работе.

— Вам удалось проиллюстрировать одну из лучших книг Белова «Лад». Сделано это мастерски, на высоком профессиональном уровне. Белов сам выбрал Вас в качестве фотографа-оформителя, или ему кто-то предложил поработать с Вами?

— Выбор был его. Сделал он это, спасая меня от депрессии, от вредной русской привычки. Белов спас меня работой. Наши взгляды на творчество совпали. Хотя у меня задача была — не совпадать с концепцией книги, а придать ей уникальность, самобытность. Я стремился запечатлеть остатки материальной культуры ушедшего мира, собрать детали Святой Руси, сделать из них опалубку для эстетического видения писателя. По мнению Белова, эта задача была выполнена хорошо.

— Когда я беру в руки книгу «Лад», то замечаю, что фотография и текст живут не сами по себе, а едины.

— Да, чтобы сделать нужный фотоснимок, я по Северам собирал крестьянскую утварь. Долго искал, например, стул с тремя лапками. В вологодских деревнях специально его делали таким, чтобы женщине удобно было доить корову. Стула для доярки лучше не выдумаешь. Никакой дизайнер не сделает подобную вещь. Мне помог этот стул найти один плотник. Работа над «Ладом» помогла мне приобрести неоценимый опыт. После этой работы издательство доверило мне иллюстрировать книгу «Слово о полку Игореве».

— С кем-то из тех многочисленных героев, которые присутствуют в «Ладе», Вам удалось познакомиться, пообщаться?!

— Почти всех знал, кто живой был. Один из них, Рябков, мне печку перекладывал. Чудаковатый мужик. Про него Белов написал много интересных сцен. Одна из них рассказывает о том, как жена Рябкова в больнице лежит, а хозяин идет корову доить. Животина ему не дается, так он выдумывает хитрость, надевает на себя косынку жены, будто хозяйка пришла, и начинает доить корову. Печку он мне полтора месяца делал. Она выглядела потрясающе красивой, но внутри у нее все кирпичи выгорели, потому в дом шел дым. Пришлось переделывать.

— Белов и Шукшин — интересные рассказчики. Вы можете определить, что между героями их книг есть общее, близкое, родное. Или они разные по характеру, по восприятию жизни?!

— У Шукшина все герои родом из Сибири. Они ровесники писателю. Их узнаешь по жизнелюбию. Они все искренни, душевны. У Белова другие герои. Его больше интересуют старики, те, кто вприглядку беседуют. Крестьяне в его рассказах основательны, степенны, мудры, медлительны.

— У Вас не было желания написать о Белове книгу так, как Вы написали о Шукшине?

— Я бы про Солоухина написал. У меня уже много собрано о нем любопытных воспоминаний. Шесть тетрадей записано. Это великий патриот, подвижник, штучный человек. Про Солоухина россияне мало что знают. А я видел его и за рабочим столом, и в поездках, и в Переделкино, и в поступках. У него, например, были прекрасные качества оратора. Однажды Солоухин вышел выступать перед 5-тысячной аудиторией. В первые минуты люди не хотели его слушать, а вскоре он так всех увлек, что его долго не отпускали. Я восхищался его огромными ораторскими способностями. К сожалению, современной молодежи Солоухин мало известен как поэт. Он считал себя поэтом больше, чем прозаиком. Всю жизнь стихи писал и никогда это занятие не бросал.

— А где Вы познакомились с Солоухиным? Он же не связан с кино.

— После первого издания книги Василия Ивановича Белова «Лад» в издательство «Молодая гвардия» пришел Солоухин. Его там спросили, как он относится к «Ладу»?! Он признался, что хорошо. Назвал книгу академической, яркой. Но пожаловался, что картинки мешают ему читать. А иллюстрации, как известно, делал я. И когда мы с Беловым стали готовить второе издание «Лада», то мне редактор посоветовала сократить количество фотографий наполовину. Но мы все же отстояли наш вариант издания. А через какое-то время мне звонит сам Солоухин, говорит зычным голосом: «Анатолий Дмитриевич, я хочу, чтобы Вы мне “Письма из Русского музея” оформили». Я его упрекнул: «Вы же говорили, что Вам мешают читать книгу Белова мои фотографии». А он ответил: «Ну, говорил, говорил, а теперь не говорю». Так работа над оформлением книги и подружила меня с еще одним великим сыном России, выдающимся прозаиком и поэтом Солоухиным.

— Убежден, что Ваши фотографии в книге «Лад» обращают на себя внимание, помогают постигать мир русской деревни, являясь дополнительными рассказчиками.

— К книге Солоухина «Письма из Русского музея» я сделал 220 иллюстраций. Мы с ним подружились, я к нему ездил в деревню Алепино, где он часто один жил, писал. Он доверял мне ключи. Довелось бывать и на московской квартире. У Солоухина очень интересная судьба. Он обладал великолепными коллекциями. Только у художника Корина было больше икон, чем у него. Он собирал скульптуру, мелкую пластику, книги. Великий Корин, очень любивший Солоухина, и научил его понимать живопись.

— Известно, какую огромную роль в жизни Белова сыграла его родная деревня Тимониха. А для Солоухина село Алепино тоже было и отдушиной, и творческой лабораторией?

— Солоухин в отличие от Белова реже посещал свой сельский дом, потому что в его селе слишком шумно, машины ездят. Его мучили пересуды, разговоры о том, почему одни живут лучше других. А когда его обворовали, то поездки вообще стали редкими. Утащили все месточтимые иконы, богатую библиотеку, в которой были редкие сочинения Ильина, Солоневича, Хомякова.

— С кем Солоухин дружил, кроме Вас, в последние годы, с кем чаще общался?

— Общался с Михаилом Хроленко из Абакана. Ценил деревенщиков. Любил посещать Дом литераторов, где проходили вечера тех писателей, которых сердечно уважал, например, Шукшина. Но что интересно, на публике он старался не выказывать дружеских отношений с ними, так как считал, что не стоит недругам давать шанс вбить клин в их сердечные отношения. С друзьями он общался наедине. К Белову ездил в далекую Тимониху.

— Общение с Шукшиным, Солоухиным, Беловым обогатило Вашу жизнь. Как Вы оцениваете их роль в развитии русской литературы?

— Они являются совестью нации, они классики, по их книгам следует учить детей в школах русскому языку, патриотизму, нравственности. Они, конечно, разные, но для меня фамилии Астафьев, Белов, Распутин, Солоухин роднее родных, братья по духу, они для меня едины. Они хранители языка, вернее, русской словесности. Что касается размолвки названных писателей с Астафьевым, вспоминается один эпизод. Я был на родине, в Абакане, мне позвонил Андрей Астафьев (сын писателя): «Отца выписали из больницы после тяжелого инсульта. Приезжайте к нам». После бурных размолвок с бывшими единомышленниками и критикой его последнего романа «Прокляты и убиты» он тяжело заболел. Я застал его в спецкровати на растяжках, однако готового осуществить переработку романа. С Валентином Распутиным и Евгением Носовым он уже помирился. Сказал, что «с Беловым мы едины душой и языком» — эти слова многого стоят. Между писателями-патриотами яковлевская команда специально вбила клин. В защиту Астафьева никто из друзей-патриотов не вступился. В конце концов, он попросил защиты у власти. Будучи тяжело больным, он имел намерения титанические. Жаль, не успел!

— Анатолий Дмитриевич, Вы счастливы, что судьба подарила Вам возможность общаться с такими гигантами, русскими классиками XX века, как Астафьев, Белов, Распутин, Солоухин, Шукшин?!

— Жизнь подарила мне дружеское общение, кроме упомянутых Вами писателей, еще и с плеядой белорусских авторов: Владимиром Короткевичем, Андреем Макаенком, Василем Быковым, Аркадием Кулешовым, Янкой Брылем, Петром Глебкой; с литовским режиссером Витаутасом Жалакявичюсом; с композиторами — Андреем Волконским, Валерием Гаврилиным, Олегом Каравайчуком; с художниками Николаем Ромадиным, Вячеславом Клыковым, Евгением Игнатьевым, Михаилом Абакумовым. Это не просто подарок. Это моя жизнь.

Критика, литературоведение

Геннадий ПЕТРОВ

«В ПРЕДЧУВСТВИИ АПОКАЛИПСИСА»

Геннадий Петров (Геннадий Петрович Скviренко) — прозаик, критик, очеркист. Учился в Ленинградской военно-воздушной инженерной академии имени Можайского, в Ленинградском политехническом институте, в Литературном институте им. Горького. Автор более десяти книг прозы. Член Союза писателей СССР, член Союза журналистов СССР. Главный редактор Русского литературного журнала в Атланте «На любителя». **Живет в Атланте, штат Джорджия, США.**

Завершающее Библию «Откровение Иоанна Богослова», хорошо знакомое по названию «Апокалипсис», — самая загадочная, грозная из книг Нового Завета, устрашающее предупреждение о том, что недалек тот День Гнева Господня, когда трубы ангелов возвестят горе живущим на земле. Возвестят громы и молнии, град и землетрясения, отравление воды и воздуха. И такова неиссякающая сила этого «Откровения…», что вот уже более двадцати веков люди на земле не могут успокоить себя никакими доводами «трезвого разума», снова и снова пытаясь предугадать приход Судного Дня и вместе с ним — Конца истории, Конца Мира.

Но Апокалипсис — книга не только Величайшего Ужаса, но и Величайшей Надежды, обещающей человеку Новое Небо и Новую Землю. Не пройти ему этот труднейший путь в Новую Праведную Жизнь без душевной и мудрой помощи… Есть в Апокалипсисе сокровенные слова об этом. Их, как усталый странник, говорит Христос: ***«Се стою у двери и стучу. Если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним и он со Мною»…*** *Не каждая дверь открывается на стук запоздалого путника. Но тем, кто впустят Его, принесет Он добро и свет, мужество и твердость, веру и надежду. И — любовь. И потому предчувствие Апокалипсиса не только в картинах торжествующего Зла. Оно и в уловленном чутким слухом легком стуке в дверь, в той бесценной духовности, которую внесет в дом, в семью, в сердце человеческое тихая беседа позднего Гостя… И в этом двуединстве Великой Книги — ее особое, непреходящее значение.*

1

Для своего сборника бесед с видными представителями русской культуры известный писатель, главный редактор издающегося в Нижнем Новгороде, завоевавшего широкую популярность журнала «Вертикаль. XXI век», Валерий Сдобняков выбрал ко многому обязывающее название «В предчувствии Апокалипсиса». Выход в свет сборника отмечен несколькими положительными рецензиями. Так представляет эту книгу читателям солидный петербургский журнал «Родная Ладога»: «…Тексты этих бесед, которые раскрывают многие неизвестные подавляющему большинству читателей факты из новейшей истории России, публиковались в самых авторитетных периодических изданиях у нас в стране и за рубежом и неизменно вызывали самый живой интерес у людей, неравнодушных к судьбе своего Отечества».

В книге собран уникальный материал, который будет интересен политикам, ученым, преподавателям школ и высших учебных заведений. В предисловии к сборнику историк В. Г. Цветков пишет: «Нельзя не отдать должное чуткой продуманности бесед, их стройности и избирательности. Автор как бы пытается по возможности максимально охватить ими многие сферы культурной и хозяйственной жизни страны, а также ее прошлого и настоящего. Но главным в любой из таких бесед все же всегда остается сам герой со своим внутренним миром, впечатляющим багажом накопленных знаний и личного опыта, независимым мнением и абсолютно самостоятельными и предельно аргументированными суждениями по самым разным злободневным вопросам времени».

Читая такие рецензии, знакомясь с подобными читательскими оценками и откликами, не можешь, в конце концов, не обратить внимания на то, что в них нигде не подмечена связь содержания сборника с его напряженным, как обнаженный нерв, бесстрашно искренним заголовком. А размышляя об этой странности, приходишь к выводу, что она не случайна, что предчувствие Апокалипсиса в большинстве бесед, действительно, не прослушивается.

Тут я готов сам с собой и поспорить — но разве хоть один из текстов сборника не разогрет активной заинтересованностью собеседников в обсуждении поставленных вопросов? Разве не присущ многим из них открыто полемический азарт? Разве не переживают собеседники как тяжелую личную травму и как невосполнимый урон культуре своего народа, хозяйству своей страны многочисленные негативные явления современной российской действительности? Разве нет во всем этом серьезнейшей тревоги о завтрашнем дне, о ближайшем и более отдаленном будущем Родины?

Разумеется, все это есть. Но смелым заглавием автор, несомненно, нацеливался на что-то принципиально большее. Не на сумму отдельных озабоченностей и тревог, а на какое-то обобщенное представление о грядущих его народу и его стране тяжелейших испытаниях.

Мастерски построены беседы с выдающимися живописцами — истово верующим В. Калининым и атеистом К. Шиховым. В них содержательно и интересно все — их жизненный путь и творческое становление, их понимание задач своего искусства, проникновение в секреты мастерства. Блистательная эрудиция автора книги В. Сдобнякова и его бережное отношение к истории Родины проявляются в беседах с производственниками, лауреатами Государственных премий старейшим работником нижегородского авиа-

строительного завода «Сокол» Н. Николаевым и главным сварщиком этого же предприятия Р. Пацельтом. Чрезвычайно интересное интервью с историком и журналистом В. Цветковым, являющимся автором содержательного предисловия ко всей книге В. Сдобнякова.

Но неслучайно беседы с писателями составили бóльшую часть всей книги — кому как не им быть чуткими регистраторами пульсирующих в общественном сознании чаяний и надежд, ожиданий и разочарований, тревог, опасений и страхов… Все это в писательских интервью, действительно, в какой-то мере присутствует, однако без апокалиптических предчувствий. Характерно, что писатели старшего поколения, в основном, направляют разговор в мемуарное русло, делясь воспоминаниями о мощном литературном процессе и ярком, разнообразном творчестве писателей советской эпохи. Писатели среднего и более молодого поколений охотно рассказывают о путях своего творческого становления, о пагубной разобщенности творческой жизни региональных писательских объединений и — как следствие такой разобщенности — болезненной разорванности общероссийского литературного процесса.

Ближе всего концептуальному посылу сборника отвечает интервью с Юрием Бондаревым. Кстати, название этого интервью — «В предчувствии Апокалипсиса» — очевидно, и стало заглавием всей книги. В вопросе, обращенном к классику современной русской литературы, Сдобняков останавливает внимание на происходящих нынче по всей нашей планете невиданных ранее природных катаклизмах. Это — немыслимая жара и неслыханные похолодания, сметающие все на своем пути огромные волны цунами, гигантские пожары, грандиозные наводнения… И — словно бы сопутствующие им в сегодняшнем мире — непрекращающиеся социальные и политические взрывы, сотрясающие страны третьего мира, Африки, Центральной Азии и Центральной Америки, опасные процессы, угрожающие стабильности европейских государств. Жителей Земли охватывает ощущение неспокойствия, мятежности, неуверенности в завтрашнем дне…

Не предвещает ли все это каких-то еще более страшных надвигающихся испытаний, в которые может быть ввергнуто человечество? Нет ли во всем этом некоего предчувствия Апокалипсиса?

Похоже, что — есть!..

И, наверное, именно поэтому Ю. Бондарев сразу же обращает внимание на негативную сторону научно-технического прогресса:

— Быстрота в изобретении атомного, биологического, геотектонического и прочего смертельного оружия не принесли человечеству ни мира, ни облегчения, — с болью констатирует писатель. — Эта быстрота военной реализации великих открытий человеческого гения напомнила, что каждому на земле приготовлен билет не в бессмертие, а в одноместное купе — и каждому готов плацкарт только туда — в скорбное направление, где уже нет ни любви, ни ненависти, ни красоты, ни безобразия, а останется только физическая пустота, уже никем на обугленной земле непознаваемая…

Где же он — спасительный выход? Юрий Бондарев считает, что остановить надвигающуюся на мир трагедию способны лишь великая наука и все мы, земляне, вставшие на защиту человеческого существования.

— Как это сделать действенно сейчас и завтра? — переспрашивает писатель. — Думаю, никто из живущих ныне гениев науки точно ответить пока не сможет.

— Значит, Вы не верите в то, что идеи гуманизма, слово художника могут спасти современный мир? — ведущий беседу В. Сдобняков заметно растерян: — Вы не верите, что современная художественная культура способна нас вывести из тупика?

— Художественная культура переживает сейчас тяжелую пору, ибо вседозволенность беспредельно царствует в так называемом художественном творчестве. Сама правда изображается вкось. Ложь, без малейшего стеснения, играет на подмостках жизни роль правды. Пошлый натурализм, скабрезность, бессовестная порнография властвуют на телевидении, в кинематографе, на книжном рынке, выдавая себя за современную культуру… Однако всему бывает конец и, как говорили древние, одна волна уничтожает другую, а ветер меняет направление… Но когда?..

Что ж, диагноз поставлен и приговор вынесен с библейским размахом. Глобально, символично. Не уточнены лишь сроки исполнения приговора.

Ну, а предчувствия? В эмоциональном плане они не подвластны разнице в масштабах. Уравниваются они или различаются — мы судим по остроте переживания. И одинаково впечатляюще могут прозвучать и трагический прогноз футуролога, и выстраданное «завтра» поэта.

И то, и другое в книге В. Сдобнякова можно найти, например, в беседах с видным прозаиком Арсением Ларионовым и самобытным алтайским поэтом Сергеем Чепровым.

Интервью автора сборника с А. Ларионовым состоялась заочно. Автор известных российскому читателю романов «Лидина гарь», «Рок», «Раскаянье» и ряда публицистических книг прислал письменные ответы на переданные ему, тоже в письменном виде, вопросы. Их содержание многопланово — это и рассказ о своем становлении, о дружбе с такими крупнейшими русскими писателями как М. Шолохов, Л. Леонов, Ю. Бондарев, Ф. Абрамов, П. Проскурин, с выдающимся пушкинистом С. Гейченко. Свое мнение о противоречивости личности и нравственных изломах творческой судьбы талантливого прозаика Виктора Астафьева… Собственная оценка творческой и общественной значимости вклада «деревенской литературы» — «почвенников» в общее поступательное движение русской литературы двух предпоследних десятилетий прошлого столетия. Воспоминания о непростом, через издательские и закулисные препоны, пути к читателю в 80-х годах «Лидиной гари» — крупнейшего произведения уже сложившегося к тому времени, признанного прозаика.

— Обиды я ни на кого не держу, — заключает эту тему А. Ларионов. — Для меня главное — справиться с собой. А все остальное придет само… По сути-то ничего не изменилось. И сегодня в нашей литературной среде такая же обстановка — местничество, интриги, ханжеское нетерпение из-за отсутствия таланта.

— Сейчас авторитет писателя низок, как никогда, — письменные комментарии и вопросы Сдобнякова удивительно точно согласуются с письменными ответами Ларионова. — Как вы считаете — почему это стало возможным после более чем двухвекового восхождения к вершине общественного признания? И что нужно предпринять, чтобы изменить сложившуюся ситуацию?

— Писатель велик и авторитетен, когда он художник и независим от власти. Пример Шолохова — бессмертный! А мы имеем дело чаще всего со

всякой криминальной поденщиной, которую даже коммерцией не назовешь. Падение литературы начинается с перевода ее из глубин народной и духовной жизни на многотысячный бульвар. И это не просто падение, а тупик литературы и культуры.

Кризисное состояние литературы и культуры не может возникнуть обособленно от всего в целом состояния общественной жизни. «Литературный разговор» настоятельно требует расширения, перехода к социальным проблемам. И Сдобняков задает, как сейчас говорят, «хороший вопрос»:

— Скажите, когда вы писали свои книги… что было больнее всего осознавать — бессилие от невозможности что-то исправить, раздражение на свой народ, который и старое разрушил, и новое не достроил, а что построил, то не сберег? Или, может быть, осознание потери какой-то глубинной веры, исконной правды, что были оставлены нам десятками поколений наших предков?

— Для меня нет никакой вины самого народа, — убежденно отвечает А. Ларионов. — И его поведение никогда не вызывало у меня раздражения. Досаду — да! Но враги готовились годами, десятилетиями, чтобы не возник мужицкий бунт, беспощадный и кровавый, иначе бы им не сносить головы. Они не только пробрались в высшие эшелоны власти. Они скрупулезно, тщательно развращали режимный аппарат, позволяли ему воровать и попирать справедливость, а с ними попирали и развращали народ, лишая его самостоятельности… Честным историкам надо еще всерьез подумать, почему народ тогда, в начале 90-х, не пошел защищать свой социалистический строй, о котором, опомнившись, много лет уже горько плачет. Еще Пушкин в минуту гнева произнес: «О, глупый мой народ». Я за Пушкиным этих слов не произнесу, даже в пору тяжелейшей жизни, тяжелейшего бремени, которое я несу. Как можно винить народ, лишенный элементарных прав? Надо крепко помы́каться в этой жизни среди высокопоставленных негодяев, лицемеров и прихвостней, чтобы проникнуться глубочайшим уважением к русскому народу… А глупости?! У кого они не бывают, даже у величайших мудрецов…

Наш боевой редут по-прежнему еще впереди. Надо собраться с силами и с умом, может, тогда что-нибудь и получится в заботе о народном деле.

Надо сказать, что, пожалуй, самый чуткий «сейсмограф», фиксирующий нарастающие «сейсмические толчки», — это поэзия. В сугубо личной лирике — это мотивы тоски, тревоги, душевная боль неутешная… В интервью поэта из Белоруссии А. Аврутина есть такое признание: «У меня иногда спрашивают, почему в моих стихах так мало веселого? Да потому, что создавать веселые стихи — совсем иная профессия. …Кстати, не так давно я получил письмо от замечательного русского поэта Станислава Куняева… Так вот, высказав в послании немало добрых слов в мой адрес, мэтр заметил, что “на его придирчивый взгляд” в моих стихах все же слишком много отчаянья… И с горечью добавил, что сам в последние годы отошел от стихов именно потому, чтобы не добавлять собственной печали в океан мирового отчаяния…»

Но в чем же причины этой боли, этого отчаяния?

Пытаются поэты разобраться и в этом. И тогда вольно или невольно начинают всматриваться не только в собственные ощущения и пережива-

ния, но и в окружающий мир, разгадывая связь между его явлениями, противоречиями, неправедностью и неустроенностью и своим душевным состоянием.

Беседуя с поэтами О. Шестинским и А. Парпарой (в их наследии большое место занимают также произведения практически во всех иных литературных жанрах), Н. Рачковым, А. Аврутиным, — В. Сдобняков направляет разговор в русло их литературной биографии, лишь констатируя признанно высокий профессиональный уровень их творчества, в литературный анализ каких-либо текстов не углубляясь. А вот в материалах, посвященных алтайскому поэту С. Чепрову, на первый план выступает интерес автора «Предчувствий…» непосредственно к текстам стихов — здесь и конкретный разбор некоторых стихотворений, и размышления о путях развития творчества поэта, и даже определенные сомнения в плодотворности и оправданности отклонения этих путей от некоего истинного, поэтически магистрального их направления.

Интервью с поэтом Сергеем Чепровым, построенное на обсуждении сразу двух его книг — «Душа моя непутевая» и «Когда болит…», озаглавлено словами выразительными — «Когда уходит земля из-под ног…», невольно отсылающими к общему апокалиптическому названию сборника.

Надо сказать, что нечасто встретишь в статьях, посвященных поэтическому творчеству, такой точный, продуманный, «красноречивый» подбор цитат, какой сделан Валерием Сдобняковым и в его рецензии на эти книги, и в интервью. Это именно тот случай, когда выбор цитат — верный показатель и поэтической культуры обозревателя, и художественного вкуса в отборе, и способности выделить главное — не только по смыслу, но и по художественному воплощению. И еще один аргумент в пользу высказанных утверждений: читая такую сконцентрированную, обусловленную внутренней логикой подборку, как правило, уже невозможно удержаться — не высказать хотя бы в нескольких словах, чем «цепляет» и что открывает нам — стих за стихом — этот искренний, умный, зоркий поэт, наделенный нелегким талантом сочувствия, сопереживания, сострадания.

Как не понять и душевный порыв самого поэта, вся жизнь, вся творческая судьба которого неразрывно связана с судьбой своего народа:

Ухожу опять
В грозы и туман.
Слышу: там зовут,
Просят помощи.
С чем вернусь назад —
Я не знаю сам.
По душе иду,
Не по должности.

Неудивительно, что неутомимый обозреватель важнейших событий и явлений современной отечественной культуры, опытный прозаик и активный публицист Валерий Сдобняков увидел в стихах Сергея Чепрова богатую основу для обсуждения многих актуальных проблем поэтического творчества. Чепров справедливо напомнил, что при всем разнообразии форм, значений и задач культуры нации — основой, фундаментом ее культуры всегда были язык народа и народное творчество.

Значительное место в беседе заняла тема гражданской позиции писателя в обстановке сложной, противоречивой современной действительности. И здесь любому читателю будет крайне интересно проследить за ходом мыслей собеседников.

— В ваших книгах «Душа моя непутевая» и «Когда болит…» большинство стихов — остросоциальные, — отмечает ведущий беседы. — Стихи протеста против сложившихся в современной России нравов, чуждых русскому народу… Согласен, современная социальная несправедливость (впрочем, как и во все иные времена) просто вопиет к протесту… Но, поддаваясь этому чувству, не теряет ли художник чего-то очень важного, глубинного в своем творчестве. Ведь все в итоге проходит — бунты, мятежи, революции, годы смуты и благоденствия. И лишь поэзия, лишь высоты человеческого духа, творческого озарения остаются вечными. Не они ли не дают нам окончательно пасть, уйти под власть худшей из сил и тем самым погибнуть для вечности?

— Здесь я немного иного мнения, — высказывает свою точку зрения Сергей Чепров. — Да, все проходит — и бунты, и мятежи, и революции. Проходило. Но теперь, как мне кажется (и дай-то Бог, если я заблуждаюсь!), может и не пройти. Уж слишком мы отклонились от истинного пути. Слишком «заматериализовали» жизнь, все больше и больше утрачивая духовность. Не просто говорить, а кричать нужно о том, что на душе наболело, чтобы хоть самим перед собой быть честными. Да и перед Богом не хлопать глазами, а все же сказать: «Я что-то делал… пытался… что было в моих силах…»

Не может ведущий беседы смириться с такой мрачной тональностью, потому что понимает, что как ни трудна жизнь, как ни ломает она людей, но — не может такой поэт как Сергей Чепров, утратить в душе надежную опору. И вот — яркое тому подтверждение — в его же стихах:

…И обижаясь, и прощая,
В смятении добра и зла,
Я снова взор свой обращаю
На золотые купола.

Ношу, отбросив все химеры,
И негодуя, и любя,
Три непоколебимых веры:
В Россию! В Бога! И в себя!

И если в беседе с именитым прозаиком Юрием Бондаревым **гнетуще тревожное предчувствие Апокалипсиса (в первую очередь, конечно, духовного), эта его нарастающая угроза** рассматривается в глобальном масштабе, а потому — по неизбежности — в большой мере в общих, подчас умозрительно-абстрактных понятиях, то именно в беседе с поэтом Сергеем Чепровым вынесенное на обложку заглавие книги подтверждается обращением к реалиям современной российской действительности.

ПРОЗА

Елена ТУЛУШЕВА

ДРУГАЯ ВОЙНА

Рассказы

Елена Сергеевна Тулушева — родилась в Москве. Окончила Институт психоанализа и Институт психотерапии и клинической психологии. Работала во Франции и Соединенных Штатах. Старший медицинский психолог в московском реабилитационном центре для подростков. Училась на Высших литературных курсах, участница XIV Международного совещания молодых писателей в Нижнем Новгороде и XIII Международного форума молодых писателей в Липках. Как прозаик дебютировала в 2014 г. в журнале «Наш современник». **Живет в Москве.**

ЕЛЕНА ТУЛУШЕВА: ПОКОЛЕНИЕ ДВАДЦАТИЛЕТНИХ

Елена Тулушева дебютировала в мартовской книжке журнала «Наш современник» за 2014 год. Публикация сразу привлекла внимание читателей и литераторов. Письма в редакцию, отзывы в социальных сетях, упоминания в журналах. В интернет-издании «Парус» под заголовком «Молодые о молодых» вокруг рассказов Елены развернулась оживленная дискуссия. На Совете по критике СП России о ее публикации говорили как о лучшем дебюте года.

Успех закрепили награды, полученные на престижных писательских форумах — «Серебряный Витязь», завоеванный на V Славянском литературном форуме «Золотой Витязь» и стипендия Министерства культуры РФ, предоставленная по итогам XIV Международного совещания молодых писателей.

На редкость удачное вступление на литературное поприще! Один из читателей искренне изумился: «Если молодая писательница начинает путь в литературу с таких сильных вещей, то что же можно ожидать от нее в дальнейшем?»

Что же в основе успеха? С одной стороны, жизненный опыт, темпераментно обозначенные профессиональная и гражданская позиции. Елена — врач. В 28 лет она успела окончить два вуза, работала во Франции и США. В настоящее время — старший медицинский психолог Московского реабилитационного центра для подростков, страдающих алкогольной и наркотической зависимостью. О своих юных подопечных она знает все. Вплоть до номера роддома и обсто-

ятельств появления на свет. Пытается их понять, помогает, защищает. Писательство предоставляет для этого дополнительные возможности.

С другой стороны, в рассказах Тулушевой привлекает динамизм, легкость письма, живые диалоги, точный язык. Словом — литературное мастерство. Тулушева работает в жанре нон-фикшн. Это жесткие, начисто лишенные сентиментальности тексты, где присутствие автора минимально, а все внимание направлено на героев с их поступками и драматическими судьбами.

Предлагаемые читателю новые рассказы интересны как свидетельство стремления автора выйти за пределы освоенного мира. Найти «немного солнца в холодной воде», — воспользуюсь формулировкой известной французской писательницы.

В рассказе «Надо будет как-нибудь посмотреть», казалось бы, ничего особенного не происходит. Но постепенно перед нами разворачивается трудная судьба героя: страшный недуг — слепота, равнодушие окружающих, одиночество. Еще одна история о «невидимых миру слезах», столь характерная для отечественной литературы?

Не спешите с выводами. Мысль автора сложнее и человечнее. Тулушева не просто сочувствует герою. Избегая громких слов и патетики, она любуется его жизнестойкостью. Он не озлобился, не выставил счет окружающим и всему миру. Как он доброжелательно относится к случайной посетительнице. Какую деликатность проявляет в разговоре с увлеченной своими амбициями дочерью, которой вечно не до него. Беда не сломила, но умудрила этого человека. Отсюда и название рассказа, как бы отрицающее недуг героя.

Не оставит равнодушным рассказ «Другая война». Непривычный материал: действие происходит не в России, а на Западе. Неожиданная тема — контакты цивилизаций. Точнее, затрудненность таких контактов, подменяемых бездушной «толерантностью».

Глобальную тему Тулушева раскрывает подчеркнуто камерно: герои «Другой войны» — чернокожий мальчик, беженец из Либерии, и его белые одноклассники-европейцы. Живут бок о бок, вместе готовятся к урокам, а понять друг друга не могут. Поводом для размежевания становится задание по истории: написать о войне. Для учеников-европейцев это, конечно же, Вторая мировая, страшная, славная, но далекая страница истории. Они не могут и не хотят понять волнение юного либерийца, на собственном опыте изведавшего ужасы войны в своей стране.

Несмотря на экзотичность темы, манера, в которой пишет Тулушева, сближает ее с группой сверстников — двадцатилетних прозаиков, только-только вступающих в литературу. Назову Андрея Тимофеева, Сергея Чернова, Платона Беседина, Анастасию Чернову. Это открытый список, наверняка завтра к нему присоединятся новые авторы.

Лидером поколения я считаю Андрея Антипина — 29-летнего писателя из Усть-Кута, таежного поселка в сотнях километрах от Иркутска. Мощью, трагической глубиной и совестливым отношением к слову он напоминает своего земляка Валентина Распутина. Его стиль, несомненно, шире фактографического реализма двадцатилетних, и в то же время он — наиболее заметная фигура среди них.

А вот как наиболее характерную я бы выделил Елену Тулушеву. Она пишет не просто с опорой на факты, кажется, она вообще не приемлет обобщений, типизации. Видимо, врачебная практика научила ее ценить уникальность каждого человека, которую опасно насильственно подводить под некие общие мерки.

Но признание права героев на индивидуальность и свободу воли вовсе не означает равнодушия к их судьбе. Равнодушный не написал бы такие рассказы. Автор еще одного отклика на публикацию Тулушевой в «НС», профессиональный литератор Мария Свердлова проницательно подметила: «…главный талант Елены — ее неравнодушие к горю. Умение воспринять чужую боль как собственную. Чужой грех, чужую муку взять на себя так полно, как это редко кто может. Взять без капли осуждения. Того осуждения, которое заставляет нас брать за волосы наших героев и перевоспитывать».

В отношении к слову Тулушева органически не приемлет патетику, дидактику, все, что не прикреплено к конкретному человеческому поступку. Я ценю эту молодую бескомпромиссность. Но вижу и опасность такого словесного аскетизма. Согласен, что пропаганда в тесном сотрудничестве с шоу-индустрией изгадила множество слов, самых дорогих и нужных. Любовь, нравственность, духовность, долг в устах прожженных демагогов и деляг утратили подлинность, стерлись, как мелкая монета. Но значит ли это, что мы должны отказаться от них, ограничившись протокольно четкими терминами? Мне кажется, в таком случае мы бы обеднили и язык современной литературы, и собственный эмоциональный мир. Мы призваны поручиться за слова, поставленные под подозрение. Заново наполнить их своим чувством и честным подходом к слову и миру.

Последнее замечание может показаться упреком в адрес Елены. Но уже то, что рассказы молодого автора побуждают задуматься о таких проблемах, свидетельствует о серьезном отношении Елены Тулушевой к литературе и жизни.

Александр Казинцев,
заместитель главного редактора журнала
«Наш современник»

НАДО БУДЕТ КАК-НИБУДЬ ПОСМОТРЕТЬ!

— Здравствуйте, Максим Иванович!

— Добрый день, проходите, пожалуйста. Принесли? — он аккуратно прошел, прижимаясь к стене. Закрывшаяся дверь втолкнула в прихожую запах уличной влаги.

— А то! Думала, опоздаю! Последний оторвала!

— Ну, ничего себе! — сказал он просто, чтобы как-то заполнить паузу.

— Вот, держите! Мокрый только, снег с дождем — не укрыться, хорошо в упаковке! — шелестящий в капельках пакет лег в нетерпеливые ладони.

— Ну-ка, что там сегодня… Нет-нет, не говорите, попробую сам. Проходите, пожалуйста, я сейчас.

Он быстро прошел на кухню, привычно придвинул ногой табуретку, сел за стол и потрогал шов пакета. Затем провел пальцами по упаковке и улыбнулся… Долгожданный момент: можно пару мгновений пофантазировать, напридумывать что-то особенное, вытащив из памяти поблекшие картинки, пока руки осторожно вскрывают шуршащий заводской целлофан. Ради таких моментов он умеет ждать.

— Восемнадцать часов ровно, — механически проговорили часы.

— Все, иду-иду! — сказал он машинально. Работа всегда оставалась на первом месте, несмотря на маленькие слабости. — Ну и противный же у тебя все-таки голос! — комически рассердился он на бездушный аппарат.

— Ну как, угадали? — девушка смотрела на него с любопытством.

— Мусоровоз! — удовлетворенно отозвался он. — Не зря ждал, на целую неделю задержали! Потрясающие детали, наощупь чувствуется.

— Почитать вам как обычно?

— Нет-нет, спасибо. Сегодня ко мне Ира зайдет.

— Молодец, сейчас дети редко заботятся о родителях.

— А обо мне не надо заботиться! — без обиды, хотя и с нажимом произнес он. — Сам всех тяну! И бывшую жену, и нынешнюю, и Иришку.

— Сколько ей?

— Двадцать четыре. Но папина помощь в любом возрасте нужна. — Его лицо осветилось нежностью. И, словно смутившись, он подчеркнуто деловито произнес: «Легли? Сейчас приступим».

— Ну, как ваши дела? — подошел он к массажному столу.

— Да как всегда, одни проблемы. И за окном мерзко: утром встаешь — темно, с работы выходишь — снова темно. Тоска, хоть в окна не смотри, — она сбоку наблюдала за ним. — А это что за модель? Я таких не видела, вроде.

— О, это уже усовершенствованная. Выполнена, кстати, отлично, на удивление!

— Все на месте, или как в тот раз?

— Да нет, тут они постарались. В прошлый раз тоже все было на месте, но выполнено уж очень схематично. Да и сама модель — «школьный автобус» — ну согласитесь, совсем неинтересна. Даже дворники поленились приделать. — Он растер руки кремом и приступил к работе. По комнате рассыпался запах летних луговых цветов.

— А вы *видели*? — удивилась она, тут же смутившись от некорректности вопроса.

— Да, старые автобусы — успел. И мусоровозы застал. Кабины у них были зеленые сначала, а потом стали выкрашивать в оранжевый.

— По-моему, их как ни крась, все равно отвратительно пахнут. Никогда не понимала, почему люди выбирают профессию мусорщика, — она сморщила нос и коротко выдохнула.

— Да-да, запах от них во все времена был достаточно гадкий. Но идея… Мусоровозы, бетономешалки, асфальтоукладчики — все это произведения инженерной мысли… Что-то я заговорился, — одернул он себя. — Так не больно?

— Нормально!

— Вот и отлично, — массажист работал не спеша, выверенными плавными движениями. Затем достал из кармана носовой платок, чтобы не испачкать аппаратуру, подошел к музыкальному центру и через ткань аккуратно начал нажимать кнопки, выбирая что-нибудь под настроение. — Шопен. Успокаивает.

Лежа, она разглядывала стеллажи, уставленные моделями машин, танков, самолетов. Их ровные, как будто по линейке вымеренные ряды не менялись годами, только добавлялись новые полки. Плавно сменяющие друг друга мелодии и размеренные движения массажиста умиротворяли, наполняли покоем. Комната как будто дремала в этом привычном замедленном ритме.

— А серию вертолетов еще не выпустили?

— Да не дай Бог, что вы! — рассмеялся он. Это ж мне новый шкаф заказывать придется, — улыбка удивительно шла ему, лицо становилось значительно моложе.

— А вы только готовые коллекционируете? Ау, больно. Только можно сегодня без хруста? А то мне страшно даже.

— Конечно, можно. Кто ж вас заставляет — не хрустите, — добродушно усмехнулся он. — Да, теперь могу только готовые. Лет пятнадцать назад, пожалуй, мог бы собрать, но тогда простых в сборке моделей не выпускали. Как-то купил подводную лодку, но детали совсем мелкие оказались. Другу отдал — пусть мучается. — Он водил подбородком в такт движениям рук.

— Ай-ай, правда больно, Максим Иванович!

— Не обращайте внимания!

— Но это мои пальцы, как мне не обращать: вдруг сломаются — ходить не смогу! — при каждом хрусте она зажмуривалась, вжимаясь в массажный стол.

— Пока еще все уходили сами. Ну вот и все, отлично справились! Одевайтесь, а я пойду передохну.

— Спасибо!

До следующего пациента оставалось двадцать минут, его руки потянулись к телефону. Пока наливал чай, раздражающие пустые гудки прервались:

— Да, папуль!

— Ириш, привет! Как дела у тебя? Все в силе? — он любил слушать голос дочери, но все время сдерживался, чтобы не звонить чаще, боясь надоесть.

— Па, я не успела набрать! Да ужасно дела! За машиной в сервис приехала, а они, представляешь, закрасили царапины, а на свету видно, что цвет вообще не потрудились подобрать! Пятно на полдвери! Ну как так можно?! Элементарный вишневый смешать не могут, закрасили обычным малиновым!

— Обидно, наверное. Ну ты не переживай, Может, не очень заметно будет. Это же не самое главное в машине, главное — что ездит.

— Шутишь?! Еще как заметно! Скандал им закатила, вызвала директора! Обещали за три дня исправить.

— Ого, ты молодец, боевая. Тут у меня последний пациент остался. Как раз успеваю в кондитерскую. Тебе как обычно? — он улыбнулся, предвкушая вечерние посиделки с ее любимыми пирожными и длинными разговорами.

— Папу-у-уль, — протянула она по-детски. — Я не смогу сегодня. Видишь, как с машиной вышло. Я из-за этого с Мишкой не увиделась, а мы с ним договаривались в кино сегодня, он так давно ждал — обидится…

Улыбка соскользнула, оставив на лице выражение неловкости. Он поспешил успокоить дочь:

— Ириш, конечно, сходи с ним. А мы с тобой в следующий раз.

— Точно, па? Ты не обидишься? Видишь, кто ж знал!

— Да-да, — заторопился он. — Когда там у тебя будет время, тогда и увидимся. Зачем же мне обижаться, я все понимаю.

— Спасибо, папуль! А то он такой обидчивый стал, ссоримся постоянно. Фильм уже две недели идет, а я все выбраться не могла. Мишка злится, мол, не на боевики же меня тащит, как мужики обычно, нормальное кино, а я все времени не найду.

— Расскажешь потом?

— Для вас как всегда включен подробнейший пересказ: сюжет в деталях, спецэффекты, операторская работа, киноляпы — все, что уловит наше вездесущее око! — пародийно пропела она в стиле ведущих ток-шоу.

— Да, пожалуйста! — рассмеялся он. — И еще сладкий поп-корн, будьте добры!

— Нет уж, от нас только дикторские услуги. Кстати, тебе там кто-нибудь сможет журнал почитать?

— Да, как раз сейчас пациентка предлагала. Мы с ней чаю попьем. Все нормально, не переживай. А ты со своим помягче, ссоры — они ведь, Ириш, — все потихоньку разрушают… — Ему захотелось обнять ее покрепче, и лицо снова засветилось улыбкой, нежной и мягкой.

— Вот и отлично! А мы во вторник увидимся! Целую!

— До вторника! Береги себя! — Дочь отключила связь, он договаривал уже молчащему телефону, — обнимаю, очень соскучился.

До вторника оставалось еще четыре дня. Ждать он привык с детства, после того злосчастного гриппа, когда мать начала замечать в его тетрадях расползающиеся строчки. Тогда, пролеживая неделями в больницах, пока очередной врач не вынесет свой вердикт, ему оставалось только ждать. Ожидание было тяжелым, гнетущим. Каждый день, наполненный страхом и лишь иногда редкими искрами надежды. С годами он сжился со своими детскими воспоминаниями, перестал отгонять их, заглушать музыкой и аудиокнигами, перестал выбирать из них только что-то приятное. Он научился ценить все, что когда-то успел увидеть, часами перебирая даже больничные детали: узоры на пижаме, зеленые стены палат с облезшей краской, веселых зверей с Айболитом, украшавших пролеты лестниц, коллекцию машинок, которую они собирали всем отделением, странную бурую жижу на завтрак. Формы, цвета, очертания складывались в предметы, предметы — в картины, картины — в фильмы. Он любил смотреть свои «видео». Это единственное, что у него осталось от той зрячей жизни, которая теперь напоминала о себе лишь полутенями.

— Максим Иванович, я пошла! — он не сразу вспомнил, чей это голос.

— А, да-да, иду!

— Вот, держите. Спасибо!

— Кажется, многовато. Тут три бумажки.

— Это три по пятьсот, все правильно.

— А, тогда хорошо, — он убрал шелестящие купюры в карман.

— Вам точно не почитать? У меня есть время!

— Нет-нет, спасибо! Ко мне Ира зайдет, я ее попрошу. Всего доброго!

Он закрыл дверь и вернулся на кухню. Чай остыл. Нажав на часах кнопку оповещения, он услышал «Девятнадцать часов двадцать минут». Еще оставалось десять минут. Он прошел в комнату, нащупал журнал, вдохнул запах глянцевой бумаги и убрал его в шкаф. Он подождет Иру, всему свое время. Он открыл сервант и ловко достал сегодняшнюю новинку. Пальцы заскользили, ощупывая детали.

— Мусоровоз… Интересно, во сколько у нас обычно мусор забирают? Каждое утро, выходя из дома в полшестого, чтобы в семь уже принять первого пациента из вечно спешащих офисных работников, он слышал еще спящий город. По вечерам, после десяти, он заставал город уже готовящимся ко сну. Жизнь проходила за окнами его кабинета, пока он работал. Он вспомнил, что давно не слышал звуков стройки, нетерпеливых сигналов пробок, шелеста метлы дворника, и как-то заскучал по этим голосам обычной рабочей жизни. Ему захотелось оказаться в центре этих звуков и запахов, выстраивая в своей фантазии разнообразные картинки того, как все это могло бы выглядеть.

— Мусоровоз, значит… Надо будет как-нибудь сходить, посмотреть! — подмигнул он сам себе.

ДРУГАЯ ВОЙНА

Прозвенел звонок, но решили не расходиться. Лысоватый профессор предложил работать без перемены и раньше закончить второй урок. На экране мелькали черно-белые кадры. Он видел их несколько раз по телевизору. Смотреть не хотелось: как здорово было бы развалиться на лужайке хоть на десять минут, снять кеды, носки, ощутить ступнями прикосновение уже теплой земли, погладить пахнущую близким летом траву, почувствовать сквозь закрытые веки пробивающиеся солнечные лучи.

Спина и ноги затекли, но он приучил себя не подавать вида и подолгу сохранять одну позу. Так было надежнее: никто не придерется, что ему не интересно, что он не хочет слушать. С годами он научился жить в новом мире с его правилами. Это было сложнее, чем *там.* Правил больше, и некоторые уж очень странные. В прежней жизни правило было одно: хочешь уцелеть — попробуй! Здесь все запутанней, но он принял условия игры, даже не пытаясь понять.

Вот и сейчас решили сидеть в наглухо зашторенной аудитории и смотреть, как дети на экране засучивают рукава и показывают оператору номера, набитые на тощих руках, как они жадно вылизывают алюминиевые миски; как взрослые мужчины, похожие на скелеты, закапывают горы таких же скелетов, едва удерживая в руках лопаты. Он не понимал, почему его одноклассники смотрят, не отрываясь на эти смерти, когда там, за дверью в саду лицея пахнет жасмином, а в столовой уже начали подавать обед: сегодня спагетти с мясом. При мысли о еде в животе заурчало. Он глубоко вздохнул, пробежал глазами по знакомым лицам и снова вернулся к экрану, изображая интерес. Кадры на экране сменяли друг друга, вызывая дремоту…

— Итак, я предлагаю вам поработать в группах, — профессор включил свет, и класс постепенно начал оживать. — Ваша задача сделать к следующей неделе небольшой проект. Обсудите увиденное, соберите информацию у своих близких, может быть, семейные истории, найдите фотографии тех лет. Попробуйте максимально подробно воссоздать хотя бы маленький кусочек того времени. Вы можете выбрать один день из жизни лагеря или конкретного человека, будь то солдата или ребенка, один час боя, или ночь бомбежки. Проявляйте фантазию и творчество! — закончил он, жестикулируя, как фокусник.

Фантазия и творчество… Как учитель мог применять эти слова к такой теме? Он вспомнил, как впервые услышал их, когда ему посчастливилось попасть в детский лагерь какой-то благотворительной организации. Их собрали в огромной зеленой палатке с длинным столом. Перед каждым положили новую футболку, и молодая белая девушка с рыжими веснушками и широкой улыбкой объявила: «Привет всем! Меня зовут Джулия. Сейчас мы с вами будем заниматься творчеством. Вы сможете сделать из своей футболки настоящее произведение искусства, используя блестки, краски, фломастеры и аппликации!». В палатке повисла тишина, никто не шевелился. Девушка немного растерялась: «Вы можете придумать все, что хотите, используйте вашу фантазию!» — для двадцати детей эти слова звучали непонятно, оттого и пугающе. «А потом вы сможете забрать футболку себе!» — ребята начали переглядываться. Первым рискнул толстяк Дуби, самый старший и самый глупый: он ухватил футболку и прижал ее к себе. Двадцать пар глаз с испугом уставились на рыжую девушку. Она, как ни странно, улыбнулась: «Да-да, это ваша вещь, вы можете сделать из нее, что хотите, и забрать домой!» Кто-то начал натягивать футболку на себя, тогда можно будет убежать, если захотят отнять.

«Нет-нет! Подождите! Не надо надевать. Тогда вы не сможете ничего нарисовать!» — она хотела было подойти к детям, чтобы помочь снять футболки, но, увидев испуганные взгляды, остановилась, задумалась и направилась к ящикам в другом конце палатки. Вернувшись, она небрежно бросила на стол новую футболку, открыла баночку с красной краской и, расправив складки ткани, что-то нарисовала. Он хорошо помнил свое изумление: зачем эта добродушная девушка портит такую замечательную новую вещь. Другие тоже настороженно наблюдали, как Джулия, по очереди подходя к каждому, показывала, какие рисунки можно сделать, обведя ладонь или наклеив блестящие кусочки бумаги.

Когда через полчаса очередь дошла до него, он крепко вцепился в нежданный подарок и, несмотря на то, что вокруг уже кипела работа, старался не поднимать глаз, пока Джулия открывала стоящие перед ним яркие баночки с краской. Если эта вещь его — он ни за что на свете не будет портить ее краской.

Он был восьмым ребенком в семье и еще ни разу не получал новой вещи, купленной специально для него. Одежду скидывали подросшие братья, он терпеливо ждал, пока к нему перейдет очередная рубашка или шорты. Обидно было, когда вещь не доходила до него, потому что заплаток было слишком много. Тогда мать бережно разрезала ее на небольшие кусочки, чтобы потом заштопывать ими прорехи других обносок.

«Да что с тобой, малыш? Я же сказала, это твоя вещь, я не заберу ее обратно!» — Джулия погладила его по голове. — «Смотри, ты можешь сделать, как у меня. Вот видишь, тут нарисован замок и принцесса. Это сделала моя младшая сестра. А у тебя есть братья или сестры? Ты можешь подарить им — футболка большого размера!» — он взглянул на стол и с ужасом понял, что все они одинаково большие. Все пропало! Дарить ее он никому не хотел, но мать и не спросит, отдаст старшим братьям.

Он грустно смотрел на Джулию, с улыбкой описывающую возможные узоры и украшения. «А на рукаве ты можешь написать имя своего брата или друга, чтобы это был подарок специально для этого человека!»

Он ухватил фломастер и быстро большими буквами написал единственное слово, которое успел выучить в свои восемь лет: «Jamaica».

— М-м-м, оригинально. Ты знаешь про эту страну? Мы можем нарисовать ее флаг или пляж с пальмой, я где-то видела здесь аппликацию.

— Это его имя, мисс Джулия! — влезла его беззубая соседка и одноклассница Габи.

— А! Вот как! Спасибо! Ты можешь звать меня просто Джилл. Так, а тебя, значит, зовут Джамайка. Очень красиво. Немного крупновато получилось, зато издалека будет видно твое имя!

Надежда блеснула в его голове. Может, мать и не отдаст футболку с его именем. Теперь он сделает самую красивую вещь в своей жизни. Он быстро оживился, стараясь успеть наклеить как можно больше картинок и блестяшек. На спине он оставил несколько разноцветных отпечатков своих ладоней и для надежности вновь написал имя.

Его восторгу не было предела. Занятия длились целый месяц, каждый раз они делали что-то, и Джулия называла это творчеством: украшали кружки, кепки, носки, обклеивали коробочки, мастерили бусы. Все эти богатства они уносили с собой. Вот это было творчество и фантазия!

— Джама! Иди сюда, мы все здесь! Он послушно поплелся к своей группе за широкий стол под акацией. Эмили была их лидером в этом проекте, и он с тоской понял, что обед испорчен: она захочет начать обсуждение прямо сейчас.

— Мы как раз выбираем, какой формат нам интересен. Пит предложил сделать реконструкцию и отснять на видео! — Он перевел взгляд на Пита, но тот был занят поеданием непомерно большого гамбургера со стекающим сбоку кетчупом. Не совсем понимая, что от него ждут, Джама по привычке кивнул.

— Надо решить, что мы будем делать. Можем, например, составить коллаж из историй, которые в детстве слышали от своих дедов. Принести фото стариков, какие-нибудь их вещи! — пока Пит это произносил, из его набитого рта летели крошки на стол и на футболку.

— Пит, прожуй сначала, фу! — скривился Ману. — Не подойдет, Джама тогда не сможет участвовать с нами. У вас ведь там не было Гитлера?

— Нет… Гитлера не было, — он опустил глаза, стараясь настроиться на добротный обед.

— Повезло вам! — снова включилась Эмили. Представляете, европейцы гибли тысячами, а где-то в это время люди наслаждались жизнью, ни о чем не задумываясь…

Джама посмотрел на ее лицо: белая, почти прозрачная кожа, ровная, гладкая. А волосы длинные и прямые, как будто отглаженные.

— Во-во! — оживился Пит, — отлично выйдет! Серия историй от дедушек внукам, одна другой тяжелее, их драмы. И в конце: бац, контраст! Что-то вроде: «А на другой стороне Земли маленький мальчик слушал от своего деда совсем другие истории… Про беззаботную молодость, песни и танцы, про рыбалку, солнце, океан…» Здорово получится! Как будто для кого-то война, а для кого-то лишь слова.

Джама медленно накручивал спагетти на вилку, разглядывая свои шершавые руки со следами ссадин. Он никогда не слышал от своего деда таких историй. Он вообще его никогда не слышал. Мужчины в их краях редко доживали до сорока. Деда по линии отца никто не знал, а второй погиб со всей бригадой на стройке во время обвала. Ему повезло: несчастный случай. Семье выплатили его жалование за целую неделю! Отцу Джамы повезло меньше. Он умер от малярии. Мать говорила, он долго мучился. За него никто не заплатил, а кормить его было нечем. Старший сын отвез его в больницу. Там таких не лечили, но раз в день давали суп. После смерти тела больных сжигали, чтобы зараза не шла по округе и родственникам не нужно было хоронить. Отца Джама не помнил. От него остался журнал, тот самый, посмотрев который мать выбрала имя для младшего сына. Читать она не умела, только разглядывала фотографии волшебной страны, где, как ей казалось, черные жили на роскошных виллах и ни в чем не нуждались. Он берег журнал, перелистывая с детства знакомые страницы, обводя пальцем большие буквы на обложке: «JAMAICA».

— Нет, не получится. Я не знал своих дедушек. Умерли. И фото их тоже нет.

— Оу, извини, мне жаль, — Пит с легким усилием открыл банку с газировкой, она зашипела, и пена полилась через край. — Тогда — про один день. Например, самый первый, когда люди узнали, что пришла война. Ну, какая-нибудь деревня глухая, где никто ничего толком не слышал, и вдруг — на тебе! Обычный день, люди работают, отдыхают, ходят в церковь и тут… Какой-нибудь налет, как в Перл-Харбор, или внезапно ворвались фашисты на мотоциклах. Это ведь самое страшное, когда война приходит внезапно. Раз — и вокруг уже маршируют новобранцы, копают окопы, строят казармы, везде военная техника. Один вид людей в военной форме — мне бы стало жутко!

Джама не помнил, был ли в его жизни похожий день или час. Возможно, все началось еще до его рождения. В какой-то момент белые разъехались. Не стало машин с едой, подарков, школьных занятий. Военных в форме он тоже не помнил. Просто начали появляться мужчины с мачете, реже с автоматами, обычно это были те, что главнее. Они не маршировали, не ходили колоннами и не строили казармы. Они приходили в чей-нибудь дом и оставались там на ночь. Хозяева старались поскорее уйти. Если не успевали, из дома раздавались страшные крики. Он помнил их до сих пор. Крики женщин, похожие на звериные. Больше всего он тогда боялся, что услышит такие из своего дома…

Криков женщин своей семьи он, к счастью, не слышал. Однажды летом мать слегла. Он заметил, как мать резко похудела, перестала вставать.

Позже ему сказали, что это пневмония. Он не понимал смысла слова, забравшего его мать, и просто кивал. Еще через год умерла старшая сестра. Он уже был большим, и ему рассказали, что она обнималась с плохим мужчиной, больным. И потому заболела сама. Старший брат часто кричал на нее, обвинял в чем-то. Джама не понимал за что, ведь виноват какой-то другой человек. Разве могла она догадаться, что заболеет только оттого, что кто-то ее обнимал.

— Джама! Ау-у! Ты опять где-то в своих мечтах?! — маленькая сердитая складка на лбу у Эмили делала ее похожей на обиженного ребенка. — Мы работаем в группе! И даже если тебе не интересно, каждый должен участвовать!

Он понял, что от него чего-то ждут, и вжался в скамью.

— Извини, я просто задумался про день начала войны… — Джама почувствовал, как потеют ладони, и потянулся к бутылке с водой.

— Парень, мы уже развили тему. Ты давай и правда включайся! — Пит смотрел не столько с раздражением, сколько свысока. Он был не из отличников, но из тех счастливчиков, которые умели повести за собой, придумывая грандиозные идеи. Его любили и одноклассники, и учителя, в шутку называя балбесом, не использующим свой потенциал. — Мы про детей, которых отправляли в концлагеря.

— Это про тех, которые в фильме показывали свои руки с номерами?

— Бинго! И он снова с нами! — Пит поднял банку, изображая, что чокается с невидимыми друзьями.

— Пит, кончай! У нас времени мало. Давайте решать уже! — Ману был из толковых учеников, но очень нервный. Он объяснял это тем, что его родители уже два года как пытались развестись и постоянно вовлекали его в свои конфликты. — Я тоже за то, чтобы сделать акцент на детях. Это за душу берет. Маленькие, ни в чем не повинные люди. Их собирали толпами и отправляли в эти бараки. Почти не кормили, заставляли работать…

— Не знаю, это совсем жутко. Вроде, не Средневековье, а откуда такое варварство. Как дикари. Мне даже страшно делать проект. Это — позор человечества.

— А я вот не пойму, как они отбирали туда детей? — Пит закончил с газировкой и теперь лепил что-то из пустой банки. — Это как можно понять по ним, маленьким, еврей или нет. Да и какая им собственно разница была, ведь они могли забрать детей себе и воспитывать их в верности к Гитлеру! Дети-то еще не выбрали, за кого они.

— Правда, ребят, давайте, может, не про детей? Это же страшно и несправедливо. У кого-то было счастливое детство, а у кого-то ад только потому, что он родился «не у тех» родителей. — Эмили посмотрела на часы, порылась в сумке, достала расческу и начала медленно ею приглаживать и без того ровные длинные волосы.

Джама смотрел заворожено на эту красоту. Он вспомнил волосы Габби — тоже длинные, но жесткие, из сотни мелких косичек. Она все время их теребила, поэтому с ее головы сыпались соринки и песок. У остальных женщин в его деревне волосы стригли коротко. А Габби была из другого племени, и по их традициям у нее, как у ее мамы, волосы не стригли, только заплетали. Он помнил, как они торчали из-под грязной простыни, когда выносили ее тело. В отличие от Германии, на его родине никто не отбирал

детей и не заставлял работать. Дети были не нужны, их просто выгоняли, и каждый мог идти, куда глаза глядят. Когда убивали родителей Габби, она не ушла. Какой-то человек с автоматом вытолкал ее и двух младших на улицу, но она, рыдая, побежала обратно в дом, и братья за ней. Джама слышал, как она плакала там. Из дома вышли трое. У одного был автомат, а у двух других мачете. С них текла кровь. Они крикнули Габби, чтобы та проваливала, но плач продолжался. Тогда один подошел к соломенной крыше и поджег ее. Крыша вспыхнула быстро, издавая сильный треск. Люди начали подходить к дому, но тот, с автоматом, несколько раз выстрелил в воздух, и народ разбежался. Потом все трое ушли. Жители вернулись тушить пожар, чтобы огонь не перешел на другие дома. Из хижины вынесли шесть тел, покрытых простынями и тряпками. Никто не плакал.

Джама не знал, по каким признакам отличались люди разных племен. Но в их деревне все знали, кто какого племени. Первое время убивали только людей другого племени. А потом все смешалось. Люди с мачете и автоматами просто убивали. Все стали еще злее, еды не хватало. Дети ходили в джунгли за пропитанием. Так было безопаснее: взрослого сразу расстреливали, если он натыкался на какую-нибудь группу с оружием в лесу. Детей не трогали.

Его сестренке Таре не повезло. Она пошла с подругой в лес и набрала много съедобных кореньев и ягод. Они несли их в корзинах, не спрятав под одеждой. Их остановили и потребовали отдать съестное. Подруга Тары испугалась и отдала. Она рассказывала, что те с автоматами были злыми и тощими, и крикнули девочкам, что они их охраняют и воюют за них, потому те должны их накормить в благодарность. А Тара сказала, что ей надо отнести еду голодным братьям. Ее убили. Так рассказала подруга, прибежавшая к ним домой. Она рыдала, широко открыв рот и теребя руками короткие кудряшки. На ее платье остались брызги крови. Малик, старший из братьев, схватил нож и выбежал из дома. Остальные не шевелились. Малик так и не вернулся. Никто не знал, что с ним стало. Джама надеялся, что Таре не было больно и она не кричала.

Когда двое с автоматами пришли к ним в дом, ему и братьям предложили вступить в отряд. Но старший — Кирки закричал, что они убили их сестру из-за еды, и он ни за что не будет с ними заодно. Это было глупо. Джама понял это спустя годы. Кирки было шестнадцать, они голодали, и у всех нервы были на пределе. Один из пришедших направил на него автомат и, засмеявшись гнилыми зубами, сказал, что их жадную сестру съели вместе с ее едой. Кирки бросился вперед, и тот выпустил в него целую струю патронов.

— Ну, что решили? Джама, тебе вообще хоть какие-нибудь предметы интересны? По-моему ты на всех скучаешь! — Эмили укладывала свою сумку и собиралась на урок.

— Да нет, просто мне не очень хочется делать проект про войну. У нас она тоже была.

— Ты же сказал, что фашисты до вас не добрались. Они были в Либерии?

— Они — нет. Наша война была позже, уже в моем детстве.

— Да ладно, прям настоящая, как с немцами? — Пит недоверчиво посмотрел в глаза Джаме.

— Настоящая…

— И там даже кого-то убивали?

— Да, точно! Я же слышала в новостях: в Африке все время кто-то с кем-то воюет. И люди ходят из одной страны в другую.

— А кто на вас напал? Русские или американцы? — не унимался Пит.

— Она была между нашими.

— Воевали сами с собой, что ли? И кто победил: вы или вы? — хмыкнул Пит, но, заметив выражение лица Эмили, сделал вид, что закашлялся.

— Получается, что никто.

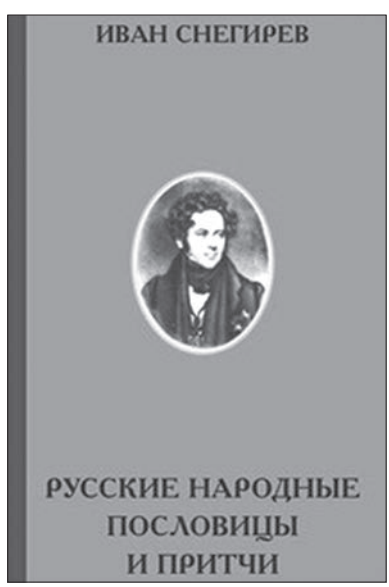
— А, ну это другая война… Пойдемте, сейчас звонок прозвенит.

Вышла книга

Снегирев И. М.

Русские народные пословицы и притчи / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2014. — 528 с.

В настоящем издании публикуются главные труды выдающегося русского этнографа, фольклориста и археолога Ивана Михайловича Снегирева (1793–1868).

Впервые в России Снегирев собрал, прокомментировал и опубликовал огромный материал по русским пословицам и поговоркам. С большой полнотой и знанием дела описал народные праздники и обряды, привлек к изучению лубочные картинки.

К народным пословицам Снегирев подходил как к отражению народного быта и народного мировоззрения. «Когда народ начинает наблюдать и размышлять, — писал Снегирев, — тогда у него появляются плоды его наблюдений и размышлений в кратких, резких и замысловатых изречениях, кои обращаются в пословицы». Эти пословицы «составляют мирской приговор, общее мнение, одно из тайных, но сильных, искони сродных человечеству средств к образованию и соединению умов и сердец». В пословицах, полагал Снегирев, выражаются моральные понятия народа, «правила нравственности и благоразумия».

Народные праздники, — считал Снегирев, — один из главных устоев патриархального старинного быта. «Народные праздники, — писал он, — торжественно и радостно обнаруживая нравственные и религиозные чувствования, доставляют участникам в оных льготу и наслаждение. Нигде с такой полнотой и свободой не раскрывается личность народная, как в праздниках: нигде столько, как в них, не сближаются люди душою и сердцем».

Моя **Смоленка**

Валерий ЕГОШКИН

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ СЛУЖБА И НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Международный конкурс детских иллюстраций

«Народный фольклор и дипслужба — ничего общего!» — примерно так отреагировал председатель редсовета «Нашей Смоленки» — листка общественных организаций МИД РФ на предложение опубликовать материал о новом проекте по работе с подрастающим поколением Ассоциации российских дипломатов и Центра патриотического воспитания Министерства — Международном конкурсе иллюстраций «Сказки народов России и мира глазами детей». К счастью, он был едва ли не единственным из профессиональных дипломатов, кто оказался не способным, видимо, из-за своего преклонного возраста, увидеть органичную связь между этими внешне, казалось бы, столь разноплановыми темами.

Вряд ли кто будет возражать, что формирование «с младых ногтей» до-

---

Валерий Евгеньевич Егошкин — родился 3 января 1944 г. в Москве. В 1967 г. окончил факультет международных отношений (восточное отделение) МГИМО МИД СССР. Имеет дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла. Владеет арабским, французским, английским, немецким и сербским языками. С тремя из них обеспечивал переводы на высшем уровне. Работал на дипломатических должностях в посольствах СССР в Алжире и Тунисе. В 1995–2000 гг. был послом Российской Федерации в АНДР, в 2000–2002 гг. — в СРЮ, в 2005–2011 гг. — в Кении и постпредом РФ при международных организациях, аккредитованных в Найроби. В центральном аппарате МИД занимался отношениями со странами Северной Африки, с государствами Сахеля и Центральной Африки, курировал проблемы Закавказья и Турции, разграничение в морских акваториях с Украиной. Автор популярных книг для детей и взрослых по Северной Африке (фольклор, нравы, обычаи). Награжден орденом РПЦ преподобного Сергия Радонежского II степени. Является почетным гражданином г. Алексинац (Сербия). Зам. Председателя Совета Ассоциации Российских Дипломатов. **Живет в Москве.**

стойной смены нынешнему поколению российских дипломатов невозможно без обращения к духовным ценностям собственного народа, неотъемлемой частью которых является народная сказка. В ней — глубокая мудрость предков, она сызмальства дает ориентиры в жизни, прививает чувства добра, справедливости, гуманизма, любовь к родной земле. Воспитание патриотически настроенного, готового самоотверженно служить своей Отчизне будущего дипломата не получится на чуждых нашей и любой другой национальной культуре уродливых образах, доминирующих сегодня в детских программах телевидения и компьютерных играх. А чтение сказок других народов воспитывает у ребенка интерес к далеким странам, погружает в атмосферу иных духовных ценностей, которые, в общем-то, созвучны нашим, позволяет проникнуться уважением и к тем сказочным героям, которые носят непривычные для нашего уха имена. Подспудно юный читатель, по существу, получает подготовку для работы на дипломатическом поприще. Да и для профессионального дипломата знание фольклора страны, с которой он работает, — незаменимое подспорье. Оно позволяет ему лучше понимать своих собеседников, мироощущение которых подчас существенно отличается от нашего, облегчает ведение переговоров, помогает убедить зарубежных партнеров в правильности своей аргументации. И наоборот, игнорирование местного менталитета, пренебрежение нравами и обычаями страны пребывания могут свести на нет многолетние дипломатические усилия.

Исходя из этих соображений, Ассоциация российских дипломатов и Центр патриотического воспитания МИД России совместно с Союзом педагогов-художников 1 октября 2014 г. объявили Первый Международный конкурс книжных иллюстраций «Сказки народов России и мира глазами детей». Тема этого конкурса, приуроченного к 60-летию алжирской национально-освободительной революции (1 ноября 1954 г.) и Году литературы в России (2015), — иллюстрирование алжирских сказок. Конкурс направлен на воспитание у подрастающего поколения понимания и уважения культурных традиций других народов, готовности поддерживать отношения дружбы и сотрудничества с представителями разных стран, формирование более глубокого понимания многонациональной культуры собственной страны, привитие чувства доброты, справедливости, гуманизма, других позитивных общечеловеческих качеств, развитие творческой индивидуальности и социальной активности, поощрение исследовательских навыков, интереса к получению новых знаний, расширению кругозора и т. д. В нем уже принимают участие сотни юных художников как России, так и других стран.

Председателем Оргкомитета Конкурса согласился стать заместитель министра иностранных дел России, спецпредставитель Президента по Африке и Ближнему Востоку М. Л. Богданов, председателем Жюри — народный художник СССР А. М. Шилов. В составе Жюри посол АНДР в Москве Смаил Алляуа, крупнейший специалист по литературе стран Магриба, доктор филологических наук С. В. Прожегина, секретарь Правления Союза писателей России В. В. Дворцов, зав. кафедрой мировой литературы и культуры МГИМО (У), ведущий популярной телепрограммы «Умники и умницы» Ю. П. Симонов (Вяземский), педагоги-художники из различных регионов России. Постпред РФ при ЮНЕСКО Э. Митрофанова и председатель объединения выпускников МГИМО во Франции О. Бело-Щетинина заявили о готовности поддержать проведение конкурса на международных площадках.

Организаторы разослали потенциальным участникам тексты не издававшихся у нас ранее алжирских сказок на русском языке и образцы иллюстраций с изображением алжирской природы, бытовых сцен, национальной одежды, типичных животных и т. п. Такую информацию очень трудно найти даже в Интернете. Впервые эти сказки в пересказе для детей и иллюстрации к ним, специально подготовленные воспитанниками художественных студий ряда московских школ, публикуются сегодня в журнале «Родная Ладога» — информационном партнере конкурса.

В середине декабря в Галерее Александра Шилова была проведена официальная презентация проекта с развертыванием выставки первых детских работ и с приглашением представителей всех ведомств и организаций, его поддерживающих и спонсирующих.

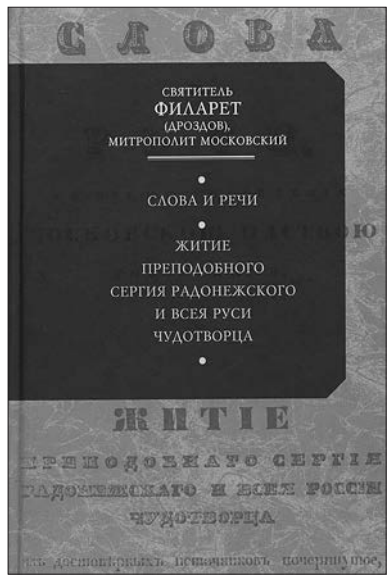
В конце марта 2015 г. на одной из ведущих выставочных площадок Москвы будет проведена экспозиция лучших работ и состоится награждение победителей. По итогам конкурса будет опубликована красочная книга «Алжирские сказки» с детскими иллюстрациями. Тогда же будет объявлен следующий конкурс, посвященный одному из регионов России. Работа по подготовке материалов к следующим конкурсам уже началась как в российских регионах, так и в зарубежных странах.

Вся информация о конкурсе размещена на портале http://wwwart-teachers.ru/

ВЫШЛА КНИГА

Святитель Филарет (Дроздов), Митрополит Московский

Слова и речи. Житие преподобного Сергия Радонежского и всея Руси чудотворца. М.: ООО «Издательство «Планета», 2014.

Репринтное издание книги «Слова и речи, во время управления московскою паствою говоренные, и житие преподобного Сергия Радонежского и всея России чудотворца из достоверных источников почерпнутое Синодальным членом Филаретом, Митрополитом Московским» (М., 1835) знакомит читателя с сочинениями выдающегося деятеля церковной и государственной жизни XIX века, драгоценным памятником духовной культуры России. Воспроизводится экземпляр из собрания Государственной исторической библиотеки, ранее принадлежавший известному историку И. Е. Забелину.

В приложении печатаются статьи доктора исторических наук А. И. Яковлева и доктора филологических наук Н. И. Михайловой о жизни и творческом наследии Святителя Филарета, о взаимоотношениях церковного иерарха с А. С. Пушкиным.

Издание приурочено к 700-летию Преподобного Сергия Радонежского и 20-летию канонизации Святителя Филарета.

Автор издательского проекта издательства «Планета» и Государственной публичной исторической библиотеки России — Н. И. Михайлова.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ЖУРНАЛА «РОДНАЯ ЛАДОГА» В МОСКВЕ:

Ясенев Владимир тел./факс: 8 (499) 242 42 46 rodnaya.ladoga@gmail.com

КОРРЕСПОНДЕНТЫ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖУРНАЛА «РОДНАЯ ЛАДОГА» ЗА РУБЕЖОМ И В РЕГИОНАХ РОССИИ:

Австралия	Кучина Галина	+6 (139) 879 70 29	kuchina_galina@mail.ru
Беларусь	Семерник Снежана	8 10 (375) 152 88 55 278	snezha05@mail.ru
Белгород	Молчанов Владимир	+7 (904) 532 46 65	tavolganov@mail.ru
Болгария	Анчев Панко	+359 889 545 770	pankoantchev@mail.bg
Воронеж	Невярович Владимир	+7 (910) 285 17 7	vkn2009@mail.ru
Германия	Даксель Фриц	+49 36459 62344 +49 151 40151855	fritz.dachsel@t-online.de
Грузия	Чеботарь Зоряна	+995 577 220 813	zoreana@mail.ru
Екатеринбург	Кердан Александр	+7 (912) 610 57 11	kerdan@ru66.ru
Иркутск	Забелло Василий	+7 (924) 604 39 47	irkdl@mail.ru
Казахстан	Михайлов Валерий	8 (777) 221 48 77	vfm@list.ru
Карелия	Пиетиляйнен Елена	+7 911 409 24 30	sever@karelia.ru
Кемерово	Бурмистров Борис	+7 903 916 71 85	cdlk@mail.ru
Коми Республика	Попов Андрей	+7 912 123 44 00	popov-ag-vorkuta@rambler.ru
Кострома	Мурзин Николай	+7 962 180 79 80	gonharova4848@mail.ru
Краснодар	Макарова Светлана	+7 (988) 244 09 11	
Крым и Севастополь	Горелов Вячеслав	8 (380) 503 24 65 85	gvn@tavrida.com
Курган	священник Павлюченко Константин	+7 (912) 570 844	pkserg@mail.ru
Молдова	Авдеева-Мокрак Ольга	8 (373) 22 58 20 32	olga_mocracavd@mail.ru
Московская обл.	Ясенев Владимир	8 (495) 231 45 21	nativeladoga3@gmail.com
Нижний Новгород	Сдобняков Валерий	+7 (910) 887 59 55	vertical.journal@gmail.com
Омск	Перминов Юрий	+7 (913) 612 84 01	j-perminovomsk@mail.ru
Орел	Кондратенко Алексей	+7 (906) 66 06 000	istorik57@yandex.ru
Псков	Смолькин Игорь	+7 (951) 756 70 14	iasmol@yandex.ru
Самара	Громов Александр	+7 (927) 260 24 43	ag-smr@ya.ru
Словакия	Пархимович Виктор	8 (421) 904 289 016	vparkhimovich@gmail.com
США	Петров Геннадий	770 923 3313	nalubitela@yahoo.com
Сербия	Булатович-Медич Лиляна	+3 (816) 331 38 63	likid@eunet.rs
Ханты-Мансийск	Стельмах Андрей	+ 7 (902) 814 13 21	stelmah@bk.ru
Чехия	Опршал Иржи	8 (420) 602 171 618	joprsal@seky.cz
Эстония и Финляндия	Илляшевич Владимир	8 (372) 507 81 95	vladila1320@gmail.com

Учредитель
Общество с ограниченной ответственностью
«Издательский дом “Родная Ладога”»

Контактные телефоны редакции:
+7 (911) 836-00-06
+7 (921) 311-31-87 (*В. В. Ефимовская*)

Московское представительство:
тел./факс: +7 (499) 242 42 46

Почтовый адрес редакции (*для рукописей и писем*):
196244 п/я № 8. *В. В. Ефимовской*

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
e-mail: info@rodnayaladoga.ru
http://rodnayaladoga.ru
http://роднаяладога.рф

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
191014, Санкт-Петербург,
Ковенский пер. 30/7, литер А, помещение 4-н

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.

Цена свободная

Компьютерная поддержка *Николай Станкевич*
Корректор *Галина Ильина*
Компьютерная верстка *Татьяна Макарова*

Подписано в печать 24.12.2014 г. Формат 70×100 $^{1}/_{16}$.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 28,0.
Тираж 1500 экз. Заказ 1412160.
Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт»
Санкт-Петербург, Сабировская ул., д. 37.